

**ВЕСТНИК
РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

СЕРИЯ:

ИСТОРИЯ РОССИИ

Ноябрь 2025 Том 24 № 4

Научный журнал

Издаётся с 2002 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61216 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патрика Лумумбы»

**RUDN JOURNAL
OF RUSSIAN HISTORY**

VOL. 24 NO. 4 NOVEMBER 2025

Founded in 2002

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

DOI: 10.22363/2312-8674-2025-24-4

<http://journals.rudn.ru/russian-history>

RUDN JOURNAL OF RUSSIAN HISTORY
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University)

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

Published four times a year in February, May, August, November.

Languages: Russian and English.

Indexed in Scopus, Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Russian Index of Science Citation, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, Dimensions.

Aims and Scope

RUDN Journal of Russian History is a periodical international peer-reviewed scientific publication in the field of historical research. The journal publishes original articles and reviews about the historical identity of the Russian state, consisting primarily in its ethno-national and ethno-confessional composition, the processes of mutual influence and enrichment of cultures. The journal also publishes materials on the history and current state of international relations and transnational connections between Russia and the peoples of the world in order to bridge the gap between the Soviet and post-Soviet periods of Russian history and in connection with the emergence of new actors in the historical process. The journal is aimed at cooperation and scientific exchange in the field of historical knowledge, publication of the results of fundamental and applied researches of Russian and foreign scientists studying the process of objective development of the peoples of our country in the context of general pre-revolutionary, Soviet and modern history of Russia. The editorial board of the journal invites researchers working in line with the above areas to prepare special thematic issues.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues since 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/russian-history>

E-mail: rushistj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia

Ph.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ИСТОРИЯ РОССИИ

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

4 выпуска в год: февраль, май, август, ноябрь.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по трем научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 5.6.1. Отечественная история; 5.6.4. Этнология, антропология и этнография; 5.6.5. Историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Включен в каталог периодических изданий Ульрихс (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, индексируются в Scopus, Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Directory of Open Access Journal (DOAJ), Google Scholar, WorldCat, Dimensions, Electronic Journals Library Cyberleninka.

Цель и задачи

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России» – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Журнал публикует оригинальные статьи, обзоры и рецензии, в которых раскрывается историческое своеобразие России, состоящее прежде всего в ее этнонациональном и этноконфессиональном многообразии, процессах взаимовлияния и взаимообогащения культур. Журнал публикует также материалы по истории международных отношений и современному состоянию транснациональных связей России с народами мира с целью преодоления разрыва между советским и постсоветским периодами российской истории и в связи с появлением новых субъектов исторического процесса. Журнал ориентирован на обеспечение сотрудничества в области исторического знания, публикацию результатов фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых, изучающих прошлое и настоящее народов России в контексте современных научных подходов. Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству исследователей, работающих в русле вышеуказанных направлений, для подготовки специальных тематических выпусков.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/russian-history>

E-mail: rushistj@rudn.ru

Подписано в печать 10.11.2025. Выход в свет 20.11.2025. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 18,2. Тираж 500 экз. Заказ № 1659. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Marina N. Moseykina, *RUDN University, Moscow, Russia* (*moseykina-mn@rudn.ru*)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Rafael A. Arslanov, *RUDN University, Moscow, Russia* (*arslanov-ra@rudn.ru*)

EXECUTIVE SECRETARY

Gadilya G. Kornoukhova, *RUDN University, Moscow, Russia* (*kornoukhova-gg@rudn.ru*)

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Alexander Y. Bendin, *independent researcher, Minsk, Belarus*

Vladimir P. Buldakov, *Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Alexander V. Chernykh, *Perm Federal Research Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, Perm, Russia*

Vladimir G. Datsyshen, *Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia*

Julie Hessler, *University of Oregon, Eugene, USA*

Jahangir Karami, *University of Tehran, Tehran, Iran*

Oleg V. Khlevniuk, *National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia*

Ivan O. Peshkov, *Adam Mickiewicz University, Poznań, Poland*

Olga S. Porshneva, *Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia*

Natalia L. Pushkareva, *Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Rinat N. Shigabdinov, *Institute of History of The Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan*

Pierre-Emmanuel Thomann, *Paris 8 University, Paris, France*

Irena Vladimirska, *Achva Academic College, Achva, Israel*

Editor Konstantin V. Zenkin

Translation Editors T.V. Dugina, Jonathan Sicotte

Layout Designer Tatiana N. Selivanova

Address of the Editorial Board:

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia
Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal address of the Editorial Board of RUDN Journal of Russian History:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russia
Ph.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Мосейкина Марина Николаевна, РУДН, Москва, Россия (*moseykina-mn@rudn.ru*)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Арсланов Рафаэль Амирович, РУДН, Москва, Россия (*arslanov-ra@rudn.ru*)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Корноухова Гадиля Гизатуллаевна, РУДН, Москва, Россия (*kornoukhova-gg@rudn.ru*)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бендин А.Ю., независимый исследователь, Минск, Беларусь

Булдаков В.П., Центр изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории РАН, Москва, Россия

Владимирски Иrena, Академический колледж Ахва, Ахва, Израиль

Дацышен В.Г., Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

Карами Джахангир, Тегеранский университет, Тегеран, Иран

Пешков И.О., Университет имени Адама Мицкевича в Познани, Познань, Польша

Поршнева О.С., Уральский федеральный университет имени Первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Пушкарева Н.Л., Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, Москва, Россия

Томанн Пьер-Эммануэль, Университет Париж-8, Париж, Франция

Хесслер Джули, Орегонский университет, Юджин, США

Хлевнюк О.В., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Черных А.В., Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Пермь, Россия

Шигабдинов Р.Н., Институт истории Академии наук Республики Узбекистан, Ташкент, Узбекистан

Литературный редактор К.В. Зенкин

Редакторы перевода Т.В. Дугина, Джонатан Сикотт

Компьютерная верстка: Т.Н. Селиванова

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

CONTENTS

HISTORY OF PEOPLES AND REGIONS OF RUSSIA

Manelov N.V. Solombala Admiralty Settlement in 1850–1861: Demographic Aspects of the History of a Military Parish.....	500
Pilyasov A.N., Buzhinskaya A.A., Saburov A.A. History of Arkhangelsk Seaweed Factory through the Context of Changing Technological Paradigms, 1918–2024	511
Teterevleva T.P., Shurupova E.E. Transformation of Traditional Natural Resource Management in the Russian North in 1900s – Early 1930s: Based on Materials of Arkhangelsk Society of Local History	528
Zaretskaya O.V. Transformation of Mutual Perception of Russians and Norwegians in the Context of Soviet-Norwegian Relations in Late 1980s: Based on Materials of Newspapers "Pravda" and "Aftenposten"	547

HISTORY OF RUSSIAN CULTURE

Bendin A.Yu. Formation of Political Discourse of Orthodox Western Russian Clergy during January Uprising of 1863	561
Blokhin V.V. Contours of V.N. Khitrovo's Worldview: on Genesis of Religious-Political Concept	577
Orishev A.B., Mironyuk S.A., Pozdnyakova A.S. Role of Moscow Agricultural Academy in Formation and Development of Soviet Agricultural Science and Higher Agricultural Education.....	591

RUSSIA IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS

Chernikova T.V. "Friendly Relations" of Great Rulers Stefan III of Moldavia and Ivan III of Moscow	603
Petrov A.Yu., Troitskaia L.M. Exploring Possibilities of Colonization of Pacific Northwest by Russia, Great Britain and Spain in the 18 th Century.....	619
Antoshin A.V. Soviet Defectors in Germany after World War II	632
Steblyanskaya A.N., Vasiev M.P. Role of Soviet Specialists in Formation of Higher Education System of the PRC: the Case of Northeast Agricultural University in Harbin	643

HISTORY OF SOUTHERN FRONTIER

Samdan A.A. The Soyan Tribal Group: History of Settlement and Border Issues from the 17 th Century to the 1940s	661
Shapovalov S.N. Resettlement of Little Russian Cossacks to North-Eastern Coast of the Black Sea in 1820–1830s	675
Ierusalimskiy Yu.Yu., Ierusalimskaya S.Yu., Amanov S.F. Russian Geographical Studies of the Black Sea Region in 1800s – Early 1850s.....	688
Nazaryan A.V., Virabyan V.G. Transfer of Russian Officers Serving in the Armenian Army, and Armenian Officers in the Armed Forces of Southern Russia in 1918–1920.....	698

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ НАРОДОВ И РЕГИОНОВ РОССИИ

Манвелов Н.В. Соломбальское адмиралтейское селение в 1850–1861 гг: демографический аспект истории военного прихода	500
Пилясов А.Н., Бужинская А.А., Сабуров А.А. История Архангельского водорослевого комбината в контексте смены технологических укладов в 1918–2024 гг.	511
Тетеревлева Т.П., Шурупова Е.Е. Трансформация традиционного природопользования на Русском Севере в 1900-е – начале 1930-х гг. (по материалам Архангельского общества краеведения)	528
Зарецкая О.В. Трансформация взаимовосприятия русских и норвежцев в контексте советско-норвежских отношений в конце 1980-х гг.: на материалах газет «Правда» и «Aftenposten»	547

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ НАРОДОВ РОССИИ

Бендин А.Ю. Становление политического дискурса православного западнорусского духовенства в период польского мятежа 1863 года	561
Блохин В.В. Контуры мировоззрения В.Н. Хитрова: к вопросу о генезисе религиозно-политической концепции	577
Оришев А.Б., Миронюк С.А., Позднякова А.С. Роль Московской сельскохозяйственной академии в формировании и развитии советской аграрной науки и высшего сельскохозяйственного образования	591

РОССИЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Черникова Т.В. «Приательство» великих государей Стефана III Молдавского и Ивана III Московского	603
Петров А.Ю., Троицкая Л.М. Изучение Россией, Великобританией и Испанией возможностей колонизации северо-запада Тихого океана в XVIII веке.....	619
Антошин А.В. Советские «перебежчики» в Германии после Второй мировой войны.....	632
Стеблянская А.Н., Васиев М.П. Роль советских специалистов в становлении системы высшего образования в КНР: на примере Северо-Восточного сельскохозяйственного университета г. Харбина	643

ИСТОРИЯ ЮЖНОГО ФРОНТИРА

Самдан А.А. Родоплеменная группа соян: история расселения и пограничный вопрос (XVII в. – 1940-е гг.)	661
Шаповалов С.Н. Переселение малороссийских казаков на северо-восточный берег Черного моря в 1820–1830-е гг.	675
Иерусалимский Ю.Ю., Иерусалимская С.Ю., Аманов С.Ф. Русские географические исследования Черноморья в 1800 – начале 1850-х гг.	688
Назарян А.В., Вирабян В.Г. Перевод русских офицеров, служивших в армянской армии, и армянских офицеров, находившихся в рядах Вооруженных сил Юга России, в 1918–1920 гг.	698

ИСТОРИЯ НАРОДОВ И РЕГИОНОВ РОССИИ
HISTORY OF PEOPLES AND REGIONS OF RUSSIA

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-500-510>
EDN: KEHQFS

Научная статья / Research article

Соломбальское адмиралтейское селение в 1850–1861 гг.: демографический аспект истории военного прихода

Николай Владимирович Манвелов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
 Manvelov-nv@ranepa.ru

Аннотация: Исследуется демографический и медицинский аспекты существования военного прихода Спасо-Преображенского морского собора в Соломбальском адмиралтейском селении 9, являвшегося приходским храмом для военнослужащих и чиновников Военного и Морского ведомств Российской империи и членов их семей. Источниковая база основана на архивных документах (прежде всего – метрических книгах), а также официальных статистических справочниках. Историография по данной проблеме, по сути, отсутствует. Статья носит междисциплинарный характер и лежит в плоскости исторической демографии, рассматривая рождаемость, количество браков и статистику смертности на 1850, 1855, 1860 и 1861 гг. Данна разбивка по посмертным диагнозам с анализом системы записей. В результате анализа метрических книг и иных источников автор приходит к выводу, что военный приход соломбальского Спасо-Преображенского морского собора демографически отличался от населения Соломбального адмиралтейского селения, поскольку приходы были разделены и по каждому из них велась отдельная статистика. Помимо собственно демографической статистики сформирована статистика посмертных диагнозов за рассматриваемые годы, позволяющая выявлять вспышки заболеваний по каждому из годов.

Ключевые слова: Русский Север, Архангельская губерния, Архангельский порт, Восточная война, социальная история

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Манвелов Н.В. Соломбальное адмиралтейское селение в 1850–1861 гг: демографический аспект истории военного прихода // Вестник Российской университета дружбы народов. История России. 2025. Т. 24. № 4. С. 500–510. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-500-510>

Solombala Admiralty Settlement in 1850–1861: Demographic Aspects of the History of a Military Parish

Nikolay V. Manvelov^{ID}

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia
✉ Manvelov-nv@ranepa.ru

Abstract: The author examines the demographic and medical aspects of the existence of the military parish of the Transfiguration Naval Cathedral in the Solombala Admiralty settlement, a parish church for military personnel and officials of the Military and Naval Departments of the Russian Empire and members of their families. The source base is archival documents (above all, parish registers), as well as official statistical handbooks on the settlement. There is essentially no other historiography on this subject. The article is interdisciplinary and utilizes historical demography, examining the birth rate, number of marriages, and mortality statistics for 1850, 1855, 1860, and 1861. There is also data on postmortem diagnoses with an analysis of the recording system. As a result of the analysis of parish registers and other sources, the author concludes that the military parish of the Solombala Transfiguration Naval Cathedral was demographically different from the population of the Solombala Admiralty settlement, since the parishes were divided, and separate statistics were kept for each of them. In addition to the demographic statistics, there were statistics of post-mortem diagnoses for the years under review, which makes it possible to identify disease outbreaks for each year.

Keywords: Russian North, Arkhangelsk province, Arkhangelsk port, Eastern war, social history

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

For citation: Manvelov, N.V. “Solombala Admiralty Settlement in 1850–1861: Demographic Aspects of the History of a Military Parish.” *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 4 (November 2025): 500–510 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-500-510>

Введение

Актуальность. Анализ демографического аспекта развития населенных пунктов Российской империи позволяет более полно рассматривать социально-экономическую составляющую повседневной жизни ее населения. Такие составляющие, как естественный прирост, уровень смертности (в том числе – детской), посмертные диагнозы, а также продолжительность жизни дают исследователю информацию, в большинстве случаев недоступную из других источников.

Анализ информации демографической статистики позволяет провести сравнительный разбор данных не просто по конкретному населенному пункту в определенный временной период, но в значительной мере по замкнутой структуре, контролируемой Военным и Морским ведомствами Российской империи и не подчиненной гражданским властям.

Таким образом, исследование является мультидисциплинарным, поскольку рассматривает демографическую, медицинскую и историческую составляющую развития Соломбальского адмиралтейского селения в сегменте той части его населения, что имело отношение к Военному и Морскому ведомствам Российской империи.

Степень изученности проблемы. В отечественной дореволюционной и советской историографии, в частности в трудах С.Ф. Огородникова¹, И.А. Быховского² специальное внимание уделялось истории военного судостроения и истории Архан-

¹ Огородников С.Ф. История Архангельского порта. СПб., 1875; Огородников С.Ф. Очерк истории города Архангельска в торговьо-промышленном отношении. СПб., 1890.

² Быховский И.А. Архангелогородские корабельы. Архангельск, 1988.

гельска. В советской историографии данная тема поднималась также в «Летописи города Архангельска»³.

История военно-морского кораблестроения и портового строительства на Русском Севере рассматривается в докторских диссертациях современных авторов В.А. Пальмина⁴, А.Б. Смирнова⁵.

При этом повседневная жизнь жителей Соломбалы в данных трудах упоминается вскользь либо не упоминается вовсе, как и демографический аспект существования военного и флотского сегментов Соломбальского адмиралтейского селения исследователями не изучался. Работы на данную тему отсутствуют; социальная проблематика в исследованиях ранее не затрагивалась.

Цель исследования – раскрыть демографическую и медицинскую ситуацию по военному приходу Соломбальского адмиралтейского селения в 1850–1861 гг. посредством анализа имеющейся демографической статистики, в том числе по рождаемости, числу браков, продолжительности жизни, посмертным медицинским диагнозам, детской смертности и т.д.

Источниковой базой исследования являются несколько массивов документов. К ним относятся метрические книги военного прихода (чины Морского и Военно-сухопутного ведомств) Соломбальского Спасо-Преображенского морского собора, хранящиеся в фонде «Архангельская духовная консистория» (Ф. 29) Государственного архива Архангельской области. Некоторое количество статистической информации содержится также в материалах рапортов осматривавших Архангельский главный военный порт морских офицеров, хранящихся в фонде «Глазенап Богдан Александрович» (Ф. 6) Российского государственного архива военно-морского флота.

Вторым информационным блоком являются ежегодные ведомственные справочные и памятные книги (книжки) как по Морскому ведомству Российской империи, так и по Архангельской губернии. К сожалению, в отличие от архивного информационного блока, данная категория источников отличается гораздо меньшей информационной полнотой.

Соломбальское адмиралтейское селение

Соломбальное адмиралтейское селение существовало в различных форматах с 1730-х гг. и было окончательно упразднено путем присоединения в качестве одной из частей (районов) к городу Архангельску, центру Архангельской губернии, в 1863 г. после преобразования в 1862 г. Архангельского главного военного порта в военный порт 2-го класса. Селение являлось примером существования населенного пункта, не входящего в состав региона. Имея статус, во многом близкий к современным закрытым административно-территориальным образованиям (ЗАТО), селение имело развитую социально-культурную инфраструктуру.

Селение подчинялось назначаемому непосредственно императором из числа высших офицеров флота главному командиру порта. На главного командира, одновременно занимавшего пост военного генерал-губернатора, была возложена вся полнота исполнительной власти; с 1 января 1825 г. в Соломбale имелась даже собственная полиция. Администрация губернского центра обладала по отношению к соломбальцам

³ Летопись города Архангельска. 1884–1989. Архангельск, 1990.

⁴ Пальмин В.А. История военно-морского кораблестроения на Русском Севере в 1693–1862 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук.: 07.00.02. Архангельск, 2000. EDN: QDGYXH

⁵ Смирнов А.Б. Морские порты Архангельской губернии в политике российского государства в годы Первой мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2003. EDN: NMHEEJ

только судебной властью, но лишь исключительно в рамках, касавшихся гражданского судопроизводства. По числу строений селение находилось на втором месте в Архангельской губернии после Архангельска⁶.

На территории Соломбалы размещалось судостроительное и судоремонтное адмиралтейство, а также основная часть флотских подразделений. Таким образом, в приходском Спасо-Преображенском морском соборе сосуществовали два прихода – военный и гражданский.

Здесь необходимо сделать важное уточнение. Дело в том, метрические книги по военному приходу учитывали только лиц, состоявших на действительной службе в Военном и Морском ведомствах – строевых частях, штабах, вспомогательных подразделениях, а также иных учреждениях, включая Спасо-Преображенский морской собор и членов их семей (жен и детей). Отставные чины армии и флота, а также члены их семей обычно не учитывались.

Для исследования был избран 1850 г. (за несколько лет до начала Восточной войны 1853–1856 гг.), 1855 г. (период Восточной войны), 1860 и 1861 гг. (послевоенные годы, непосредственно предшествовавшие упразднению главного военного порта). Точные данные о населении Соломбалы на каждый из рассматриваемых годов отсутствуют. Это связано с тем, что статистика велась по ведомственном принципу (учитывалось только гражданское население); кроме того, население Соломбалы обычно объединялось с населением Архангельска. Даже в тех случаях, когда по году имеются статистические данные, неясно, на какой момент они приводятся.

На 1850 г., по данным гражданских властей Архангельской губернии, численность населения губернского центра (вместе с Соломбальским адмиралтейским селением) составляла 18791 чел. (10149 мужчин и 8642 женщины). Включены ли в данное число лица, относившиеся к военному приходу, неизвестно. За год родились 789 младенцев (423 мальчика и 366 девочек), число умерших составило 885 чел. (488 мужчин и 397 женщин). Прирост населения города был отрицательный: –60 по мужчинам и –31 по женщинам. В брак вступили 160 пар⁷.

В соответствующих разделах ниже будут приведены сведения, которые несколько меняют данную картину.

Согласно рапорту осматривавшего Архангельский главный военный порт по приказу руководства Морского ведомства контр-адмирала В.С. Завойко, на май 1857 г. в адмиралтейском селении проживали 4720 чел. «свободного состояния», 4335 мужчин «служащих» и 2105 женщин⁸; были ли включены в эти показатели дети и с какого возраста – неизвестно. Таким образом, общая численность населения Соломбалы должна была составлять не менее 11160 чел.

Официальные данные властей Архангельской губернии на 1860 г. показывают по Архангельску вместе с Соломбалой численность населения, равную 21 929 чел. (12 671 мужчина и 9 258 женщин). Согласно «Памятной книжке для Архангельской губернии» на 1861 г., на долю духовенства, дворян, чиновников, почетных граждан, купцов, мещан и крестьян приходилось 10 013 чел. (5403 мужчины и 4610 женщин). Остальные 11916 чел. приходились на «служащих, безрочно-отпускных и воинских чинов, кантонистов, дворовых людей и проч.»⁹

⁶ Архангельский сборник или материалы для подробного описания Архангельской губернии, собранные из отдельных статей, помещенный в разное время в Архангельских губернских ведомостях: в 6 частях. Архангельск, 1863. Ч. 1. Кн. 1. С. 89–90, 103.

⁷ Справочная книжка Архангельской губернии на 1852 год. Составлена Губернским Статистическим Комитетом. Архангельск, 1852. С. 60.

⁸ Российский государственный архив Военно-морского флота (далее – РГАВМФ). Ф. 6. Оп. Л. 13. об.

⁹ Памятная книжка для Архангельской губернии на 1861 год. Архангельск, 1861. С. 53–54.

На начало 1862 г. Морское ведомство декларировало постоянный списочный состав частей Архангельского главного военного порта как равный 2310 офицерам, чиновникам и нижним чинам, не считая командированных¹⁰. В это число не входили отставники, временно отпускные, а также члены семей.

Что же касается гражданских властей Архангельской губернии, то они в своей «Памятной книжке» на 1862 г. не стали указывать численность гарнизона, а также количество бессрочно отпускных и отставных нижних чинов, солдатских жен и дочерей, ограничившись лишь 4 солдатскими детьми мужского пола. Общая же численность жителей Соломбалы была определена в 7090 мужчин и 4658 женщин¹¹.

На территории Соломбальского адмиралтейского селения располагались два православных храма – Спасо-Преображенский морской собор и кладбищенская церковь во имя Святого Мартина Исповедника. Приходским из них являлся Спасо-Преображенский морской собор; по свидетельству контр-адмирала В.С. Завойко, в кладбищенской церкви священники лишь отпевали умерших перед похоронами; иные церковные службы производились изредка и по заказу¹².

Таким образом, по сути, единственным источником по рождению, бракам и смертям среди служащих подразделений Военного и Морского ведомств и членов их семей на территории Соломбальского адмиралтейского селения являются метрические книги Спасо-Преображенского морского собора. Анализ данного источника приведен далее; в целом же необходимо отметить, что числовые данные, приведенные в различных разделах книг, не всегда совпадают.

Необходимо также учитывать, что помимо служащих постоянного состава дислоцированных подразделений Военного и Морского ведомств, в СоломбALE также квартировали экипажи строящихся судов, готовившихся к переходу на Балтику. Вычленить такие персоналии зачастую не представляется возможным; кроме того, многие из них находились в адмиралтейском селении от нескольких месяцев до нескольких лет в качестве прикомандированных.

Рождаемость

Уровень рождаемости по военному приходу по рассматриваемым годам показан в табл. 1; в таблицу не включены крепостные, принадлежавшие офицерам и чиновникам Морского ведомства. Нетрудно заметить, что рождаемость стабильно росла (исключая 1855 г., что можно объяснить происходившими в 1854 г. боевыми действиями в Белом и Баренцевом море).

Таблица 1 / Table 1

Рождаемость по годам/Birth rate by year

Год/Year	Мальчики/Males	Девочки/Females	Всего/Total
1850	156	116	272
1855	132	137	269
1860	145	144	289
1861	169	164	333

Источник: Таблица составлена Н.В. Манвеловым по: ГААО. Ф. 29. Оп. 11. Д. 63. Л.110; Д. 68. Л.137; Д. 73. Л.108; Д. 74. Л.120.

Source: The table was compiled by N.V. Manvelov based on: GAAO, f. 29, op. 11, d. 63, l. 110; d. 68, l. 137; d. 73, l. 108; d. 74, l. 120.

¹⁰ Памятная книжка Морского ведомства на 1862 год. Издается под наблюдением директора Инспекторского департамента. Исправлено по 1 мая. СПб., 1862.

¹¹ Памятная книжка для Архангельской губернии на 1862 год. Архангельск, 1862. С. 244.

¹² РГАВМФ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 41. Л. 13 об.

Распределение новорожденных по происхождению (служебному положению отцов) показано в табл. 2. Группировка по сословному принципу (дворяне, духовенство, почетные граждане, купечество, мещанство, цеховые, крестьянство и т. д.) не представлялась возможным по причине отсутствия в метрических книгах необходимой информации.

Таблица 2 / Table 2

Распределение детей по происхождению / Distribution of children by origin

Год/ Year	Дети офи- церов/ Children of officers	Дети чинов- ников/ Children of officials	Дети священно- служителей / Children of clergy	Дети низ- них чинов/ Children of lower ranks	Дети бессрочно- отпусknых/ Children of on indefinite leave persons	Незаконно- рожденные/ Illegitimate
1850	12	11	2	242	2	3
1855	4	6	3	254	1	1
1860	16	1	2	270	—	—
1861	12	4	1	314	2	—

Источник: Таблица составлена Н.В. Манвеловым по: ГААО. Ф. 29. Оп. 11. Д. 63. Л. 2–109; Д. 68. Л. 2–136; Д. 73. Л. 2–107; Д. 74. Л. 2–120.

Source: The table was compiled by N.V. Manvelov based on: GAAO, f. 29, op. 11, d. 63, l. 2–109; d. 68, l. 2–136; d. 73, l. 2–107; d. 74, l. 2–120.

Следует пояснить, что упомянутые в табл. 2 священнослужители (священники, дьячки и дьяконы) относились к причту самого Спасо-Преображенского морского собора, получая по его линии жалование. Сам Спасо-Преображенский морской собор официально находился на балансе Морского ведомства, перейдя под контроль епархиальных властей осенью 1862 г. «по высочайшему соизволению»¹³.

Браки

Количество заключенных браков по военному приходу за рассматриваемые годы показано в табл. 3.

Таблица 3 / Table 3

Количество бракосочетаний по годам / Marriages by year

Год/Year	Number of marriages
1850	54
1855	29
1860	119
1861	112

Источник: Таблица составлена Н.В. Манвеловым по: ГААО. Ф. 29. Оп. 11. Д. 63. Л. 134; Д. 68. Л. 153; Д. 73. Л. 153; Д. 74. Л. 162.

Source: The table was compiled by N.V. Manvelov based on: GAAO, f. 29, op. 11, d. 63, l. 134; d. 68, l. 153; d. 73, l. 153; d. 74, l. 162.

Двукратный рост количества бракосочетаний в 1860–1861 гг. в сравнении с 1850 г., возможно, объясняется стабильностью положения служащих Военного и Морского ведомств – официальная информация о предстоящем упразднении Архангельского главного военного порта появилась только во второй половине 1861 г.

В большинстве случаев разница в возрасте между женихами и невестами не превышала 10–15 лет, хотя случались и исключения.

¹³ РГАВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 7912. Л. 13, 15.

Так, 22 февраля 1850 г. в брак вступил 49-летний коллежский регистратор Григорий Демидов и 17-летняя дочь чиновника Александра Невзголова¹⁴. 12 января 1855 года 50-летний рядовой Иван Васильев женился 2-м браком на 23-летней вдове Александре Даниловой¹⁵. Максимальная разница в возрасте между женихом и невестой в 1860 г. составила 45 лет – 65-летний титулярный советник Сергей Кулаков 27 мая обвенчался с 20-летней дочерью чиновника 13-го класса Александры Ягуповой¹⁶. В 1861 г. наибольшая разница между супругами (25 лет) была зафиксирована при бракосочетании 53-летнего губернского секретаря Андрея Корелина и 29-летней дочерью отставного майора Надежды Титовой¹⁷.

Смертность

Смертность среди населения, составлявшего военный приход соломбальского Спасо-Преображенского морского собора, показана в табл. 4.

Таблица 4 / Table 4
Смертность среди мужчин и женщин / Male and female mortality

Год/Year	Мужчины/Males	Женщины/Females	Всего/Total
1850	98	96	194
1855	117	94	211
1860	86	84	170
1861	85	71	156

Источник: Таблица составлена Н.В. Манвеловым по: ГААО. Ф. 29. Оп. 11. Д. 63. Л. 189; д. 68. л. 209; д. 73. л. 188; д. 74. л. 198.

Source: The table was compiled by N.V. Manvelov based on: GAAO, f. 29, op. 11, d. 63, l. 189; d. 68, l. 209; d. 73, l. 188; d. 74, l. 198.

Нетрудно заметить, что общее число смертей среди военного прихода соломбальского Спасо-Преображенского морского собора постепенно снижалось, что можно объяснить как повышением уровня жизни и улучшением качества медицинского обслуживания, так и мероприятиями по постепенному сокращению численности личного состава Архангельского главного военного порта.

Информация о посмертных диагнозах приведена в табл. 5; в скобках после современного названия болезни указана терминология середины XIX в., используемая в метрических книгах.

Точный анализ посмертных диагнозов во многих случаях затруднен целым рядом факторов.

При постановке посмертных диагнозов как младенцам в возрасте до 1 года, так и детям вплоть до отроческого возраста (младенцами в Российской империи официально считались дети в возрасте до 7 лет) в большинстве случаев использовался термин «младенческая болезнь». Расшифровка данного диагноза крайне затруднительна, поскольку могла означать широкий спектр заболеваний, а также недоношенность ребенка. У лиц преклонного возраста часто диагностировали смерть «от старости», также без какой-либо расшифровки и детализации.

Аналогично трудно конкретизировать, от чего умер человек с диагнозом «гопячка» или «лихорадка» («изнурительная лихорадка»). В медицинской практике

¹⁴ Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 29. Оп. 11. Д. 63. Л. 120.

¹⁵ Там же. Д. 68. Л. 139.

¹⁶ Там же. Д. 73. Л. 122.

¹⁷ Там же. Д. 74. Л. 145.

XIX–XX вв. горячкой называли в том числе общее воспаление крови, жар и затрудненное дыхание; лихорадкой – «краткосрочную горячку», озноб и малярию. Размытым также являются диагнозы «простуда» и «ушиб».

Диагноз «изнурение» (истощение) ставился как младенцам первого года жизни, так и людям преклонного возраста.

Диагноз «оспа» в большинстве случаев давался без указания типа заболевания (ветряная или натуральная).

Диагнозы «туберкулез» и « чахотка» обозначали одно и то же заболевание; какой-либо системы при их постановке не существовало.

Анализ посмертных диагнозов показывает наличие в том или ином году вспышки различных инфекционных и вирусных заболеваний (оспа, корь, скарлатина и т.д.). Причины таких вспышек выходят за рамки данного исследования, хотя можно предположить, что они происходили из-за отсутствия должной профилактики, необходимых лекарств и недостатка медицинского персонала, а также большого количества так называемых «завозных случаев» в силу особенностей Соломбалы как крупного международного порта. Примером такого рода явлений может быть резкий рост заболеваемости корью в 1855 г. и оспой в 1860 г.

Также обращает на себя внимание высокая смертность от заболеваний, борьба с которыми была крайне затруднена в связи с отсутствием антибиотиков и сильно действующих жаропонижающих средств (скарлатина, корь, коклюш и т. д.). Как известно, такого рода заболевания вполне поддаются лечению современными лекарственными средствами и методами терапии. Имела место также сезонность заболеваний.

К неустановленным диагнозам отнесены случаи, когда в метрической записи отсутствует упоминание о каком-либо конкретном заболевании. К таковым относятся записи «найден мертвым» и «утонул».

Особо необходимо отметить отмечаемую по ряду лет разницу между указанным общим количеством умерших и количество отпетых с посмертным диагнозом. Исходя из практики того времени, речь, скорее всего, идет о детях мертворожденных либо умерших до совершения таинства крещения. Таким образом, автор счел возможным приписывать разницу к данным в графе «младенческая болезнь», поскольку понятие «младенческая болезнь» в середине XIX в. соответствовала современному понятию «детская смертность».

Таблица 5 / Table 5
Посмертные диагнозы по годам / Postmortem diagnoses by year

Диагноз	1850	1855	1860	1861
Младенческая болезнь/Infant disease	104	135	108	140
Оспа/Smallpox	33	2	49	–
Скарлатина/Scarlet fever	23	9	1	–
Корь/Measles	15	28	–	–
Туберкулэз (чахотка)/Tuberculosis	7	8	5	1
Коклюш/Whooping cough	–	4	–	–
Инсульт (апоплексический удар в мозг, удар)/Stroke	3	–	–	1
Горячка/Feverish	2	15	2	3
Водянка (водянная)/Edema	2	–	–	1
Алкогольный делирий (белая горячка)/Alcohol delirium	1	–	–	–
Эпилепсия (падучая)/Epilepsy	1	–	–	–
Лихорадка (изнурительная лихорадка)/Fever	1	–	–	–
Брюшной тиф (тифозная горячка)/Typhoid fever	–	1	–	–
Простуда/Cold	1	–	1	4

Окончание табл. 5 / Table 5, ending

Диагноз	1850	1855	1860	1861
Золотуха/Scrofula	–	1	–	–
Ожоги (обжог)/Burns	–	1	–	–
Смерть при родах/Death during childbirth	1	3	2	–
Истощение (изнурение)/Exhaustion	–	1	–	–
Ушиб/Injury	–	–	–	1
Гепатит (Воспаление печени)/Hepatitis	–	–	–	1
Неустановленный диагноз/Unspecified diagnosis	1	1	1	–
Старость/Old age	1	2	1	1

Источник: Таблица составлена Н.В. Манвеловым по: ГААО. Ф. 29. Оп. 11. Д. 63. Л. 136–189; д. 68. Л. 154–209; д. 73. Л. 153–188; д. 74. Л. 164–1198.

Source: The table was compiled by N.V. Manvelov based on: GAAO, f. 29, op. 11, d. 63, l. 136–189; d. 68, l. 154–209; d. 73, l. 153–188; d. 74, l. 164–1198.

Анализ максимальной продолжительности жизни для мужчин и женщин в рассмотренные периоды показал следующие результаты.

В 1850 г. старейшим из умерших мужчин оказался главный командир Архангельского порта вице-адмирал маркиз Александр де Траверсе (69 лет)¹⁸, а старейшей женщиной – работавшая в просфорне Спасо-Преображенского морского собора 78-летняя девица Евдокия Шабунина¹⁹. В 1855 г. самому старому из умерших мужчин было 70 лет (управляющий Беломорскими маяками полковник Корпуса флотских штурманов Гавриил Елкин²⁰); старейшей из умерших женщин была 75-летняя жена рядового Юлиания Борисова²¹. В 1860 г. наиболее возрастным умершим мужчиной стал 73-летний чиновник 10-го класса Дионисий Салтанов²².

Самым же возрастным человеком из упомянутых в рассматриваемых метрических книгах людей оказался умерший в 1861 г. 83-летний провинциальный секретарь Иван Бусыгин²³. Между тем в 1860–1861 гг., среди умерших военного прихода Спасо-Преображенского морского собора не было женщин старше 40–45 лет. Таким образом, говорить о метрических книгах как об индикаторе предельных возрастов жизни соломбальцев, относившихся к Военному и Морскому ведомству, можно только с определенной долей условности.

Детская смертность в военном приходе Соломбалы стабильно находилась на высоком уровне. Она показана в Таблице 6.

Нетрудно заметить, что доля детей в возрасте до 5 лет из года в год стабильно превышала 80% от общего числа умерших, имея тенденцию к росту. Так, в 1850 г. на них приходились 81,4% от общего числа покойников, в 1855 г. – 83,4%, в 1860 г. – 88,2%. В 1861 г. доля детей в возрасте до 5 лет достигла 91,7%.

При имеющихся статистических данных по военному приходу дать оценку естественному приросту (убыли) населения, безусловно, невозможно. Между тем имеется возможность рассчитать разницу между количеством рожденных и умерших по каждому из лет исследования. Таким образом, исходя из приведенных выше данных, разница между количеством рожденных и умерших в 1850 г. составила +78 чел., в 1855 г. – +58 чел., в 1860 г. – +119 чел., в 1861 г. – +177 чел.

¹⁸ ГААО. Ф. 29. Оп. 11. Д. 63. Л. 143.

¹⁹ Там же. Л. 155.

²⁰ Там же. Д. 68. Л. 163.

²¹ Там же. Л. 201.

²² Там же. Д. 73. Л. 168.

²³ Там же. 74. Л. 185.

Таблица 6 / Table 6

Детская смертность / Infant Mortality

Год/Year	Общее число умерших/ Total number of deaths	Дети в возрасте до 1 года/Children under 1 year of age	Дети в возрасте до 5 лет/Children under 5 years of age
1850	194	99	158
1855	211	99	176
1860	170	93	150
1861	156	—	143

Источник: Таблица составлена Н.В. Манвеловым по: ГААО. Ф. 29. Оп. 11. Д. 63. Л. 184, 189; Д. 68. Л. 209, 211; Д. 73. Л. 188, 189; Д. 74. Л. 198, 199.

Source: The table was compiled by N.V. Manvelov based on: GAAO, f. 29, op. 11, d. 63, l. 184, 189; d. 68, l. 209, 211; d. 73, l. 188, 189; d. 74, l. 198, 199.

Заключение

Опираясь на изученные источники, можно констатировать, что демографическая ситуация в рамках военного прихода соломбальского Спасо-Преображенского собора в значительной мере отличалась от демографической ситуации по гражданскому приходу адмиралтейского селения.

По результатам обобщения и анализа демографической статистики, содержащейся в метрических книгах, сформирована статистика посмертных диагнозов за рассматриваемые годы, позволяющая выявлять вспышки инфекционных и вирусных заболеваний по каждому из годов. Такая работа приведена на данном материале впервые.

Вместе с тем имеющийся объем источников, к сожалению, недостаточен для создания целостной картины. В первую очередь, потому что источниковая база для оставления памятных книжек и иных статистических сборников по гражданскому приходу неизвестна. Несмотря на то, что соломбальский Спасо-Преображенский морской собор являлся приходским храмом для адмиралтейского селения, регистрация рождений, браков и смертей могла осуществляться и в других церквях и соборах Архангельска, а также иных населенных пунктов.

Поступила в редакцию / Submitted: 27.07.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 10.07.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 26.08.2025

References

- Barry, P. *Dockyard Economy and Naval Power*. London: Sampson Low, Son, and Co., 1863.
- Bykhovskii, I.A. *Arkhangelgorodskie korabely* [Arkhangelsk shipbuilders]. Arkhangelsk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1988 (in Russian).
- Letopis' goroda Arkhangel'ska. 1884–1989* [Chronicle of the city of Arkhangelsk. 1884–1989]. Arkhangelsk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1990 (in Russian).
- Ogorodnikov, S.F. *Istoriia Arkhangel'skogo porta* [History of the Arkhangelsk port]. St. Petersburg: tipografia Morskogo ministerstva Publ., 1875 (in Russian).
- Ogorodnikov, S.F. *Ocherk istorii goroda Arkhangel'ska v torgovo-promyshlennom otnoshenii* [Essay on the history of the city of Arkhangelsk in commercial and industrial terms]. St. Petersburg: tipografia Morskogo ministerstva Publ., 1890 (in Russian).
- Pal'min, V.A. "History of naval shipbuilding in the Russian North in 1693–1862." PhD thesis, Murmansk State Pedagogical Institute, 2000 (in Russian).

- Smirnov, A.B. "Sea ports of the Arkhangelsk province in the policy of the Russian state during the First World War. Abstract of a dissertation for the degree of candidate of historical sciences." PhD thesis, Pomor State University named after M.V. Lomonosov, 2003 (in Russian).
- Wells, J. *The Royal Navy. An Illustrated Social History. 1870–1982*. Portsmouth: Alan Sutton Publishing, 1994.

Информация об авторе / Information about the author

Николай Владимирович Манвелов, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры интегрированных коммуникаций Отделения медиакоммуникаций Института общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; Россия, 119571, Москва, пр. Вернадского, 82, стр. 1; Manvelov-nv@ranepa.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7787-3879>; SPIN-код: 5871-8204.

Nikolay Vladimirovich Manvelov, PhD in History, Senior Lecturer at the Department of Integrated Communications, Department of Media Communications, Institute of Social Sciences, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; build. 1, 82, Vernadsky Ave., Moscow, 119571, Russia; Manvelov-nv@ranepa.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7787-3879>; SPIN-code: 5871-8204.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-511-527>
EDN: JKMWZT

Научная статья / Research article

История Архангельского водорослевого комбината в контексте смены технологических укладов в 1918–2024 гг.

Александр Николаевич Пилясов ^a , Анна Алексеевна Бужинская ^b ,
Александр Алексеевич Сабуров ^b

^aМосковский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
^bСеверный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск,
Россия
a.saburov@narfu.ru

Аннотация: Рассматривается столетняя история Архангельского водорослевого комбината – старейшего в России предприятия полного ресурсного цикла переработки водорослей. Исследование актуально в контексте современных вызовов импортозамещения и экологизации промышленного производства. Предметом исследования выступают закономерности и особенности эволюции предприятия, базирующегося на возобновляемых природных ресурсах. Объектом является деятельность предприятия, которая охватывает полный цикл, от заготовки водорослей до выпуска продукции. Цель исследования – реконструировать долгосрочную хозяйственную динамику комбината через концепцию технологических укладов Кондратьева – Перес – Глазьева. Для этого решены задачи периодизации технологической истории и выявления специфики технологической эволюции предприятия. Информационная база исследования включает документы фонда Архангельского опытного водорослевого комбината в Государственном архиве Архангельской области, научные публикации и цифровые ресурсы. Методология опирается на анализ временных рядов и сравнительный анализ. Авторами разработана периодизация столетней хозяйственной истории Архангельского водорослевого комбината на основе концепции технологических укладов, показана эволюция предприятия от кустарного до современного постиндустриального производства, раскрыты противоречия между производственной и ресурсной базой, определившие необходимость технологической трансформации. Проведенное исследование свидетельствует о значении перехода к природосовместимым технологиям (планационное выращивание водорослей) и экологизации производства. Авторы приходят к выводу об уникальной роли Архангельского водорослевого комбината в качестве примера успешного импортозамещения в российской экономике, трансформации технологических укладов и их адаптации к вызовам устойчивого развития.

Ключевые слова: Русский Север, Европейский Север, Белое море, Российская Арктика, Кондратьевский цикл

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Все авторы внесли равный вклад в исследование и написание статьи, ознакомились с окончательным текстом и несут равную ответственность.

Для цитирования: Пилясов А.Н., Бужинская А.А., Сабуров А.А. История Архангельского водорослевого комбината в контексте смены технологических укладов в 1918–2024 гг. // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 4. С. 511–527.
<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-511-527>

© Пилясов А.Н., Бужинская А.А., Сабуров А.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

History of Arkhangelsk Seaweed Factory through the Context of Changing Technological Paradigms, 1918–2024

Alexander N. Pilyasov ^a, Anna A. Buzhinskaya ^b,
Aleksandr A. Saburov ^b

^aLomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

^bNorthern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russia

a.saburov@narfu.ru

Abstract: The authors present the retrospective analysis of the century-long history of the Arkhangelsk Seaweed Factory, the oldest Russian enterprise that utilized a full resource cycle of seaweed processing. The study is relevant in the context of the current challenges of import substitution and ecologization of industrial production. The subject of the study is the patterns and features of the development of the enterprise based on renewable sea-based natural resources; the object of the study is the activity of the Arkhangelsk Seaweed Factory, and the article covers the full production cycle from seaweed harvesting to output. The purpose of the study is to reconstruct the long-term economic dynamics of the factory through the concept of technological paradigms of Kondratieff (Kondratyev)-Peres-Glazyev. For this purpose, the authors identified the periods of technological history and the specifics of the technological development of the enterprise. The information base of the study includes documents from the State Archive of the Arkhangelsk region, reports of the Arkhangelsk Seaweed Factory, scientific publications, and digital resources. These resources are used as part of a time-series and comparative analysis. The authors developed the periodization of the century-long economic history of the Arkhangelsk Seaweed Factory based on the concept of technological paradigms, and through this process, it is shown that the development of the enterprise from artisan to modern post-industrial production. The authors reveal contradictions between the production base and resource base, which determined the need for technological transformation, and the conducted research demonstrates the importance of the transition to nature-compatible technologies (plantation cultivation of seaweed), and the ecologization of production. The authors come to the conclusion that the unique role of the Arkhangelsk Seaweed Factory was an example of successful import substitution, transformation of technological paradigms, and adaptation to the challenges of sustainable development.

Keywords: Russian North, European North, White Sea, Russian Arctic, Kondratieff cycle

Conflicts of interest: The authors declare no conflict of interest.

Authors' contributions: All authors contributed equally to the research and writing of the article, reviewed the final text and bear equal responsibility.

For citation: Pilyasov, A.N., Buzhinskaya, A.A., Saburov, A.A. "History of Arkhangelsk Seaweed Factory through the Context of Changing Technological Paradigms, 1918–2024." *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 4 (November 2025): 511–527 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-511-527>

Введение

Актуальность. По-прежнему очень мало известно о закономерностях и особенностях долгосрочной экономической динамики хозяйственных структур, которые опираются на использование возобновляемых природных ресурсов. Дефицит такого знания особенно ощутим в сравнении с многочисленными работами по долгосрочной хозяйственной динамике региональных предприятий нефтепромышленного, горнопромышленного, углепромышленного комплекса России. В этой связи исключительный интерес представляет ретроспективный анализ столетней истории Архангельского водорослевого комбината (АВК) – старейшего и единственного в России предприятия полного ресурсного цикла. Именно уникальность предприятия

обеспечила наличие долговременных рядов натуральных показателей добычи и переработки водорослей, что имело и имеет принципиальное значение в контексте хозяйственного освоения российского Севера.

Степень изученности проблемы. В истории изучения Архангельского водорослевого комбината можно выделить три периода: дореволюционный, советский и современный. Однако большая часть исследований была написана учеными естественнонаучного профиля и специалистами водорослевой промышленности, профессионально разбирающимися в технологиях производства данного вида продукции¹. Вероятно, единственным опубликованным историческим исследованием по данной тематике является статья Е.Е. Шуруповой, посвященная первому этапу развития водорослевой промышленности на Архангельском севере². На текущий момент исследователями не предпринималось комплексного анализа истории Архангельского водорослевого комбината за весь период его хозяйственной деятельности.

Цель исследования – определить границы и охарактеризовать периоды технологической истории, а также раскрыть динамику природопользования Архангельского водорослевого комбината на основании концепции технологических укладов.

Источниковая база. Источниковую базу работы составляют документы фонда «Архангельский опытный водорослевый комбинат (1917–1991)» (Ф. 1457) Государственного архива Архангельской области. Материалы представлены преимущественно делопроизводственной документацией: годовые финансовые планы, планы организационно-технических мероприятий, ежегодные отчеты комбината по основной деятельности, капитальным вложениям, о выполнении плана по продукции, техническом уровне и качестве производимой промышленной продукции, объяснительные записки к отчетам, справочные материалы.

Методы исследования. Методология исследования базируется на работах Н. Кондратьева³, К. Перес⁴, С. Глазьева⁵, в которых была сформулирована концепция длинных, сменяющих друг друга технологических волн, протяженностью 40–60 лет, и наших собственных исследованиях авторов, посвященных региональным аспектам

¹ Марциновский И.В. Йодное дело на Севере. Архангельск, 1930; Виноградов В.А. Йод и его получение в Северном kraе. Архангельск, 1933; Гемп К.П., Кулебякин А.С. Водорослевая промышленность на Белом море за 40 лет // Бюллетень технико-экономической информации, 1958. № 1. С. 7–8; Гемп К.П. О культивировании агарофитов в Белом море // Материалы сессии Ученого совета ПИНРО по результатам исследований в 1964 г. Мурманск, 1966. Вып. 6. С. 231–234; Гемп К.П. Изменение запасов промысловых водорослей в Белом море в период с 1934 по 1968 г. // Восьмая сессия Ученого совета по проблеме «Биологические ресурсы Белого моря и внутренних водоемов Европейского Севера, ноябрь 1969 г.: тезисы докладов. Петрозаводск, 1969. С. 191–192; Бокова Е.М., Титов В.М. Сыревые и производственные проблемы Архангельского опытного водорослевого комбината // Материалы 1-й Международной конференции «Морские прибрежные экосистемы: водоросли, беспозвоночные и продукты их переработки». М., 2002. С. 110–116; Стасенков В.А., Студенов И.И., Новоселов А.П., Козьмин А.К., Пронина О.А., Семушин А.В., Стасенкова Н.И., Березина М.О., Фролов С.Б., Гончаров Ю.В., Пастухов С.В. Поморские рыбные промыслы. Архангельск, 2011. EDN: QLCKOL; Варфоломеев Ю.А., Богданович Н.И., Бокова Е.М. Интеграция инновационной деятельности по разработке и производству средств защиты от последствий техногенных аварий и катастроф в Арктике и субарктике с использованием местных сырьевых ресурсов // Известия ВУЗов. Лесной журнал. 2011. № 3. С. 155–159. EDN: NUXWSX

² Шурупова Е.Е. Добыча и переработка водорослей на Севере в 1920-х годах: деятельность товарищества «Беломорское йодное производство» и Беломорской йодной экспедиции // Соловецкий сборник. Вып. 17. Соловецкий музей-заповедник, 2023. С. 149–167.

³ Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры. М., 2013.

⁴ Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. М., 2013.

⁵ Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М., 1993. EDN: SUDSBJ

эволюции технологических укладов в ресурсных территориях Магаданской, Мурманской областей, Ненецкого автономного округа и Арктической зоны Российской Федерации в целом⁶.

Ключевыми понятиями данной концепции, которые используются в настоящей работе, являются:

1. Технологические уклады Кондратьева – Перес – Глазьева – концепция, объясняющая долгосрочную экономическую динамику на основе последовательной смены ведущих технологий и систем производственных отношений. Основана на идеях Н.Д. Кондратьева о «длинных волнах» (циклах), расширенных Карлоттой Перес и С.Ю. Глазьевым. Каждый уклад включает ядро новых технологий, базовую инфраструктуру, доминирующие отрасли и формы организации труда. Переход от одного уклада к другому сопровождается структурными кризисами и технологическими революциями.

2. Кондратьевский цикл («второй Кондратьевский цикл», «третий Кондратьевский цикл» и т.д.) – концепция длинных волн экономического развития, предложенная Н.Д. Кондратьевым в 1920-х гг. Согласно этой теории мировая экономика развивается в рамках чередующихся 40–60-летних циклов, каждый из которых включает фазу подъема, насыщения и спада. Эти циклы связываются с распространением якорных (определеняющих) технологий, изменяющих структуру экономики и социальной организации. Для конкретных условий Архангельского водорослевого комбината смена Кондратьевских волн диагностируется по смене выпускаемой конечной продукции и главного используемого водорослевого ресурса (вида водорослей).

3. Якорная технология – базовая технология, формирующая ядро нового уклада и определяющая вектор развития смежных отраслей, направления инвестиций, структуру спроса на инновации и траекторию развития экономики на длительный период.

4. Временные ряды природопользования – систематизированные данные об объемах, формах и видах использования природных ресурсов на протяжении длительного периода времени, позволяющих выявлять тренды или переломные моменты в хозяйственной (экономической) истории региона.

Особенностью подхода авторов было применение данной концепции для уровня региона (Магаданская область, Ненецкий автономный округ, Мурманская область и др.), включая десятки городов страны и работу отдельного предприятия.

Методы исследования включают анализ временных рядов природопользования, метод периодизации для определения основных этапов деятельности комбината, сравнительный анализ технологической динамики предприятий разного ресурсного профиля, отдельного предприятия и ресурсной провинции в целом.

⁶ Пилисов А.Н. Колымские нагорья, технологические уклады и региональная инновационная система Магаданской области в столетней ретроспективе // Вопросы географии. 2024. Т. 158. С. 184–232; Пилисов А.Н., Котов А.В. Российская Арктика-2035: полимасштабный прогноз // Экономика региона. 2024. Т. 20. № 2. С. 369–394. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-2-3> EDN: XEPSNM; Пилисов А.Н., Цукерман В.А. Становление нового технологического уклада в Арктике в 1990–2021 гг.: региональный разрез // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 5. С. 126–148. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.5.83.5> EDN: KBCWNU; Пилисов А.Н., Цукерман В.А. Технологические уклады, инновации и хозяйственное освоение российской Арктики // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2022. Т. 25. № 4. С. 7–22. <https://doi.org/10.37614/2220-802X.4.2022.78.001> EDN: HREOC

Второй Кондратьевский цикл (1918–1934 гг.)

Столетняя хозяйственная история комбината может быть представлена в виде последовательной технологической эволюции от второго к четвертому Кондратьевскому циклу. Длинные волны Кондратьева протяженностью около полувека отражают экономические реалии и социально-культурные ценности конкретного технико-экономического уклада. Их смена связана прежде всего с радикальным изменением господствующей в обществе якорной технологии.

На русском Севере начало XX в. ознаменовалось развертыванием первых предприятий заводской промышленности, унаследовавших черты традиционных кустарных промыслов XVIII–XIX вв. В частности, 1909 и 1910 гг., как отмечает Р.А. Даудов, стали для российского правительства и в особенности российского МИД «временем резкой перемены взглядов <...> на арктические острова, архипелаги, Арктику в целом»⁷, что сказалось и на экономическом освоении Русского Севера. В нашей периодизации будем обозначать этот технологический уклад вторым Кондратьевским циклом или вторым Кондратьевым.

Именно в это время в Архангельске появилась первая водорослевая мануфактура – йодный завод – протопромышленное предприятие, работавшее фактически с 1914–1915 гг., официально – с января 1918 г. Появление завода было прямо связано с императивами импортозамещения: йод был нужен для раненых, а получать его из Германии, естественно, было невозможно⁸. Технологический процесс был относительно примитивным и включал в себя сбор выброшенной на берег ламинарии по берегам и островам Белого моря, ручную сушку на вешалах, сжигание золы и извлечение из нее йода с помощью перекиси марганца и серной кислоты.

Именно кустарная недоиндустриальность, трудности дорогой доставки водорослевых ресурсов с дальних промыслов в Архангельск⁹, высокие потери йода при транспортировке объясняют консервацию архангельского йодного завода в 1923 г. и частичную передислокацию его оборудования на остров Жижгин¹⁰, ближе к непосредственным источникам сырья в виде штормовых выбросов ламинарии, которыми славился этот остров ввиду своих многочисленных бухт.

И эта дилемма «ближе к транспортно-торговым путям на рынки сбыта или ближе к непосредственным источникам сырья?», или размещение по Лёшу-Кристаллеру¹¹,

⁷ Даудов Р.А. «Насаждение на Шпицбергене реальных русских интересов»: предыстория русской экспедиции к архипелагу в 1911 году // Новейшая история России. 2025. Т. 15. № 2. С. 386–403. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu24.2025.209>

⁸ Стасенков В.А., Студенов И.И., Новоселов А.П., Козьмин А.К., Пронина О.А., Семушкин А.В., Стасенкова Н.И., Березина М.О., Фролов С.Б., Гончаров Ю.В., Пастухов С.В. Поморские рыбные промыслы. Архангельск, 2011. С. 134. EDN: QLCKOL

⁹ Чирцова М.Г. Организация производства йода из беломорских водорослей в период Первой мировой войны // Первая мировая война и Европейский Север России: Материалы международной научной конференции «Великая война и Европейский Север России (к 100-летию начала Первой мировой войны)». Архангельск, 2014. С. 47.

¹⁰ Шурупова Е.Е. Добыча и переработка водорослей на Севере в 1920-х годах: деятельность товарищества «Беломорское йодное производство» и Беломорской йодной экспедиции // Соловецкий сборник. Вып. 17. Соловецкий музей-заповедник, 2023. С. 152.

¹¹ Методология «по Лёшу-Кристаллеру» (авторы В. Кристаллер, А. Лёш) опирается на теории центральных мест и рыночной оптимизации размещения. В этих моделях ключевым фактором является приближенность к рынкам сбыта, населению, торговым и транспортным узлам (так называемый потребительский фактор размещения). В этой логике размещения минимизируются издержки доставки готовой продукции потребителю и максимизируется объем спроса.

от факторов спроса и потребительского рынка, или, по Веберу¹², от факторов предложения, уникального ресурса, – является исключительно характерной для периода второго Кондратьевского цикла. Вспомним аналогичные дискуссии на «золотой Колыме» по вопросу о том, где строить столицу Колымского края – рядом, непосредственно у приисков в бассейне Верхней Колымы или как морской порт и транспортный узел в бухте Нагаево Охотского моря.

Для небольших объемов производства размещение непосредственно у источников ресурсного промысла абсолютно закономерно. В этой связи передислокация завода из Архангельска на остров Жижгин как раз и закрепляла малообъемный характер нового водорослевого производства. С другой стороны, как только возникает императив массового производства, рассчитанного на крупный внешний рынок, размещение в крупном промышленно-транспортном центре становится безоговорочной альтернативой. Поэтому первоначальную неудачу с выбором Архангельска, а затем, после «жижгинских колебаний» (в 1923 г. по поручению Архангельского губернского совнархоза В.К. Низовкин, И.В. Марциновский и М.Ф. Смирнов, П.В. Ивановский, И.А. Павлов организовали промышленное кооперативное товарищество «Беломорское йодное производство» на Жижгине)¹³), размещение здесь в 1933 г. уже агарового завода следует рассматривать не в принятой трактовке «рентабельно-нерентабельно» (см., например, статью И.В. Марциновского¹⁴), а как отражение разных закономерностей размещения малотоннажных кустарных производств второго Кондратьевского цикла и массовых производств индустриального третьего Кондратьевского цикла.

В 1929 г. завод на Жижгине был переоборудован под расширенную выработку йода¹⁵. В следующем, 1930 г., возобновляет работу Архангельский йодный завод, в 1931–1932 гг. он был снова законсервирован из-за недостатка сырья. Наконец, в 1934 г., после года экспериментальной работы, он перезапускается уже как агаровый завод¹⁶. И именно это событие знаменует переход в деятельности водорослевой промышленности Белого моря к третьему технологическому укладу.

Третий Кондратьевский цикл (1934–1996 гг.)

Принципиально проводить разграничение второго и третьего Кондратьевских циклов по ресурсной специализации. Второй в основном базировался на малотоннажном производстве йода из ламинарии, которое было оборвано в связи с тем, что в 1920-е гг. были найдены более рентабельные способы его добывчи из минеральных вод¹⁷. Третий базировался на массовом механизированном производстве агара из анфельции (род красных водорослей) хотя условия внешних рынков и наличные запасы

¹² Методология «по А. Веберу», напротив, основана на индустриально-сыревой логике размещения, где определяющим является минимизация совокупных издержек (прежде всего транспортных) на доставку сырья и готовой продукции (так называемый природно-ресурсный фактор размещения предприятия). Противопоставление «по Лёшу-Кристаллеру» или «по Веберу» отражает классическую пространственную дилемму: ближе к рынкам (городам, транспортным узлам) – логика спроса или ближе к ресурсам (месторождениям, водным, лесным и так далее) – логика добывчи и производства.

¹³ Шурупова Е.Е. Добыча и переработка водорослей на Севере в 1920-х годах: деятельность товарищества «Беломорское йодное производство» и Беломорской йодной экспедиции // Соловецкий сборник. 2023. Вып. 17. Соловецкий музей-заповедник. С. 152.

¹⁴ Марциновский И.В. Йодное дело на Севере. Архангельск, 1930.

¹⁵ Виноградов В.А. Йод и его получение в Северном kraе. Архангельск, 1933.

¹⁶ Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 1457. Оп. 1. Д. 66. Л. 13.

¹⁷ Стасенков В.А., Студенов И.И., Новоселов А.П., Козьмин А.К., Пронина О.А., Семушкин А.В., Стасенкова Н.И., Березина М.О., Фролов С.Б., Гончаров Ю.В., Пастухов С.В. Поморские рыбные промыслы. Архангельск, 2011. С. 241. EDN: QLCKOL

ресурсной базы определили неоднократную смену профильной специализации комбината – сначала агар из анфельции, потом крупка из фуксусов (род бурых водорослей), потом альгинат из ламинарии, потом разнообразная фармацевтическая продукция из ламинарии.

В нашей периодизации третий индустриальный Кондратьевский цикл в Архангельском водорослевом комбинате длился с 1934 по 1996 гг., то есть растянулся на 62 года (стандартное протяжение – полвека), что обусловливает необходимость внутренней периодизации третьего Кондратьева: 1) пионерная стадия (1934–1954); 2) фаза агрессивного инвестирования (1954–1977); 3) «золотой век» (1977–1990); 4) кризис (1990–1996).

Пионерная стадия запуска нового ресурсного фронтира была очень хрупким этапом, с несколькими перезапусками предприятия – первый запуск нового ресурсного фронтира состоялся в 1934–1940-х гг., потом, после фактической остановки в военные годы, в 1945–1954 гг. произошел перезапуск. Однако будет неверным считать, что это было простое повторение предвоенного производства агара. Предвоенный завод находился в ведении гостреста «Клейжепром». После войны на короткий период он был передан в гострест «Росглавкондитер», а в 1947 г. на длительный период – в рыбопромышленный трест «Севрыбы»¹⁸, что подчеркивало общность водорослевого и рыбного промысла в период послевоенной активной механизации всех основных производственных процессов. При этом вплоть до 1943 г. наряду с производством агара инерционно сохранялось и производство йода. Это очень напоминает сохранение лотошной добычи россыпного золота на Колыме вплоть до 1940-х гг., когда уже на большинстве горнопромышленных управлений «Дальстроя» были внедрены механизированные промприборы¹⁹.

Пионерная стадия хозяйственного освоения обычно характеризуется неординарными личностями, которые ею руководят и потому остаются надолго в исторических летописях предприятия, промышленного района, провинции. Для Архангельского агарового завода таким легендарным человеком стал его первый директор Н.Д. Григорьев, который в 1933–1937 гг. налаживал новое производство с помощью немногочисленного производственного коллектива (около 75 чел.), состоявшего в основном из женщин²⁰.

Несмотря на объективные трудности, всегда связанные с пионерной стадией развития предприятия²¹, и высокую погодовую амплитудность производства, очень быстро от первых тонн агара завод перешел к выпуску десятков тонн (в 1939 г. – 53 т), тем самым на порядок превзойдя объемы производства йода из ламинарии в 1910–1920-е гг., во втором Кондратьевском цикле.

Закономерно, что после фазы первичного становления нового агарового фронтира наступила фаза агрессивного инвестирования, мощных экспериментов по отработке приемов механизации процессов добычи и переработки, продолжающаяся более двух десятилетий с 1954–1977 гг. и обеспечившая кратный рост натуральных показателей по всему спектру выпускаемой продукции.

¹⁸ ГААО. Ф. 1457. Оп. 1. Предисловие к описи за 1930–1983 годы. Л. 2.

¹⁹ Гемп К.П., Кулебякин А.С. Водорослевая промышленность на Белом море за 40 лет // Бюллеть технико-экономической информации. 1958. № 1. С. 8.

²⁰ ГААО. Ф. 1457. Оп. 1. Д. 16. Л. 3.

²¹ К их числу относятся нарушения производственной дисциплины поставщиков химических реагентов (кальцинированной (каустической) соды, хлорной извести, фильтровального холста), дефицит спецодежды, спецобуви, топлива и исходного сырья (беломорской анфельции), конкуренция при заготовках анфельции с ленинградской мармеладной фабрикой и Московской фабрикой «Ударница», занимавшихся ее переработкой на Кемском берегу Белого моря, и т.д. (ГААО. Ф. 1457. Оп. 1. Д. 66. Л. 17–19, 38; ГААО. Ф. 1457. Оп. 1. Д. 16. Л. 5; ГААО. Ф. 1457. Оп. 1. Д. 26. Л. 3).

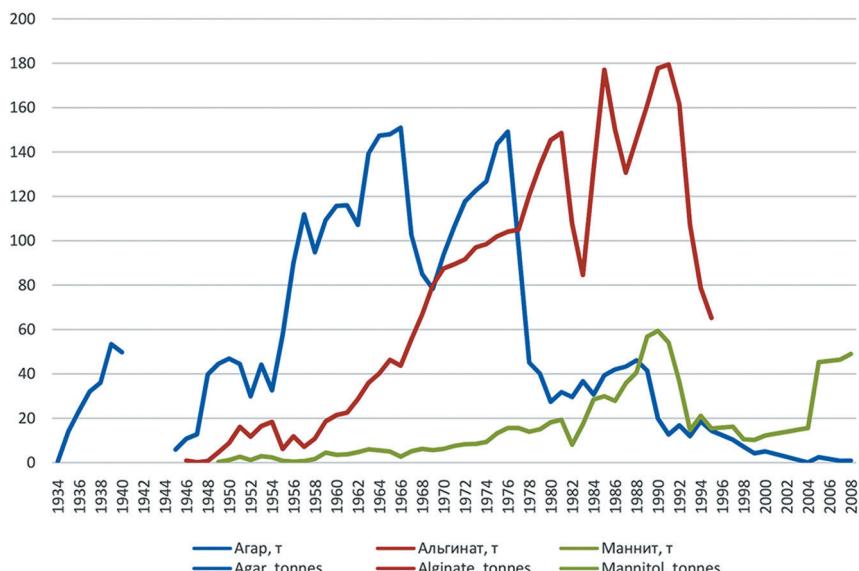

Рис. 1. Динамика выпуска агара, альгината и маннита на Архангельском водорослевом комбинате, т

Источники: График составлен по ГААО. Ф. 1457. Оп. 1. Д. 66. Л. 13; Там же. Д. 16. Л. 2; Д. 26. Л. 46; Д. 37. Л. 2; Д. 54. Л. 2; Д. 66. Л. 18; Д. 140. Л. 31; Д. 170. Л. 7; Д. 188. Л. 104; Д. 224. Л. 19; Д. 232. Л. 7; Д. 240. Л. 16; Д. 249. Л. 22; Д. 256. Л. 29; Д. 257а. Л. 159; Д. 257а. Л. 121; Д. 257а. Л. 65; Д. 257а. Л. 10; Д. 296. Л. 8; Д. 326. Л. 9; Д. 345. Л. 44; Д. 368. Л. 40; Д. 382. Л. 20; Д. 393. Л. 22; Д. 411. Л. 24; Д. 431. Л. 119; Д. 451. Л. 111; Д. 466. Л. 130; Д. 482. Л. 93; Д. 506. Л. 121; Д. 523. Л. 129; Д. 559. Л. 142; Д. 579. Л. 143; Д. 602. Л. 131; Д. 624. Л. 110; Д. 656. Л. 116; Д. 670. Л. 150; Д. 685. Л. 123; Д. 699. Л. 174; Д. 730. Л. 13; Д. 755. Л. 17; Д. 772. Л. 15; Д. 805. Л. 18; Д. 822. Л. 16; Д. 847. Л. 20; Д. 869. Л. 32; Д. 887. Л. 24; Д. 915. Л. 22; Д. 938. Л. 30; Д. 953. Л. 5; Д. 959. Л. 13; Д. 973. Л. 7; Д. 116. Л. 42; Д. 1029. Л. 66; Д. 1041. Л. 88; Д. 1071. Л. 2; Д. 1087. Л. 22.

Fig. 1. Dynamics of agar, alginate and mannitol production at the Arkhangelsk Seaweed Factory, tonnes

Sources: The schedule is compiled according to the State Archives of the Arkhangelsk Region, f. 1457, op. 1, d. 66, l. 13; d. 16, l. 2; d. 26, l. 46; d. 37, l. 2; d. 54, l. 2; d. 66, l. 18; d. 140, l. 31; d. 170, l. 7; d. 188, l. 104; d. 224, l. 19; d. 232, l. 7; d. 240, l. 16; d. 249, l. 22; d. 256, l. 29; d. 257а, l. 159; d. 257а, l. 121; d. 257а, l. 65; d. 257а, l. 10; d. 296, l. 8; d. 326, l. 9; d. 345, l. 44; d. 368, l. 40; d. 382, l. 20; d. 393, l. 22; d. 411, l. 24; d. 431, l. 119; d. 451, l. 111; d. 466, l. 130; d. 482, l. 93; d. 506, l. 121; d. 523, l. 129; d. 559, l. 142; d. 579, l. 143; d. 602, l. 131; d. 624, l. 110; d. 656, l. 116; d. 670, l. 150; d. 685, l. 123; d. 699, l. 174; d. 730, l. 13; d. 755, l. 17; d. 772, l. 15; d. 805, l. 18; d. 822, l. 16; d. 847, l. 20; d. 869, l. 32; d. 887, l. 24; d. 915, l. 22; d. 938, l. 30; d. 953, l. 5; d. 959, l. 13; d. 973, l. 7; d. 116, l. 42; d. 1029, l. 66; d. 1041, l. 88; d. 1071, l. 2; d. 1087, l. 22.

Фаза агрессивного инвестирования ознаменовалась массовой механизацией всех производственных процессов. В добыче – концентрация заготовок в самом продуктивном участке Соловецких островов, расширение самоходного флота предприятия до сотни единиц²². Единственный участок механизированного дражного промысла ламинарии с барж/ катеров с лебедками обеспечивал до 35% общей ее добычи²³. Использовалась самоходная механическая драга типа «Непрерывка» для добычи ламинарии на глубинах до 12 метров²⁴. Механические драги «Паук» работали на участках с галечником и скальным грунтом.

В заготовках – механизация прессовки собранных водорослей в кипы. В сушке водорослей внедрялись новые принципы сушки и сушилок²⁵, в результате реконструкции маннитного отделения в 1973 г.²⁶ здесь появились кристаллизаторы,

²² ГААО. Ф. 1457. Оп. 1. Д. 382 Л. 117.

²³ Там же. Д. 523. Л. 126.

²⁴ Там же. Д. 506. Л. 117.

²⁵ Там же. Л. 129.

²⁶ Там же. Д. 579. Л. 145.

теплообменники, выпарные чаши, патронные фильтры, центрифуги и др., что увеличило годовой объем производства вдвое²⁷.

Именно в фазе агрессивного инвестирования (не позднее 1958 г.) на заводе была создана экспериментальная группа, которая разрабатывала для предприятия специальные модели драг, подводную промышленную установку для резки водорослей, сама проводила доводку и настройку получаемого от поставщиков оборудования и вела сбор рационализаторских предложений работников предприятия.

Начало фазы агрессивного инвестирования стало периодом централизации функций предприятия как монопольного субъекта водорослевой хозяйственной деятельности на Белом море. В 1955 г. Жижгинский агаровый завод вошел в состав Архангельского агарового завода на правах цеха²⁸. В 1960 г. был запущен цех на Соловецких островах по переработке водорослей в агар и выпуску водорослевого порошка²⁹.

В 1964 г. на базе Архангельского агарового завода создается Архангельский водорослевый комбинат. Новое название подчеркнуло ресурсную многопрофильность основной продукции. В условиях роста предприятия на энергии механизации основных производственных процессов и уже обозначившегося истощения ресурсов анфельции³⁰ ставка на эффект комбинирования нескольких ресурсных цепочек в деятельности предприятия была абсолютно оправданной. К концу 1950-х гг. из прежде монопрофильного комбината стал диверсифицированным предприятием с двумя цехами внутри завода – агаровым и альгинатным (с варочным, альгинатным и маннитным отделениями)³¹, работающими на несколько групп потребителей: агар – для кондитерской и микробиологической промышленности; маннит – для фармацевтической промышленности; альгинат натрия и порошок из ламинарии – для текстильной промышленности.

Динамика ежегодного количества поступивших водорослей для переработки (рис. 2) позволяет отчетливо обособить два временных периода в работе комбината: 1) экспоненциального роста 1954–1965 гг. с достижением пиковых значений в 3754 т в 1965 г. и 2) резкого спада 1965–1977 гг. с последующей стабилизацией около 1200–1300 т к концу периода в 1977 г. Аналогично поведение графика расхода всех видов водорослей, со смещением пикового значения в 2574 т на 1966 г. (рис. 3).

Что происходило с 1963 по 1967 гг., когда резко возрос объем поступивших и израсходованных водорослей? В это время осуществлялся массовый выпуск водорослевого порошка и крупки из водорослей. Этот кратковременный эксперимент по выпуску массовых, но малоценных видов конечной продукции был сродни эксперименту с массовыми посадками кукурузы в зонах рискованного земледелия в СССР, который развертывался в стране в то же время, и также был быстро свернут. После короткого периода фронтового расширения к концу периода выпуск крупки и порошка был значительно сокращен, далее продолжала выпускаться только крупка из фукусов. Однако этот короткий эксперимент отразил общий поиск новой устойчивой специализации, отзывчивой к новым возможностям тотальной механизации всех производственных процессов. И неслучайно он затронул ламинарию и фукусы,

²⁷ История компании Архангельский водорослевый комбинат. URL: <https://snowsea.ru/o-nas/history/> (дата обращения: 18.02.2025).

²⁸ ГААО. Ф. 1457. Оп. 1. Предисловие к описи за 1930–1983 годы. Л. 2.

²⁹ Там же. Л. 3.

³⁰ Стасенков В.А., Студенов И.И., Новоселов А.П., Козьмин А.К., Пронина О.А., Семушин А.В., Стасенкова Н.И., Березина М.О., Фролов С.Б., Гончаров Ю.В., Пастухов С.В. Поморские рыбные промыслы. Архангельск, 2011. С. 243. EDN: QLCKOL

³¹ ГААО. Ф. 1457. Оп. 1. Д. 257а.

а не анфельцию. Еще в 1960-е гг. К.П. Гемп впервые писала об обозначившемся подрыве запасов анфельции в Белом море³². Поиски решения возникшего локального экологического кризиса шли путем перехода на сбор штормовых выбросов, ограниченной добычи анфельции только ручного драгирования³³, искусственного разведения анфельции совместно с Северным отделением Полярного научно-исследовательского института морского рыбного хозяйства и океанографии имени Н.М. Книповича (СевПИНРО) и через закупки балтийской фурцелярии (в 1968 г. была разработана технология получения агара из фурцелина)³⁴. В конце третьей индустриальной волны вводимые ограничения усилиются: в 1987 г., по заключению СевПИНРО, водорослевая промышленность исчерпала допустимый лимит изъятия водорослевых ресурсов Белого моря. Даже на новом фронтире комбината у Соловецких островов устанавливается лимит на промысел ламинарии в размере 950 т вместо 2400 т, как было ранее³⁵.

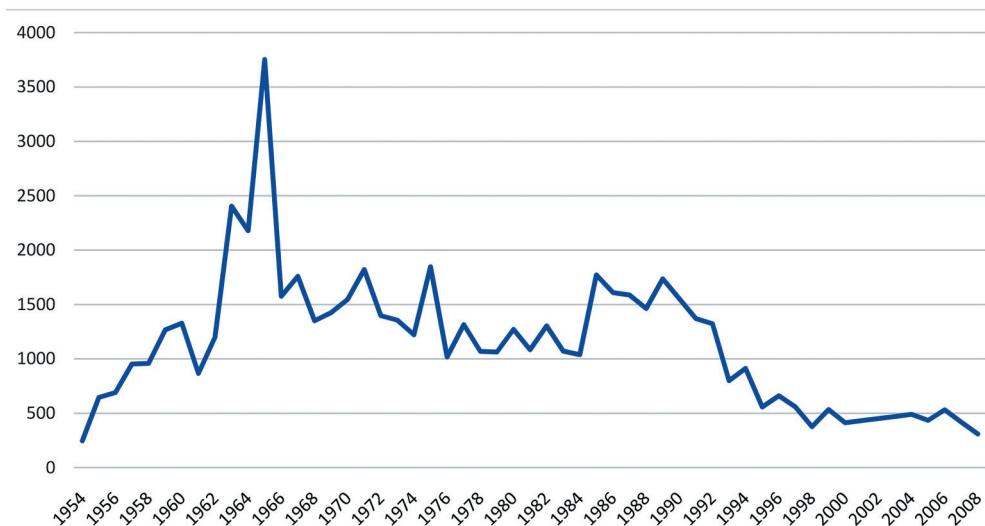

Рис. 2. Динамика общих объемов заготовок водорослей (собственных и закупленных по договорам), т

Источник: График составлен по ГААО. Ф. 1457. Оп. 1. Д. 249. Л. 22; Д. 256. Л. 68; Д. 257а. Л. 157–158; Д. 257а. Л. 120; Д. 257а. Л. 64; Д. 257а. Л. 9; Д. 314. Л. 41; Д. 326. Л. 6; Д. 345. Л. 41; Д. 368. Л. 39; Д. 382. Л. 16; Д. 393. Л. 17; Д. 411. Л. 20; Д. 431. Л. 111; Д. 451. Л. 106, 109–110; Д. 466. Л. 125, 128–129; Д. 482. Л. 93; Д. 506. Л. 115, 118; Д. 523. Л. 129; Д. 559. Л. 141–142; Д. 579. Л. 142–143; Д. 602. Л. 130; Д. 624. Л. 107–108; Д. 656. Л. 113–114; Д. 670. Л. 147–148; Д. 685. Л. 120–121; Д. 699. Л. 171–172; Д. 730. Л. 10; Д. 755. Л. 14; Д. 772. Л. 13; Д. 805. Л. 15–16; Д. 822. Л. 13; Д. 847. Л. 16–17; Д. 869. Л. 29–30; Д. 887. Л. 21; Д. 915. Л. 20; Д. 953. Л. 7; Д. 953. Л. 8; Д. 959. Л. 15–16; Д. 966. Л. 6; Д. 973. Л. 9; Д. 989. Л. 2; Д. 1005. Л. 50; Д. 1016. Л. 44; Д. 1029. Л. 68; Д. 1041. Л. 92; Д. 1071. Л. 17; Д. 1071. Л. 17; Д. 1987. Л. 28; Д. 1087. Л. 28; Д. 1097. Л. 29.

Fig. 2. Dynamics of total volumes of algae harvesting (own and contracted), tonnes

Sources: The schedule is compiled according to the State Archives of the Arkhangelsk Region, f. 1457, op. 1, d. 249, l. 22; d. 256, l. 68; d. 257a, l. 157–158; d. 257a, l. 120; d. 257a, l. 64; d. 257a, l. 9; d. 314, l. 41; d. 326, l. 6; d. 345, l. 41; d. 368, l. 39; d. 382, l. 16; d. 393, l. 17; d. 411, l. 20; d. 431, l. 111; d. 451, l. 106, 109–110; d. 466, l. 125, 128–129; d. 482, l. 93; d. 506, l. 115, 118; d. 523, l. 129; d. 559, l. 141–142; d. 579, l. 142–143; d. 602, l. 130; d. 624, l. 107–108; d. 656, l. 113–114; d. 670, l. 147–148; d. 685, l. 120–121; d. 699, l. 171–172; d. 730, l. 10; d. 755, l. 14; d. 772, l. 13; d. 805, l. 15–16; d. 822, l. 13; d. 847, l. 16–17; d. 869, l. 29–30; d. 887, l. 21; d. 915, l. 20; d. 953, l. 7; d. 953, l. 8; d. 959, l. 15–16; d. 966, l. 6; d. 973, l. 9; d. 989, l. 2; d. 1005, l. 50; d. 1016, l. 44; d. 1029, l. 68; d. 1041, l. 92; d. 1071, l. 17; d. 1071, l. 17; d. 1987, l. 28; d. 1087, l. 28; d. 1097, l. 29.

³² Гемп К.П. Изменение запасов промысловых водорослей в Белом море в период с 1934 по 1968 г. // Восьмая сессия Ученого совета по проблеме «Биологические ресурсы Белого моря и внутренних водоемов Европейского Севера», ноябрь 1969 г.: тезисы докладов. Петрозаводск, 1969. С. 191.

³³ ГААО. Ф. 1457. Оп. 1. Д. 506. Л. 117.

³⁴ Гемп К.П. О культивировании агарофитов в Белом море // Материалы сессии Ученого совета ПИНРО по результатам исследований в 1964 г. Мурманск, 1966. Вып. 6. С. 232.

³⁵ ГААО. Ф. 1457. Оп. 1. Д. 869. Л. 21.

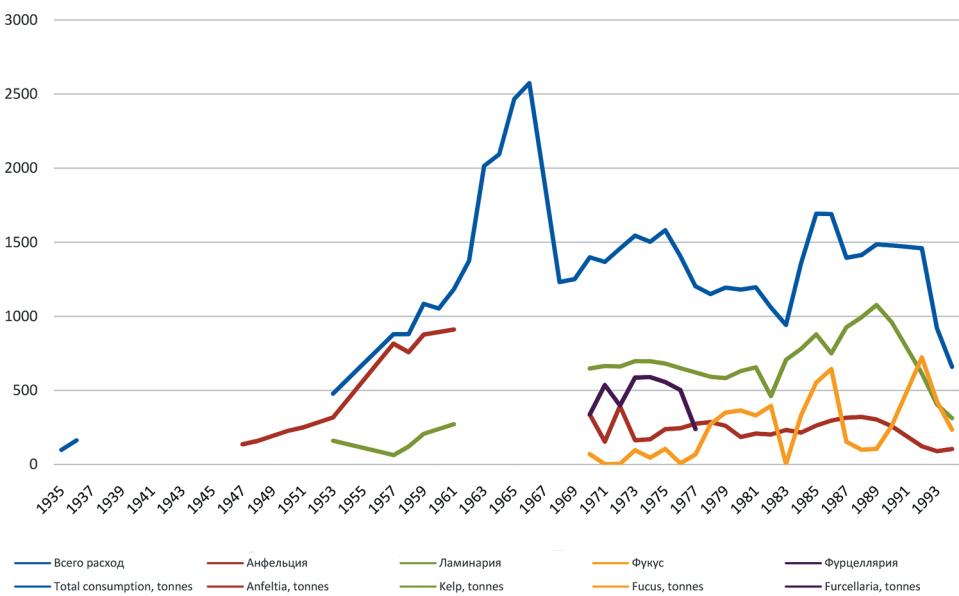

Рис. 3. Расход всех видов водорослей для выпуска конечной продукции, т

Источник: График составлен по ГААО. Ф. 1457. Оп. 1. Д. 153. Л. 5; д. 240. Л. 15; д. 257а. Л. 120; д. 257а. Л. 64; д. 257а. Л. 9; д. 326. Л. 6; д. 482. Л. 93; д. 506. Л. 120; д. 523. Л. 129; д. 559. Л. 141–142; д. 579. Л. 142–143; д. 602. Л. 130; д. 624. Л. 107–108; д. 656. Л. 113–114; д. 670. Л. 147–148; д. 685. Л. 120–121; д. 699. Л. 171–172; д. 730. Л. 10; д. 755. Л. 14; д. 772. Л. 13; д. 805. Л. 15–16; д. 822. Л. 13; д. 847. Л. 16–17; д. 869. Л. 29–30; д. 887. Л. 21; д. 915. Л. 20; д. 953. Л. 8; д. 959. Л. 15–16; д. 973. Л. 10.

Fig. 3. Consumption of all algae species for final product output, tonnes

Sources: The schedule is compiled according to the State Archives of the Arkhangelsk Region, f. 1457, op. 1, d. 153, l. 5; d. 240, l. 15; d. 257a, l. 120; d. 257a, l. 64; d. 257a, l. 9; d. 326, l. 6; d. 482, l. 93; d. 506, l. 120; d. 523, l. 129; d. 559, l. 141–142; d. 579, l. 142–143; d. 602, l. 130; d. 624, l. 107–108; d. 656, l. 113–114; d. 670, l. 147–148; d. 685, l. 120–121; d. 699, l. 171–172; d. 730, l. 10; d. 755, l. 14; d. 772, l. 13; d. 805, l. 15–16; d. 822, l. 13; d. 847, l. 16–17; d. 869, l. 29–30; d. 887, l. 21; d. 915, l. 20; d. 953, l. 8; d. 959, l. 15–16; d. 973, l. 10.

Этот успешный для комбината период второй фазы третьего индустриального Кондратьева завершился утратой юридической и финансовой самостоятельности предприятия в связи с его вхождением в производственное объединение «Архангельскрыбпром» в 1976 г.³⁶ Тогда же из комбината ушла на повышение его директор А.И. Потрохова. Важнейшим итогом этой фазы стало то, что опора на массовое производство сделала неизбежным изменение ресурсного акцента с анфельции на ламинарию.

Следующая фаза третьего Кондратьевского цикла на комбинате развертывалась в 1977–1990 гг. Некоторые эксперты называют ее «золотым веком» для комбината, «лучшими годами поисков и внедрений»³⁷. В этот период потребность страны в водорослевой продукции возрастает в несколько раз³⁸, и комбинат укрепляет свои позиции за счет массового выпуска технического, а потом и пищевого альгината настрия из ламинарии и фукусов, маннита, агара, БАДов, другой продукции для легкой, пищевой, фармацевтической промышленности страны.

В 1979 г. комбинат переименован в Архангельский опытный водорослевый комбинат, поскольку в общем объеме валовой продукции доля опытных и экспери-

³⁶ ГААО. Ф. 1457. Оп. 1. Предисловие к описи за 1930–1983 годы. Л. 6.

³⁷ Бокова Е.М., Титов В.М. Сыревые и производственные проблемы Архангельского опытного водорослевого комбината // Материалы 1-й Международной конференции «Морские прибрежные экосистемы: водоросли, беспозвоночные и продукты их переработки». М., 2002. С. 110–116.

³⁸ Семенова Р.П. Мой дом родной – Варавино. Архангельск, 2016. С. 38.

ментальных работ составляла более 90%³⁹. Единственное в стране водорослевое промышленное предприятие полного цикла становится экспериментальной базой для широкого инновационного поиска химиков, технологов, инженеров не только самого комбината, но фактически всей страны. Устанавливается широкое научное партнерство специалистов комбината с технологами Плехановского института в Москве, специалистами ВНИИ медполимеров, ленинградского НПО «Фитолон», ВНИИ химической технологии лекарственных средств и другими предприятиями химико-технологического, фармацевтического, биотехнологического профилей⁴⁰. Очевиден новый акцент не столько на инженерные и механические новшества как прежде, сколько на инновации в химических реакциях и процессах.

Авария на Чернобыльской АЭС в 1986 г. дала мощный толчок исследовательским работам на комбинате и значительному расширению выпуска «побочной» продукции. Выяснились неожиданные противорадиационные свойства альгинатов⁴¹. Это стало стимулом для начала выпуска первых БАДов на комбинате: препараты-радиопротекторы «Альгигель», «Канальгат» и др.⁴² Директор комбината (1984–1990 гг.) А.М. Костомаров инициирует выпуск из отходов маннитного производства новой продукции для парфюмерной, мыловаренной, косметической промышленности.

В этот период в деятельности комбината существуют две линии: новая, «каспиллярная» линия на расширенное производство мелкопорционной высокоценной новой продукции в медицинских, фармацевтических, парфюмерных целях, укрепленная новым опытно-экспериментальным статусом предприятия; и одновременно традиционная линия на массовое производство технического альгината, маннита, агара для потребностей других промышленных предприятий страны, которая акцентирована завершением строительства нового комбината в 1982 г.⁴³

Инициатива его строительства была выдвинута еще в конце 1960-х гг.⁴⁴, то есть в совсем другую хозяйственную эпоху. Так возникает драматичное противоречие этого периода: крупнейший производственный объект, сданный в фазу «золотого века комбината», должен был появиться значительно раньше, в начале 1970-х гг., во время тотальной механизации производственных процессов. Ввод первой и второй очередей нового комбината поднял планку плановых заданий комбинату в 300 т альгината натрия из ламинации, 200 т альгината натрия из фуксусов, 50 т маннита, 39 т агара из анфельции в год⁴⁵. Но реально эти объемы комбинат взять не мог.

Золотой век комбината завершается предоставлением ему статуса юридического лица с правами финансовой самостоятельности в 1989 г. Видимо, есть определенная закономерность в том, что на первой и последней фазе кондратьевского цикла предприятие имеет права юридической и финансовой самостоятельности: на первой фронтовой стадии – ввиду того, что будущее не определено и риски будут целиком на первоходце; на последней стадии кризиса – ввиду того, что будущее проблем-

³⁹ ГААО. Ф. 1457. Оп. 1. Предисловие к описи за 1930–1983 годы. Л. 6.

⁴⁰ Семенова Р.П. Мой дом родной – Варавино. Архангельск, 2016. С. 39.

⁴¹ Сто лет пользы: как арктические водоросли стали настоящим богатством России. URL: <https://foodika.ru/sto LET-polzy-kak-arkticheskie-vodorosli-stali-nastoyashhim-bogatstvom-rossii/> (дата обращения: 18.02.2025).

⁴² Варфоломеев Ю.А., Богданович Н.И., Бокова Е.М. Интеграция инновационной деятельности по разработке и производству средств защиты от последствий техногенных аварий и катастроф в Арктике и субарктике с использованием местных сырьевых ресурсов // Известия ВУЗов. Лесной журнал. 2011. № 3. С. 158. EDN: NUXWSX

⁴³ Половников С.Я. Там, за горизонтом...: Очерки о Белом море и поморах. Архангельск, 2014. С. 91.

⁴⁴ Там же. С. 90.

⁴⁵ Там же. С. 91–92.

но и потому пусть предприятие выплывает в одиночку. И только в благополучных второй и третьей фазах предприятие имеет верхнеуровневую опеку.

Заключительная фаза третьего Кондратьевского цикла, которую можно назвать «кризисные сумерки», развертывалась в 1990–1996 гг. на фоне общенационального экономического и политического кризиса в стране. Естественно, что такая радикальная трансформация сопровождалась значительным сокращением выпуска традиционной конечной продукции предприятия, для которой не хватало исходного сырья, с одной стороны; с другой стороны, уже не было и традиционных потребителей. Давление дешевой китайской конкурентной продукции вынудило комбинат отказаться от выпуска традиционных видов и перейти на новые⁴⁶. Выработка агара сократилась в два раза, альгината натрия – в три раза, маннита – в четыре раза. Комбинат разработал специальную программу выпуска товаров народного потребления – медицинских препаратов, БАДов, косметики, кондитерских изделий и лекарственных средств, под которые проводилась переналадка технологического оборудования.

Четвертый Кондратьевский цикл (1996 г. – по настоящее время)

Социально-экономический кризис первой половины 1990-х гг. в современной России ускорил давно назревший переход страны на новый постиндустриальный технологический уклад, базовыми чертами которого являются природосовместимые технологии, человекоцентричная продукция конечного производства, экологические приоритеты хозяйственной деятельности. Для руководства предприятия еще в 1980-е гг. было очевидно, что новый магистральный путь развития связан с производством «побочной» продукции, ориентированной не на экономику юридических лиц и хозяйствующих субъектов, но на экономику атомарных потребителей. Радикальная рыночная реформа в стране обеспечила переход к этому тренду за счет слома жесткой системы планирования, которая десятилетиями воспроизводила устаревающие технологические решения, и создание условий для поиска кредитного и инвестиционного финансирования. На смену эффекту экономии на масштабах и объеме операций приходит эффект капиллярных малообъемных товарных групп, то есть эффект диверсификации, характерный для среднего водорослевого бизнеса, каким и является сегодня Архангельский водорослевый комбинат.

Первая фаза нового цикла развертывалась в течение 20 лет (1996–2016 гг.) и характеризовалась долгим запуском фронтира на новой технологии/ресурсах. Внутри этой фазы можно выделить два периода: 1) разрозненных организационных и технологических преобразований в первые годы – потому что сохранялся приоритет по обеспечению выживания предприятия; 2) системной работы по модернизации комбината под требования нового уклада – в нулевые и десятые годы XXI в. под руководством Е.М. Боковой.

В 1996 г. комбинат получил статус государственного унитарного предприятия. Новый устав провозгласил приоритеты производства растительного лекарственного сырья и продукции медицинского назначения. Новыми видами продукции комбината стали пищевая добавка «Ламинал», желе «Десертное», крем «Ламинария», шампунь «Ламинария», пищевая добавка «Фукс пищевой», диабетическая продукция, БАДы, медпрепараты⁴⁷.

⁴⁶ Малышева Е. Архангельский водорослевый комбинат: единственный, уникальный, почти вековой. URL: https://bclass.ru/region/promyshlennost/arkhangelskiy_vodoroslevyy_kombinat_edinstvennyy_unikalnyy_pochti_vekoyou/ (дата обращения: 18.02.2025).

⁴⁷ ГААО. Ф. 1457. Оп. 1. Д. 1016. Л. 42.

В 2002 г. комбинат был преобразован во ФГУП «Архангельский опытный водорослевый комбинат»⁴⁸, что означало, что он миновал первую волну приватизации и сохранил исходный государственный статус, в котором работал вплоть до середины 2010-х гг. В этот период удалось стабилизировать выпуск основной продукции (по манниту был обеспечен существенный рост), радикально расширить спектр выпускаемой продукции (до более чем 50 наименований) и осуществить успешный маркетинг новой продукции комбината. Перезапуск предприятия обеспечила Е.М. Бокова, которая долгое время работала инженером-технологом комбината, в том числе на самом удаленном Соловецком участке, и поэтому очень хорошо представляла потенциал ресурсных, производственных и кадровых возможностей предприятия в условиях радикальной трансформации его специализации (обретения нового фронтира на биофармацевтической продукции из водорослей). В конце периода, в 2016 г., предприятие стало частным ОАО «Архангельский опытный водорослевый комбинат» ввиду продажи 100% государственного пакета новому собственнику⁴⁹.

Подводя итоги первой фазе постиндустриального Кондратьева, нужно отметить, что ее традиционная главная задача – выход на новую траекторию развития в результате создания новых линий переработки водорослевого сырья – была выполнена. Одновременно можно сожалеть, что этот процесс занял слишком много времени. Однозначно это было связано с задержкой в процессе приватизации, очень затянутым переходом предприятия из одной государственной собственности в другую.

Вторая фаза четвертой Кондратьевской волны, для которой характерны агрессивное инвестирование в ранее найденный новый ресурсный/товарный фронт, выход на массовые объемы производства, энергичная диверсификация спектра выпускаемой продукции, начала развертываться с 2016 г. и продолжается в настоящее время.

В 2017 г. комбинат был приобретен группой московских инвесторов. Эти изменения привели к привлечению дополнительных инвестиций, что способствовало росту его выручки в три раза за последующие два года. Приоритеты нового собственника состояли в опоре на прежние производственные традиции комбината в результате их технической модернизации и экологизации: газификация, техперевооружение, экологически безопасная добыча водорослей, создание широкой линейки новой продукции. Данные приоритеты были отчетливо определены в 2022 г. в интервью директора Архангельского водорослевого комбината Артема Иванова⁵⁰. Новый системный инвестиционный проект модернизации предприятия оценивался в полмиллиарда рублей с упором на бюджетное финансирование. Предприятие начало продвигать свою продукцию на крупных интернет-площадках страны Ozon, Wildberries и «Яндекс. Маркет», через свой официальный интернет-магазин и в «оффлайн»-магазинах Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Северодвинска, Котласа, Калуги, Рязани, Петрозаводска⁵¹.

В 2022 г. контроль над комбинатом приобрел новый собственник – ПАО «ИнАрктика»⁵². Поскольку «ИнАрктика» является крупнейшей российской компанией

⁴⁸ ГААО. Ф. 1457. Предисловия к описям за 2000–2006 гг. Л. 177.

⁴⁹ Архангельский водорослевый комбинат сможет восполнить дефицит в стране йодсодержащих биодобавок. URL: <https://madeinrussia.ru/ru/news/17326> (дата обращения: 18.02.2025).

⁵⁰ Бизнес со дна морского: как в Архангельске зарабатывают на водорослях Белого моря. Интервью с директором Архангельского водорослевого комбината Артемом Ивановым. URL: <https://biz360.ru/materials/biznes-so-dna-morskogo-kak-v-arkhangelske-zarabatyvayut-na-vodoroslyakh-belogomorya/> (дата обращения: 18.02.2025).

⁵¹ Там же.

⁵² Купить акции ИНАРКТИКА (AQUA): стоимость сегодня, прогноз цен, котировки на графике и динамика курса онлайн. URL: <https://www.tbank.ru/invest/stocks/AQUA/> (дата обращения: 21.02.2025).

в секторе товарного выращивания рыбы, следует предположить, что именно стратегия решительного аквакультурного преобразования деятельности комбината станет главным инвестиционным приоритетом компании. В духе природосовместимых решений четвертого Кондратьевского цикла новому собственнику предстоит найти экономически рентабельные технические решения для плантационного выращивания водорослей в специфических условиях Белого моря, эффективной массовой сушки водорослей и по сохранению рациональной доли традиционной заготовки сырья дикорастущих водорослей. Можно ожидать, что четвертый Кондратьевский цикл для Архангельского водорослевого комбината завершится к середине XXI в., а в самое ближайшее время произойдет востребованная радикальная смена парадигмы в беломорском водорослевом хозяйстве.

Заключение

Хозяйственная история Архангельского водорослевого комбината продемонстрировала гибкость производственной системы предприятия, которое в течение ста лет многократно меняло якорную специализацию под возникающие новые вызовы. Однако, как показывают уроки его развития в третьей Кондратьевской волне, эффекты ресурсного истощения могут быть серьезной угрозой для устойчивого роста предприятия. Поэтому переход к аквакультуре представляется безальтернативным выбором для Архангельского водорослевого комбината.

Исследование, посвященное столетней хозяйственной истории Архангельского водорослевого комбината, неизбежно поднимает более широкий вопрос: какой должна быть оптимальная организационная структура водорослевого бизнеса в Белом море в будущем – одно предприятие-монополист или несколько средних и крупных предприятий типа Архангельского водорослевого комбината. По мнению авторов, в будущем вероятны несколько сценариев развития ситуации для бассейна Белого моря в целом: много заготовителей – один Архангельский водорослевой комбинат (ситуация 1970–1980-х гг. «золотой эры»); много заготовителей – несколько средних и крупных предприятий типа Архангельского водорослевого комбината; один Архангельский водорослевой комбинат и он же главный заготовитель водорослевого сырья (современная ситуация). На уровне отдельного предприятия, как убеждены авторы, приоритет в долгосрочной динамике имеют объективные факторы истощения природного ресурса, смена технологии его добычи и переработки, меняющиеся ценности и конъюнктура внешних рынков, которые опосредованно связаны с национальной политической историей страны. На текущий момент сложно спрогнозировать ход развития водорослевого бизнеса в Белом море в будущем, поскольку для этого потребуется углубление знаний о ситуации, которая складывается у соседей по Беломорью, а именно – в республике Карелия и в Мурманской области, что очевидно открывает перспективу дальнейшего исследования темы.

Поступила в редакцию / Submitted: 21.04.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 23.08.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 26.08.2025

References

- Bokova, E.M., and Titov, V.M. “Syr’evye i proizvodstvennye proizvodstvennye kombinaty Arkhangel’skogo pytnogo odorolevogo kombinata [Raw materials and production plants of the Arkhangelsk experimental algae plant].” In *Materialy 1-i Mezhdunarodnoi konferentsii «Morskie*

- pribrezhnye ekosistemy: vodorosli, spuskonochnye i produkty ikh raboty»,* 110–116. Moscow: [N.s.], 2002 (in Russian).
- Chirtsova, M.G. “Organizatsiya proizvodstva ioda iz belomorskikh vodoroslei v period Pervoi mirovoi voiny [Organization of iodine production from White Sea algae during the First World War].” In *Pervaia mirovaya voyna i Evropeiskii Sever Rossii: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Velikaiia voina i Evropeiskii Sever Rossii (k 100-letiiu nachala Pervoi mirovoi voiny)»*, 40–52. Arkhangelsk: Izdatel’skii dom imeni V.N. Bulatova Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta imeni M.V. Lomonosova Publ., 2014 (in Russian).
- Davydov, R.A. “‘Planting real Russian interests in Spitsbergen’: prehistory of the Russian expedition to the archipelago in 1911.” *Modern History of Russia* 15, no. 2 (2025): 386–403 (in Russian), <https://doi.org/10.21638/spbu24.2025.209>
- Gemp, K.P., and Kulebyakin, A.S. “Vodoroslevaia promyshlennost’ na Belom more za 40 let [Algae industry in the White Sea for 40 years].” *Byulleten’ tekhniko-ekonomicheskoi informatsii*, no. 1 (1958): 5–10 (in Russian).
- Gemp, K.P. “O vyrashchivanii agarofitov v Belom more [On the cultivation of agarophytes in the White Sea].” In *Materialy sessii Uchenogo soveta PINRO po rezul’tatam issledovanii v 1964 g.*, 231–234. Murmansk: PINRO Publ., 1966 (in Russian).
- Gemp, K.P. “Izmenenie zapasov promyslovikh vodoroslei v Belom more v period s 1934 po 1968 g. [Changes in the parameters of industrial waters in the White Sea during the period from 1934 to 1968].” In *Vos’maina sessia Uchenogo soveta po probleme “Biologicheskie resursy Belogo morya i vnutrennikh vodoemov Evropeiskogo Severa”, noiabr’ 1969 g.: tezisy dokladov*, 191–192. Petrozavodsk: [N.s.], 1969 (in Russian).
- Glazev, S.Yu. *Teoriia dolgosrochnogo tekhniko-ekonomicheskogo razvitiia* [Theory of long-term technical and economic development]. Moscow: Vladar Publ., 1993 (in Russian).
- Kondratiev, N.D. *Bol’shie tsikly konyunktury* [Large cycles of economic conjuncture]. Moscow: Yurayt Publ., 2013 (in Russian).
- Martsinovsky, I.V. *Iodnoe delo na Severe* [Iodine business in the North]. Arkhangelsk: Pravda Severa Publ., 1930 (in Russian).
- Perez, K. *Tekhnologicheskie revolyutsii i finansovyi kapital* [Technological revolutions and financial capital]. Moscow: Delo Publ., 2013 (in Russian).
- Pilyasov, A.N. “Kolyma Highlands, Technological Structures and Regional Innovation System of Magadan Oblast in a Centennial Retrospective.” *Problems of Geography* 158 (2024): 184–232 (in Russian).
- Pilyasov, A.N., and Kotov A.V. “Russian Arctic-2035: Multi-Scale Forecast.” *Regional Economy* 20, no. 2 (2024): 369–394 (in Russian), <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-2-3>
- Pilyasov, A.N., and Tsukerman, V.A. “Development of a New Technological Paradigm in the Arctic Regions in 1990–2021.” *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* 15, no. 5 (2022): 126–148 (in Russian), <https://doi.org/10.15838/esc.2022.5.83.5>
- Pilyasov, A.N., and Tsukerman, V.A. “Technological Modes, Innovations and Economic Development of the Russian Arctic.” *The North and the Market: Forming the Economic Order* 25, no. 4 (2022): 7–22 (in Russian), <https://doi.org/10.37614/2220-802X.4.2022.78.001>
- Polovnikov, S.Ya. *Tam, za gorizontom...: Ocherki o Belom more i pomorakh* [There, beyond the horizon...: Essays on the White Sea and the Pomors]. Arkhangelsk: Pravda Severa Publ., 2014 (in Russian).
- Semenova, R.P. *Moi dom rodnoi – Varavino* [My home is Varavino]. Arkhangelsk: Lotsiia Publ., 2016 (in Russian).
- Stasenkov, V.A., Studenov, I.I., Novoselov, A.P., Kozmin, A.K., Pronina, O.A., Semushin, A.V., Stasenkova, N.I., Berezina, M.O., Frolov, S.B., Goncharov, Yu.V., and Pastukhov, S.V. *Pomorskoe rybolovstvo* [Pomeranian fisheries]. Arkhangelsk: Vserossiiskii nauchno-issledovatel’skii institut rybnogo khoziaistva i okeanografii Publ., 2011 (in Russian).
- Shurupova, E.E. “Dobycha i pererabotka vodoroslei na Severe v 1920-e gody: deiatel’nost’ tovarishchestva «Belomorskoe iodnoe proizvodstvo» i Belomorskoi iodnoi ekspeditsii [Extraction and processing of algae in the North in the 1920s: the activities of the partnership “Belomorskoye iodine production” and the White Sea iodine expedition].” In *Solovetskii sbornik*, 149–167. Arkhangelsk: Solovetskii muzei-zapovednik Publ., 2023 (in Russian).

- Varfolomeev, Yu.A., Bogdanovich, N.I., and Bokova, E.M. "Integration of Innovation Activity on Development and Production of Protection Facilities against Industrial Accidents Consequences and Catastrophes in the Arctic and Subarctic with Use of Local Raw Resources." *Bulletin of Higher Educational Institutions. Russian Forestry Journal*, no. 3 (2011): 155–159 (in Russian).
- Vinogradov, V.A. *Iod i ego poluchenie v Severnom krae* [Iodine and its production in the Northern Region]. Arkhangelsk: Severnoe kraevedcheskoe izdatel'stvo Publ., 1933 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Александр Николаевич Пилясов, доктор географических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; Россия, 119234, Москва, Ленинские горы, 1, ГСП-1; pelyasov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2249-9351>; SPIN-код: 5116-5442.

Анна Алексеевна Бужинская, ведущий эксперт Института стратегического развития Арктики, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова; Россия, 163002, Архангельск, набережная Северной Двины, 17; a.buzjinskaya@narfu.ru; <https://orcid.org/0009-0005-7779-6275>; SPIN-код: 4419-9399.

Александр Алексеевич Сабуров, кандидат исторических наук, директор Института стратегического развития Арктики, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова; Россия, 163002, Архангельск, набережная Северной Двины, 17; a.saburov@narfu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3274-5723>; SPIN-код: 9251-8954.

Alexander Nikolayevich Pilyasov, Dr. Habil. Geor., Professor, Lomonosov Moscow State University; GSP-1, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119234, Russia; pelyasov@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2249-9351>; SPIN-code: 5116-5442.

Anna Alexeevna Buzhinskaya, Leading Expert of Institute for Strategic Arctic Development, Lomonosov Northern (Arctic) Federal University; 17, Severnaya Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163002, Russia; a.buzjinskaya@narfu.ru; <https://orcid.org/0009-0005-7779-6275>; SPIN-code: 4419-9399.

Alexander Alekseevich Saburov, PhD in History, Director of the Institute for Strategic Arctic Development, Lomonosov Northern (Arctic) Federal University; 17, Severnaya Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163002, Russia; a.saburov@narfu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3274-5723>; SPIN-code: 9251-8954.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-528-546>
EDN: LAEQLW

Научная статья / Research article

Трансформация традиционного природопользования на Русском Севере в 1900-е – начале 1930-х гг.: по материалам Архангельского общества краеведения

Татьяна Павловна Тетеревлева ^a✉, Елена Евгеньевна Шурупова ^b

^aСеверный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова,
Архангельск, Россия

^bСоловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник,
поселок Соловецкий, Россия

t.teterleva@narfu.ru

Аннотация: Исследуются основные направления традиционной хозяйственно-экономической деятельности населения Русского Севера и попытки ее модернизации в 1920-е – начале 1930-х гг. Целью исследования стало выявление характера трансформации традиционного природопользования в условиях нового этапа промышленного освоения Севера. Источниковую базу исследования составляют архивные материалы Архангельского общества краеведения, документы региональных органов власти и местная периодическая печать. Охарактеризованы традиционные способы жизнеобеспечения населения Архангельского Севера в начале XX в., отмечено определяющее влияние водных и лесных промыслов на социально-экономическое развитие региона. Анализируется деятельность краеведческих обществ, которые сыграли важную роль в изучении хозяйства региона и выработке мер по развитию традиционных промыслов. Тяжелое экономическое положение после Гражданской войны определило интерес новой власти и экспертного сообщества к традиционным занятиям населения, которые рассматривались как ресурс для выхода из продовольственного кризиса, восстановления и развития промышленности. Ключевыми направлениями модернизации традиционных промыслов стали их техническое и технологическое переоснащение, а также кооперирование промысловиков. Делается вывод, что приоритетной поддержкой пользовались промыслы, имевшие связь с промышленным производством (лесохимическая и рыбная промышленность). Предпринимались попытки внедрения в качестве промысловых занятий новых видов деятельности (заготовки водорослей для йодного производства). Развернувшийся на рубеже 1920-х – 1930-х гг. процесс коллективизации в условиях перехода к плановой экономике фактически означал конец экономической самодеятельности и самобытности промыслового населения Русского Севера.

Ключевые слова: традиции жизнеобеспечения, промышленное освоение Севера, краеведческое движение, Архангельская губерния, Арктическая зона, приарктическая территория

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Все авторы внесли равный вклад в исследование и написание статьи, ознакомились с окончательным текстом и несут равную ответственность.

Для цитирования: Тетеревлева Т.П., Шурупова Е.Е. Трансформация традиционного природопользования на Русском Севере в 1900-е – начале 1930-х гг.: по материалам Архангельского общества краеведения // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 4. С. 528–546. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-528-546>

© Тетеревлева Т.П., Шурупова Е.Е., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Transformation of Traditional Natural Resource Management in the Russian North in 1900s – Early 1930s: Based on Materials of Arkhangelsk Society of Local History

Tatiana P. Teterevleva ^a , Elena E. Shurupova ^b

^a Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

^b State Museum-reserve «Solovsky», Solovetsky settlement, Russia

 t.teterevleva@narfu.ru

Abstract: The authors examine the main directions of research on the traditional economic activities of the population of the Russian North and attempts of their modernization in the 1920s – early 1930s. The aim of the study is to identify the nature of the transformation of traditional resource use amid a new stage of industrial development in the North. The research is based on archival materials from the Arkhangelsk Society of Regional Studies, documents of regional authorities, and local periodicals. The traditional means of livelihood for the population of Arkhangelsk Province in early 20th century are briefly characterized, highlighting the significant impact of aquatic and forest resources on the socio-economic development of the region. The activities of the societies for regional studies, which played an important role in studying the region's economy and developing measures for the growth of traditional industries, are analyzed. The difficult economic situation after the Civil War sparked interest among the new authorities and the expert community in the traditional occupations of the population, seen as a resource for overcoming the food crisis, restoring and developing industry. Key areas for the modernization of traditional trades included their technical and technological re-equipment, as well as the cooperation of resource users. Trades connected to industrial production (such as the forest chemical and fishing industries) received priority support. There were attempts to introduce new types of activities as part of traditional industries, such as the harvesting of seaweed for iodine production. The process of collectivization that unfolded at the turn of the 1920s and 1930s, in the context of the transition to a planned economy, effectively marked the end of economic independence and individuality for the resource-dependent population of the Russian North.

Keywords: socioeconomic development, traditions of livelihood, industrialization of the North, regional studies movement, Arkhangelsk Province, Arctic zone, subarctic territory

Conflicts of interest: The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions: All authors contributed equally to the research and writing of the article, reviewed the final text and bear equal responsibility.

For citation: Teterevleva, T.P., Shurupova, E.E. “Transformation of Traditional Natural Resource Management in the Russian North in 1900s – Early 1930s: Based on Materials of Arkhangelsk Society of Local History.” *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 4 (November 2025): 528–546 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-528-546>

Введение

Актуальность. Север и Арктика как территории, имеющие важнейшее стратегическое и экономическое значение, относятся к числу приоритетных для развития России в XXI в. Ключевые документы, определяющие российскую политику в этом регионе, подчеркивают важность сохранения и популяризации историко-культурного наследия, а также развития традиционных отраслей хозяйствования, народных промыслов и ремесел¹. В этом контексте изучение исторического опыта регулирования традиционного природопользования населения приарктических территорий приобретает как научную, так и практическую актуальность.

¹ Указ Президента РФ от 5 марта 2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» (с изменениями и дополнениями); Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» (с изменениями и дополнениями).

Традиционное природопользование понимается как сложившиеся в результате длительного приспособления к природно-климатическим условиям, передающиеся из поколения в поколение виды и способы использования территориальных ресурсов, хозяйственные навыки и обычаи, ориентированные на поддержание устойчивости образа жизни. В большинстве работ понятие «традиционное природопользование» применяется по отношению к коренным малочисленным народам Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока. Однако следует согласиться с исследователями, по мнению которых оно «обладает более широким потенциалом, который превосходит цели исследования этнических особенностей»² и может использоваться для изучения особенностей культуры и хозяйственной деятельности различных локальных сообществ, в том числе старожильческого населения Сибири и Русского Севера.

В современных условиях особенно актуальны исследования тех исторических периодов, когда происходил переход от одного экономического уклада к другому. Традиционное природопользование зачастую необоснованно идеализируется в противовес индустриальному как пример гармоничного взаимодействия между хозяйствующими субъектами и природой, хотя его влияние на природу и социально-экономическую ситуацию в регионе было далеко не однозначным, что хотя бы отчасти объясняет многочисленные попытки модернизировать традиционный уклад жизни населения Русского Севера.

Степень изученности проблемы. Изучение экономики Севера и традиционных способов хозяйствования началось в XVIII в³. К рубежу XIX–XX вв. оформилось представление о преимущественно промысловом характере северного хозяйства; особая роль отводилась изучению традиционных промыслов, прежде всего морских и лесных. Уже в этот период начинает обсуждаться идея о модернизации «архаичных» промыслов, необходимости встраивания промыслового хозяйства в промышленность⁴.

В первые два десятилетия советской власти исследования региональных особенностей жизнеобеспечения были связаны с деятельностью центральных и местных народнохозяйственных органов, краеведческих обществ, научных организаций⁵. Возникшие в предшествующий период представления о «полном архаике» Севере трансформировались в официальном советском дискурсе в нарратив о «крае суровом и отсталом», который «пролетарской волей и напором» надлежало превратить в «индустриальный новый Север», что в итоге привело к отрицанию ценности традиционного природопользования как актуальной и подлежащей сохранению части историко-культурного наследия региона. В силу этого по завершению «золотого десятилетия» краеведения традиционный хозяйственный уклад жителей Севера освещался прежде всего в рамках фольклорных и историко-этнографических изысканий⁶.

² Козлова С.А. Традиционное природопользование локальных старообрядческих (семейских) сообществ Забайкалья в XVIII–XX веках: теоретико-методологическая основа исследования // Научный диалог. 2020. № 9. С. 380. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-9-373-390> EDN: VEPAUV

³ Крестинин В.В. Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве двинского народа в Севере. СПб., 1785.

⁴ Ефименко А.Я. Артели Архангельской губернии. СПб., 1873; Спаде К.Ю. Северные рыбные промыслы и неотложные меры к их развитию. Архангельск, 1911; Данишевский И.И. Положение смолокуренного промысла в России, его значение и нужды северного смолокурения. СПб., 1913.

⁵ Северное хозяйство: Экономический журнал Архангельского губернского экономического совещания. Архангельск, 1923–1926; Смирнова М.А. Влияние краеведческого движения на развитие Русского Севера в 1917–1937 годах // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 4. С. 20–25. EDN: OHYGIF; Данилейко В.А. Научные организации 1920–1930-х гг. и их роль в изучении Севера Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 2. С. 166–169. EDN: PZLOUJ

⁶ Бернштам Т.А. Поморы: Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978; Гемп К.П. Сказ о Беломорье. Архангельск, 1983.

С середины 1960-х гг. важную роль в изучении социально-экономической истории Европейского Севера играли представители Вологодского проблемного объединения по аграрной истории этого региона и Северного отделения Археографической комиссии Академии наук СССР. В трудах П.А. Колесникова, В.А. Саблина и других представителей вологодской научной школы крестьяноведения уделялось внимание промысловой деятельности северного, прежде всего вологодского, крестьянства⁷.

Постсоветский период отмечен возрождением интереса к традиционным формам хозяйствования, прежде всего в контексте признания и обеспечения права на традиционное природопользование для коренных малочисленных народов в условиях перехода к рыночной экономике и реализации принятой в 1996 г. Концепции перехода РФ к устойчивому развитию⁸.

В современной России обращение к традиционным ценностям, актуализация проблем сохранения нематериального этнокультурного достояния страны способствуют активному изучению истории традиционных промыслов как неотъемлемой части культурного наследия региона⁹. Отдельно следует отметить работы, посвященные дискуссиям рубежа 1920-х – 1930-х гг. о путях развития северных территорий и об участии в них экспертно-краеведческого сообщества¹⁰.

Вместе с тем изменения в оценках характера традиционного природопользования Русского Севера, направления и способов его модернизации в первые десятилетия XX в., включая период становления советской государственности, не получили в историографии целостного освещения. Это определило цель данного исследования.

⁷ Колесников П.А. Промыслово-ремесленная деятельность северного крестьянства в XVIII в. // Промышленность и торговля в России XVII–XVIII вв.: Сборник статей / Под ред. А.А. Преображенского. М., 1983. С. 138–153; Долинин В.М. Промыслы сельского и городского населения Вологодской губернии в конце XIX – начале XX в. // История СССР. 1985. № 2. С. 53–162; Саблин В.А. Промыслы и их роль в крестьянском хозяйстве Европейского Севера в 1910-е – 1920-е годы // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия / гл. ред. Г.В. Судаков. Сост. С.А. Тихомиров. Вологда, 2007. С. 258–267. EDN: WZFXIL

⁸ Клоков С.Б. Традиционное природопользование коренных малочисленных народов Севера: Географические и социально-экологические проблемы: Дис. ... д.г.н. М., 1998; Пика А.И. Неотрадиционализм на российском Севере: идти в будущее, не забывая прошлого // Социологические исследования. 1996. № 11. С. 47–53; Жукова Е.В. Право на традиционное природопользование коренных малочисленных народов как объект правового регулирования // Труды Института государства и права РАН. 2010. № 5. С. 153–163. EDN: TXUABV; Белобородова И.Н., Шурупова Е.Е. Изучение традиций природопользования для реализации программы современного устойчивого развития Российской Федерации // Актуальные проблемы экологического образования и охраны окружающей среды. Тезисы докладов II международной научно-практической конференции. Архангельск, 1998. С. 88–89. EDN: ZBXFFR

⁹ Белобородова И.Н. Общественные инициативы по модернизации промысловой системы хозяйства Европейского Севера России (к проблеме становления гражданского общества в конце XIX – начале XX века) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 2. С. 11–21. EDN: QBVAEH; Коротаев В.И. Русский Север в конце XIX – первой трети XX в.: Догоняющая модернизация и социальная экология. Дис. ... д.и.н. Архангельск, 2000. EDN: QDHGTD; Красовская Т.М. Природопользование Севера России. М., 2008; «Море – наше поле»: количественные данные о рыбных промыслах Белого и Баренцева морей, XVII – начало XX в. / Под общ. ред. Д.Л. Лайус, Ю.А. Лайус. СПб., 2010. EDN: QSUZAF; Поморские промыслы: рекомендованный библиографический список / сост. Г.Ю. Пушкирева. Ред. О.С. Ившина, В.В. Гаврилова. Архангельск, 2021.

¹⁰ Шубин С.И., Перебинос Ю.А. Европейский Север России: к вопросу о Вологодской альтернативе развития региона на рубеже 1920–1930-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. С. 173–180. <https://doi.org/10.17223/15617793/452/21>. EDN: NCUNCM; Вячеслав Д.Д., Шевцов В.В. Томское бюро Общества изучения Сибири и ее производительных сил в контексте регламентации краеведческой деятельности в регионе (1927–1928 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 85. С. 13–19. <https://doi.org/10.17223/19988613/85/2> EDN: PBZKOP

Цель исследования – в контексте краеведческих исследований по изучению хозяйства региона и мер по модернизации традиционного природопользования населения Русского Севера в первые десятилетия XX в. определить характер трансформации традиционного природопользования в условиях нового этапа промышленного освоения северных территорий.

Источниковая база. В основу исследования положен комплекс как опубликованных, так и архивных материалов, связанных с деятельностью Архангельского общества краеведения (АОК), часть которых впервые вводится в научный оборот; документы региональных органов власти; публикации местной периодической печати. Эти документы фиксируют позиции инициативной прослойки научно-исследовательских и производственных кадров и характеризуются высокой степенью информативности для понимания официальной и экспертной оценки положения дел в северном регионе в рассматриваемый период. Для обеспечения репрезентативности выводов привлекались также издания Вологодского общества изучения Северного края (ВОИСК) и Общества изучения Олонецкой губернии (ОИОГ).

Территориальные рамки. Следует отметить сложность определения точных границ понятия «Русский Север», его дискуссионность, несовпадение исторических, территориальных и административных рубежей. Географически к Русскому Северу можно отнести земли европейской части России, которые расположены в бассейнах рек, впадающих в моря Северного Ледовитого океана. В настоящей статье речь пойдет прежде всего о территории Архангельской губернии¹¹, контекстуально привлекаются материалы соседних северных регионов. Такой выбор территориальных рамок имеет и документальное обоснование: в частности, в Уставе Архангельского общества краеведения, документы которого, как упоминалось выше, легли в основу источниковой базы данной статьи, указано, что «под северным краем, изучению которого посвящает себя Общество, разумеется территория Архангельской губернии»¹².

Деятельность Архангельского общества краеведения по изучению традиционных промыслов Русского Севера

Высокая степень информативности материалов, собранных архангельскими краеведами, объясняется тем, что еще в предреволюционные годы изучение хозяйства Севера, его истории и современного состояния становятся одними из главных объектов внимания местного краеведческого сообщества, еще в 1908 г. сформировавшегося в Архангельское общество изучения Русского Севера (АОИРС). В «Известиях АОИРС» постоянными были разделы, посвященные лесному делу, охоте, рыболовству и морским промыслам, сельскому хозяйству и огородничеству, где за время издания (1909–1919 гг., от 15 до 24 номеров в год) появилось более двухсот публикаций, часть которых были затем изданы в виде отдельных брошюр.

Другие северные краеведческие общества также выпускали свои периодические издания, но они имели более короткую историю, меньшее количество номеров, несколько иные приоритеты¹³. Так, по составленному в 1926 г. описанию архива

¹¹ Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в XVIII–XX веках: Справочник / отв. сост. Л.В. Гундакова. Архангельск, 1997. С. 76–98.

¹² Устав Архангельского общества краеведения. Архангельск, 1923. С. 1.

¹³ С 1913 по 1917 год ежегодно выходили по 8 выпусков «Известий Общества изучения Олонецкой губернии». В 1914–1917 гг. вышли в свет 4 номера «Известия ВОИСК»; в одной из рецензий на второй их выпуск отмечалось: «Ряд статей... имеет большое научное и практическое значение, но мало может заинтересовать широкую публику: это специальные статьи по местной флоре и горнозаводскому делу. Таковы очерки Н. Ильинского и Л.И. Молякова о вологодской траве «тимофеевке», В. Никуличева

ВОИСК можно обнаружить ключевые направления исследований вологодских краеведов: в нем отмечалось, что «по экономическому, народно-хозяйственному и сельскохозяйственному краеведению имеется 26 работ»¹⁴ (из приведенных в издании 203 рукописей, в основном посвященных фольклорно-этнографическим изысканиям).

АОИРС было распущено в 1920 г., когда на Севере вновь установилась советская власть, а задачи изучения экономики края были возложены на сформированный в том же году Научно-справочный отдел совнархоза Архангельской губернии. Вместе с тем деятельность АОИРС стала важным фактором, способствовавшим продолжению традиции краеведческой работы уже в советское время. Часть членов АОИРС вошли в состав созданного 13 мая 1923 г. Архангельского общества краеведения (АОК), председателем которого был избран глава Губисполкома и редактор губернской газеты «Волна» И.И. Боговой, а одним из самых активных участников стал переехавший в 1922 г. в Архангельск из Вологды экономист-кооператор А.А. Евдокимов.

Основные направления деятельности АОК были схожи с АОИРС, однако акценты были расставлены по-другому. На вопрос: «Является ли „Архангельское общество краеведения“ полным наследником всего достояния „Архангельского Общества изучения Русского Севера“ и продолжателем его деятельности?» председатель АОК дал отрицательный ответ. В отличие от «интеллигентского» и «внепартийного» досоветского краеведения вновь созданное Общество было охарактеризовано как «организация, безраздельно приемлющая диктатуру пролетариата, безраздельно поддерживающая и борющаяся за Советскую власть»¹⁵.

Соответственно и характер краеведческой работы подлежал изменениям в духе политики нового государства. Как отмечал А.А. Евдокимов, «новое советское краеведение с первых шагов решило, что оно выполняет государственную работу, что оно является одним из звеньев общей цепи государственных и общественных организаций»¹⁶.

Эти приоритеты во многом определили повестку I Губернского съезда членов Общества краеведения, состоявшегося 9–12 июля 1924 г. в Архангельске: из 20 докладов, заслушанных на съезде, 13 были посвящены экономическим проблемам Севера. Из секций, организованных в структуре АОК, именно экономическая секция, в фокусе внимания которой были «работы по плановому хозяйству, районирование, промыслы» всегда позиционировалась как главная, чья работа «не носила узко-академического характера, а была увязана с работой местных органов»¹⁷. Экономическая секция была и самой активной: только в 1925 г. с ее работой были связаны 11 из 24 публичных заседаний Общества.

Материалы Архангельского общества краеведения представляют собой уникальный источник, позволяющий изучить социально-экономические проблемы северного региона в межвоенный период. В их составе – записки и доклады ведущих

о причинах горимости лесов на севере и мерах борьбы с нею и Перова о свинцовых месторождениях в Вологодской губернии». В качестве примеров публикаций, которые «вызывают широкий интерес», приводились статьи по истории и этнографии. См.: Данилов В. Известия вологодского общества изучения Северного края. Выпуск II. 1915 // Исторический вестник. 1916. Т. CXLIII. С. 285.

¹⁴ Труды Вологодского общества изучения Северного края: научный архив Вологодского общества изучения Северного края и его научные ценности. Вологда, 1926. С. 16.

¹⁵ Год работы. Материалы Архангельского общества краеведения. 1923–1924 гг. Архангельск, 1924. С. 4.

¹⁶ Протокол Первого Губернского съезда членов Общества краеведения. 1-е заседание. 9 июля 1924 г. // Год работы. Материалы Архангельского общества краеведения. 1923–1924 гг. Архангельск, 1924. С. 28.

¹⁷ Там же.

исследователей и практиков того времени (А.А. Евдокимова, В.С. Гринера, И.П. Ануфриева и др.), чьи наблюдения охватывают широкий спектр вопросов – от рыболовства, зверобойного промысла и смолокурения до кустарных ремесел и художественных промыслов. Основные проблемы, выявленные участниками АОК, включали противоречия между традиционным и индустриальным природопользованием, соотношение и возможные направления развития сельского хозяйства и неземледельческих промыслов, а также проблемы технической модернизации и кооперирования северного хозяйства. Значимость этих материалов заключается в их многоаспектности и детальном отображении проблемного поля, что делает его ценным материалом для анализа переходного периода от традиционного уклада к индустриализации.

Традиционное жизнеобеспечение, хозяйственно-экономическая деятельность населения Русского Севера и попытки их модернизации в первой половине 1920-х гг.

К началу XX в. на Русском Севере сложилось своеобразное сочетание традиционных форм хозяйственной деятельности с элементами зарождающегося индустриального уклада. Для региона было характерно развитие неземледельческих промыслов, связанных с эксплуатацией лесных и водных ресурсов. Так, в Вологодской губернии в период с 1904 по 1909 гг. промыслы обеспечивали 42,1 % общего дохода семей; в Архангельской губернии накануне Первой мировой войны средний доход от промыслов составлял более 60 % от совокупного¹⁸. В «Обзорах Архангельской губернии» в качестве основных упоминаются лесная охота и отхожие лесные промыслы (смолокурение, рубка, вывоз и сплав древесины), промысел морского зверя, морское рыболовство¹⁹. Помимо этого, существовали такие местные промыслы, как судостроительный, жемчужный, косторезный.

Степень товарности промысловых хозяйств была довольно высокой; Север включался в систему всероссийского внутреннего рынка в качестве рыбо-зверопромысловой области²⁰. Так, значительная часть боровой дичи и пушнины в Печорском, Мезенском и других уездах предназначалась не для местного потребления, а шла на продажу в другие регионы России и за рубеж; среднедушевая ежегодная прибыль от этого промысла в те же годы составляла 13 руб. (в отдельные годы среднедушевая прибыль могла доходить до 25 руб.)²¹.

Вместе с тем практически во всех промыслах преобладали архаические орудия; отмечалось, что «в промысловых занятиях северного промышленника нет никакого прогресса, и он довольствуется опытом, унаследованным исстари по прочно укоренившейся веками традиции»²². Это обуславливало низкую производительность при тяжелых, а зачастую и опасных условиях промысла, и, кроме того, могло сопровождаться «варварским» отношением к природным ресурсам²³.

¹⁸ Костров Н.И., Никитин Н.П., Эмме А.А. Очерки организации крестьянского хозяйства: По материалам бюджетных исследований начала XX века: Труды. РСФСР. Народный комиссариат земледелия. Земплан / под ред. И.А. Теодоровича. М., 1926. Вып. IV. С. 5.

¹⁹ Приложения к ежегодным отчетам губернатора о состоянии Архангельской губернии, составлявшиеся губернским Статистическим комитетом.

²⁰ Бернштам Т.А. Поморы: Формирование группы и система хозяйства... С. 90.

²¹ Обзоры Архангельской губернии, 1879–1914 гг.

²² Жилинский А.А. Морские промыслы Белого моря и Ледовитого океана. СПб., 1917. С. 26.

²³ В частности, в одном из отчетов АОК указано, что на островах Белого и Баренцева морей сбор яиц на птичьих базарах, добыча меха песца на Новой Земле «ведутся бесконтрольно и могут привести к разорению промыслов». См.: Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. Р-270. Оп. 1. Д. 12. Л. 31–32.

Процесс модернизации северного хозяйства шел медленно, сочетая сохранение устоявшихся традиций с внедрением отдельных технических и организационных новшеств. Например, в программу деятельности созданного 30 декабря 1894 г. Комитета для помощи поморам Русского Севера входило содействие поморскому судостроению, издание промысловых карт и руководств, улучшение способов лова рыбы и заготовления рыбных продуктов, снабжение ружьями для звериных промыслов, содействие развитию жемчужного и других водных промыслов²⁴.

В 1909 г. была начата работа по агрономической помощи населению Архангельской губернии: снабжение населения семенами, удобрениями и современными сельскохозяйственными орудиями и техникой; расширение посевных площадей за счет мелиорации болот; распространение травосеяния и огородничества, внедрение новых культур, в том числе сортового картофеля, развитие аграрного образования²⁵.

Важными направлениями модернизации также стали внедрение кооперации, помощь в создании артелей промысловиков. Тем не менее создание и деятельность промысловых артелей и в начале XX в. регулировалась в основном традициями, поскольку большинство этих артелей оставались «неуставными» (то есть организованными на основе устных или письменных договоров)²⁶.

Первая мировая война подчеркнула военно-стратегическое значение Русского Севера и Арктики. Блокировка морских путей в Балтийском и Черном морях привела к переносу основных коммуникаций России с союзниками в северные порты. Мобилизация, набор рабочих для военных нужд изымали значительные людские ресурсы из сельского хозяйства и других традиционных сфер экономики. Экономическую ситуацию в регионе ухудшили последствия Гражданской войны и интервенции: производство на многих лесозаводах остановилось, сократились лесная торговля и морское рыболовство; ощущалась серьезная, на грани голода, нехватка продовольствия.

Эти факторы оказали значительное влияние на социально-экономическую жизнь северных регионов, вызвав трансформации традиционного уклада жизни. Необходимость послевоенного восстановления экономики определила внимание новой власти и краеведческого сообщества к традиционным занятиям населения Севера, в которых виделся ресурс не только для выхода из продовольственного кризиса, но и для развития промышленности региона, поскольку сырье для нее в значительной части поставляли промысловики.

Обследования, проведенные экономической секцией АОК в первой половине 1920-х гг., выявили основные статьи доходов населения губернии: урожай; лесные заработки; отхожие лесные заработки на лесопильных заводах в Архангельской губернии; рыболовство и морские звериные промыслы; животноводство и переработка мясных и молочных продуктов. К второстепенным относились: кустарные промыслы, лесная охота, оленеводство, извоз, сбор грибов и ягод²⁷. Отмечались также промыслы на островах Белого и Баренцева морей, в их числе сбор яиц на птичьих базарах, добыча меха песца на Новой Земле²⁸.

²⁴ Краткий очерк деятельности Комитета для помощи поморам Русского Севера. 1894–1898. СПб, 1899. С. 18–20.

²⁵ Обзор Архангельской губернии за 1911 год: ежегодный отчет. Архангельск, [1912]. С. 4–28.

²⁶ Максимов В. Артели биржевые и трудовые с разъяснениями Правительствующего Сената и приложением: всех действующих узаконений, правил, образцовых уставов биржевых и трудовых артелей и устава общества для содействия артельному делу в России. М., 1907. С. VI.

²⁷ ГААО. Ф. Р-270. Оп. 1. Д. 12. Л. 31–32.

²⁸ Там же. Л. 32.

В результатах обследований привлекает особое внимание изменение по сравнению с довоенным периодом соотношения между сельским хозяйством и промыслами: совокупные доходы от земледелия и животноводства оказались на первом месте, значительно превысив доходы от промыслов (таблица). Лишь в 4-х из 18-ми уездов Архангельской губернии (Онежском, Архангельском, Мезенском и Печорском) земледелие «не составляло для населения существенного занятия»²⁹. При этом произошло перераспределение доли отдельных промыслов в общем объеме промыслового хозяйства. Так, охота, которая «когда-то была коренным занятием местного населения... начала терять свое значение и приобрела подсобный характер»³⁰.

Статьи дохода сельского населения Архангельской губернии

Годы	Доля в совокупном доходе, %		
	Полеводство и животноводство	Доходы от леса	Доходы от промыслов
1910–1913	36,4	27,2	36,4
1919–1922	65	7	28

Источник: Таблица составлена на основе: Евдокимов А.А. Важнейшие статьи дохода сельского населения Архангельской губернии // Вестник Архангельской кооперации. 1922. № 3. С. 5; Ерофеичев И.П. Промыслы Архангельской губернии. Архангельск, 1925. С. 10.

Income items of the rural population of the Arkhangelsk province

Years	Share of total income, %		
	Crop farming and animal husbandry	Forest revenues	Income from trades
1910–1913	36,4	27,2	36,4
1919–1922	65	7	28

Source: The table is based on: Evdokimov, A.A. "Vazhneishye stat'i dokhoda sel'skogo naseleniya Arkhangelskoi gubernii [The most important income items of the rural population of Arkhangelsk province]." *Vestnik Arkhangelskoy kooperatsii*, no. 3 (1922): 5; Erofeychev, I.P. *Promysly Arkhangelskoy gubernii* [Industries of Arkhangelsk province]. Arkhangelsk: Severnoe khoziaistvo Publ., 1925. P. 10.

Повсеместное сокращение доли промыслов было связано в том числе со снижением товарности промысловых хозяйств. При этом от экономического кризиса менее страдали те промыслы, которым был свойственен более «натурально-потребительский характер». В материалах проведенного в 1921 г. обследования промыслов отмечалось:

Чем в большей степени обслуживает промысел натуральные потребности хозяйства, тем лучше он хранился, а иногда даже усилился за последние годы. Очевидно, такое положение, наряду с разрушением инвентаря, обусловлено в значительной мере отсутствием мотивов для сбыта продуктов³¹.

В связи с этим в АОК разгорелась дискуссия о правомерности отнесения губернии к промысловым, а не к сельскохозяйственным. В январе 1925 г. на объединен-

²⁹ Евдокимов А.А. Краткий очерк по хозяйственному краеведению Северо-Восточной области // Север. 1923. № 1. С. 71.

³⁰ Контрольные цифры народного хозяйства Северо-Восточной области на пять лет. Архангельск, 1925. Вып. 3: Перспективный план лесного хозяйства на 1924–1929 гг. С. 35.

³¹ Воленс Н.В. Промыслы и сельское хозяйство Печорского края: (отчет рекогносцировочного экономического исследования за 1921 г.) // Труды Северной научно-промышленной экспедиции. Вып. 21. М.; Л., 1924. С. 59.

ном заседании культурно-исторической и экономической секций И. Боговой представил доклад о состоянии сельского хозяйства в Архангельской губернии³². Его вывод о подсобной роли сельского хозяйства в крестьянском бюджете был оспорен несколькими участниками заседания. Заведующий Губстатбюро В.В. Пландовский указал, что

скотоводство и полеводство с одной стороны и промыслы с другой – равновеликие величины, даже первые два несколько больше³³.

Его поддержали агроном П.И. Грюнбаум и проводивший обследование крестьянских хозяйств А.А. Ельцов. Последний отметил, что

даже в типично лесозаготовительных районах полеводство и скотоводство дают 50–52 % всего дохода. Для южной части губернии оно безусловно является основой крестьянского бюджета³⁴.

Выход на первый план в начале 1920-х гг. земледелия и животноводства на Севере не случаен: они обеспечивали население продовольствием в условиях, когда, в отличие от дооцененных времен, «каждая область должна была рассчитывать на самоснабжение»³⁵. Более того, вопрос о характере хозяйства региона имел принципиальное значение, поскольку «от разрешения его в ту или иную сторону существенно зависит политика земуправления»³⁶ по поддержке определенных отраслей экономики региона. В этот период оформляется концепция интенсивного «колонизационного» освоения северных территорий советским государством, и такой аспект обсуждения был отзвуком более общей дискуссии о двух путях «колонизации» Севера. «Промышленная колонизация» основывалась на развитии транспортных коммуникаций (прежде всего железных дорог) с переводом северных территорий в исключительно промысловые и промышленные. Сторонники «сельскохозяйственной колонизации» (поддержанные экономистами-аграрниками, в том числе А.В. Чаяновым) выступали за развитие земледелия и на Севере, подчеркивая перспективы картофелеводства, льноводства, кормопроизводства и маслоделия как ключевых для устойчивого развития региона³⁷.

В начале 1920-х гг. создание собственно крупной промышленности было затруднительным из-за отсутствия необходимых капиталовложений. Поэтому в качестве главной задачи экспертно-краеведческое сообщество ставило «усовершенствование и развитие промыслов кустарного характера, кои составляют наряду с сельским хозяйством базу жизни этого края»³⁸, при этом магистральным направлением стало изучение и модернизация тех отраслей традиционного северного хозяйства, на основе которых возможно будет форсировать промышленное освоение Севера. В 1920-е гг. к ним были отнесены молочное животноводство, лесные и морские промыслы.

В период нэпа попытки развить переработку продукции животноводства, прежде всего, кооперативное масло- и сыроделие были способом модернизации тради-

³² ГААО. Ф. Р-270. Оп. 1. Д. 12. Л. 25 об. – 26.

³³ Там же. Л. 27.

³⁴ Там же. Л. 28.

³⁵ Евдокимов А.А. Краткий очерк по хозяйственному краеведению... С. 71.

³⁶ ГААО. Ф. Р-270. Оп. 1. Д. 12. Л. 28 об.; Архангельское губернское земельное управление осуществляло руководство мероприятиями по организации сельского, лесного и рыбопромыслового хозяйства в губернии, подчинялось наркомату земледелия (ГААО. Ф. Р-105).

³⁷ Циркин Г.Ф. Колонизация Севера и пути сообщения. Пг., 1919; Чаянов А.В. Организация северного крестьянского хозяйства. Ярославль, 1918.

³⁸ Евдокимов А.А. Институт Промышленных Изысканий при Архангельском Обществе Краеведения. Архангельск, 1924. С. 49.

ционного крестьянского хозяйства Архангельской губернии, унаследованным от дореволюционного периода. Однако в отличие от более южной Вологодской губернии, из-за недостаточного количества молока и низкого его качества наладить производство в необходимых масштабах не удалось. Интересно в этом контексте письмо техника по молочному хозяйству Соловецкого совхоза (унаследовавшего от закрытого монастыря немалое поголовье скота) В. Соколова в Архангельский губземотдел:

...я в настоящее время поставлен мастером при Большой Муксольме³⁹, где и вырабатываю сыр голландский, а также масло. Молока после[дне] время 14 пудов, кроме того, есть расход молока как в совхоз, а также телятам, так что на сыр идёт молока не более 8–10 пудов. [...] На таком количестве молока мне совестно быть при Соловках, а поэтому прошу Губземотдел перевести меня весной из Соловков⁴⁰.

По мнению аграрников, в первой половине 1920-х гг. ключевыми проблемами традиционного землепользования на Севере являлись приверженность к выращиванию зерновых культур и трехпольной системе в зоне рискованного земледелия. Существенным недостатком этой системы в контексте новой политической и экономической ситуации были малые возможности для создания крестьянских кооперативов, в то время как подконтрольное государству развитие кооперации (в противовес «частникам») было одним из важных направлений нэпа. «При трехполье крестьянская кооперация всей пользы не окажет», – заявлял А.А. Евдокимов, призывая крестьян: «откажитесь от трехполя, организуйте в поле посев клевера и посадку картофеля» и предлагая излишки собранного картофеля «переработать на кооперативном заводе в картофельную муку»⁴¹.

Введение нэпа способствовало постепенному возрождению роли неземледельческих промыслов в природопользовании северных территорий. По мнению В.А. Саблина, с 1923 г. начала восстанавливаться «традиционная “система” отхода», прежде всего в лесных промыслах и морском рыболовстве; доля хозяйств с промыслами постепенно росла⁴². Этому способствовала и налоговая политика советского государства: поначалу промысловые и отхожие заработки не облагались сельскохозяйственным налогом.

Одним из самых продуктивных лесных промыслов, существенный рост которого наблюдался в 1920-е гг., стало смолокурение. Однако к середине 1920-х гг. выяснилось, что наращивание объемов производства без дальнейшей переработки смолы приведет к кризису отрасли. Спрос на смолу падал: «Ограничение деревянного зодчества и судостроения, применение суррогатов – каменноугольных смол ограничивают применение черной сосновой смолы»⁴³. Признавая большой потенциал лесохимической отрасли для развития региона, местные власти и краеведческое сообщество пытались стимулировать промысловиков к выработке продукции переработки смолы (дегтя, канифоли, терпентина).

Восстанавливались и беломорские рыбные промыслы: тресковый промысел по Мурманскому берегу, семужий по Терскому, сельдяной по Карельскому, наважий и тресковый по Поморскому; в Мезенском и Архангельском уездах – морской зверо-

³⁹ Большая Муксольма (прав. Большая Муксалма) – один из островов архипелага Соловецкие острова.

⁴⁰ ГААО. Ф. Р-105. Оп. 3. Л. 22.

⁴¹ Евдокимов А.А. Пожелания крестьянской кооперации Архангельской губернии на 1923 год. Архангельск, [1923]. С. 2–3.

⁴² Саблин В.А. Промыслы и их роль... С. 262.

⁴³ Евдокимов А.А. Лесохимические промыслы на Севере. Архангельск, 1927. С. 19.

бойный промысел гренландского тюленя⁴⁴. При этом результаты проведенных АОК обследований выявляли «достаточно печальное» состояние водных угодий. Многие тони⁴⁵ были заброшены или находились в разрухе, орудия лова не обновлялись:

Изношенность рыбопромыслового вооружения по губернии весьма сильная. Перебой в снабжении промыслового населения сетями и материалами для вязания новых сетей и ремонта старых, имевший место в последние годы гражданской войны, привел большую долю сетного вооружения в непригодное состояние⁴⁶.

Низкая товарность неземледельческих промыслов, сохранение «архаических» технологий и форм промысловой деятельности (в частности, отходничества) вызывали серьезную тревогу у экспертного сообщества по нескольким причинам. Во-первых, основанная на «типичном кустарничестве с чертами крестьянского хозяйства» лесная и рыбная отрасли «давали весьма скромные результаты» по производству и экспорту продукции; во-вторых, неэффективно организованные промыслы «опустошали природные богатства края»; в-третьих, отходничество, «не дававшее здоровых оснований для хозяйственного устроения трудового населения»⁴⁷ виделось как источник социальных проблем.

Важное место среди обоснований необходимости перехода к масштабному промышленному освоению занимали геополитические соображения. Традиционные способы лова и переработки рыбы, характеризовавшиеся низкими продуктивностью и качеством, усугубляли опасность со стороны британских траулеров, занимавшихся хищническим выловом рыбы в северных морях, и норвежских концессионеров, добывавших тюленя в масштабах, угрожавших истреблением зверя⁴⁸:

Захват Шпицбергена, недопущение высадки северной экспедиции ВСНХ в 21 году, прибывшей к Медвежьему острову и нашедшей здесь спешные разработки иностранцами каменноугольных залежей при электрическом освещении, лов у северных берегов иностранными тральщиками трески, хищническое истребление морского зверя... – все это указывает на уже начавшийся экономический захват Севера. Единственный путь противодействия – извлечение собственными силами всех выгод естественных богатств края, которые так нужны для восстановления хозяйственного организма нашей республики⁴⁹.

В 1924 г. для решения этих задач при Архангельском обществе краеведения был создан Институт промышленных изысканий, в 1926 г. выведенный из ведения АОК и реорганизованный в самостоятельное научно-исследовательское учреждение в структуре Губисполкома. В докладе комиссии Рабоче-крестьянской инспекции о результатах обследования института в 1926 г. отмечалось:

В задачи ИПИ входит продвижение и включение в систему экономических ресурсов Севера ряда возможных здесь промыслов, которые или до сих пор совершенно не известны населению, или велись в свое время, но почему-то либо оставлены, или же ведутся крестьянами и ныне, но, за отсутствием научной и технической помощи, находятся в примитивном состоянии⁵⁰.

⁴⁴ ГААО. Ф. Р-1743. Оп. 2. Д. 86. Л. 1 об.

⁴⁵ Поморское название рыболовного участка на берегах Белого моря.

⁴⁶ Ерофеичев И.П. Промыслы Архангельской губернии. Архангельск, 1925. С. 16.

⁴⁷ Чиркин Г.Ф. Колонизация Севера и пути сообщения... С. 6.

⁴⁸ В 1924 г. на долю норвежского промысла пришлось 200 000 голов тюленя, что составило 75 % от общего объема добычи. См.: Чиркин Г.Ф. Колонизация Севера и пути сообщения... С. 25.

⁴⁹ Арнольдов А. Вторые Дарданеллы: Мурманский выход в Европу. Пг., 1922. С. 5.

⁵⁰ Ф. Р-737. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

Для реализации этих планов предусматривались шаги по усилению коллективного характера кустарных промыслов, кредитование в целях обновления материально-технической базы и расширения промысловой деятельности (в первую очередь в рыболовстве и охоте), соединению кустарного и промышленного производства в форме внедрения обрабатывающих предприятий, обеспечения устойчивого сбыта продукции промыслов через государственные и кооперативные структуры, попытки приобщения крестьян к новым видам деятельности. Предполагалось «воссоздание и поддержание на местах художественных и других более мелких и менее характерных для губернии» промыслов, поскольку «резьба по кости, инкрустация меха, меховые вещи, ковры – находят сбыт почти наравне с вологодскими кружевами»⁵¹.

Особо следует отметить попытку внедрения нового промысла – йодно-водорослевого (заготовки водорослей и пережигания их для получения йодсодержащей золы). В 1924 г. на заседании экономической секции АОК по итогам доклада председателя Правления Товарищества беломорских водорослей В.К. Низовкина о развитии йодной промышленности был поставлен вопрос: «Может ли население Ледовитого побережья добывать себе средства к жизни заготовкой водорослей по добыванию йода?». В числе аргументов в пользу перспективности развития йодно-водорослевого артельного промысла указывались обилие сырья – штормовых выбросов водорослей на побережье Белого моря, а также простота их пережигания⁵².

Особое место занимала организация научной, технической и педагогической работы: сравнительное изучение опыта промысловой деятельности в губернии, других регионах России и соседних странах (в частности, Норвегии); производство опытных и разведочных работ (например, опытное подсечно-шпальное хозяйство около станции Обозерская; добывание солей стронция из целестина в Пинежском уезде); проведение учебных курсов (например, маслодельно-сыроваренных); выпуск научно-популярной литературы; устройство учебно-показательных установок (по сажекопчению и дегтекурению)⁵³.

Важно отметить, что несмотря на скептическое отношение к «архаическим» формам хозяйственной деятельности, участники краеведческого движения подчеркивали необходимость учитывать адаптационные возможности местного населения:

Изучая экономику промыслов, не надо держать в тени человека, как творца и служителя этой экономики. Способности, навыки, характеры местного населения должны выдвигаться в достаточной мере в собираемых материалах⁵⁴.

Так, предполагалось, что поднять производительность морского рыболовства можно без отказа от артельной организации промысла и традиций поморского судостроения, увеличив состав артелей и заменив парусный флот парусно-моторным. Отношение исследователей-краеведов к распространению тралового лова было неоднозначным, поскольку уже тогда очевидны были его негативные последствия как для экосистемы северных морей, так и для поморов-промысловиков. Краеведческое общество также выступало в защиту интересов отечественных промысловиков от иностранной конкуренции. В частности, экономическая секция АОК выдвинула

⁵¹ ГААО. Ф. Р-270. Оп. 1. Д. 9 об.

⁵² Там же. Д. 12. Л. 34–35. Однако заинтересовать крестьян золозаготовками не удалось, и в итоге на заготовку водорослей были направлены в 1930-е гг. на Север спецпереселенцы.

⁵³ Евдокимов А. Институт Промышленных Изысканий при Архангельском Обществе Краеведения. Архангельск, 1924. С. 49.

⁵⁴ ГААО. Ф. Р-270. Оп. 1. Д. 12. Л. 48.

предложение ввести понятие промысловой зоны и запретить британским судам ловить рыбу тралом⁵⁵.

Судьба традиционного природопользования Русского Севера в условиях перехода к форсированной индустриализации (вторая половина 1920-х – начало 1930-х гг.)

В годы первой пятилетки начался форсированный переход к плановому промышленному природопользованию:

Новая техника, новые требования <...> создание постоянных кадров рабочих, организация труда и применение социалистических форм труда – вот что противопоставлено дедовским обычаям⁵⁶.

В середине 1920-х гг. вопросы изучения, охраны и использования морских ресурсов Арктики привлекают все большее внимание центральных научных организаций и правительственные учреждений. На состоявшейся в июне 1925 г. в Архангельске Первой областной конференции по изучению производительных сил Северо-Восточной области в отдельную группу были выделены вопросы, связанные с изучением северных морей и состоянием рыбо-звериных промыслов. Особое внимание стоит обратить на следующий вывод, определивший судьбу традиционного рыбного морского промысла:

Экономическое истощение рыбакских масс, износ орудий промысла, отсталость технических приемов промысла и обработки, наличие свободных рук вследствие сокращения парусного флота, занимавшегося до революции импортом морской рыбы, потребность страны в продукции промыслов, неурегулированность вопросов водопользования и пр., и пр., все это обязывает встать на путь планомерных и систематических мероприятий к восстановлению, реконструкции и дальнейшему развитию этих промыслов⁵⁷.

Намеченные цели – развитие рыбопромышленности, сокращение импорта (при допущении ввоза «предметов технического оборудования» как временной меры) – задали направления трансформации морских промыслов. Предполагались техническая модернизация, внедрение современных способов лова и обработки рыбы, продолжение научных исследований по изучению биологии и миграции промысловых рыб и морских животных⁵⁸. Одной из главных мер было признано строительство собственного тралового флота и «неуклонное расширение тралового промысла».

Под лозунгом превращения «отсталого Севера» в «могучий индустриальный район Советского Союза» в 1929 году была проведена первая Северная краевая конференция ВКП(б)⁵⁹. Приоритетами в экономике региона признавались лесная промышленность и экспорт древесины:

Механическая и химическая переработка добываемой на лесных площадях древесины составляет основную промышленность Северного края и находится в центре тех задач, которые дает Северному краю государственная пятилетка⁶⁰.

⁵⁵ Год работы... С. 12–13.

⁵⁶ Синельников С.М. Северный край: экономико-географический очерк. Архангельск, 1936. С. 76.

⁵⁷ П.М. Итоги Первой областной конференции по изучению производительных сил Северо-Восточной области // Северное хозяйство. 1925. № 7–8. С. 87.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ ГААО. Ф. П-290. Оп. 1. Д. 4. Л. 322. Северный край был образован по постановлению ВЦИК от 14 января 1929 г. В его состав вошли Архангельская, Вологодская и Северо-Двинская губернии и автономная область Коми.

⁶⁰ Евдокимов А.А. Лесная охота и государственная пятилетка в Северном kraе. Архангельск, 1930.

Как отмечалось выше, важным аспектом модернизации традиционных промыслов было продвижение кооперации промысловиков, активизировавшейся в советский период. В результате к началу 1932 г. в Северном крае только в лесохимической отрасли работали 45 000 кооперированных промысловиков, объединенных в более 300 артелей⁶¹. На начальном этапе нэпа предполагалось, что промысловые кооперативы могут обладать достаточной автономностью. Так, на заседаниях АОК поднимался вопрос о том, что «кустарям нужно дать больше самостоятельности, нельзя руководить ими из центра»⁶².

В последующие годы шел процесс централизации руководства кооперацией. Так, лесопромысловые артели были объединены в несколько специализированных и районированных союзов под руководством краевого союза, который ведал «всей кустарной кооперативной лесохимией края»⁶³. В конце 1920-х гг. Северный союз промысловой кооперации выступил с идеей создания единой организации – подобия треста, который занимался бы вопросами снабжения и сбыта продукции всех промыслов, поскольку на Севере «в большинстве своем рыбак, зверобой, охотник и оленевод есть одно лицо – промышленник»⁶⁴. Для координации работы кооперативов предполагалось открыть отделения Союза в Мурманске, Сороке, на Печоре и др. местах. Координационным центром Союза должен был стать Архангельск, несмотря на его удаленность от мест большинства промыслов⁶⁵.

На рубеже 1920-х – 1930-х гг. происходит переход от кооперирования к коллективизации промыслового хозяйства. В районах с преобладанием промысловой деятельности создавались промколхозы, коллективизировавшие и промыслы, и сельское хозяйство⁶⁶, начался процесс обобществления производства; часть промысловиков подверглись раскулачиванию: только в 1929–1930 гг. из кустарно-промышленных артелей было «вычищено 1150 кулаков»⁶⁷.

В 1928/29 г. на местах были созданы леспромхозы, вытеснившие прежние артели промысловиков; в морских промыслах бытовые артели, состоявшие из 3–4 чел., заменились рыболовецкими колхозами; к концу первой пятилетки было коллективизировано 60 % крестьянских хозяйств, произведено укрупнение мелких колхозов. В ставшей побочным промыслом лесной охоте распадались семейные охотхозяйства⁶⁸. Традиционные орудия промыслов, также характеризовавшиеся как «дедовские» и «отжившие», подлежали замене на новую технику. Так, получил распространение новый вид добычи морского зверя, имевший промышленный характер, – судовой, с применением судов ледокольного типа. Все зверобойное дело было передано под управление Северного морского пути⁶⁹.

Постепенно сводилась на нет и роль краеведческого экспертного сообщества в обсуждении путей экономического развития региона. На основании постановления СНК РСФСР «О реорганизации краеведческой работы в центре и на местах», признавшего «далнейшее существование центрального и местных бюро краеведения нецелесообразным»⁷⁰, 1 августа 1937 г. Архангельское краеведческое общество было ликвидировано.

⁶¹ ГААО. Ф. Р-1743. Оп. 2 доп. Д. 13. Л. 23–24.

⁶² ГААО. Ф. Р-270. Оп. 1. Д. 12. Л. 2.

⁶³ ГААО. Ф. Р-1743. Оп. 2 доп. Д. 13. Л. 23–24.

⁶⁴ Там же. Д. 86. Л. 7.

⁶⁵ Там же. Л. 5.

⁶⁶ Там же. Л. 44.

⁶⁷ Там же. Л. 43.

⁶⁸ Евдокимов А.А. Лесная охота и государственная пятилетка... С. 23.

⁶⁹ Там же. С. 93–103.

⁷⁰ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР за 1937 г. № 1–14. М., 1937. С. 74.

Происходившие изменения, малосовместимые с традиционными формами хозяйственной деятельности, знаменовали конец экономической самодеятельности и самобытности земледельческо-промышленного населения Русского Севера.

Заключение

Таким образом, в первые десятилетия XX в. для населения Русского Севера было характерно сочетание преобладающего традиционного и элементов зарождающегося индустриального укладов, при этом важную роль в системе природопользования играли лесные и водные промыслы. Первые шаги по их изучению и модернизации предпринимались еще в досоветский период. Однако серьезной трансформации традиционный уклад подвергся в первые десятилетия существования советской власти в контексте радикальных политических и социально-экономических преобразований.

В 1920-е гг. краеведческое сообщество Русского Севера играло важную роль в формировании концепций развития региона, выступая центром научной экспертизы и дискуссий о характере и перспективах северного хозяйства. Ключевыми вопросами стали определение приоритетного пути освоения северных территорий, разработка мер по поддержке и развитию экономики региона. В 1920-е гг. эти мероприятия сопровождались детальным изучением исторически сложившихся форм природопользования, отношение к которым было противоречивым. С одной стороны, традиционные формы хозяйственной деятельности небезосновательно воспринимались как проявления отсталости, не только мало совместимые с социалистической экономикой, но и низкоэффективные, а порой и наносящие ущерб природе. С другой стороны, в условиях нэпа они рассматривались как ресурс для восстановления хозяйства и в дальнейшем развития на их основе промышленного производства. В 1920-е гг. ключевыми направлениями модернизации традиционного природопользования виделись техническое и технологическое переоснащение промыслов, земледелия и животноводства, внедрение новых инструментов и методов обработки ресурсов, поддержка промысловых артелей. Важная роль в трансформации традиционных промыслов отводилась кооперированию промысловиков, вовлечению кооперативов во взаимодействие с трестами.

Переход от нэпа к политике индустриализации, ориентированный на огосударствление экономики и централизацию управления, означал отказ от постепенной модернизации традиционных способов хозяйствования и сбалансированного развития промышленности, промыслов и сельского хозяйства региона. Возможности участия краеведческого экспертного сообщества в экономическом развитии региона постепенно снижались, что завершилось ликвидацией Архангельского общества краеведения. Переход к плановому промышленному освоению региона и коллективизация, затронувшая в том числе и промысловое хозяйство, привели в итоге к угасанию традиционного природопользования Русского Севера как системы, основанной на единстве хозяйственной деятельности и жизни локального сообщества, вызвав к жизни новые, адаптивные формы хозяйственно-экономической деятельности и жизнеобеспечения.

Поступила в редакцию / Submitted: 28.04.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 27.08.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 29.08.2025

References

- Arnoldov, A. *Vtorye Dardanelly: Murmanskii vykhod v Evropu* [The Second Dardanelles: Murmansk Exit to Europe]. Petrograd: Gosudarstvennyi trest «Petropechat» Publ., 1922 (in Russian).
- Beloborodova, I.N., and Shurupova, E.E. “Izuchenie traditsii prirodopol’zovaniia dlja realizatsii programmy sovremennoogo ustoichivogo razvitiia Rossiiskoi Federatsii [Study of nature management traditions for the implementation of the program of modern sustainable development of the Russian Federation].” In *Aktual’nye problemy ekologicheskogo obrazovaniia i okhrany okruzhaiushchei sredy. Tezisy dokladov II mezdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, 88–89. Arkhangelsk: Elpa Publ., 1998 (in Russian).
- Beloborodova, I.N. “Public initiatives for modernization of the fishing and hunting management system in the European North of Russia (to the Problem of the Civil Society Formation in the Late 19th – Early 20th Century).” *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series Humanitarian and Social Science*, no. 2 (2013): 11–21 (in Russian).
- Bernshtam, T.A. *Pomory: Formirovanie gruppy i sistema khoziaistva* [Pomors: Formation of the group and the economic system]. Leningrad: Nauka–Leningradskoe otdelenie Publ., 1978 (in Russian).
- Chayanov, A.V. *Organizatsiya severnogo krest’janskogo khozyaistva* [Organization of the northern peasant economy]. Yaroslavl: Izdanie Iaroslavskogo kreditnogo soiuza kooperativov Publ., 1918 (in Russian).
- Chirkin, G.F. *Kolonizatsiya Severa i puti soobshcheniya* [Colonization of the North and Communication Routes]. Petrograd: Tipo-litografia Komissariata Severo-Zapadnogo okruga putei soobshcheniya Publ., 1919 (in Russian).
- Danishevsky, I.I. *Polozhenie smolokurenogo promysla v Rossii, ego znachenie i nuzhdy severnogo smolokurenija* [The position of the tar industry in Russia, its importance and the needs of northern tar production]. St. Petersburg: Gubernskaia tipografia Publ., 1913 (in Russian).
- Danileiko, V.A. “Scientific organizations in 1920–1930s and their role in ethnographic study of the north of Siberia.” *Tomsk State University Journal. History*, no. 2 (2013): 166–169 (in Russian).
- Dolinin, V.M. “Promysly sel’skogo i gorodskogo naseleniya Vologodskoi gubernii v kontse XIX – nachale XX v. [Trades of the rural and urban population of the Vologda province in the late 19th – early 20th centuries].” *Istoriia SSSR*, no. 2 (1985): 53–162 (in Russian).
- Evdokimov, A.A. “Kratkii ocherk po khozyaistvennomu kraevedeniiu Severo-Vostochnoi oblasti [Brief Essay on Economic Local History of the North-Eastern region].” *Sever*, no. 1 (1923): 65–93 (in Russian).
- Evdokimov, A.A. *Pozhelaniia krest’ianskoi kooperatsii Arkhangel’skoi gubernii na 1923 god* [Wishes of the peasant cooperatives of the Arkhangelsk province for 1923]. Arkhangelsk: Tipografia Gubsoiuza Publ., 1923 (in Russian).
- Evdokimov, A.A. *Institut promyshlennykh issledovanii pri Arkhangel’skom obshchestve kraevedeniia* [Institute of Industrial Research at the Arkhangelsk Society of Local History]. Arkhangelsk: [N.s.], 1924 (in Russian).
- Evdokimov, A.A. *Lesokhimicheskie promysly na Severe* [Forest chemical industries in the North]. Arkhangelsk: [N.s.], 1927 (in Russian).
- Evdokimov, A.A. *Lesnaia okhota i gosudarstvennaia piatiletka v Severnom krae* [Forest hunting and the state five-year plan in the Northern region]. Arkhangelsk: AOK Publ., 1930 (in Russian).
- Erofeychev, I.P. *Promysly Arkhangel’skoi gubernii* [Fisherries of the Arkhangelsk province]. Arkhangelsk: zhurnal “Severnoe khozyaistvo” Publ., 1925 (in Russian).
- Efimenko, A.Ya. *Arteli Arkhangel’skoi gubernii* [Artels of the Arkhangelsk province]. St. Petersburg: [N.s.], 1873.
- Gemp, K.P. *Skaz o Belomor’ye* [Tale of the White Sea]. Arkhangelsk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel’stvo Publ., 1983 (in Russian).
- Kozlova, S.A. “Traditional Use of Natural Resources of Local Old Believer (Semeiski) communities of Transbaikalia in the 18th—20th Centuries: Theoretical and Methodological Basis of the Study.” *Scientific Dialogue*, no. 9 (2020): 373–390 (in Russian), <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-9-373-390>
- Kolesnikov, P.A. “Promyslovo-remesleniia deiatel’nost’ severnogo krest’yanstva v XVIII v. [Industrial and craft activities of the northern peasantry in the 18th century].” In *Promyshlennost’ i torgovlya v Rossii XVII–XVIII vv.*, 138–153. Moscow: Nauka Publ., 1983 (in Russian).

- Klokov, S.B. "Traditional nature management of indigenous peoples of the North: Geographical and socio-ecological problems." Doc. diss., Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, 1998 (in Russian).
- Korotaev, V.I. "Russian North in the late 19th – first third of the 20th century: Catch-up modernization and social ecology." Doc. diss., Pomor State University named after M.V. Lomonosov, 2000 (in Russian).
- Kostrov, N.I., Nikitin, N.P., and Emme, A.A. *Ocherki organizatsii krest'ianskogo khoziaistva: Po materialam biudzhetnykh issledovanii nachala XX veka. RSFSR. Narodnyy komissariat zemledeliia. Zemplan* [Essays on the organization of peasant farming: Based on materials from budget studies of the early twentieth century. RSFSR. People's Commissariat of Agriculture. Land plan]. Moscow: Novaia derevnya Publ., 1926 (in Russian).
- Krasovskaya, T.M. *Prirodopol'zovanie Severa Rossii* [Nature management in the Russian North]. Moscow: LKI Publ., 2008 (in Russian).
- Krestinin, V.V. *Istoricheskii opyt o sel'skom starinnom domostroitel'stve dvinskogo naroda v Severe* [Historical experience on rural ancient house-building of the Dvina people in the North]. St. Petersburg: Pri Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1785 (in Russian).
- Maksimov, V. *Arteli birzhevye i trudovye s raz'iasneniami Pravitel'stvuiushchego Senata i prilozheniem: vsekh deistvuiushchikh uzakonenii, pravil, obraztsovykh ustavov birzhevyykh i trudovykh artelei i ustava obshchestva dlia sodestviia artel'nomu delu v Rossii* [Exchange and labor artels with explanations of the Governing Senate and an appendix: all current laws, rules, model charters of exchange and labor artels and the charter of the society for promoting artel business in Russia]. Moscow: Knizhnyi magazin I.K. Golubeva Publ.; "Pravovedenie" Publ., 1907 (in Russian).
- Pika, A.I. "Neotraditionalism in the Russian North: moving into the future without forgetting the past." *Sociological studies*, no. 11 (1996): 47–53 (in Russian).
- Sablin, V.A. "Promysly i ikh rol' v krest'yanskem khozyaistve Evropeiskogo Severa v 1910-e – 1920-e gody" [Crafts and their role in the peasant economy of the European North in the 1910s – 1920s]." In *Russkaia kul'tura novogo stoletiia: Problemy izucheniiia, sokhraneniia i ispol'zovaniia istoriko-kul'turnogo naslediia*, 258–267. Vologda: Knizhnoe nasledie Publ., 2007 (in Russian).
- Shubin, S.I., and Perebinos, Yu.A. "The European North of Russia: Revisiting the Vologda Alternative to the Development of the Region at the Turn of the 1930s." *Tomsk State University Journal*, no. 452 (2020): 173–180 (in Russian), <https://doi.org/10.17223/15617793/452/21>
- Sinelnikov, S.M. *Severnyi krai: ekonomiko-geograficheskii ocherk* [Northern Territory: Economic and Geographical Essay]. Arkhangelsk: Severnoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1936 (in Russian).
- Smirnova, M.A. "Influence of local history movement on the development of the Russian North in the years 1917–1937." *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series Humanitarian and Social Sciences*, no. 4 (2011): 20–25 (in Russian).
- Spade, K.Yu. *Severnye rybnye promysly i neotlozhnye mery k ikh razvitiyu* [Northern fisheries and urgent measures for their development]. Arkhangelsk: Gubernskaia tipografia Publ., 1911 (in Russian).
- Zhilinsky A.A. *Morskie promysly Belogo moria i Ledovitogo okeana* [Marine industries of the White Sea and the Arctic Ocean]. St. Petersburg: tipografia tovarishchestva A.F. Marks Publ., 1917 (in Russian).
- Zhukova, E.V. "The right to traditional nature management of indigenous peoples as an object of legal regulation." *Works of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, no. 5 (2010): 153–163 (in Russian).
- Volens, N.V. "Promysly i sel'skoe khoziaistvo Pechorskogo kraia: (otchet rekognostirovchnogo ekonomiceskogo issledovaniia za 1921 g.)" [Industries and agriculture of the Pechora region: (report of the reconnaissance economic study for 1921)]." In *Trudy Severnoi nauchno-promyslovoi ekspeditsii*, 47–67. Moscow; Leningrad: N.Kh.T.I. Publ., 1924 (in Russian).
- Vyachysty, D.D., and Shevtsov, V.V. "Tomsk bureau of the society for the study of Siberia and its productive forces in the context of the regulation of local history activities in the region (1927–1928)." *Tomsk State University Journal of History*, no. 85 (2023): 13–19 (in Russian), <https://doi.org/10.17223/19988613/85/2>

Информация об авторах / Information about the authors

Татьяна Павловна Тетеревлева, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова; Россия, 163002, Архангельск, набережная Северной Двины, 17; t.teterevleva@narfu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0290-9480>; SPIN-код: 1350-5297.

Елена Евгеньевна Шурупова, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела истории Соловецкого архипелага, Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник; Россия, 164070, Архангельская область, Приморский район, пос. Соловецкий; shurupova_el@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2842-7439>; SPIN-код: 5739-6070.

Tatyana Pavlovna Teterevleva, PhD in History, Associate Professor, Head of the Department of Russian History, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov; 17, Northern Dvina Emb., Arkhangelsk, 163002, Russia; t.teterevleva@narfu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0290-9480>; SPIN-code: 1350-5297.

Elena Evgenievna Shurupova, PhD in History, Researcher of the Department of History of the Solovetsky Archipelago, State Museum-reserve «Solovky; Solovetsky settlement, Primorsky district, Arkhangelsk region, 164070, Russia; shurupova_el@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2842-7439>; SPIN-code: 5739-6070.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-547-560>
EDN: LFIQFZ

Научная статья / Research article

Трансформация взаимовосприятия русских и норвежцев в контексте советско-норвежских отношений второй половины 1980-х гг.: на материалах газет «Правда» и «Aftenposten»

Оксана Валерьевна Зарецкая^{ID}

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова,
Архангельск, Россия
[✉ o.zaretskaya@narfu.ru](mailto:o.zaretskaya@narfu.ru)

Аннотация: Исследуется процесс взаимовосприятия русских и норвежцев в контексте советско-норвежских отношений второй половины 1980-х гг. и влияние на него перестройки в СССР и складывавшейся в тот период системы международных отношений. На основе изучения материалов советской газеты «Правда» и норвежской «Aftonbladet» выявлены признаки изменения сложившихся стереотипов, а также трансформация риторики в официальных заявлениях и медиа. Показано начало процесса формирования взаимного доверия и уважения между двумя странами, несмотря на сохранявшиеся между ними исторические противоречия. Период рассматривается как ключевой для формирования новых подходов к двусторонним отношениям, что стало возможным на фоне политических изменений в СССР и развивающихся экономических процессов. Автор приходит к выводу, что в период перестройки советско-норвежские отношения значительно улучшились, чему способствовали взаимные усилия. Однако после распада СССР сохранилась амбивалентность в восприятии РФ, когда надежды на «вестернизацию» России соседствовали с традиционной настороженностью по отношению к ее внутренней и внешней политике.

Ключевые слова: имагология, пресса, Европейский Север, Арктика, мурманская речь М.С. Горбачёва

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Зарецкая О.В. Трансформация взаимовосприятия русских и норвежцев в контексте советско-норвежских отношений второй половины 1980-х гг.: на материалах газет «Правда» и «Aftenposten» // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 4. С. 547–560. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-547-560>

Transformation of Mutual Perception of Russians and Norwegians in the Context of Soviet-Norwegian Relations in Late 1980s: Based on Materials of Newspapers “Pravda” and “Aftenposten”

Oksana V. Zaretskaya

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia
✉ o.zaretskaya@narfu.ru

Abstract: The author analyzes a number of factors that influenced the change in the perception between the countries, including the political reforms in the USSR, such as “perestroika,” as well as the influence of the international situation on bilateral relations. Based on the study of materials from the Soviet newspaper “Pravda” and the Norwegian newspaper “Aftonbladet,” an investigation revealed signs of a change in mutual stereotypes, as well as the transformation of rhetoric in official statements and media. The author in their article examines the beginning of the process of forming mutual trust and respect between the two countries, despite historical contradictions in the late 1980s. The period is considered a key one for the formation of new approaches to bilateral relations, which became possible against the background of the political changes in the USSR and developing economic processes. The study contributes to the understanding of not only Soviet – Norwegian relations, but also broader processes of integration and interaction between different peoples in the context of political transformation.

Keywords: mutual perception, imagology, press, European North, Arctic, Murmansk speech of M.S. Gorbachev

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

For citation: Zaretskaya, O.V. “Transformation of Mutual Perception of Russians and Norwegians in the Context of Soviet-Norwegian Relations in Late 1980s: Based on Materials of Newspapers ‘Pravda’ and ‘Aftenposten’.” *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 4 (November 2025): 528–546 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-528-546>

Введение

Актуальность темы исследования определяется тем, что проблема взаимо-восприятия русских и норвежцев в указанный период является важным аспектом для понимания не только исторического контекста взаимодействия двух стран на Европейском Севере, но и вопросов формирования современных международных отношений. Сложившиеся взаимные стереотипы русских и норвежцев оказывают негативное влияние на процесс принятия решений государственными деятелями как во внутренней, так и во внешней политике. В связи с этим в данной статье автор обращается к проблемам формирования, функционирования и трансформации этих образов, складывавшихся в социокультурном контексте определенного общества с учетом национальной внутри- и внешнеполитической повестки второй половины 1980-х гг., которые стали временем глубоких политических изменений.

История российско-норвежских отношений насчитывает несколько столетий ассиметричного соседства, контактов и конфликтов, что также влияет на формирование образов России и СССР в Норвегии. Важную роль в этом процессе сыграли средства массовой информации обеих стран, представляющие собой ценный источник для изучения общественного мнения и, соответственно, для понимания как исторического контекста, так и формирования современных межгосударственных отношений.

Степень изученности проблемы отражена в работах, которые можно разделить на несколько групп. В каждой из них представлены результаты исследований отечественных и зарубежных ученых. К первой группе можно отнести работы, посвящен-

ные изучению образов России/СССР в разных странах, которые были важны для формирования методологического аппарата данного исследования. Необходимо отметить книгу норвежского специалиста по международным отношениям И. Нойманна «Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей»¹, академика А.О. Чубарьана и его исследование «Российский европеизм»², работы В.И. Журавлевой, посвященные истории российско-американских отношений и проблемам формирования образов России в Америке³, В.О. Рукавишникова⁴, Е.В. Черненко⁵ и Л.П. Репиной⁶ и др.

Ко второй группе относятся исследования, посвященные проблемам формирования и трансформации образов России/СССР в Норвегии во второй половине XX в. Норвежский историк П. Колсте в своем исследовании «Norske Russlandsbilder» определяет три аспекта, ответы на которые играют важную роль при анализе процессов восприятия России/СССР как в Норвегии, так и в других странах: восприятие взаимоотношения между российским правительством и народом; Россия и Запад; восприятие революции 1917 г. как разрыва в российской истории или как ее продолжения⁷. Норвежский историк Х. Бестиансен, специализирующийся на изучении СМИ, посвятил часть своих работ проблеме формирования образа Советского Союза в норвежской периодической печати.

К третьей группе можно отнести работы, исследующие формирование образа Норвегии в советской периодической печати в рассматриваемый период. Специальных исследований по данной проблеме не проводилось, но близкими к теме данной работы стали статьи А.Н. Воронина⁸, О.В. Зарецкой⁹, А.В. Репневского¹⁰ и других.

Источниковой базой исследования являются газеты: норвежская «Aftenposten» и советская «Правда». Газета «Aftenposten» выделяется среди прочих норвежских СМИ по множеству причин. Это издание приобрело значительную популярность среди местных читателей, что наглядно демонстрируют его тиражи. Согласно данным Норвежской ассоциации медиабизнеса, утренний тираж в 1985 г. составлял 240 600 экземпляров, а к 1991 г. он увеличился до 269 278 экземпляров (среднее зна-

¹ Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004. С. 143.

² Чубарьян А.О. Российский европеизм. М., 2006. С. 5. EDN: QBETDB

³ Журавлева В.И. Понимание России в США: образы и мифы. 1881–1914. М., 2012. С. 14. EDN: RBYFLB

⁴ Рукавишников В.О. Холодная война, холодный мир. Общественное мнение в США и Европе о СССР/России, внешней политике и безопасности Запада. М., 2005. С. 9. EDN: QPAGJN

⁵ Черненко. Е.В. Образ постсоветской России в немецком еженедельном иллюстрированном журнале «Шпигель»: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.

⁶ Репина Л.П. «Национальный характер» и «образ Другого» // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 13. EDN: PURIXL

⁷ Kolstø P. «Norske Russlandsbilder». URL.: <https://folk.uio.no/palk/NORSKE%20RUSSLANDSBILDER.htm> (дата обращения: 25.12.2024).

⁸ Voronin A.N. The evolution of the image of Scandinavian countries in mass media of the USSR 1985–1991 // Cross-cultural communication and Ethnic Identities / Eds. Lars Elenius, Christer Karlsson. Luleå, 2007.

⁹ Зарецкая О.В. Трансформация советско-норвежских отношений и отражение образа Норвегии в советской прессе в 1980-е годы (по материалам газеты «Правда») // Скандинавские чтения 2014 года: Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2016. С. 86–99; Зарецкая О.В. Проблема Шпицбергена на страницах советской прессы в контексте трансформации советско-норвежских отношений в годы холодной войны (по материалам газеты «Правда») // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. № 8. <https://doi.org/10.18254/S207987840027815-5>. EDN: OYLTAZ

¹⁰ Репневский А.В. «Норвегии» глазами поморов русского севера вчера и сегодня // Известия Русского Севера. 2010. № 2. С. 40–43; Репневский А.В. Пресса Архангельского Севера о развитии и характере советско-норвежских отношений межвоенного двадцатилетия // XVI конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии: материалы конференции в 2 частях. М., 2008. Ч 1. С. 20–23.

чение без учета воскресных выпусков), учитывая, что население страны в тот период составляло примерно 4 млн чел. Стоит отметить, что «Aftenposten» имеет наибольшее распространение именно в Осло и прилегающих к столице регионах Восточной Норвегии. Это также подтверждается географией писем, поступавших в редакцию от читателей, а также авторским составом в рубрике «Обсуждение» (Debatt).

В СССР центральным печатным изданием являлась газета «Правда», которая помимо того, что являлась центральным печатным органом КПСС и выходила массовым тиражом, оставалась главной газетой страны и подвергалась особому контролю со стороны партийного руководства. На ее страницах, помимо публикации официальной информации, разъяснялись основные партийные и государственные решения в стране.

В данной статье были использованы *традиционные методы* исторического исследования, такие как историко-генетический, историко-типологический, историко-системный и историко-сравнительный. Методологической основой данного исследования стали принципы имагологии в контексте международных отношений. Это научное направление акцентирует внимание на исследовании «ментальной (вображеной) географии», транснациональных представлений, стереотипов восприятия и мифов. Кроме того, она включает сопоставление понятий «Своего» и «Чужого», что способствует более глубокому пониманию влияния «Других» на формирование национальной «Я-концепции»¹¹.

Внутриполитические изменения в СССР и советско-норвежские отношения на страницах норвежских газет

В свете стремления к более стабильным отношениям с «восточным соседом» анализ советских реалий и прогнозы о будущем СССР стали значимой частью представления о Советском Союзе в Норвегии в период с 1985 по 1988 гг. Норвежские журналисты проявляли интерес к политической системе, особенностям партийно-государственной структуры и советской идеологии. В материалах прессы, помимо регулярных новостей о кадровых изменениях и внутренних реформах, можно было найти аналитические статьи, рассматривающие различные аспекты данной темы.

В 1985–1986 гг. не предвиделось значительных изменений в советской политической системе; акцент больше смешался на экономические и внешнеполитические вопросы, связанные с деятельностью М.С. Горбачева. В своих наблюдениях журналисты нередко подчеркивали преемственность советской политической структуры. Например, Х. Драгнес отметил, что новые лозунги власти практически не отличаются от прежних. Журналист обратил внимание на милитаризированный язык советской пропаганды, где слова «вооружены», «резервы», «нападение», «мобилизация»¹² часто появлялись в контексте обсуждения экономических проблем. Использование такой лексики связывалось не только с характеристиками советской командной экономики, но и с политической системой, которую рассматривали как антидемократическую, тем самым противопоставляя ее западным демократиям.

По мнению западных наблюдателей, «гласность» и «перестройка» были связаны со стремлением М.С. Горбачева модернизировать Советский Союз. Отмечалось, что необходимый для СССР «технологический прогресс» связан с культурой и соци-

¹¹ Журавлева В.И. Понимание России в США: образы и мифы. 1881–1914. М., 2012. С. 14.
EDN: RBYFLB

¹² Dragnes. K. Kjent kommandostil, nye ordre? // Aftenposten. 26.10.1985. № 494. S. 4.

альной структурой общества»¹³, в то время как советские властные структуры препятствовали изменениям в этих сферах. Э. Тоффлер писал, что, в то время как в остальном мире происходила децентрализация системы телекоммуникаций, Советский Союз создавал жесткую и централизованную систему, которая уже устарела. Информация – это ресурс, отмечалось в норвежской прессе, который «нельзя хранить в запертых контейнерах»¹⁴, как это пыталась делать советская бюрократия.

В 1987 г. советское общество сравнивали с кипящей кастрюлей, с которой сняли крышку (избежав опасности взрыва); но вода в ней все равно продолжала кипеть. Отмечалось, что «глазность» имела пределы: «сохранялся контроль партии»¹⁵, сам генеральный секретарь ЦК КПСС кроме критики Сталина заявил, что «коллективизация <...> была преобразованием фундаментальной важности»¹⁶. Сотрудники «Aftenposten» склонялись к мнению, что советские граждане, столкнувшиеся с новыми фактами, не знали, чему верить. «Глазность» породила надежды и ожидания, для которых не было оснований, и советское общество постепенно раскальвалось.

К 1985 г. отношения между Советским Союзом и Норвегией были сложными и одновременно насыщенными событиями. Встреча премьер-министра Норвегии Коре Виллока (из партии Хейре) с тогдашним Председателем Совета Министров СССР Н.А. Тихоновым, состоявшаяся в марте 1985 г., стала первой подобной встречей за последние 11 лет¹⁷. Одной из главных проблем между двумя странами оставалась граница в Баренцевом море. Виллок подчеркивал готовность Норвегии к компромиссам и ждал предложений со стороны СССР, одновременно пригласив Н.А. Тихонова и министра иностранных дел А.А. Громыко в Норвегию¹⁸. Смена власти в Советском Союзе пробудила надежду на продвижение в разрешении территориального конфликта.

Однако норвежцы беспокоились не только о морских границах: близость Советского Союза воспринималась как угроза национальной безопасности. Увеличение военной мощи СССР в районе Кольского полуострова могло привести к эскалации напряженности. Поэтому министр обороны Андерс Шостад заявил о целесообразности увеличения военных расходов, утверждая, что безопасность Норвегии зависит от морских сил НАТО и что альянс играет ключевую роль в «сдерживании советских амбиций» в регионе¹⁹.

Профессор Нильс Эрвик, занимающийся вопросами международных отношений и оборонной политики, резко критиковал норвежскую оборонную стратегию. Он указывал на то, что на протяжении последних 40 лет было очевидно, что «Советский Союз – единственная страна, способная угрожать свободе и независимости Норвегии»²⁰, и существование защиты от возможной агрессии возможно только с помощью союзников, в первую очередь США. По мнению Эрвика, неэффективная оборонная политика Норвегии с низкими военными расходами обуславливала уязвимость страны перед растущей мощью СССР.

Такая точка зрения сталкивалась с критикой со стороны представителей некоторых политических партий. Турбъерн Бьерватн из молодежного крыла Либеральной

¹³ Toffler A., Toffler H. Er Sovjet i bevegelse? // Aftenposten. 7.01.1987. № 9. S. 9.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Sovjetisk fortid justeres (Leder) // Aftenposten. 12.08.1987. № 366. S. 2.

¹⁶ Willersrud A. Forsiktig oppgjør med Stalin // Aftenposten. 3.11.1987. № 508. S. 8.

¹⁷ Scheutz B. Willoch møter Tikhonov idag // Aftenposten. 14.03.1985. № 123. S. 8.

¹⁸ Dragnes, K. Enighet om øket kontakt // Aftenposten. 15.03.1985. № 125. S. 8.

¹⁹ Mer Sovjet-aktivitet i nordområdene, sier Sjaastad: Usvekket trusel mot Norge // Aftenposten. 21.03.1985. № 135. S. 5.

²⁰ Ørvik N. Ord i alvor om Norges sikkerhet — I: Erkjente mangler ikke utbedret // Aftenposten. 23.04.1985. № 183. S. 2.

народной партии осуждал Эрвика за его позиции относительно внешней политики США, утверждая, что именно Соединенные Штаты представляют реальную угрозу, подстегивая новую гонку вооружений через программу СОИ²¹. Курс коалиционного правительства (Хейре, ХНП и Партия Центра), ориентированный на активное сотрудничество с НАТО, подвергался резкой критике со стороны оппозиционных партий.

Несмотря на существующие представления об СССР как потенциальной военной угрозе для Норвегии, правительство этой страны проявляло интерес к улучшению двусторонних отношений и налаживанию контактов. Ожидались визиты нового главы советского правительства Н.И. Рыжкова или министра иностранных дел Э.А. Шеварнадзе в Норвегию, а также делегации стортинга в Советский Союз. Советская пресса долгое время воздерживалась от «привычной критики безопасности Норвегии»²². СССР принес извинения по поводу пограничных инцидентов – это воспринималось как признак готовности советской стороны к диалогу. Тем не менее, норвежские эксперты в области безопасности не могли игнорировать «советский фактор» при обсуждении бюджета на оборону. Генерал Фредрик Булл-Хансен предсказывал рост военной угрозы для скandinавских стран, подчеркивая, что США и Великобритания как союзники Норвегии должны компенсировать советскую силу в Норвежском море. В то же время текущие расходы на оборону не позволяли провести полную модернизацию вооруженных сил страны²³.

С 10 по 16 апреля 1986 г. состоялся визит делегации стортинга Норвегии в Советский Союз. Руководитель делегации – президент парламента Джо Бенков (Хейре) – отметил, что «советская сторона заинтересована в обсуждении прав человека»²⁴, а один из членов делегации – Кнут Фрюденlund (НРП), ранее занимавший пост министра иностранных дел, подчеркивал, что советское руководство намерено сохранять мир. Он положительно оценивал действия М.С. Горбачева и акцентировал внимание на том, что многое зависело от политики Запада в отношении СССР²⁵. Несмотря на то, что после поездки норвежские политики остались с противоречивыми впечатлениями, этот визит продемонстрировал, что СССР и Норвегия способны общаться, не погружаясь в идеологические разногласия. Дж. Бенков замечал в этой связи: «Даже если у нас есть расхождения, продолжение диалога принесет пользу»²⁶.

В конце 1986 г. новый премьер-министр Норвегии Гру Харлем Брунталанд (НРП) также посетила Советский Союз, охарактеризовав свои переговоры с М.С. Горбачевым и Н.И. Рыжковым как конструктивные, отметив при этом необходимость решить вопросы двусторонней морской границы²⁷. Редакция «Aftenposten» считала, что норвежцы могли бы более позитивно смотреть на расширение контактов с Москвой, однако им следовало помнить, что «русские могут попытаться использовать внутренние противоречия» в других государствах²⁸. Норвежские журналисты смогли осознать последствия изменений в СССР, встретившись с дипломатом Вадимом

²¹ Bjørvatn T. Sikkerhetspolitikk // Aftenposten. 2.05.1985. № 197. S. 2.

²² Fyhn M. For første gang på mange år: Sovjetisk toppled er til Norge? // Aftenposten. 17.01.1986. № 27. S. 16.

²³ Storvik O. Forsvarssjef Fredrik Bull-Hansen: USA og Storbritannia bør nå balansere Sovjet i Norskehavet // Aftenposten. 27.01.1986. № 43. S. 9.

²⁴ Malmo M. Norsk-sovjetisk gruppe for menneskerettighetsaker? - Verd hele Sovjet-reisen // Aftenposten. 17.04.1986. № 161. S. 3.

²⁵ Malmo M. Frydenlund efter nytt Moskva-besøk: Fredsavtale er Sovjet-alvor // Aftenposten. 18.04.1986. № 163. S. 5.

²⁶ Malmo M. I forfedrenes hjemland // Aftenposten. 19.03.1986. № 165. S. 3.

²⁷ Willersrud A. Konstruktivt møte i Moskva // Aftenposten. 6.12.1986. № 553. S. 15.

²⁸ Samtalene i Moskva (Leder) // Aftenposten. 9.12.1986. № 557. S. 2.

Вадимовичем Розановым в советском посольстве в Осло. «Aftenposten» подчеркнула, что советские представители «были открыты к обсуждению почти всех тем, иногда с чувством юмора»²⁹ и самокритикой. Если ранее встречи с советскими дипломатами отличались хорошими угощениями при минимальном обмене мнениями, то на этот раз ситуация полностью изменилась. Несмотря на «спартанское» угощение, атмосфера была положительной.

Тем не менее, даже при ожидаемом потеплении в советско-норвежских отношениях в период перестройки советское военное присутствие на Севере продолжало восприниматься в Норвегии как потенциальная угроза. Улав Омотх (Olav Aamoth), генеральный инспектор Военно-воздушных сил Норвегии, указывал на возможность атак советских истребителей на норвежские авиабазы и другие важные объекты и ставил под сомнение способность норвежских вооруженных сил эффективно управлять ситуацией, полагаясь на поддержку союзников³⁰.

Внешнеполитические идеи, озвученные М.С. Горбачевым в его «мурманской речи» 1 октября 1987 г., которые заключалась в том, чтобы обеспечить безопасность СССР путем международного сотрудничества, а не военного противостояния, привлекли внимание норвежского политического сообщества и экспертов. Редакция «Aftenposten» вновь заняла оборонительную позицию, подчеркивая, что создание безъядерной зоны в Северной Европе может нарушить баланс сил в пользу СССР:

Мы ощущаем близость крупнейшей в мире ядерной военной базы в Коле, и северный регион требует противовеса, который может обеспечить лишь НАТО³¹.

Однако другие предложения, касающиеся экологического сотрудничества, освоения ресурсов и возможного открытия Северного морского пути, были оценены как достойные подробного изучения. Премьер-министр Норвегии Г.Х. Брунтланд подчеркивала необходимость углубленного анализа речи и ее пояснения. В то же время она положительно оценила тот факт, что М.С. Горбачев решил обратить внимание на проблемы северных регионов и Арктики, которые долгое время оставались в фокусе только норвежской стороны³².

Норвежские политики и представители общественных организаций активно обсуждали внешнеполитические инициативы М.С. Горбачева. В целом, специалисты пришли к выводу, что «военная часть его речи не представила ничего нового»³³, тогда как предложения о сотрудничестве в других сферах были необычными для советской стороны. Некоторые эксперты проводили параллели между речью Горбачева и его прежними инициативами во Владивостоке, отмечая неопределенность и расплывчатость многих формулировок. Мурманская речь свидетельствовала о том, что «советское руководство включает Арктику и северные регионы в международную повестку дня»³⁴, тем самым преследуя собственные национальные интересы.

Перед визитом Н.И. Рыжкова в Норвегию норвежские аналитики размышляли о его возможных последствиях. По мнению Н. Удгорда (норвежского журналиста и политика, который в 1970-е гг. был корреспондентом «Aftenposten» в Москве), этот визит мог сигнализировать о завершении «дипломатического бойкота с советской

²⁹ Tjønn H. Russisk åpenhet i Oslo // Aftenposten. 27.02.1987. № 97. S. 9.

³⁰ Storvik O. Sovjetiske jagerbombere kan angripe i hele Norge // Aftenposten. 24.03.1987. № 139. S. 12.

³¹ Gorbatsjovs utspill i nord (Leder) // Aftenposten. 3.10.1987. № 456. S. 2.

³² Fyhn M. Norge til Gorbatsjov: - Positivt avventende // Aftenposten. 3.10.1987. № 456. S. 12.

³³ Fyhn M. Nye Sovjet-toner i nord // Aftenposten. 5.10.1987. № 458. S. 8.

³⁴ Sollie F. Strategisk sikring i nord // Aftenposten. 22.10.1987. № 488. S. 2.

стороны»³⁵. Учитывая, что отношения с СССР оказывали значительное влияние на норвежскую внешнюю политику, поддержание стабильных связей на севере было жизненно важным. Однако Н. Удгорд также подчеркивал наличие внутренних вызовов на севере Норвегии, влиявших на отношения с Советским Союзом, таких как «возрастающая эмиграция и финансовые трудности в Финнмарке и Тромсее»³⁶, что могло привести к усилению советского влияния и создать новые вызовы для норвежских политиков.

Стоит отметить, что целью визита Н.И. Рыжкова с 14 по 16 января 1988 г. не были сами переговоры о делимитации, советской стороной декларировалось прежде всего стремление улучшить советско-норвежские отношения. Но отсутствие желаемого разрешения вопроса о делимитации границ в Баренцевом море вызвало глубокое разочарование в норвежском обществе³⁷.

Следующая ключевая встреча между представителями Норвегии и СССР состоялась осенью 1988 г. в Нью-Йорке. Премьер-министр Г.Х. Брунтланд провела переговоры с министром иностранных дел Советского Союза Э.А. Шеварнадзе. В ходе этого диалога была достигнута важная договоренность о дальнейшем обсуждении вопросов, касающихся Баренцева моря, на уровне экспертов. Брунтланд также выразила озабоченность Норвегии по поводу экологической ситуации в зонах, сопредельных с норвежской территорией³⁸. Однако конкретные сроки для будущих переговоров остались не обозначены.

В дальнейшем норвежское руководство планировало укреплять связи с СССР, о чем министр иностранных дел Т. Столтенберг поделился в интервью с журналистом из «Aftenposten». Это стремление отчасти было вызвано необходимостью продолжить обсуждение делимитации морских границ, поскольку аналогичная проблема была успешно разрешена в советско-шведских отношениях через диалог на высоком уровне. Столтенберг отметил открытость СССР к переговорам, ссылаясь на ситуацию в Прибалтике, где «Коммунистическая партия стала частью возникающего народного движения»³⁹. В общем, он позитивно отзывался о переменах в СССР, хотя и акцентировал внимание на недостаточной приверженности изменениям некоторых государственных структур, таких как вооруженные силы СССР и КГБ⁴⁰.

На протяжении всего исследуемого периода в норвежском обществе устоялось мнение о Советском Союзе как о сверхдержаве с внушительной военной мощью, особенно это мнение было распространено в приграничных зонах. СССР играл центральную роль в дискуссиях о национальной безопасности Норвегии, и само соседство налагало обязанность на увеличение оборонных расходов, которые, по мнению редакции «Aftenposten», были недостаточными. На страницах издания преобладали статьи, подчеркивающие необходимость следовать единой внешнеполитической линии в рамках НАТО как альянса, без которого норвежская безопасность была бы под угрозой. Одновременно изученные материалы позволяют сделать вывод о критическом взгляде норвежской прессы на США в контексте вопросов безядерной зоны и программы СОИ, несмотря на привязанность страны к НАТО.

³⁵ Udgard N. Sovjet-besøk med «ny tenkning» // Aftenposten. 9.01.1988. № 13. S. 4.

³⁶ Там же.

³⁷ Dragnes K., Fyhn M., Udgard N. Norsk skuffelse – ingen løsning i nord // Aftenposten. 15.01.1988. № 23. S. 47.

³⁸ Hegge P. Positivt møte Norge-Sovjet // Aftenposten. 28.09.1988. № 448. S. 8.

³⁹ Fyhn M. Norge vil styrke Sovjet-kontakten // Aftenposten. 1.11.1988. № 506. S. 9.

⁴⁰ Там же.

Норвежцы видели себя гражданами небольшого государства, влияние которого на международные дела ограничено. Тем не менее, образ Норвегии как страны Фритьофа Нансена, расположенной в стратегически важном регионе и обладающей определенными «моральными обязательствами»⁴¹, отражал специфический набор ценностей, характерных для этого времени. Редакция «Aftenposten» предостерегала норвежцев от доверия к Советскому Союзу, подчеркивая неравное положение обеих стран в контексте двусторонних отношений. Это стало причиной нежелания заключения обязательных стратегических соглашений, так как считалось, что СССР мог оказать давление на Норвегию. Но, несмотря на осознание советской военной угрозы, норвежская элита проявляла интерес к расширению сотрудничества с СССР, особенно в контексте решения проблемы границ в Баренцевом море.

Советско-норвежские отношения в публикациях газеты «Правда»

Начало экономических реформ в СССР, официально провозглашенных в апреле 1985 г., и последующие политические изменения в советском обществе, известные как перестройка, оказали значительное влияние на внешнюю политику государства. Взаимоотношения между СССР и Норвегией в этот исторический период можно рассматривать также как отражение нового курса советского руководства, направленного на расширение сотрудничества с ближайшими соседями.

С апреля 1985 г. по декабрь 1991 г. в газете «Правда» было опубликовано 266 материалов, посвященных советско-норвежским отношениям. Этот объем оказался существенно меньше, чем в предыдущие годы, составив в среднем 40 публикаций в год. Наибольшее количество статей было опубликовано в 1988 г. (51 материал), что было связано с официальным визитом Председателя Совета Министров СССР Н.И. Рыжкова в Норвегию. В остальные годы количество публикаций оставалось стабильно низким.

Тенденция к улучшению советско-норвежских отношений, проявившаяся в период с 1985 по 1991 гг., стала очевидной после того, как Норвегия приняла решение не участвовать в совместных проектах с США в области космического оружия. Это стало первым сигналом возможных перемен⁴². Норвежское правительство обосновало свой выбор нежеланием способствовать эскалации гонки вооружений, особенно на фоне того, что планы по «звездным войнам» вызывали широкое недовольство среди населения, особенно перед выборами 1985 г.⁴³

В это время участились сообщения о растущем антивоенном движении в Норвегии. Ярким примером стал протест от 9 октября 1985 г., связанный с визитом американского линкора «Айова», способного нести ядерное оружие. Протестующие выступали против размещения крылатых ракет в Норвежском море⁴⁴. Эти публикации подчеркивали растущее недовольство населения Норвегии против инициатив США и любых военных приготовлений⁴⁵.

⁴¹ Monclair A. Vi bør bryte med Sovjet // Aftenposten. 8.11.1985. № 516. S. 15.

⁴² Отвергают ultimatum // Правда. 1985. 19 апреля. С. 5.

⁴³ Кузнецов Ю. Колонка комментатора: Решение Норвегии // Правда. 20 апреля 1985. С. 5; Кузнецов Ю. Колонка комментатора: Сопротивление нарастает // Правда. 1985. 23 мая. С. 5.

⁴⁴ Костиков М. «Нет» – применению силы в международных отношениях: нежелательный визит // Правда. 1985. 10 октября. С. 5.

⁴⁵ Предотвратить катастрофу: Общественность Западной Европы протестует против гонки вооружений // Правда. 28 июня. 1985. С. 5; Костиков М. Против зловещих планов США // Правда. 1986. 23 марта. С. 1; Колонны маршей за жизнь на Земле // Правда. 1986. 28 октября. С. 5.

С 1985 г. в Норвегии стало более заметным противостояние между усиливающимся влиянием НАТО и растущим сопротивлением курсу нового правительства Норвежской рабочей партии (НРП). «Правда» подчеркивала, что данное правительство обозначило свою позицию против участия Норвегии в программе СОИ и выразило намерение следовать более независимой внешнеполитической линии⁴⁶.

Вопреки бурным событиям того времени, в 1986 г. Норвегия продолжала участвовать в маневрах НАТО⁴⁷. Местные СМИ критиковали эти действия, отмечая противоречие данных шагов глобальным стремлениям к разоружению, и задавались вопросом, какую реакцию вызвали бы аналогичные учения среди стран Варшавского договора⁴⁸.

В 1987 г. норвежское правительство начало сокращать свое участие в составе НАТО. В парламенте (Стортинге) активизировалась дискуссия о возможности размещения американских разведывательных самолётов АВАКС на норвежских аэродромах⁴⁹. 7 августа 1987 г. премьер-министр Гру Харлем Брунтланд официально объявила, что власти отказались предоставить базы для американских бомбардировщиков F-111 и выразили протест против их участия в натовских учениях⁵⁰. Эти решения вызвали критику со стороны руководства НАТО, однако сам альянс поддерживал идеи постепенного разоружения как меры сохранения безопасности⁵¹.

В течение последующих лет в политической жизни Норвегии стали заметны две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, в северных регионах страны в сентябре 1988 г. были достроены хранилища для тяжелого вооружения американской морской пехоты для применения его в кризисных обстоятельствах⁵². С другой стороны, правительство страны приняло решение повременить с подписанием соглашения о размещении американского вооружения на норвежской территории и высказалось за перенос сроков обновления тактического ядерного оружия в Европе, поддерживая инициативу о сокращении его количества путем переговоров⁵³.

Понимая, что дальнейшее наращивание военной мощи в рамках НАТО может негативно сказаться на двусторонних отношениях, норвежские власти активно работали над улучшением связей с СССР. Советский Союз, в свою очередь, положительно отреагировал на заявления Норвегии о намерении воздержаться от участия в определенных программах НАТО, что послужило основой для укрепления взаимовыгодного сотрудничества. Пресса перестала рассматривать Норвегию как нейтральную сторону и начала больше освещать положительные аспекты двустороннего сотрудничества.

Тем не менее, советское руководство выражало обеспокоенность активизировавшейся в 1987 г. дискуссией вокруг возможного вступления Норвегии в Европейское экономическое сообщество. В ответ на это премьер-министр Брунтланд подчеркнула, что данный вопрос сейчас не является приоритетным для страны⁵⁴.

В 1988 г. продолжились многолетние переговоры по «серой зоне» в Баренцевом море, начатые еще в 1970-х гг. К 1991 г. удалось достичь соглашения лишь по северной части этой территории, тогда как южная зона площадью около 40 тыс. квад-

⁴⁶ Кузнецов Ю. Две тенденции: наш комментарий // Правда. 1986. 23 июня. С. 5.

⁴⁷ Натовские игрища: «Смелый лев»... и «Северная свадьба» // Правда. 1986. 15 августа. С. 5.

⁴⁸ Орехов Б. Колонка комментатора: Что было бы, если... // Правда. 1986. 12 сентября. С. 5.

⁴⁹ Кузнецов Ю. Колонка комментатора: Нужны ли Северу АВАКСы // Правда. 1987. 28 мая. С. 5.

⁵⁰ Позиция норвежского правительства // Правда. 1987. 18 августа. С. 5.

⁵¹ Кузнецов Ю. Колонка комментатора: Вопреки очевидности // Правда. 1987. 27 сентября. С. 5.

⁵² 24 часа планеты: Норвегия // Правда. 1988. 8 сентября. С. 5.

⁵³ Из потока новостей: Отложило на неопределенный срок // Правда. 1990. 8 марта. С. 4.

⁵⁴ Костиков М. Подталкивают Норвегию в ЕЭС // Правда. 1987. 22 мая. С. 5.

ратных километров осталась неразграниченной. Обнаруженные здесь богатые месторождения нефти и газа осложняли ситуацию – СССР терпеливо отвергал все предложения Норвегии о разделе. Тем не менее процесс переговоров свидетельствовал о постепенном улучшении советско-норвежских отношений, преодолении атмосферы взаимного недоверия конца 1970-х гг.⁵⁵

Еще одной стороной двусторонних отношений было экономическое сотрудничество стран в рассматриваемый период. 19 июня 1985 г. в Москве прошли переговоры между министром внешней торговли СССР Н.С. Патоличевым и норвежским министром торговли и судоходства А. Хаугстедтом, в ходе которых была выдвинута инициатива расширения торгово-экономического взаимодействия. По итогам обсуждений было принято решение о продлении долгосрочного торгового соглашения на период с 1986–1990 гг.

В декабре 1986 г. Гру Харлем Брунтланд посетила Москву в рамках сессии Международной комиссии ООН по вопросам окружающей среды и развития. 5 декабря премьер-министр встретилась с М.С. Горбачевым, который заверил, что СССР не собирается проявлять агрессию против Норвегии, несмотря на слухи и опасения по поводу «советской угрозы». Советский лидер подчеркнул необходимость активизации контактов на высшем уровне, отметив, что длительное отсутствие таких встреч является ненормальным⁵⁶.

В октябре 1986 г. в Осло прошло заседание межправительственной советско-норвежской комиссии, на котором обсуждались вопросы сотрудничества в экономике, науке и технике. Стороны уделили внимание ключевым областям для совместной работы, таким как добыча нефти, целлюлозно-бумажное производство, пищевая промышленность, энергетика, судостроение, электроника и электротехника⁵⁷.

В «Правде» активно освещали эти события, подчеркивая негативное влияние КОКОМ – организации, контролируемой США и состоящей в основном из представителей НАТО, – на развитие торговли между СССР и Норвегией. Этот комитет, осуществлявший контроль за импортом в социалистические страны, создавал значительные барьеры. Норвежская пресса, в свою очередь, указывала на противоречие: страна, выступающая за права человека и свободную торговлю, вводила множество ограничений, осложняющих торговые отношения⁵⁸.

Следующая важная встреча на высшем уровне состоялась с 14 по 16 января 1988 г., когда Председатель Совета Министров СССР Н.И. Рыжков посетил Норвегию с официальным визитом. В ходе переговоров были подписаны важные соглашения, касающиеся оперативного оповещения о ядерных авариях, обмена информацией о ядерных объектах, сотрудничества в области охраны окружающей среды, а также поисково-спасательных операций в Баренцевом море. Кроме того, было достигнуто соглашение о научно-техническом сотрудничестве в Арктике и взаимодействии между Внешэкономбанком СССР и норвежским институтом экспортных кредитов⁵⁹.

В процессе обсуждений Гру Харлем Брунтланд выразила согласие с тем, что стратегическая инициатива М.С. Горбачева, с которой он выступил в Мурманске,

⁵⁵ Репневский В.А. Эволюция политики СССР/РФ в отношении Финляндии, Норвегии и Швеции (70 – 90-е гг. XX века): Дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2006. С. 91. EDN: NNXRWL

⁵⁶ Встреча М.С. Горбачёва с премьер-министром Норвегии Г. Харлем Брунтланд // Правда. 1986. 6 декабря. С. 5.

⁵⁷ Соседи на крайнем севере: Россия и Норвегия: От первых контактов до Баренцева сотрудничества. Мурманск, 2001. С. 278.

⁵⁸ Лопухин А. Точка зрения: О ком заботится КОКОМ // Правда. 1989. 9 марта. С. 5.

⁵⁹ Переговоры завершены // Правда. 1988. 16 января. С. 4.

направлена на укрепление безопасности и сотрудничества в регионе и может послужить надежным фундаментом для снижения военного напряжения на глобальном уровне⁶⁰. Отмечая важность углубления двусторонних отношений, стороны признали появившиеся возможности переосмысления перспектив торгово-экономического сотрудничества между СССР и Норвегией, открывавшего новые каналы для взаимовыгодного партнерства⁶¹.

Советское руководство высоко оценило результаты визита и укрепление взаимных связей, что, в свою очередь, способствовало оживлению деятельности общественной организации «Норвегия – Советский Союз»⁶². Хотя культурные выставки и мероприятия пока оставались редкостью, их проведение свидетельствовало о распущем интересе к культурному обмену⁶³.

Со временем межправительственный диалог продолжал развиваться. На одной из встреч министр иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе и норвежский министр иностранных дел Торвальд Столтенберг подтвердили поддержку «мурманских инициатив» со стороны Норвегии. Более того, была выражена готовность использовать переговорные площадки как на уровне межблоковых структур, так и на общеевропейском уровне для эффективной реализации намеченных планов⁶⁴.

Таким образом, благодаря изменившейся конъюнктуре советско-норвежских межгосударственных отношений к концу 1980-х гг. советская пресса в значительной степени формировала положительный образ северного соседа, демонстрируя его готовность к взаимовыгодному сотрудничеству по различным вопросам, несмотря на участие Норвегии в НАТО.

Заключение

Во время перестройки в СССР претерпела значительные изменения внешнеполитическая линия государства. В связи с этим были пересмотрены советско-норвежские отношения в сторону укрепления взаимного сотрудничества. Ответные шаги Норвегии, проявившиеся в отказе от участия в новых военных программах НАТО, позволили вернуть двусторонним отношениям сначала партнерский, а затем и дружественный характер. Поэтому образ Норвегии, формируемый советской прессой в конце 1980-х гг., приобрел положительный характер.

Характерной особенностью образов СССР, содержащихся в материалах газеты «Aftenposten», была персонификация процессов, происходивших в Советском Союзе, которые были связаны прежде всего с личностью и деятельностью М.С. Горбачева. С 1985 г. он все чаще в Европе и мире воспринимался как представитель нового типа советского лидера. Это было связано с тем, что популярность Горбачева на Западе, в том числе и в Норвегии, росла в связи с переговорами о разоружении. Норвежское руководство было заинтересовано в расширении контактов с Советским Союзом, решении проблемы делимитации границ в Баренцевом море, заключении соглашений, которые должны были способствовать поддержанию стабильности и безопасности в регионе. Важным фактором норвежско-советских отношений было

⁶⁰ Пребывание в Норвегии: Речь Г. Харлем Брунланд. Речь Н.И.Рыжкова // Правда. 1988. 16 января С. 4.

⁶¹ Визит завершен // Правда. 1988. 17 января. С. 4.

⁶² Помнит мир спасенный // Правда. 1988. 10 мая. С. 4; Знаменательной дате посвящается // Правда. 23 февраля 1986. С. 4.

⁶³ 24 часа планеты: Норвегия // Правда. 1988. 27 сентября. С. 1; Кузнецов Ю. Скандинавский калейдоскоп // Правда. 1988. 1 августа. С. 7.

⁶⁴ Продолжение контактов // Правда. 1989. 29 сентября. С. 7.

признание неравного положения двух государств, в связи с чем предполагалось, что у СССР были возможности оказать давление на Норвегию в случае заключения обязывающих двусторонних пограничных соглашений. По мере ухудшения социально-экономической ситуации в Советском Союзе в Норвегии рассматривались программы оказания помощи СССР. В данном случае не только подчеркивались традиционные для норвежской внешнеполитической риторики представления о «моральных обязательствах» и поддержке демократии, но и прослеживалось стремление обеспечить безопасность, поддержать стабильность в регионе и воспользоваться новыми возможностями для решения некоторых проблем, например, надвигавшегося экологического кризиса. При этом надежды на возможную «нормализацию» России по западноевропейскому образцу после распада Советского Союза сочетались с сохранением прежнего настороженного отношения к своему «восточному соседу».

Поступила в редакцию / Submitted: 7.04.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 11.08.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 26.08.2025

References

- Chernenko, E.V. “The image of post-Soviet Russia in the German weekly illustrated magazine ‘*Spiegel*’.” PhD diss., Lomonosov Moscow State University, 2009 (in Russian).
- Chubaryan, A.O. *Rossiiskii evropeizm* [Russian Europeanism]. Moscow: OLMA-PRESS Publ., 2006 (in Russian).
- Neumann, I. *Ispol’zovanie “Drugogo”*: *Obrazy Vostoka v formirovaniis evropeiskikh identichnostei* [Using the “Other”: Images of the East in the Formation of European Identities]. Moscow: Novoe izdatel’stvo Publ., 2004 (in Russian).
- Repnevsky, V.A. “Evolution of the USSR/RF policy towards Finland, Norway and Sweden (1970s–1990s).” PhD diss., Pomor State University named after M.V. Lomonosov, 2006 (in Russian).
- Repnevskiy, A.V. “Pressa Arkhangelskogo Severa o razvitiis i kharaktere sovetsko-norvezhskikh otnoshenii mezhvoennogo dvadtsatletiia [Press of the Arkhangelsk North on the development and character of Soviet-Norwegian relations in the interwar twenty years].” In *XVI konferentsiya po izucheniiu Skandinavskikh stran i Finlyandii: materialy konferentsii*, 20–23. Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN Publ., 2008 (in Russian).
- Repnevskiy, A.V. “‘Norway’ through the eyes of the Pomors of the Russian North yesterday and today.” *News of the Russian North*, no. 2 (2010): 35–49 (in Russian).
- Repina, L.P. “‘National character’ and the ‘image of the other’.” *Dialogue with Time* 39 (2012): 9–19 (in Russian).
- Rukavishnikov, V.O. *Kholodnaia voyna, kholodnyi mir. Obshchestvennoe mnenie v SSHA i Evrope o SSSR/Rossii, vnesheini politike i bezopasnosti Zapada* [Cold war, cold world. Public opinion in the USSR and Europe about the USSR/Russia, foreign policy and security in the West]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2005 (in Russian).
- Sosedii na krainem severa: Rossiiia i Norvegiia: Ot pervykh kontaktov do Barentseva sotrudnichestva [Neighbors in the Far North: Russia and Norway: From First Contacts to the Barents Cooperation]. Murmansk: Murmanskoe knizhnoe izdatel’stvo Publ., 2001 (in Russian).
- Voronin, A.N. “The evolution of the image of Scandinavian countries in mass media of the USSR 1985–1991.” In *Cross-cultural communication and Ethnic Identities*, 360–366. Luleå: Luleå University of Technology, 2007.
- Zaretskaya, O.V. “Transformatsiia sovetsko-norvezhskikh otnoshenii i otrazhenie obrazza Norvegii v sovetskoi presse v 1980-e gody (po materialam gazety «Pravda») [Transformation of Soviet-Norwegian relations and reflections of Norway’s image in the Soviet press in the 1980s (based on materials from the newspaper “Pravda”)].” In *Skandinavskie chteniia 2014 goda: Etnograficheskie*

- i kul'turno-istoricheskie aspekty*, 86–99. St. Petersburg: Muzei antropologii i etnografii imeni Petra Velikogo (Kunstkamera) Rossiiskoi akademii nauk Publ., 2016 (in Russian).
- Zaretskaya, O.V. “The Spitsbergen problem on the pages of the Soviet press in the context of the transformation of Soviet-Norwegian relations during the Cold War (based on materials from the newspaper Pravda).” *Istoriya* 14, no. 8 (2023): 34–52 (in Russian), <https://doi.org/10.18254/S207987840027815-5>
- Zhuravleva, V.I. *Ponimanie Rossii v SSHA: obrazy i mify. 1881–1914* [Understanding Russia in the USA: Images and Myths. 1881–1914]. Moscow: Izdatel'skii tsentr Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta Publ., 2012 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Оксана Валерьевна Зарецкая, кандидат исторических наук, доцент, директор Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации, и.о. заведующей кафедрой всеобщей истории, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова; Россия, 163002, Архангельск, набережная Северной Двины, 17; o.zaretskaya@narfu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1623-3143>; SPIN-код: 9126-8290.

Oksana Valeryevna Zaretskaya, PhD in History, Associate Professor, Director of the Higher School of Social Sciences, Humanities and International Communication, Acting Head of the Department of General History, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov; 17, Severnaya Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163002, Russia; o.zaretskaya@narfu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1623-3143>; SPIN-code: 9126-8290.

Социокультурная история народов России
HISTORY OF RUSSIAN CULTURE

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-561-576>
EDN: LGMGMT

Научная статья / Research article

Становление политического дискурса православного западнорусского духовенства в период польского мятежа 1863 года

Александр Юрьевич Бендин

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
bendin26256@yandex.by

Аннотация: Исследуются региональные особенности польского сепаратистского мятежа 1863 г. на территории Литвы и Белоруссии, которые являлись частью Западной России. Общие цели мятежа, направленные на отторжение от Российского государства Царства Польского и Западной России и его региональные, западнорусские особенности оказали непосредственное воздействие на становление политического дискурса православного духовенства и его основных концептов. Особая роль, которую играло в мятеже политизированное римско-католическое духовенство, обусловило содержание концептов и идеально-ценностной составляющей используемого им пропагандистского дискурса. Важную роль в религиозно-политической пропаганде польского католического духовенства играл вопрос восстановления Униатской церкви Западной России, упраздненной на Полоцком соборе 1839 г. Западнорусское православное духовенство, состоявшее в основном, из бывших униатов, оказалось привлекательным объектом для такой пропаганды. Аргументы пропаганды в пользу восстановления унии сопровождались угрозами, насилиями и убийствами православных священников. Ответом на действия сепаратистов стал политический дискурс, основные концепты которого стали формироваться митрополитом Литовским Иосифом (Семашко), ранее принадлежавшим к унии. Историческую основу дискурса составили концептуальные идеи Н.Г. Устрялова, который рассматривал историю России как общерусскую, включив в нее историю Западной России. Автор приходит к заключению о том, что, основными концептами политического дискурса стали «русская народность» и единство западнорусского православия – политическое, церковное, этническое с русской монархией, Русской церковью и русским народом. Политический дискурс западнорусского духовенства находил свое выражение в богослужениях, публикациях церковной печати, проповедях и акциях поддержки политики Александра II.

Ключевые слова: церковная унион, русская народность, единство, церковная периодика, шляхетско-ксендзowski мятеж

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 24-18-00294). Название проекта: «„Русский мир“ и „руssкая земля“: историче-

© Бендин А.Ю., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

ские и социально-политические аспекты проблемы национальной идентичности в публицистическом дискурсе середины XIX – начала XX в.». Руководитель А.Э. Котов.

Для цитирования: Бендин А.Ю. Становление политического дискурса православного западнорусского духовенства в период польского мятежа 1863 года // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 4. С. 561–576. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-561-576>

Formation of Political Discourse of Orthodox Western Russian Clergy during January Uprising of 1863

Alexander Yu. Bendin^{ID}

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
✉ bendin26256@yandex.ru

Abstract: The author examines the regional characteristics of the Polish separatist uprising of 1863 (January Uprising) in the territory of Lithuania and Belarus, a territory which was part of Western Russia at the time. The general goals of the uprising aimed at separating the Kingdom of Poland and Western Russia from the Russian state, and its regional Western Russian characteristics had a direct impact on the formation of the political discourse of the Orthodox clergy and their conceptual output. The special role played in the uprising by the politicized Roman Catholic clergy determined the content of those concepts and the ideological values of the component of discourse used by them. An important role in the religious and political propaganda of the Polish Catholic clergy was played through the issue of restoring the Uniate Church of Western Russia, which had been abolished at the Synod of Polotsk in 1839. The Western Russian Orthodox clergy, which mainly consisted of former Uniates, turned out to be an attractive subject for such propaganda. The propaganda arguments in favor of restoring the union were accompanied by threats, violence, and murders of Orthodox priests. The response to the actions of the separatists was a political discourse, the main concepts of which were formed by Metropolitan Joseph (Semashko) of Lithuania, who had previously belonged to the union. The historical basis of the discourse was the conceptual ideas of N.G. Ustryalov, who considered the history of Russia as all-Russian, including the history of Western Russia. The author comes to the conclusion that the main concepts of the political discourse were “Russian nationality” and the unity of Western Russian Orthodoxy (political, ecclesiastical, and ethnic) with the Russian monarchy, the Russian Church, and the Russian people. The political discourse of the Western Russian clergy found expression in church services, publications of the church press, sermons, and overt actions to support the policies of Alexander II.

Keywords: church union, Russian nationality, unity, church periodicals, noble-priest rebellion

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Funding: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 24-18-00294). Project title: “The “Russian World” and the “Russian Land”: Historical and Socio-Political Aspects of the Problem of National Identity in the Publicistic Discourse of the mid-19th – Early 20th Centuries.” Supervisor: A.E. Kotov.

For citation: Bendin, A.Yu. “Formation of Political Discourse of Orthodox Western Russian Clergy during January Uprising of 1863.” *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 4 (November 2025): 561–576. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-561-576> (in Russian).

Введение

Актуальность. Во время польского мятежа 1863 г., угрожавшего территориальной целостности Российского государства, вопрос о Западной России оказался в центре внимания правительства, общественно-политической и исторической

мысли¹. Для его решения потребовалась не только безусловная военная победа над сепаратистами в Царстве Польском и Западной России, но и всесословно-конфессиональная и монархически-патриотическая мобилизация российского общества, принявшая форму массовой поддержки действиям правительства Александра II по защите суверенитета и территориальной целостности Российского государства.

Для сепаратистского мятежа 1863 г., происходившего в Царстве Польском и на территории Западной России, была характерна религиозная составляющая, с присущими ей идеальными ценностями и психологическими особенностями, которые были свойственны части римско-католического духовенства². Феноменальная уверенность польских сепаратистов в своем неоспоримом праве на власть и господство в Западной России опиралась на исторически сложившееся экономическое и социокультурное доминирование польской колониальной элиты и комплекс идей политического и религиозного реванша за утраченную государственность, поражение в русско-польской войне 1831 г. и упразднение Греко-католической церкви в 1839 г.³

Особая политическая и религиозная миссия в вооруженном мятеже с ее сакральными, идеальными и мобилизационными функциями, которую добровольно взяла на себя радикально настроенная часть римско-католического духовенства, стала вызовом и прямой угрозой для православного духовенства Западной России и его многочисленной паствы⁴. Исторический противник западнорусского православия, пришедший из Польши и присоединивший на этот раз к традиционным богословско-каноническим аргументам своего церковного превосходства вооруженную силу, терроризм и националистические идеи, представлял теперь в роли политического врача. Его сепаратистские претензии на Западную Россию обусловили необходимость в ответной идеальной и религиозной аргументации православного духовенства, от которого требовалось убедительно обосновать историческое первенство православия на древнерусских землях и связанное с ним право западных русских жить в Западной России под законной властью российского императора.

Степень изученности проблемы. В Западной России православное дворянство, чиновники, купцы и мещане были немногочисленны. В связи с этим субъектами политического дискурса наряду со светскими публицистами становились представители православного духовенства, которое совершало церковное служение на территории распространения мятежа. О проявлениях верности этого духовенства императору Александру II и священноначалию Русской церкви в Литве и Белоруссии, о жертвах, понесенных духовенством от террористических действий мятежников, существует ряд работ, написанных белорусскими исследователями⁵.

¹ Речь шла о государственной принадлежности древних русских земель – Литвы, Белоруссии, Волыни и Подолии, которые были присоединены к России Екатериной II в результате разделов Речи Посполитой в 1772–1795 г., и единстве большого русского народа – белорусов, малороссов и великорусов в границах общего Русского государства. По словам М.О Кояловича, Западная Россия включала в себя Малороссию, которую составляли Киевская, Подольская и Волынская губернии; Белоруссию – Витебская, Минская и Могилевская губернии; Литву – Виленская, Ковенская и Гродненская губернии: Коялович М.О. Историческое исследование о Западной России, служащее предисловием к Документам, объясняющим историю западно-русского края и его отношения к России и к Польше. СПб., 1865. С. X–XII.

² Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 821. Оп. 10. Д. 44. Л. 204–205; РГИА. Ф. 1281. Оп. 7. Д. 30. Л. 127.

³ Белецкий А.В. Сборник документов музея графа М.Н. Муравьева. Т. 1. Вильна, 1906. С. XVII–XVIII; Сераковский С. Польский вопрос // Русская старина. 1884. № 1. С. 53–55.

⁴ Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1868 г. СПб., 1869. С. 36.

⁵ Линкевич В.Н. Взаимоотношения католичества и православия в белорусских губерниях во второй половине XIX–начале XX в. // Русский сборник: исследования по истории России. 2012. Т. 12. С. 96–118;

Однако работы, в которых предметом исследования является политический дискурс западнорусского духовенства в период польского мятежа 1863–1864 г., практически отсутствуют, что делает актуальной заявленную тему исследования.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые предметом исследования становится политический дискурс западнорусского духовенства Литвы и Белоруссии, ставший реакцией на политические, идеальные и церковные вызовы польского сепаратизма.

Целью исследования является определение особенностей становления и развития регионального политического дискурса православного западнорусского духовенства, используемого в период польского мятежа в церковной периодике, богослужении и проповедях как средства формирования общерусского самосознания, легитимации права самодержавной монархии на Западную Россию и готовности к защите Российского государства.

Источниковую базу исследования представляет комплекс архивных и опубликованных материалов о церковных и политических событиях в период польского мятежа 1863 г., которые были выявлены и проанализированы автором. В их числе – фонды Российского государственного исторического архива: Канцелярия министра внутренних дел (Ф. 1282); Совет министра внутренних дел (Ф. 1281); Западный комитет (Ф. 1267); И.П. Корнилов (Ф. 970); Департамент духовных дел иностранных исповеданий (Ф. 821), а также личный фонд М.Н. Муравьева (Ф. 811) в Государственном архиве Российской Федерации. Были использованы материалы Национального исторического архива Беларуси. В Национальном историческом архиве Беларуси в г. Гродно были выявлены документы из фонда «Канцелярия Гродненского губернатора» (Ф. 1). Кроме того, использовались материалы Литовского государственного исторического архива: Архив музея графа Михаила Муравьева (Ф. 439) и Канцелярия Виленского, Ковенского и Гродненского Генерал-губернатора (Ф. 378).

Источниковая база включает в себя дореволюционные сборники опубликованных документов Муравьевского музея; тематические издания документов о событиях мятежа 1863 г. советского периода; «Литовские епархиальные ведомости», вышедшие в первую половину 60-х гг. XIX в.

Региональные особенности польского мятежа 1863 г. в Западной России

После победы русской армии в русско-польской войне 1831 г. правительство Николая I осуществило ряд мер по ограничению польского-католического доминирования в Западной России и ее дальнейшей интеграции в состав Российской государства⁶. Ключевым элементом николаевской интеграции стало добровольное воссоединение западнорусских униатов с Русской церковью, произошедшее на Полоцком соборе 1839 г. Это поворотное событие в жизни Русской церкви стало одновременно

Щеглов Г. Год 1863. Забытые страницы. Минск, 2013; Романчук А. Конфессиональные аспекты польского восстания 1863–1864 годов // Тетради по консерватизму. 2023. № 3. С. 42–59. <https://doi.org/10.24030/24092517-2023-0-3-44-61> EDN: RPRWHZ; Бендин А.Ю. Патриотическая мобилизация православных епархий Северо-Западного края России в годы Первой мировой войны (август 1914 – начало 1917 г.) // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 4. С. 427–440. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-4-427-440>

⁶ Журналы Комитета Западных губерний: в 2 т. / изд. подгот. Т.В. Андреева, И.Н. Вибе, Б.П. Милovidов, Д.Н. Шилов. СПб., 2017 (т. 1), 2021 (т. 2).

и событием политическим, которое привело к существенному расширению социальной опоры российской монархии в Западной России. Упразднение Греко-католической церкви на территории России завершило, в свою очередь, церковное воссоединение большого русского народа – великорусов, малороссов и белорусов в юрисдикции «господствующей» Русской церкви. В Литве и Белоруссии воссоединенный епископат, духовенство и миряне стали численно преобладающими сравнительно с «древле-православными», которые оставались верными Православной церкви со времени крещения Руси⁷.

С этого времени начался процесс усвоения бывшими униатами, подвергшимися длительной латинизации и полонизации, традиций и правил Русской церкви. Процессу церковной интеграции и усвоения великорусской культуры препятствовало укоренившееся в сознании и поведении иерархии и духовенства многообразное наследие уний в области церковной обрядности, польские культурные обычаи, бедность и экономическая зависимость от польских помещиков⁸.

За отменой крепостного права в 1861 г., освободившего западнорусских крестьян от власти польских помещиков, последовал сепаратистский мятеж, начавшийся в январе 1863 г. в Царстве Польском, а затем организованно перенесенный в Западную Россию. Главной целью мятежников, опиравшихся на внешних и внутренних союзников, было восстановление независимого Польского государства в восточных границах 1772 г. Основным местом, в котором развернулись вооруженные столкновения между частями Русской армии и иррегулярными отрядами мятежников в Западной России, стали Литва и Белоруссия⁹.

В Малороссии вооруженные выступления шляхты не получили опасного развития и были быстро подавлены воинскими частями с помощью православного крестьянского населения¹⁰. В Литве и Белоруссии в связи с близостью Царства Польского и более широкой социально-религиозной и этнической базой мятежа, (дворянско-шляхетской, католической, польско-литовской) вооруженные столкновения частей Русской армии с сепаратистами приняли более масштабный и ожесточенный характер¹¹. Партизанская война, которые вели иррегулярные отряды мятежников, опиравшихся на экономически доминировавшее польское меньшинство и литовских крестьян-католиков, сопровождалась террористической тактикой, направленной на устрашение жителей края, верных российской монархии¹².

Особую роль в подготовке и проведении мятежа в Литве и Белоруссии сыграло римско-католическое духовенство, которое, обладая духовной властью над своими

⁷ Шавельский Г. Последнее воссоединение с Православной церковью униатов Белорусской епархии (1833–1839 г.г.). СПб., 1910. С. 293–256; Коялович М.О. История воссоединения западнорусских униатов старых времен. СПб., 1873. С. 352–392.

⁸ Тихомиров С. Хроника моей жизни. Автобиографические записки. Т. 3. Сергиев Посад, 1901. С. 196–200; Коялович М.О. Историческое призвание западно-русского православного духовенства // Литовские епархиальные ведомости. 1863. № 2. С. 67; Миловидов А.И. Заслуги графа М.Н. Муравьева для Православной церкви в Северо-Западном крае. Харьков, 1900. С. 39–42, 53–56.

⁹ Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края / сост. А.И. Миловидов. Вильна, 1915. Ч. 2. С. 430–432.

¹⁰ Ананьев С.В. Украинский аспект польского восстания 1863 г.: забытые уроки прошлого // Вестник СГТУ. 2014. № 3. С. 150–154. EDN: TGNFQZ ; Кренке В.Д. Усмирение польского мятежа в Киевской губернии в 1863 году. Отрывок из воспоминаний // Исторический вестник. 1883. № 10. С. 106–134.

¹¹ Архивные материалы Муравьевского музея...

¹² Мосолов А.Н. Виленские очерки. 1863–1865 гг. (Муравьевское время). СПб., 1898. С. 27.

прихожанами, технологически использовало ее для мобилизации в отряды мятежников и в подпольные организации, применяя такие инструменты как исповедь и присяга. Ксендзы принимали участие также и в боевых действиях против Русской армии в качестве капелланов и полевых командиров¹³.

Божественная санкция, которую давали ксендзы своим прихожанам на участие в мятеже, придавало вооруженным выступлениям сепаратистов характер «священной войны», которую ведут католики в защиту веры, которую российское правительство якобы «намерено истребить»¹⁴. В религиозной пропаганде мятежа, осуществляющейся с помощью прокламаций, плакатов и проповедей ксендзов с церковных амвонов, ставилась цель разжигания религиозного фанатизма, политической и национальной «ненависти ко всему русскому»¹⁵.

Православные русские именовались «москалями» и «схизматиками», которые причислялись к «врагам самого Бога, за то, что они не верят в папу; потому что они относительно его «бунтовщики и подобны дьяволам», что «схизматики суть дети дьявола, церковь схизматиков есть дьявольская синагога, в причастии схизматиков сидит сам дьявол». Подобные наставления внушались ксендзами во время исповеди, а в проповедях духовенство призывало свою паству взять в руки оружие, чтобы убивать «москалей» и «схизматиков» во имя освобождения Польши и получения награды на небесах. Владение профессиональными навыками суггестии позволяло ксендзам манипулировать религиозным сознанием паствы и вводить ее в аффективное состояние призывами «Острите кости для истребления схизматиков!»¹⁶.

Таким образом, нелегальная пропаганда сепаратистов наряду с социально популистскими обещаниями, направленными на создание социальной крестьянской базы сословного «шляхетско-ксендзовского мятежа», широко использовала и религиозный фактор, пропагандистски эффективный в управляемой ксендзами фанатичной всесословной и полиэтнической католической среде¹⁷. Инструментом вовлечения католиков в мятеж стал пропагандистский религиозно-политический дискурс, в котором использовались концепты агрессивной русофобии, принудительного упразднения унии, Западного края как польского отечества, борьбы за восстановление господства католичества и польской шляхты в Западной России¹⁸.

¹³ Бендин А.Ю. Роль римско-католического духовенства Северо-Западного края Российской империи в польском восстании 1863 г. // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Т. 17. № 2. С. 357–386. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-2-357-387> EDN: XWOTFZ; Стороженко А.П. Ксендз Мацкевич, предводитель шайки мятежников // Вестник Западной России. Книжка XII. Т. IV. Отдел IV. Вильна, 1866. С. 243–266; РГИА. Ф. 1281. Оп. 7. Д. 79. Л. 114.

¹⁴ Литовские епархиальные ведомости. 1863. № 19. С. 742.

¹⁵ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1281. Оп. 7. Д. 79. Л. 114; Литовские епархиальные ведомости. 1863. № 12. С. 424.

¹⁶ Зубко А. О Греко-унитской церкви в Западном крае России. Минск, 2019. С. 90; Бендин А.Ю. Михаил Муравьев-Виленский: реформатор и усмиритель Северо-Западного края Российской империи. М., 2017. С. 189–208; Танышина Н.П. Польский вопрос как инструмент идеологической борьбы Запада против России // Наука. Общество. Оборона. 2022. Т. 10. № 4. С. 35–51. <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2022-4-25-25> EDN: MIYRTZ

¹⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 11. Д. 36. Л. 35 об.; Ф. 1282. Оп. 1. Д. 248. Л. 6, 37–38; Ф. 1281. Оп. 7. Д. 34. Л. 68; Ф. 1281. Оп. 7. Д. 51. Л. 37; Ф. 1281. Оп. 7. Д. 39. Л. 76; Литовский государственный исторический архив (далее – ЛГИА). Ф. 378. Оп. 1866. Д. 46. Л. 18.

¹⁸ Ратч В.Ф. Сведения о польском мятеже 1863 г. в Северо-Западном крае России. Т. 1. Вильна, 1867. С. 124; РГИА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 3. Л. 25, 69.

Политические аспекты униатского вопроса в Литве и Белоруссии

Накануне мятежа униатский вопрос приобрел особую актуальность для обеих сторон конфликта. Проблема политической лояльности к России и православию бывших униатов, которые стали воссоединенными православными, иерархией, священниками и мирянами, тревожила администрацию и архиереев Северо-Западного края. Например, сомнения в верности церкви и государству бывших униатов выказывал воссоединенный архиепископ Минский Михаил (Голубович). «Народ здесь еще не утвержден в православии и, если разразится буря неблагоприятных обстоятельств, – все улетит безвозвратно. Старье от унион еще не отстало, молодежь и новое поколение к православию еще не пристали, – и потому древней борьбы за русскую веру, вероятно, не будет. Тогда вера укрепилась веками, а теперь со дня воссоединения едва протекли 2 десятка лет»¹⁹.

Сепаратисты же стремились вовлечь в мятеж воссоединенных православных мирян и духовенство, рассчитывая на сохраненную в бывших униатах приверженность к Риму, Польше и традиционной польской идентичности, обещая от имени Папы Римского восстановить унию, упраздненную в Западной России на Полоцком соборе 1839 г.²⁰

Для достижения поставленной цели предполагалось расколоть западнорусское православие и его духовенство, как главную опору монархии, восстановить бывших униатов против «древлеправославных» и начать униатскую мобилизацию в отряды мятежников. Применяемые в данном случае политические технологии основывались на намерено сфальсифицированных сведениях о насилиях при упразднении унии, которые широко транслировались в проповедях ксендзов в Царстве Польском и Западной России, и которые внушались папскому двору «поверенным» подпольного «национального правительства»²¹.

В листовках, распространяемых среди воссоединенного духовенства, к которому сепаратисты обращались как к «отступникам от истинной униатской веры», содержались призывы к покаянию перед польскими униатами и польским отечеством, а также угрозы расправы и адских мук в случае сохранения верности православию и Русскому царю²².

Сохранение наследия полонизированной унии в церковном обиходе, в сознании и бытовой культуре воссоединенного духовенства содержало в себе потенциальную политическую опасность для Русской церкви и государства, которую пытались использовать руководители мятежа для восстановления польского господства над Западной Россией. В этих условиях западнорусское духовенство, как воссоединенное, так и «древлеправославное», ставшее объектом терроризма со стороны мятежных католиков, использовало имеющиеся средства церковной коммуникации – печати, проповеди, посланий и обращений для демонстрации своего идеино-ценостного размежевания с сепаратистами, утверждения русской идентичности воссоединенных православных Западной России, верности Русской церкви и российской монархии.

¹⁹ Мейер П.М. Подготовка к польскому мятежу в Минской губернии в 1861 г. Записки // Журнал «АСПЕКТ». Декабрь 2019. С. 34–35.

²⁰ Калиновский К. Из печатного и рукописного наследия. Минск, 1988. С. 57–58.

²¹ Попов А.Н. Последняя судьба папской политики в России. СПб., 1868. С. 196; Архивные материалы Муравьевского музея... Ч. 1, 1913. С. 29–34; Романчук А.А. К вопросу о преследованиях униатского духовенства в ходе общего воссоединения униатов с православными в 1839 году // Богословский вестник: научно-богословский журнал. 2018. Вып. 1. № 28. С. 154–177. EDN: YLWDZB

²² Архивные материалы Муравьевского музея... С. 47–48.

Политический дискурс православного духовенства и его основные концепты

Формирование политического дискурса, содержавшего концепты отречения от унии и возвращения в православную церковь, началось после воссоединительного Полоцкого собора 1839 г. Тогда же были сформулированы основные церковно-исторические и национальные нарративы, используемые в политическом дискурсе для обоснования правильности религиозного выбора, сделанного в пользу общечерковного возвращения униатов в православие. Создателем этих нарративов стал инициатор воссоединения западнорусских униатов епископ Литовский Иосиф (Семашко). В частности, в «Акте воссоединения» и в «Первом всеподданнейшем прощении», в которых давалось богословское обоснование восстановлению единства Греко-униатской церкви с Православно-кафолической восточной церковью и перехода в юрисдикцию Святейшего синода Русской церкви, содержалась опорная концептуальная схема общерусской истории, объясняющая церковный и этнополитический смысл принятых соборных решений.

Основные положения этой исторической схемы укладывались в концепцию общерусской истории России, которая была предложена в это время Н.Г. Устряловым²³. В своих ранних трудах историк осуществил переход от великорусской, по преимуществу, истории России, созданной М.Н. Карамзиным и его предшественниками, к истории общерусской, которая включала в себя историю Западной России, а значит, и воссоединенного большого русского народа или «русской народности»²⁴.

В основу церковной интерпретации общерусской истории была положена богословско-этническая аргументация, апеллировавшая к общему древнерусскому наследию, когда Православная церковь Западной Руси была «нераздельной частью» Вселенского православия и Греко-Российской церкви, а западнорусские предки представляли собой «нераздельную часть русского народа». Произошедшее отторжение Литвой западных областей Руси, а затем присоединение их к Польше привело к тому, что «русский православный народ», отделенный от «матери нашей России», был отторгнут от истинного православия и подчинен Римской церкви под именем униатов. Нетерпимость местного латинского духовенства к «духу русской народности и древним обрядам православного Востока» стало причиной угнетенного положения униатов, положив начало полонизации традиционной русской идентичности и латинизации самой унии. Российская держава, возвратившая «древнее достояние Руси», создала условия для воссоединения униатов с «прапорительской Православной Российской церковью» и «всем русским народом». И государство же в лице императора Николая I придало соборному решению о воссоединении западнорусских униатов с православием силу государственного закона²⁵.

Официально принятые нарративы воссоединения содержали базовые концепты о том, что русскую идентичность населения западных губерний России определяют такие факторы, как общерусская история, берущая свое начало в Древней Руси, вселенское и общерусское православие и подданство Российского государства. В результате была создана идеально-ценностная составляющая политического дискурса, который создавался западнорусским духовенством по мере нарастания угрозы польского ирредентизма и сепаратизма.

²³ Устрялов Н.Г. О системе pragmatической русской истории: Рассуждение, написанное на степень доктора философии. СПб., 1836.

²⁴ Бендин А.Ю. Общерусская история в ранних трудах Николая Устрялова и Михаила Погодина // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2025. Т. 70. № 2. С. 528–534.

²⁵ Записки Иосифа, Митрополита Литовского. Т. 1. СПб., 1883. С. 119–124.

Произошедшая государственно-церковная легитимация нарративов русской идентичности стала определяющей для их последующего развития в начале 60-х г. В период начавшегося в 1861 г. в Литве и Белоруссии движения польской дворянско-католической ирреденты, участники которой требовали от правительства административного воссоединения Литвы и Польши, митрополит Литовский Иосиф (Семашко) обратился с ко всем благочинным церквей и монастырей своей епархии. В предписании от 19 декабря 1861 г. митрополит предостерегал воссоединенное духовенство от униатских соблазнов и угроз «мести поляков», которые содержались в распространяемых тайно «мятежных воззваниях». Создаваемый авторитетным иерархом политический дискурс, обращенный к духовенству, был призван убедить священников в соблюдении своего долга перед паствой, Русской церковью и Россией.

Митрополит утверждал:

Эти воззвания и внушения сколько дерзки, столь же и невежественны. Нам указывают на Польшу! Но какое нам дело до Польши? Мы русские, дети бесчисленной Русской семьи, потомки Св. Владимира, — мы родились в России, присягали на верность Русскому царю... Нам указывают на униатскую веру! Как бы была, или могла быть униатская вера!? Не была ли Уния лишь коварной приманкой для отклонения отцов наших от России и от истинно Православной Восточной Церкви²⁶.

С началом вооруженного мятежа, охватившего в основном Ковенскую, Виленскую, Гродненскую и Минскую губернии, происходило дальнейшее становление политического дискурса православного духовенства и его идейно-ценностной составляющей. Необходимость происходивших дискурсивных изменений вызывалась появлением новых факторов, воздействовавших на поведение и настроения православного духовенства и его паствы. Вооруженные выступления сепаратистов охватили обширные территории края в связи с чем сельское православное духовенство и миряне оказались уязвимыми перед террором и насилиями с их стороны²⁷. Активизировалась в это время и подпольная «латино-польская пропаганда», адресованная воссоединенному духовенству, с угрозами и призывами к церковной и политической измене иерархии Русской церкви и российскому императору²⁸.

Необходимость решительного противодействия разраставшемуся мятежу потребовала от администрации и церковной иерархии усиления религиозно-идейного воздействия на духовенство и паству с целью побудить их к поддержке действий, предпринимаемых правительством Александра II.

На становление политического дискурса духовенства оказывала влияние рационально выстроенная и системная политика виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьёва, направленная на решительное подавление мятежа на основе слаженных действий войсковых частей, военно-гражданской администрации и сельских караулов²⁹. Административный дискурс Инструкции и распоряжений М.Н. Муравьёва, энергичная и жесткая деятельность администрации по их исполн-

²⁶ Литовские епархиальные ведомости. 1863. № 2. С. 44–45.

²⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 811. Оп. 1. Д. 68. Л. 36; Карпович О. «Невинные жертвы» Муравьева, или за что казнили участников польского восстания 1863–1864 гг. // Вестник Брестского технического университета. 2011. № 6. С. 22–34.

²⁸ Архивные материалы Муравьевского музея... Ч. 1. С. 47–48; Катков М.Н. 1863 год. Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся в Московских ведомостях, Русском вестнике и Современной летописи. Выпуск первый. М., 1887. С. 308–309.

²⁹ Цылов Н. Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева по усмирению польского мятежа в северо-западных губерниях 1863–1864. Вильна, 1866. С. 101–156.

нению, укрепляли твердость духа духовенства и мирян, придавая им уверенность в силе правительства и победе над мятежниками. Например, положения Инструкции М.Н. Муравьева размещались на страницах Литовских епархиальных ведомостей и служили для «сведения духовенству».

Свое воздействие на формирование политического дискурса оказывало христианское учение православной церкви, которое находило свое выражение в богослужебной практике. По распоряжению священноначалия западнорусское духовенство в текст великой ектении с марта 1863 г. включило дополнительные моления о примирительной силе христианской любви, о снисхождении на враждующих христиан Духа кротости, братолюбия, мира и всяко благочиния, а также об утолении кровопролития, крамолы, нестроений и междуусобной брани³⁰.

В связи с названными обстоятельствами политический дискурс духовенства в чрезвычайных условиях мятежа не должен был содержать нарративов ненависти к «врагу России» и мести за учиненные им злодеяния. Даже после известий о казнях и насилиях мятежников над православными священнослужителями в Литовской и Минской епархиях отношение духовенства к своим политическим врагам оставалась неизменно христианским:

Не православие ищет угнетения и порабощения католичества, а католичество посягает на святость и права православия. На ненависть католиков православные отвечают, что молитвою и любовью заплатят врагам нашим за пролитую кровь братий наших и за все наши слезы и страдания³¹.

Редакция «Литовских епархиальных ведомостей», которые, по инициативе митрополита Иосифа (Семашко), стали первым регулярным церковным изданием в Северо-Западном крае России, выходившим с начала 1863 г., в своем программном заявлении определила церковно-прикладные и идеально-ценостные приоритеты своей дальнейшей деятельности. Одной из приоритетных задач издания становилось формирование общерусского и общецерковного сознания «русской народности» Литвы путем взаимного сближения с православными великорусами³². Однако события мятежа внесли существенные корректизы в программу издания, властно определив новые темы публикаций.

В пропагандистском дискурсе сепаратистов решающее значение имел концепт «забранного» польского края, то есть Западной России, жители которого именовались «поляками извечно»³³, а польский язык служил лингвистическим маркером сословно-этнического и церковного превосходства над православным духовенством и его крестьянской паствой³⁴. В связи с этим в политическом дискурсе православного духовенства ключевую роль стал играть вопрос этнического самоопределения в пользу «русской народности», идентичность которой исторически была связана с православием.

В ситуации острого идейного противостояния с польским политическим национализмом и его русофобской составляющей духовенство как образованный носитель этнической идентичности в крестьянской среде, становилось выразителем

³⁰ Архивные материалы Муравьевского музея... Ч. 1. С. 330.

³¹ Литовские епархиальные ведомости. 1863. № 12. С. 442.

³² Там же. № 1. С. 1–5.

³³ ЛГИА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 12. Л. 114.

³⁴ Киприанович Г.Я. Высокопреосвященный Иосиф Семашко, митрополит Литовский и Виленский: очерк его жизни и деятельности по воссозданию западнорусских униатов с православной церковью в 1839 г. Вильна, 1894. С. 90.

общерусского самосознания своей паствы, публичная демонстрация которого служила одновременно проявлением российского патриотизма и верности Российскому государству. Следовательно, термин «русская народность» с содержательной точки зрения означал в тех условиях не только принятые в трудах Н.Г. Устриялова определение большого русского народа, но вместе с тем служило критерием исторической этнокультурной идентичности православного населения Западной России.

С начала 1863 г. в сообщениях и статьях воссоединенных приходских священников, размещаемых в «Литовских епархиальных ведомостях», содержались многочисленные сведения об участии православного духовенства в организации народного просвещения в «духе православия и русской народности», которое должно было вывести крестьянство из-под культурного влияния польского дворянства и римско-католического духовенства³⁵. В этой связи вставал вопрос об общерусском самосознании и культурных предпочтениях самих западнорусских священнослужителей, для которых польский язык являлся традиционным средством общения, в том числе и в кругу семьи³⁶.

Накануне мятежа о необходимости деполонизации культурных традиций западнорусского духовенства заговорили сами священнослужители. Так, священник И. Концевич, служивший в местечке Деречин Гродненской губернии, обращаясь к своим духовным собратьям, работающим в народных училищах, заявлял:

Пора нам перестать стыдиться говорить по-русски; мы искони русские и должны содействовать к возбуждению заглушенной в нашем народе русской народности³⁷.

Призыв духовенства к освобождению от польской культурной гегемонии был поддержан церковной иерархией Северо-Западного края – митрополитом Литовским Иосифом (Семашко), архиепископом Полоцким Василием (Лужинским) и архиепископом Минским Михаилом (Голубовичем), которые в марте–июне 1864 г. своими распоряжениями запретили употребление польского языка в семьях священнослужителей.

Так, в предписании архиепископа Василия было указано, чтобы священники «изгнали вон польский язык и все польское», а пасомый ими народ «непрестанно наставляли и вразумляли в непреложной истине, что его предки вечно были русскими, что, хотя, по допущению Божию, и подпали некогда под тяжкий гнет правительства польского, не переставали, однако ж, быть истинно русскими»³⁸.

Политический дискурс этнического и политического самоопределения использовался западнорусским духовенством в качестве традиционного средства коммуникации с монархом, в принятой форме подачи «верноподданных адресов». В начале польского мятежа духовенство и миряне Минской губернии в адресах на имя императора Александра II противопоставляя себя «полякам», заявляли о своей приверженности к «русской народности» и православной вере, спасением которых они обязаны России и ее монархам³⁹.

Например, о том, что воссоединенные крестьяне имения Старые Жировицы Гродненской губернии «всегда были русские, что они сохранили и сохраняют завещан-

³⁵ Муравьев М.Н. Записка о некоторых вопросах по устройству Северо-Западного края // Русский архив. 1885. № 6. С. 186–187; Комзолова А.А. Митрополит Иосиф (Семашко) и реформы народной школы в Северо-Западном крае // Российская история. 2020. № 2. С. 159–173. <https://doi.org/10.31857/S086956870009263-0> EDN: QWDTPU

³⁶ РГИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 876. Л. 19.

³⁷ Литовские епархиальные ведомости. 1863. № 5. С. 163.

³⁸ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1864. Д. 1616. Л. 1–7.

³⁹ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 559. Л. 202, 261.

ную предками православную веру, неповрежденную русскую народность и непоколебимую верность, и преданность православным всероссийским государям» сообщал слонимский благочинный прот. И. Соловьевич. Верноподданный адрес жировичских крестьян был направлен Александру II⁴⁰.

О своей принадлежности к «русской народности» заявляли семинаристы Литовской духовной семинарии. Сыновья воссоединенного духовенства, именуя себя «русскими по крови и по духу», выразили публично свою патриотическую и национальную позицию, называя православный белорусский народ Западной России, «исконы русским», а себя детьми России, а не Польши. Таким был ответ на провокационные призывы сепаратистов, которые именовали их «сынами земли польской» и требовали взять в руки оружие для войны с Россией⁴¹. Мы не только «не сочувствуем польскому восстанию, – заявляли семинаристы – а еще считаем поляков своими непримиримыми врагами. Мы, русские, готовы все до одного выступить скорее против вас, мятежники, чем за вас»⁴².

Свое право называться русскими и православными семинаристы отстаивали, аргументированно ссылаясь на негативный исторический опыт польского господства в Литве и Белоруссии: подавления «русской народности» в Речи Посполитой, насилиственного насаждения среди православных католичества греческого и латинского обряда, крепостнической эксплуатации, которой польские помещики подвергали белорусское крестьянство.

Исторические нарративы, используемые и интерпретируемые в политическом дискурсе патриотической и этнической самоидентификации семинаристов, были усвоены в процессе изучения гражданской истории, в котором использовалось учебное пособие Н.Г. Устрялова «Руководство к первоначальному изучению русской истории»⁴³. Судя по обширным сведениям из истории противостояния православия и унию, наставники семинаристов пользовались работой западнорусского историка М.О. Кояловича «Литовская церковная унион», изданной в 1859–1861 г.

Опасность, исходившая от действий и целей сепаратистов, потребовала от духовенства не только этнополитического самоопределения и ценностно-культурного размежевания с польской средой, но и выражения концепта единства, в котором принадлежность к православию и русской народности осознавалась в неразрывной связи с территориальной целостностью Российского государства и верностью монархической власти. Убедительную силу политическому дискурсу национально-патриотического единства придавала позиция Александра II, который публично заявил о своей решимости отстоять западные губернии от посягательств врагов «на древнее русское достояние» и защитить «единство царства всероссийского»⁴⁴.

Политический дискурс этно-церковного и государственного единства находил свое выражения и в торжествах, которые устраивались в честь тезоименитства генерал-губернатора Северо-Западного края М.Н. Муравьёва, почитаемом западнорусским духовенством как «архистратиг земли Русской», который пресек стремление врагов к «насильственному отторжению нашего края от одного цельного политиче-

⁴⁰ Литовские епархиальные ведомости. 1863. № 8. С. 253–254; Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (далее – НИАБ в г. Гродно). Ф. 1. Оп. 34. Д. 344. Л. 58.

⁴¹ Котович И. Историческая записка о Литовской духовной семинарии. Вильна, 1878. С. 69–70.

⁴² Литовские епархиальные ведомости. 1863. № 14. С. 524–538.

⁴³ Титлинов Б.В. Духовная школа в России в XIX столетии (Протасовская эпоха и реформы 60-х годов). Выпуск второй. Вильна, 1909. С. 124.

⁴⁴ Литовские епархиальные ведомости. 1863. № 8. С. 264.

ского тела России», чтобы распространить в народе «свет образования на началах чистого православия и русской народности»⁴⁵.

Единство ключевых концептов, исторических и церковных нарративов политического дискурса духовенства, смысловых и функционально важных в период польского мятежа, нашло свое выражение в «слове» митрополита Иосифа (Семашко), произнесенное в Вильне 25 марта 1864 года, в память двадцатипятилетия воссоединения униатов с православной церковью, совпавшего с окончательным поражением мятежа.

Митрополит, опираясь на опыт, пережитый духовенством, народом и государством в 1863 г., воспроизвел и развил основные положения концептуальной схемы общерусской истории России, которая была использована в Акте воссоединения 1839 г. В основу этой схемы был положен тезис о Православии и Святой Руси как символе «целости и нераздельности самой России». Высказанные митрополитом суждения о русской идентичности населения и власти Великого княжества Литовского, борьбе православия с унией и полонизацией «русского народа» в Речи Посполитой, раскрывали смысл справедливой борьбы России за земли Западной Руси. Это долгое противоборство завершилось присоединением «русских областей» к «общему телу Русской земли» и восстановлением единства большого русского народа, сначала политического, а затем и церковного⁴⁶.

Мятеж 1863 г.ставил своей целью обесмыслить историю «собирания русских земель» и уничтожить практические результаты произошедшего воссоединения. То есть «раздробить могущественную Россию, чтобы покорить вновь Польше Русские области, русский православный народ, у которого свежа еще память прежнего ненавистного трехвекового порабощения». Вопреки насилию и угрозам сепаратистов «западнорусский народ», только недавно воссоединившийся с православием, показал себя столь же преданным России, как и «прочие русские», то есть «древлеправославные».

Тем самым митрополит утверждал не только историческую и нравственную правоту защитников территориальной целостности Российского государства. В его дискурсе раскрывался церковно-политический смысл исторической деятельности самодержцев – собирателей русских земель и правящих иерархов, совершивших церковное воссоединение 1839 г. В итоге возвращение униатов в православную церковь восстановило церковное и этническое единство большого русского народа, а испытание мятежом показало прочность их русской идентичности, верность русской церкви и российскому царю-Освободителю⁴⁷.

Заключение

Поражение польской армии в русско-польской войне 1831 г., упразднение Унiateской церкви в Западной России в 1839 г., освобождение западнорусских крестьян в 1861 г. и подавление мятежа 1863 г. стали основными церковно-политическими событиями, которые утвердили Западную Россию в составе Российского государства, а западнорусских униатов в единстве с Русской церковью и большим русским народом. В сепаратистском мятеже 1863 г. важную роль играл религиозный фактор,

⁴⁵ Национальный исторический архив Беларуси (далее –НИАБ). Ф. 1430. Оп. 1. Д. 31530. Л. 179–187.

⁴⁶ В своем «Слове» митрополит Иосиф опирался на работу: Устрялов Н.Г. О Литовском княжестве. СПб., 1839.

⁴⁷ Литовские епархиальные ведомости. 1864. № 6. С. 187–196.

нашедший свое выражение в политической деятельности римско-католического духовенства – пропагандистской, организаторской и военной. Задачами религиозно-политической пропаганды сепаратистов стало вовлечение в вооруженную борьбу против Российского государства как римо-католиков, так и бывших униатов, воссоединенных с Русской церковью на Полоцком соборе 1839 г. Для достижения этой цели использовались концепты «забранного» Россией в 1772–1795 гг. польского края, польской идентичности католического населения края, включая бывших униатов.

Ответом на вызовы сепаратистской пропаганды стал политический дискурс западнорусского духовенства, процесс формирования которого начался со времени воссоединения униатов. Решающую роль в формировании этого дискурса сыграл инициатор церковного воссоединения митрополит Иосиф (Семашко). Исторические воззрения митрополита на судьбы православия в Западной России, которые были использованы в актуальном политическом дискурсе, опирались на общерусскую концепцию истории России, созданную Н.Г. Устряловым в 30-е гг. Термины общерусской истории, такие как «русская народность», единство «Русской земли», Русской церкви и Российского государства стали концептами политического дискурса западнорусского духовенства, которые находили свое применение в статьях церковной прессы, проповедях и патриотических акциях поддержки монархии. Вместе с тем на политический дискурс духовенства оказывало воздействие христианское вероучение и богослужебные традиции Русской церкви, призывающие к миру и прощению врагов.

Поступила в редакцию / Submitted: 18.11.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 9.07.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 26.08.2025

References

- Ananyev, S.V. “Ukrainian aspect in the polish uprising in 1863: forgotten lesson of the past.” *Vestnik Saratov state technical university*, no. 3 (2014): 150–154 (in Russian).
- Beletsky, A.V. *Sbornik dokumentov muzeia grafa M.N. Murav’eva* [Collection of documents of the museum of Count M.N. Muravyov], vol. 1. Vilna: Obshchestvo revnitelei russkogo istoricheskogo prosveshcheniya Publ., 1906 (in Russian).
- Bendin, A.Yu. *Mikhail Murav’ev-Vilenskii: reformator i usmiritel’ Severo-Zapadnogo kraia Rossiiskoi imperii* [Mikhail Muravyov-Vilensky: reformer and pacifier of the North-Western region of the Russian Empire]. Moscow: CIS-EMO Publ., 2017 (in Russian).
- Bendin, A.Yu. “Role of the Roman Catholic clergy of the Northwestern Krai of the Russian Empire in the 1863 polish uprising.” *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 2 (2018): 357–386 (in Russian), <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-2-357-387>
- Bendin, A.Yu. “Patriotic Mobilization of Orthodox Dioceses of the North-West Territory of Russia during the First World War (August 1914 – Early 1917).” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 4 (2024): 427–440 (in Russian), <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-4-427-440>
- Bendin, A.Yu. “All-Russian history in the early works of Nikolai Ustryalov and Mikhail Pogodin.” *Vestnik of Saint Petersburg University. History* 70, no. 2 (2025): 528–534 (in Russian).
- Kalinovsky, K. *Iz pechatnogo i rukopisnogo naslediiia* [From the printed and manuscript heritage]. Minsk: Belarus Publ., 1988 (in Russian).
- Karpovich, O. “‘Innocent Victims’ of Muravyov, or Why Participants in the Polish Uprising of 1863–1864 Were Executed.” *Bulletin of the Brest Technical University*, no. 6 (2011): 22–34 (in Russian).
- Katkov, M.N. 1863 god. *Sobranie statei po pol’skomu voprosu, pomeshchavshikhsya v Moskovskikh vedomostyakh, Russkom vestnike i Sovremennoi letopisi. Vypusk pervyi* [1863. Collection of articles on the Polish question, published in the Moscow Gazette, the Russian Herald and the Contemporary Chronicle. First issue]. Moscow: Universitetskaia tipografia Publ., 1887 (in Russian).

- Kiprianovich, G.Ia. *Vysokopreosvyashchennyi Iosif Semashko, mitropolit Litovskii i Vilenskii: ocherk ego zhizni i deiatel'nosti po vossozdaniu zapadnorusskikh uniatov s pravoslavnoi tserkov'yu v 1839 g.* [His Eminence Joseph Semashko, Metropolitan of Lithuania and Vilnius: an essay on his life and work on the restoration of the Western Russian Uniates with the Orthodox Church in 1839]. Vilna: tipografia I. Blyumovicha Publ., 1894 (in Russian).
- Komzolova, A.A. "Metropolitan Iosif (Semashko) and reforms of the public school in the North-Western Provinces." *Rossiiskaia istoriia*, no. 2 (2020): 159–173 (in Russian), <https://doi.org/10.31857/S086956870009263-0>
- Kotovich, I. *Istoricheskaiia zapiska o Litovskoi dukhovnoi seminarii* []. Vil'na: tipografiya Gubernskogo pravleniya [Historical note on the Lithuanian Theological Seminary]. Vilna: tipografiya Gubernskogo pravleniya Publ., 1878 (in Russian).
- Koialovich, M.O. *Istoricheskoe issledovanie o Zapadnoi Rossii, sluzhashchee predisloviem k Dokumentam, ob'iasnyauishchim istoriui zapadno-russkogo kraia i ego otnosheniia k Rossii i k Pol'she* [Historical research on Western Russia, serving as a preface to the Documents explaining the history of the Western Russian region and its relationship to Russia and Poland]. St. Petersburg: tipografiya E. Pratsa Publ., 1865 (in Russian).
- Koialovich, M.O. "Istoricheskoe prizvanie zapadno-russkogo pravoslavnogo dukhovenstva [The Historical Calling of the Western Russian Orthodox Clergy]." *Litovskie eparkhial'nye vedomosti*, no. 2 (1863): 53–77 (in Russian).
- Koialovich, M.O. *Istoriia vossoedineniia zapadnorusskikh uniatov starykh vremen* [History of the reunification of the Western Russian Uniates of old times]. St. Petersburg: tipografiya Vtorogo otdeleniia Sobstvennoi Ego Imperatorskogo velichestva kantselyarii Publ., 1873 (in Russian).
- Krenke, V.D. "Usmirenie pol'skogo myatezha v Kievskoi gubernii v 1863 godu. Otryvok iz vospominanii [Suppression of the Polish Rebellion in Kyiv Province in 1863. Excerpt from Memories]." *Istoricheskii Vestnik*, no. 10 (1883): 106–134 (in Russian).
- Linkevich, V.N. "Relations between Catholicism and Orthodoxy in the Belarusian provinces in the second half of the 19th – early 20th centuries." *Russian Collection: Research on the History of Russia* 12 (2012): 96–118 (in Russian).
- Meyer, P.M. *Podgotovka k pol'skomu myatezhu v Minskoi gubernii v 1861 g. Zapiski* [Preparation for the Polish rebellion in the Minsk province in 1861. Notes]. Belgrad-Minsk: Izdatel'stvo zhurnala «Aspekt» Publ., 2019 (in Russian).
- Milovidov, A.I. *Zaslugi grafa M.N. Murav'eva dlia Pravoslavnoi tserkvi v Severo-Zapadnom krae* [Merits of Count M.N. Muravyov for the Orthodox Church in the North-West Territory]. Kharkov: tipografiya Gubernskogo pravleniya Publ., 1900 (in Russian).
- Mosolov, A.N. *Vilenskie ocherki. 1863–1865 gg. (Murav'evskoe vremya)* [Vilnius essays. 1863–1865 (Muravyov time)]. St. Petersburg: tipografiya A.S. Suvorina Publ., 1898 (in Russian).
- Muravyov, M.N. "Zapiska o nekotorykh voprosakh po ustroistvu Severo-Zapadnogo kraia [Note on some issues regarding the organization of the North-West Territory]." *Russkii Arkhiv*, no. 6 (1885): 184–193 (in Russian).
- Popov, A.N. *Posledniaia sud'ba papskoi politiki v Rossii* [The final fate of papal policy in Russia]. St. Petersburg: tipografiya F.S. Sushchinskogo Publ., 1868 (in Russian).
- Ratch, V.F. *Svedeniia o pol'skom myatezhe 1863 g. v Severo-Zapadnom krae Rossii. Tom 1* [Information about the Polish rebellion of 1863 in the North-West region of Russia. Volume 1]. Vilna: tipografiya Gubernskogo pravleniya Publ., 1867 (in Russian).
- Romanchuk, A.A. "Regarding the question of Uniate persecution during the reconciliation between the Uniates and the Orthodox in 1839." *Theological Bulletin* 1, no. 28 (2018): 154–177 (in Russian).
- Romanchuk, A. "Confessional aspects of the Polish uprising of 1863–1864." *Notebooks on Conservatism*, no. 3 (2023): 42–59 (in Russian), <https://doi.org/10.24030/24092517-2023-0-3-44-61>
- Shavelsky, G. *Poslednee vossoedinenie s Pravoslavnoi tserkov'iu uniatov Beloruskoi eparkhii (1833–1839 gg.)* [The last reunification with the Orthodox Church of the Uniates of the Belarusian Diocese (1833–1839)]. St. Petersburg: tipografiya «Sel'skogo vestnika» Publ., 1910 (in Russian).
- Shcheglov, G. *God 1863. Zabytie stranitsy* [Year 1863. Forgotten pages]. Minsk: Vrata Publ., 2013 (in Russian).
- Sierakowski, S. "Pol'skii vopros [The Polish Question]." *Russkaia Starina*, no. 1 (1884): 53–55 (in Russian).
- Storozhenko, A.P. "Ksendz Matskevich, predvoditel' shaiki myatezhnikov [Priest Matskevich, leader of a gang of rebels]." *Vestnik Zapadnoi Rossii* 4, Book XII, no. IV (1866): 243–266 (in Russian).

- Tanyshina, N.P. "The Polish question as an instrument of the West's Ideological Struggle against Russia." *Science. Society. Defense* 10, no. 4 (2022): 35–51 (in Russian), <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2022-4-25-25>
- Titlinov, B.V. *Dukhovnaia shkola v Rossii v XIX stoletii (Protasovskaia epokha i reformy 60-kh godov)*. Vypusk vtoroi [Theological school in Russia in the 19th century (Protasov era and reforms of the 60s). Second edition]. Vilna: Russkii pochin Publ., 1909 (in Russian).
- Tikhomirov, S. *Khronika moei zhizni. Avtobiograficheskie zapiski* [Chronicle of my life. Autobiographical notes], vol. 3. Sergiev Posad: 2-ia tipografia A.I. Snegirevoi Publ., 1901 (in Russian).
- Tsylov, N. *Sbornik rasporyazhenii grafa Mikhaila Nikolaevicha Murav'eva po usmireniiu pol'skogo myatezha v severo-zapadnykh guberniakh 1863–1864* [Collection of orders of Count Mikhail Nikolaevich Muravyov on the suppression of the Polish rebellion in the northwestern provinces 1863–1864]. Vilna: tipografia A. Kirkora i brat'ev Rommov Publ., 1866 (in Russian).
- Ustrialov, N.G. *O sisteme pragmaticheskoi russkoi istorii: Rassuzhdenie, napisannoe na stepen' doktora filosofii* [On the System of Pragmatic Russian History: An Essay Written for a Doctor of Philosophy Degree]. St. Petersburg: tipografia L. Snegireva i K° Publ., 1836 (in Russian).
- Ustrialov, N.G. *O Litovskom knyazhestve* [About the Lithuanian Principality]. St. Petersburg: tipografia Ekspeditsii zagotovleniya gosudarstvennykh bumag Publ., 1839 (in Russian).
- Zubko, A. *O Greko-uniatskoi tserkvi v Zapadnom krae Rossii* [On the Greek-Unite Church in the Western Region of Russia]. Minsk: Izdatel'skii sovet Belorusskoi Pravoslavnoi Tserkvi Publ., 2019 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Александр Юрьевич Бендин, доктор исторических наук, профессор; Приглашенный исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; bendin26256@yandex.by; <https://orcid.org/0009-0003-9773-0260>; SPIN-код: 2485-5591.

Alexander Yurievich Bendin, Dr. Habil. Hist., Professor; Visiting researcher at St. Petersburg State University; 7–9 Universitetskaya naberezhnaya Str., St. Petersburg, 199034, Russia; bendin26256@yandex.by; <https://orcid.org/0009-0003-9773-0260>; SPIN-code: 2485-5591.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-577-590>
EDN: LGVLIE

Научная статья / Research article

Контуры мировоззрения В.Н. Хитрово: к вопросу о генезисе религиозно-политической концепции

Владимир Владимирович Блохин

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
 Blokhin_vv@pfur.ru

Аннотация: Настоящее исследование посвящено личности Василия Николаевича Хитрово, создателя Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО), выдающегося палестиноведа и государственного деятеля России. В статье исследуется недостаточно изученная в историографии проблема формирования основ мировоззрения В.Н. Хитрово. Опираясь на воспоминания и работы Хитрово, реконструированы этапы и определены факторы формирования мировоззрения палестиноведа. Отправной точкой складывания его мировоззрения стали 1860-е гг., когда он работал в Морском министерстве под началом великого князя Константина Николаевича Романова. В это время формируются контуры мировоззрения государственного деятеля: понимание масштабности государственных задач присутствия в Святой Земле; культ науки, позволяющий улучшать условия народной жизни. Вторым источником мировоззрения палестиноведа стало православие, усвоенное в семье. Решающим фактором в оформлении целостной религиозной концепции В.Н. Хитрово стали 1870-е гг., когда ускорилось конфессиональное проникновение Запада в Святую Землю. На рубеже 1870–80-х гг. нарастают консервативно-религиозные тенденции во внутренней политике Российской империи, а сама церковь становится инструментом государственной политики. Политический идеал В.Н. Хитрово близок к византизму, согласно которому подлинным защитником православия является Россия как духовная преемница Византии.

Ключевые слова: Россия и Ближний Восток, большая игра, внешняя политика России, византизм, контакты и связи

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование: Статья написана в рамках реализации Программы фундаментальных научных исследований ИППО – Минобрнауки РФ по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические, археологические и культурные контакты и связи» FSSF-2023-0009.

Для цитирования: Блохин В.В. Контуры мировоззрения В.Н. Хитрово: к вопросу о генезисе религиозно-политической концепции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 4. С. 577–590. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-577-590>

Contours of V.N. Khitrovo's Worldview: on Genesis of Religious-Political Concept

Vladimir V. Blokhin

RUDN University, Moscow, Russia

 Blokhin_vv@pfur.ru

Abstract: The article is devoted to Vasily Nikolaevich Khitrovo, the founder of the Imperial Orthodox Palestine Society, a renowned Palestine scholar and statesman of Russia. The author considers the problem of the formation of the foundations of V.N. Khitrovo's worldview, which has been insufficiently studied in historiography. Based on Khitrovo's memoirs and works, the stages of the formation of the Palestine scholar's worldview have been reconstructed, and the factors in its development have been determined. The starting point of his worldview formation was the 1860s, when he worked in the Naval Ministry of the Russian Empire under the supervision of Grand Duke Konstantin Nikolaevich Romanov. At that time, the contours of the statesman's worldview were initially formed: an understanding of the scope of the state tasks of the presence in the Holy Land, and the cult of science, which made it possible to improve the conditions of people's lives. Another source of the Palestine scholar's worldview was Orthodoxy learned from the family. The decisive factor in shaping V.N. Khitrovo's holistic religious concept was during the 1870s, when the confessional penetration of the West into the Holy Land accelerated. At the turn of the 1880s, in the internal policy of the Russian Empire, there was a growth of conservative religious tendencies, and the church became an instrument of state policy. V.N. Khitrovo's political ideal was tied to Byzantium, according to which the true defender of Orthodoxy is Russia, as the spiritual successor of Byzantium.

Keywords: Russia and the Middle East, the Great Game, Russian foreign policy, Byzantinism, contacts and connections

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Funding: The article was written as part of the implementation of the IOPS – Ministry of Education and Science of the Russian Federation Fundamental Scientific Research Program in the field of "Russia and the Middle East: historical, Political, archaeological and cultural contacts and Connections" FSSF-2023-0009.

For citation: Blokhin, V.V. "Contours of V.N. Khitrovo's Worldview: on Genesis of Religious-Political Concept." *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 4 (November 2025): 577–590. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-577-590>

Введение

Актуальность. Государственный деятель, палестиновед, основатель Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО) писатель Василий Николаевич Хитрово сегодня находится в центре научно-культурного дискурса о Русской Палестине, о религиозно-консервативной политике России на Ближнем Востоке в XIX в., что обусловлено его ролью в отстаивании национальных интересов России в форме религиозного присутствия, своеобразной «мягкой силы» во внешней политике страны.

Активизация внешней политики в Палестине во многом обуславливалась как неудачами в Восточной войне, выступая в качестве компенсационной меры по восстановлению престижа российского государства, так и сложившимся дефицитом военно-политического влияния в конце 1850-х – начале 1860-х гг. Усиление позиций на Ближнем Востоке позволяло мирными и непрямыми религиозно-культурными средствами укрепить международные позиции России. Не будет преувеличением утверждать, что религиозное присутствие становилось актуальным и адекватным методом отстаивания продвижения национальных интересов в регионе.

Степень изученности проблемы. Личность В.Н. Хитрово, как и история русского присутствия в Святой Земле, привлекали внимание отечественных исследователей. Отдельные аспекты мировоззрения В.Н. Хитрово и прежде всего его деятельность затрагивались в работах об истории ИППО А.А. Дмитриевским, М.П. Соловьевым, Н.Н. Лисовым, А.Г. Грушевым¹. Методологическая проблема состоит в том, что мировоззренческие аспекты жизни сильно переплелись с практикой создания ИППО, что затрудняет их акцентирование.

Отдельные аспекты взглядов и деятельности В.Н. Хитрово анализировались Л.А. Герд и И.Ю. Смирновой в широком контексте рассмотрения вопросов конфессиональных аспектов внешней политики России XIX в.²

Вместе с тем история, факторы и контекст складывания мировоззрения В.Н. Хитрово специально не изучались. Впервые источники и отдельные факторы мировоззрения В.Н. Хитрово были специально исследованы Г.В. Аксеновой, которая по существу первой обозначила проблему реконструкции его религиозно-консервативной концепции³.

Цель исследования состоит в определении факторов и этапов мировоззрения В.Н. Хитрово.

Источниковой базой работы являются документы личного происхождения – мемуары А.В. Головнина⁴, В.Н. Хитрово⁵, дневник Великого князя Константина Николаевича⁶, публицистические работы В.Н. Хитрово⁷.

При реконструкции его мировоззренческой системы следует учитывать и другие обстоятельства – очевидно, что она не могла сразу сформироваться в готовом виде, а потому в целях решения нашей задачи важно рассмотреть ключевые этапы его жизни и круг тех единомышленников, с кем он общался, кто составлял и определял семантическое поле его мышления.

Нет сомнения, что рубежной эпохой в становлении В.Н. Хитрово как государственного деятеля были Великая крестьянская и последовавшие за ней либеральные реформы. Вместе с тем анализ наследия В.Н. Хитрово позволяет наметить очертания его мировоззрения и созданной им религиозно-политической концепции.

¹ Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века (1882–1907). Историческая записка. СПб., 1907; Соловьев М.П. Святая земля и Императорское Православное Палестинское Общество. М., 2012. EDN: QWAGAF; Лисовой Н.Н. Русское присутствие в Святой Земле: учреждения, люди, наследие // Отечественная история. 2003. № 2. С. 19–37. EDN: OPESNF; Грушевской А.Г. Императорское Православное Палестинское Общество. Обзор истории до 1917 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2013. Вып. XXXII. С. 472–497. EDN: VRNGRF

² Герд Л.А. Константинополь и Петербург. Церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). М., 2006; Смирнова И.Ю. Конфессиональный вектор внешней политики России: к истории взаимодействия МИДа и Св. Синода в XIX веке // Вестник исторического общества Санкт-Петербургской духовной Академии. 2021. № 3. С. 134–145. https://doi.org/10.47132/2587-8425_2021_3_351 EDN: UPDOTHM

³ Аксенова Г.В. Василий Николаевич Хитрово: особенности службы в Морском министерстве под началом Великого князя Константина Николаевича в 1856–1863 гг. // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 1. С. 83–95. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-1-84-96> EDN: EHZKMM; Аксенова Г.В. Василий Николаевич Хитрово (1834–1903) и его вклад в сохранение Русского духовного наследия // XXII Пасхальные чтения. Материалы Международной научно-методической конференции «Гуманитарные науки и православная культура». XXII Пасхальные чтения. Москва, 22–23 мая 2024 г. М., 2024. С. 3–17.

⁴ Головнин А.В. Записки для немногих. СПб., 2004. EDN: QPCITT

⁵ Хитрово В.Н. Николай Федорович Фан дер Флит. По личным воспоминаниям. В. Хитрово. СПб., 1897.

⁶ Мироненко С.В. Дневники великого князя Константина Николаевича. 1858–1864. М., 2019.

⁷ Хитрово В.Н. Неделя в Палестине // Собрание сочинений и писем. М.; СПб., 2011.

Становление государственного деятеля

Общественное служение он начал в 1857 г. в Морском ведомстве под руководством Великого князя Константина Николаевича, который, как хорошо известно, был одним из выдающихся реформаторов страны, своеобразным «либеральным мотором» всей преобразовательной деятельности.

Военное Министерство выступало в качестве экспериментальной площадки, на которой апробировались принципы будущей реформы, определялись контуры российской внутренней и внешней политики.

Как выдающийся реформатор Константин Николаевич смог сформировать консолидированную группу чиновников-реформаторов. В нее входил будущий министр финансов М.Х. Рейтерн, а помощнику Великого князя А.В. Головину суждено будет стать в 1861–1866 гг. министром народного просвещения⁸.

При характеристике Великого князя следует обратить внимание на программу его деятельности, основанную на сочетании глубоких социально-экономических преобразований внутри страны с решением стратегических внешнеполитических задач.

Первым серьезным делом Великого князя стала подготовка проекта «Морских уставов», которая велась в течение 10 лет (1850–1860)⁹.

Необходимость восстановить возможности российского флота побуждала Великого князя изучать опыт западного кораблестроения и финансирования. Причем не только сам Константин Николаевич знакомился во время своих поездок с лучшими образцами западного флота, но и отправлял специалистов-экспертов, которые должны были изучить зарубежный опыт. В переписке с Александром II Великий князь скрупультно упоминает о молодом чиновнике ведомства В.Н. Хитрово:

28 ноября. Утром написал еще письмо Мама. Отправили все эти письма с Хитровым, нашим чиновником, который изучал за границей двойную бухгалтерию¹⁰.

Этот краткий эпизод позволяет понять роль и место начинающего чиновника в системе государственной службы. В.Н. Хитрово состоял на службе в Комиссариатском департаменте, ведавшим вопросами снабжения флота. Как видно, ему было поручено изучить вопрос об организации и управлении передовой в то время структуры – Британского флота, предстояло в короткие сроки воссоздать российский флот.

Работая в Комиссариатском департаменте, В.Н. Хитрово не мог не изучить вводимые Великим князем принципы работы ведомства, егоправленческую культуру. Решение важнейших стратегических задач, научный подход к решению дела (сбор и аналитика информации) – все это фокусировалось вокруг темы государственного служения империи.

Кроме того, работа в ведомстве Великого князя ввела В.Н. Хитрово в круг властной элиты, ему были доверены важные функции. Как видно из процитированного выше «Дневника», Великий князь отправил с В.Н. Хитрово личные письма к матери.

Можно смело сказать, что работа в Морском ведомстве способствовала формированию у В.Н. Хитрово стратегической культуры и аналитического мышления.

⁸ Воронин В.Е. Великий князь Константин Николаевич: становление государственного деятеля. М., 2002.

⁹ Антонова Т.В. Программа «Политической новизны» великого князя Константина Николаевича Романова // Вестник московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. 2010. № 1. С. 23.

¹⁰ Дневники великого князя Константина Николаевича. 1858–1864 / отв. ред. С. В. Мироненко. М., 2019.

По мнению Г.В. Аксеновой, служба В.Н. Хитрово в этом передовом ведомстве способствовала формированию его личности и взглядов как будущего общественного деятеля, способного решать серьезные государственные задачи¹¹. Для него не могло быть секретом, что Великий князь искал пути восстановления престижа империи – обсуждение этих вопросов было императивной практикой.

Стилем деятельности Морского министерства было и то, что оно стало настоящим центром фундаментальной и прикладной науки. В деятельности Константина Николаевича проявилось и другое качество, редкое для высокопоставленных сановников империи: он высоко ценил значение науки как опоры государственной политики¹².

На средства Русского географического общества и Морского министерства печатались труды по этнографии, географии, статистике, снаряжались экспедиции за Урал, в Заполярье, Среднюю Азию, Сибирь.

Можно предположить, что «культ науки», царивший в ведомстве, и породил стиль самого В.Н. Хитрово, который выделял его среди палестиноведов – обстоятельный и комплексный анализ любого социокультурного явления.

Особенностью geopolитической ситуации в указанный момент было осознание властной элитой социальной отсталости страны. Забота о благе народа не была пустым словом в политической коммуникации того времени. В целом следует отметить, что для эпохи 1850–1860-х гг. в России было характерно распространение западного рационализма. Наука рассматривалась не только интеллигенцией, но и властной элитой в качестве универсального средства решения ключевых общественных проблем. Сам В.Н. Хитрово осмысливает свое время как увлечение наукой. Показательны воспоминания В.Н. Хитрово о своем товарище Николае Федоровиче Фан дер Флите, с которым он встретился в конце 1860-х гг.:

Все мы тогда горели желанием сделать что-либо для народа и все эти идеалы для осуществления наших желаний искали, к сожалению, не у себя, в тысячелетней жизни Русского народа, а на Западе. Нам казалось тогда, и это была крупная ошибка нашей неопытности, что хорошее и полезное на Западе не могло не быть хорошим и полезным у нас¹³.

Весьма любопытно, что эта любовь к народу адресовалась к простым людям. Совместная работа с Фан дер Флитом в Министерстве финансов в 1860-е гг. была нацелена на удовлетворение в мелком сельскохозяйственном кредите, который был предназначен в первую очередь крестьянству, страдавшему от непомерных процентов ростовщиков. «Народничество» В.Н. Хитрово отличалось не абстрактной любовью к народу, а было действительно-предметным.

Повсеместное увлечение Западом приобретало характер эпидемии. Воспоминания о работе в податной комиссии Министерства финансов, В.Н. Хитрово писал:

Печатала эта комиссия обширные исследования, которые обычно начинались с вопроса: а как на западе?¹⁴

Характеризуя поголовное увлечение Западом в то время, нельзя не отметить еще одного важного аспекта влияния на В.Н. Хитрово – это влияние его непосред-

¹¹ Аксенова Г.В. Василий Николаевич Хитрово... С. 88.

¹² Антонова Т.В. Программа «Политической новизны»... С. 25.

¹³ Хитрово В.Н. Николай Федорович Фан дер Флит. По личным воспоминаниям. В. Хитрово. СПб., 1897. С. 14.

¹⁴ Там же. С. 10.

ственного начальника по Министерству финансов князя А.И. Васильчикова. В.Н. Хитрово отмечает:

Князь Васильчиков был нашим председателем, вокруг него сгруппировались мы, он был нашим представителем перед великими мира сего, его не только выслушивали, но и исполняли его желания и ходатайства¹⁵.

Любопытна программа князя. Он был последовательным противником бюрократизма и своеволия чиновничества. Вопрос о благе народа всегда стоял для него в практической плоскости. Так, А.И. Васильчиков продвигал идеи народной школы,ставил вопросы обеспечения школ учителями.

Показательно и то, что он разработал национальную модель местного самоуправления, существенно отличавшуюся от западных европейских подходов. Отвергая идею пассивности народа, который воспринимался консерваторами как некая «стихия», удобная для управления и манипуляции, князь А.И. Васильчиков видел необходимость в развитии этой формы управления «выражавшей правильное взаимодействие народной воли и местных властей в пределах закона и под сенью суда» и в интересах народа¹⁶.

Не принимая крайнего западничества, В.Н. Хитрово обращался к религиозной вере, второй линии формировавшегося мировоззрения, которая в сознании мыслителя развивалась параллельно, никак не соприкасаясь с духом эпохи.

Сегодня исследован вопрос о роли Александровского Лицея как средоточия высокой культуры и образованности, ставшего поистине «кузницей кадров» государственной и культурной элиты¹⁷. Хитрово признавал эту роль создания условий для успешного старта по стезе государственной службы¹⁸, но воспитательная и развивающая сторона вызывала у Хитрово критику. Он отмечал:

Из профессоров не было ни одной выдающейся личности, ни одной, которая бы заставила полюбить науку, я уже не говорю о том, чтоб научила работать. Еще слабее была воспитательная часть, которая ограничивалась исключительно лишь одною внешнею, дисциплинарною стороною¹⁹.

Видимо такой критицизм вызывался тем, что основным источником духовного становления для Хитрово, как и для Фан дер Флита, была семья. «В то время внутреннюю, духовную жизнь нарастающего поколения давала всем еще семья, и не столько словами, сколько всем своим строем, всею своею обстановкой», – вспоминал В.Н. Хитрово²⁰. Возможно, такое восприятие прошлого диктовалось высотой деятельности опыта, который приобрел Хитрово в жизни, его волевое умение решать важнейшие задачи.

А.А. Дмитриевский приводит любопытное свидетельство о том, как детские, семейные условия пробудили у В.Н. Хитрово интерес к Святой Земле. С детских пор

¹⁵ Хитрово В.Н. Николай Федорович Фан дер Флит. По личным воспоминаниям. В. Хитрово. СПб., 1897. С. 17.

¹⁶ Голубев А. Князь Александр Илларионович Васильчиков. 1818–1881. Биографический очерк. СПб., 1881. С. 46.

¹⁷ Аксенова Г.В. Василий Николаевич Хитрово (1834–1903) и его вклад в сохранение Русского духовного наследия // XXII Пасхальные чтения. Материалы Международной научно-методической конференции «Гуманитарные науки и православная культура». XXII Пасхальные чтения. Москва, 22–23 мая 2024 г. М., 2024. С. 3–17.

¹⁸ Хитрово В.Н. Николай Федорович Фан дер Флит. По личным воспоминаниям. В. Хитрово. СПб., 1897. С. 11.

¹⁹ Там же. С. 11.

²⁰ Там же. С. 13.

он мечтал о Палестине, слушал рассказы о Святой Земле «при слабом мерцании лампадки». После смерти незабвенной матушки, «когда много было пережито и переиспытано», поездка не богомольцем, а путешественником стала реальностью²¹.

Возможно, в 1860-е гг. В.Н. Хитрово стал знакомиться с русским присутствием на Ближнем Востоке. Не случайно тема присутствия России в Святой Земле уже озабочила Великого князя Константина Николаевича. При нем стало осуществляться мирное проникновение на Восток. Великий князь отчетливо понимал стратегическое значение Востока и Палестины для России. Благодаря деятельности Великого князя Палестинское дело стало государственной задачей, «вдвинутой народном в русскую политику»²².

Будущий министр народного просвещения А.В. Головнин отмечал:

Влияние России и в Турции, как и в Греции, более и более уменьшалось. И здесь и там знали нашу слабость вследствие неимения железных дорог, расстройства финансов и необходимости держать огромные армии в Польше и на Кавказе. Англичане и французы не останавливались объяснять турецким и греческим министрам эти причины нашего бессилия, и те и другие ясно видели, что от нас им нельзя ожидать ни пользы, ни вреда²³.

Посещение Великим князем Константином Николаевичем Святой Земли не могло быть неизвестно В.Н. Хитрово.

Таким образом, в 1860-е гг. формируются основы мировоззрения В.Н. Хитрово, включавшие интерес к науке как средству практического улучшения жизни народа. Однако мировоззренческим стержнем была для него православная вера, воспитанная семьей. В.Н. Хитрово один из немногих осознал пагубность разрыва веры и науки, императивность служения своей стране.

В поиске национально-религиозной концепции

Если в 1860-е гг. только наметились контуры мировоззрения В.Н. Хитрово, то в 1870-е гг. им предстояло оформиться в религиозно-политическую концепцию. Для того, чтобы понять такую трансформацию, важно обратиться к международному и внутриполитическому контексту конца 1870-х гг.

Восточный вопрос и попытка его разрешить в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в существенной степени ослабили позиции России не только на Балканах, но и на Востоке в целом. По мнению Л.А. Герд, «на Берлинском конгрессе и после него, Россия, как и в середине XIX в., оказалась в полной изоляции».²⁴ Стало ясно, что Россия ничего не выгадала из войны. С наступлением нового царствования Александра III начинает меняться не только внешняя политика, но и акценты внутренней. В первую очередь, это было связано с его консервативно-религиозным курсом, олицетворением которого стали граф Н.П. Игнатьев, К.П. Победоносцев и др.

Хотя конфессиональная политика России активно проводилась в жизнь уже в 1860-е гг., в конце 1870-х гг. она получила новые консервативно-религиозные импульсы.

²¹ Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века. (1882–1907). Историческая записка. СПб., 1907. С. 150.

²² Соловьев М.П. Святая Земля и Императорское Православное Палестинское Общество. М., 2012. С. 60. EDN: QWAGAF

²³ Головнин А.В. Записки для немногих. СПб., 2004. С. 117. EDN: QPCITT

²⁴ Герд Л.А. Константинополь и Петербург. Церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). М., 2006. С. 136.

Основания религиозно-консервативной политики состояли в тесной координации деятельности МИДа и Святейшего Синода. «Совместная деятельность МИДа и Святейшего Синода по расширению русского присутствия за рубежом заключалась в учреждении и обеспечении взаимодействия дипломатических и церковных инстанций – таких как православные церкви при дипломатических миссиях или посольствах и русские духовные миссии. Содействие зарубежной деятельности Русской Православной Церкви составляло одну из главных функций российского дипломатического ведомства», – отмечает И.Ю. Смирнова.²⁵ По ее справедливому замечанию, фактором активизации Российской внешней политики в Святой Земле была интенсификация миссионерской деятельности западных стран. «Мягкая сила», религиозное влияние были эффективным оружием в борьбе за geopolитические интересы²⁶. По этой причине в Святой Земле активно утверждались инославные конфессии, а угроза православию становилась все более очевидной.

В 1870-е гг. меняются и акценты духовной жизни, вызванные консервативным поворотом в стране. И здесь ведущая роль принадлежала К.П. Победоносцеву.

Идеологическая трансформация очень метко подмечена в 1880 гг. Л.А. Герд. По ее мнению, при Александре III утверждается имперская идеология, в которой воплощается идея «Третьего Рима». Исследовательница пишет:

Это идеология национальная, ставящая превыше всего интересы русского народа во внутренних делах государства и во внешней его политике²⁷.

Из этого факта вытекала потребность продвигать русские национальные интересы, в том числе и в религиозном вопросе, давать отпор иным национальным интересам в религиозной сфере, будь то греческий национализм в форме панэллинизма или варианты западного инославия в виде католицизма и протестантизма. Укрепление православия, таким образом, обусловливается противодействием Западу в Святой Земле. Такая тенденция была вполне объективной – рост национального самосознания охватил в 1870-е гг. всю Европу: объединение в Италии, образование Германской империи, рост французского национализма и т.д.

Все эти духовные перемены были особенно ощущимы в Святой Земле, которую В.Н. Хитрово посетил в 1871 г., а уже в 1879 г. увидел свет его очерк «Неделя в Палестине», где он высказал свои тревоги и беспокойства по поводу происходящего. Уже в этом очерке конспективно намечена религиозно-политическая программа В.Н. Хитрова. Каковы же ее контуры?

Целью стремлений России в Палестине В.Н. Хитрово считал достижение «духовных интересов». В.Н. Хитрово писал:

Торговых интересов мы в нем (Иерусалиме. – В.Б.) не имеем; политических как будто не преследуем; значит вся деятельность наших представителей в Святом граде ограничивается духовными интересами тех тысяч поклонников, которые из года в год приходят поклониться святым местам²⁸.

Проблема заключалась в том, «что эти интересы до последнего времени находились в руках единоверного нам греческого духовенства»²⁹.

²⁵ Смирнова И.Ю. Конфессиональный вектор внешней политики России: к истории взаимодействия МИДа и Св. Синода в XIX веке // Вестник исторического общества Санкт-Петербургской духовной Академии. 2021. № 3. С. 353. https://doi.org/10.47132/2587-8425_2021_3_351 EDN: UPDOTM

²⁶ Там же. С. 353.

²⁷ Герд Л.А. Константинополь и Петербург... С. 156.

²⁸ Хитрово В.Н. Неделя в Палестине // Собрание сочинений и писем. М.; СПб., 2011. С. 105.

²⁹ Там же. С. 107.

В.Н. Хитрово видит несколько проблем русского присутствия в Палестине. Во-первых, всесилие греческого духовенства. В.Н. Хитрово отмечал:

Чтобы понять главную суть нашего церковного вопроса в Палестине, нужно объяснить, что отношение греческого духовенства в Палестине к местному православному арабскому населению те же, какие они на севере Турецкой империи к православному славянскому населению³⁰.

И он связывает это с тем, что все места в церковной иерархии были заняты греками. В.Н. Хитрово исходит из того, что Россия по собственному историческому развитию «должна поддерживать стремление к образованию местной, народной церковной иерархии». В.Н. Хитрово продолжает:

Вот отчего мы, насколько было возможно должны были защищать стремление в этом отношении болгар, вот отчего и наша политика в Палестине должна была поддерживать местное арабское население³¹.

Характеризуя положение руководителей Русской духовной миссии, В.Н. Хитрово с болью пишет об их весьма противоречивом положении. С одной стороны, они вынуждены были подчиняться греческим иерархам, чуждым интересов местного народного большинства, а с другой – российским дипломатам, консулам, мало понимавшим в специфике религиозного вопроса.

При таких ненормальных отношениях, с одной стороны, к греческому духовенству, с другой – к своему консулу, вечно находясь, так сказать, между молотом и наковальней, ему нет физической возможности ни сделать много для наших поклонников... ни поднять влияние России³².

Как видно, решение палестинского вопроса В.Н. Хитрово связывал с национальным принципом, с отстаиванием национальных религиозно-государственных интересов, согласование которых считал недопустимым.

Религиозный вопрос В.Н. Хитрово поднимал до уровня геополитической проблемы. Он указывал на два религиозно-политических вызова России. Первый состоял во французском влиянии, обеспечивающим усиление католицизма в Палестине. Поначалу казалось, что с назначением Валерги латинским Иерусалимским Патриархом католическое влияние будет очень сильным, поскольку он пользовался поддержкой самого Наполеона III. «В 1858 г. трудно было предвидеть Седан и того, что „вавиканскому пленнику“ будет не до Палестины. – замечает В.Н. Хитрово. – После 1870 г. влияние католическое все более и более падает...»³³

Значительно большую угрозу представляла, по мнению В.Н. Хитрово, протестантская пропаганда, рассматриваемая им как средство установления политического влияния Англии, «для которой долина Ефратца и соединение ее со Средиземным морем составляют вопрос жизни или смерти»³⁴. По мнению автора очерка, совершенно не случайны были хронологические совпадения «года предоставления Лессепсу права прорытия Суэцкого канала» с активизацией проникновения Англии в Палестину. Как известно, идея прорытия Суэцкого канала первоначально была англичанами воспринята в штыки, поскольку отвечала французским интересам.

³⁰ Хитрово В.Н. Неделя в Палестине // Собрание сочинений и писем. М.; СПб., 2011. С. 107.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 108.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 109.

В дальнейшем, по мере расширения предприятия и привлечением Лессепсом английских капиталов, озабоченности британской элиты были сняты. Становилось ясно, что канал укреплял Британскую империю³⁵. В.Н. Хитрово отмечает: «Англия вдруг заинтересовалась Палестиной, принялась весьма тщательно за тригонометрическую съемку, образовала известный Palestine Exploration Fund, частное общество под покровительство королевы для исследования Святой Земли, начала учреждать школы и госпитали и посыпать непрерывный ряд ученых экспедиций, постоянно поддерживающих интерес к палестинскому вопросу»³⁶. По этому пути идут США, наученные горьким опытом католики. «Против всего этого – что сделано нами в защиту Православия с 1858 г.»? – вопрошают В.Н. Хитрово. Ответ скромен: «Мода дня прошла», «Назарет переходит в протестантство, а Керак – передовой пост Православия – в католичество»³⁷.

Публицист законно задается вопросом об интересе России в Палестине? Для него ответ очевиден. Духовный интерес и сотни изданий о Палестине в западной литературе говорят об интересе в образованном мире³⁸, но и очевидны политические мотивы, раскрывающие нам политический идеал В.Н. Хитрово.

Здесь, как нам кажется, следует указать на две любопытные идеи. Во-первых, В.Н. Хитрово выступает проводником идеи византизма. Приведем его рассуждения:

Относительно же политических интересов я тоже укажу только на то, что мы – естественные наследники греков везде, где существует Православие, что быть турок можно не на одном Дунае, не одной поддержкой православных славян, но и на Ефрите и прибрежьях Средиземного моря, опираясь на православное арабское население. Через Грузию и Армению мы почти соприкасаемся с Палестиной и обхватываем Малую Азию, которая одна, конечно, не может оставаться за Турцией или составлять Турецкую империю³⁹.

Отметим, что еще за три года до выхода в свет очерка В.Н. Хитрово из печати вышел подлинный манифест византизма – работа К.Н. Леонтьева «Византизм и славянство» (1876 г.), в котором автор следует не абстрактным внешнеполитическим схемам, а защите национальных русских интересов. По убеждению К.Н. Леонтьева, именно народ, а не верхи общества является хранителем «национального стиля», христианской веры.

Как видно, В.Н. Хитрово видел будущее России в восстановлении византийского преемства, утверждении ее на пространствах Южного Кавказа. Судьба Турции, по мнению В.Н. Хитрово, должна быть решена, а это означает, что «Малая Азия не может оставаться за Турцией».

В.Н. Хитрово по-своему видит и разрешение «большой игры», взаимоотношений с Британской империей. Соображения Хитрово – оригинальны. Акценты русской внешней политики диктовались реалиями российско-британского противоборства.

Хорошо известно, что так называемый восточный вопрос, то есть проблема сохранения Османской империей своего места в качестве субъекта международных отношений, сохранял актуальность на протяжении XVIII–XIX вв. Однако именно после Крымской эпопеи расстановка сил в Восточном Средиземноморье претерпела существенные изменения. И хотя Константинополь и Черноморские проливы остались «яблоком раздора» между державами вплоть до Первой мировой войны, фокус

³⁵ Барро М.В. Фердинанд Мари де Лессепс. Его жизнь и деятельность. Биографический очерк. СПб., 1894. С. 39.

³⁶ Хитрово В.Н. Неделя в Палестине // Собрание сочинений и писем. М.; СПб., 2011. С. 109.

³⁷ Там же. С. 110.

³⁸ Там же. С. 110.

³⁹ Там же. С. 110.

англо-русских отношений в Азии после событий 1853–1856 гг. со всей очевидностью сместился в направлении Среднего, а затем и Дальнего Востока».⁴⁰ Противостояние с Британией было непримиримым и на его динамику не могла повлиять даже гипотетическая возможность поражения России в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.⁴¹ Очевидно, что после Крымской войны интерес к Ближнему Востоку стал неуклонно падать. Не по этой ли причине МИД не особенно заботился о продвижении «мягкой силы», последовательно понижая в статусе руководителей РДМ.

У В.Н. Хитрово, однако, была иная точка зрения:

Не на Гиндукуше или Гималаях произойдет борьба за преобладание в Азии, а на долинах Евфрат и в ущельях Ливанских гор, где всегда оканчивались мировые битвы о судьбе Азии⁴².

В этой связи можно говорить об оригинальности внешнеполитической концепции Хитрово, считавшего, что русское дело в Палестине не проиграно. Для него теперь важно было донести свою убежденность до политической элиты Российской империи.

И это он делает, обращаясь к графу, адмиралу Е.В. Путятину, совершившему в 1852–1855 гг. и 1857–1858 гг. экспедиции в Японию и Китай, где он воочию увидел стремление Запада расширить свое влияние посредством религиозного миссионерства. И.Ю. Смирнова отмечает в этой связи:

Деятельность миссионерских обществ и отдельных представителей Римско-Католической и протестантских Церквей, ее масштаб в практически закрытом Китае произвели на русского адмирала неизгладимое впечатление <...>. Не могло не привести дипломата к мысли о необходимости принятия мер к распространению православного миссионерства на Дальнем Востоке, где, как и нам Ближнем Востоке российское правительство предпринимало лишь отдельные шаги, оказавшись перед фактом расширения западного влияния⁴³.

Обращение к Е.В. Путятину оказалось верным: только такой человек с широким государственным кругозором и знаяший проблемы религиозного влияния не понаслышке мог оценить идеи В.Н. Хитрово.

Нужно отметить еще одну черту Путятина – его глубокую религиозность. Он был человеком горячей и даже несколько жесткой православной веры. В.И. Мельник отмечал:

Аристократ-англоман... он в то же время был глубоко религиозен и обладал обширными познаниями в области духовной литературы⁴⁴.

Этот факт резко контрастировал с тем, что видел В.Н. Хитрово в высших кругах – религиозную апатию и отчужденность от «палестинского дела». Дмитриевский передает настроение В.Н. Хитрово:

О чем ни заговоришь, один ответ: «Это безмолвие, но не безмолвие летнего дня, когда кругом тишина да гладь, да Божья благодать, где чувствуешь жизнь даже в мертвой тишине, а безмолвие пустыни безжизненной»⁴⁵.

⁴⁰ Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012. С. 18.

⁴¹ Там же. С. 18.

⁴² Хитрово В.Н. Неделя в Палестине // Собрание сочинений и писем. М.; СПб., 2011. С. 110.

⁴³ Смирнова И.Ю. Между Западом и Востоком: из истории церковного-дипломатических отношений на Ближнем и Дальнем Востоке. М., 2016. С. 393.

⁴⁴ Мельник В.И. Е.В. Путятин как религиозная личность/Россия и Христианский Восток. URL: <https://www.ippo.ru/ipporu/article/ev-putyatin-kak-religioznaya-lichnost-vi-melnik-202181>

⁴⁵ Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество... С. 136.

Показательно, что против усиления религиозной составляющей русской внешней политики, по словам графа Путятиного, был и Великий князь Константин Николаевич⁴⁶, а Горчаков вообще не хотел слушать о Палестине⁴⁷.

Е.В. Путятин, введя Хитрово в верхи общества, тем самым сломал представление всех о нем как авантюристе-одиночке, побудил элиту озабочиться Палестиной. Показательно, но именно Путятин представил В.Н. Хитрово наследнику Александру Александровичу, а затем «передал К.П. Победоносцеву»⁴⁸, своему единомышленнику. Победоносцев со всей последовательностью будет усиливать религиозный вектор внешней политики.

Заключение

Подводя итоги, можно очертить контуры религиозно-политической концепции Хитрова. Ее предпосылки закладываются в период Великих реформ, на рубеже 1850-х – 1860-х гг., когда будущий палестиновед вошел в состав политической элиты, чему способствовало обучение в Александровском лицее.

Работая под началом Великого князя Константина Николаевича, у В.Н. Хитрова сформировалось стратегическое видение национальных задач и профессиональные навыки их осмысливания.

Сама эпоха, апелляция В.Н. Хитрова к рационалистической культуре научного знания позволила сформировать идеал национального служения, в котором социальное благо народа являлось высшим приоритетом. В отличие от части интеллигенции своеобразное «народничество» Хитрово было практическим и действенным, а сам народ понимался им как органически-историческое религиозное явление, что было обусловлено глубинным христианским истоком семейного воспитания.

В 1870-е гг. мировоззрение мыслителя приобретает характер концепции, нацеленной на защиту национальных интересов России посредством сочетания религиозной и политической деятельности в регионе Святой Земли. Хитрово видел в православной церкви проводника национальных интересов.

Политической основой идеала В.Н. Хитрова, без сомнения, был византизм, интерес к которому все более проявлялся в русском обществе в 1870-х гг. Главным геополитическим противником мыслитель считал Британскую империю, полем битвы с которой он рассматривал именно Ближний Восток. В этом внешнеполитическом акценте его позиция несколько расходилась с мнением многих российских дипломатов и чиновников.

Поступила в редакцию / Submitted: 16.06.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 9.07.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 26.08.2025

⁴⁶ Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество... С. 138.

⁴⁷ Там же. С. 140.

⁴⁸ Там же. С. 142.

References

- Aksenova, G.V. “Vasilii Nikolaevich Khitrovo (1834–1903) i ego vklad v sokhranenie Russkogo dukhovnogo naslediia [Vasily Nikolaevich Khitrovo (1834–1903) and his contribution to the preservation of the Russian spiritual heritage].” In *XXII Paskhal'nye chteniia. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii «Gumanitarnye nauki i pravoslavnaya kul'tura». XXII Paskhal'nye chteniia, Moskva, 22–23 maia 2024 g.*, 3–17. Moscow: Litera Publ., 2024 (in Russian).
- Aksenova, G.V. “Vasily Nikolaevich Khitrovo: Peculiarities of Service in the Naval Ministry in 1856–1863 under the Command of Grand Duke Konstantin Nikolaevich.” *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 1 (2025): 83–95 (in Russian), <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-1-84-96>
- Antonova, T.V. “The program of “Political novelty” by Grand Duke Konstantin Nikolaevich Romanov.” *Sholohov Moscow State University for the Humanities*, no. 1 (2010): 22–34 (in Russian).
- Barro, M.V. *Ferdinand Mari de Lesseps. Ego zhizn' i deiatel'nost'*. Biograficheskii ocherk [Ferdinand Marie de Lesseps. His life and work. A biographical sketch]. St. Petersburg: tipografia Obshchestvennaia pol'za Publ., 1894 (in Russian).
- Dmitrievskii, A.A. *Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe Obshchestvo i ego deiatel'nost' za istekshuiu chetvert' veka. (1882–1907). Istoricheskaiia zapiska* [The Imperial Orthodox Palestine Society and its activities during the past quarter century (1882–1907). Historical note]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Kirshbauma Publ., 1907 (in Russian).
- Gerd, L.A. *Konstantinopol'i Peterburg. Tserkovnaia politika Rossii na pravoslavnom Vostoke (1878–1898)* [Constantinople and St. Petersburg. Russian Church Policy in the Orthodox East (1878–1898)]. Moscow: Indrik Publ., 2006 (in Russian).
- Golubev, A. *Knyaz' Aleksandr Illarionovich Vasil'chikov. 1818–1881. Biograficheskii ocherk* [Prince Alexander Illarionovich Vasilchikov. 1818–1881. Biographical sketch]. St. Petersburg: tipografia N.N. Voshchinskogo Publ., 1881 (in Russian).
- Golovnin, A.V. *Zapiski dlya nemnogikh* [Notes for the few]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo Instituta istorii RAN «Nestor- Istoriiia» Publ., 2004 (in Russian).
- Grushevoi, A. G. *Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe Obshchestvo. Obzor istorii do 1917 g.* [The Imperial Orthodox Palestinian Society. An overview of the history before 1917]. In *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny. Vypusk XXXII*, 472–497. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2013 (in Russian).
- Khitrovo, V.N. *Nikolai Fedorovich Fan der Flit. Po lichnym vospominaniiam V. Khitrovo* [Nikolay Fedorovich Van der Fleet. Based on personal memories. V. Khitrovo]. St. Petersburg: Tipografiia V. Kirshbauma Publ., 1897 (in Russian).
- Khitrovo, V.N. “Nedelya v Palestine [A week in Palestine].” In *Sobranie sochinений i pisem*, 234–254. Moscow: IPPO Publ.; St. Petersburg: Izdatel'stvo O. Abyshko Publ., 2011 (in Russian).
- Lisovoi, N.N. “Russian presence in the Holy Land: institutions, people, heritage.” *Rossiiskaia istoriia*, no. 2 (2003): 19–37 (in Russian).
- Sergeev, E.Iu. *Bol'shaia igra, 1856–1907: mify i realii rossiisko-britanskikh otnoshenii v Tsentral'noi i Vostochnoi Azii* [The Great Game, 1856–1907: Myths and Realities of Russian-British Relations in Central and East Asia]. Moscow: Tovarishchestvo nauchnyh izdanii KMK Publ., 2012 (in Russian).
- Smirnova, I.Yu. *Mezhdu Zapadom i Vostokom: iz istorii tserkovno-diplomaticeskikh otnoshenii na Blizhnem i Dal'nem Vostoke* [Between West and East: From the History of Church-Diplomatic Relations in the Near and Far East]. Moscow: Politicheskaiia enciklopediia Publ., 2016 (in Russian).
- Smirnova, I.Yu. “The Confessional Vector of Russian Foreign Policy: the History of Interaction Between the Ministry of Foreign Affairs and the Holy Synod in the 19th Century.” *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*, no. 3 (2021): 351–360 (in Russian), https://doi.org/10.47132/2587-8425_2021_3_351
- Solov'ev, M.P. *Svyataia zemlya i Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe Obshchestvo* [The Holy Land and the Imperial Orthodox Palestine Society]. Moscow: Indrik Publ., 2012 (in Russian).
- Voronin, V.E. *Velikii knyaz' Konstantin Nikolaevich: stanovlenie gosudarstvennogo deiatatelya* [Grand Duke Konstantin Nikolaevich: the formation of a statesman]. Moscow: Russkii mir Publ., 2002 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Владимир Владимирович Блохин, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Российский университет дружбы народов; Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; Blokhin_vv@pfur.ru; <http://orcid.org/0009-0007-1252-9867>; SPIN-код: 3355-5731.

Vladimir Vladimirovich Blokhin, Dr. Habil. Hist., Professor, Professor of the Department of Russian History, RUDN University; 6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russia; Blokhin_vv@pfur.ru; <http://orcid.com/org/0009-0007-1252-9867>; SPIN-code: 3355-5731.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-591-602>
EDN: LIMJNO

Научная статья / Research article

Роль Московской сельскохозяйственной академии в формировании и развитии советской аграрной науки и высшего сельскохозяйственного образования

Александр Борисович Оришев , Сергей Алексеевич Миронюк ,
Анастасия Сергеевна Позднякова

Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева,
Москва, Россия
Orishev71@mail.ru

Аннотация: Определяется роль и место Тимирязевской академии в системе советской науки и образования. Источниковой базой исследования стали материалы российских архивов и личные дела сотрудников академии из фондов Музея истории академии. В основу исследования положены историко-хронологический, источниковедческий, биографический методы. Анализируется история деятельности Тимирязевской академии, демонстрируются ее успехи, достижения и возникавшие на этом пути проблемы и трудности с точки зрения выполнения государственных задач по подготовке квалифицированных кадров для сельскохозяйственного сектора экономики, становления и развития аграрной науки в СССР. Такой подход позволяет продемонстрировать возможности аграрных вузов, показать их эффективность. Результатом исследования являются создание периодизации истории Тимирязевской академии советской эпохи и формулировка названий каждого периода: раннесоветский, реорганизационный, военный, восстановительно-целинный, стабилизационный.

Ключевые слова: аграрная наука, высшее сельскохозяйственное образование, сельское хозяйство, Петровская земледельческая академия, тимирязевцы-ополченцы

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Все авторы внесли равный вклад в исследование и написание статьи, ознакомились с окончательным текстом и несут равную ответственность.

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 25-28-00498). Название проекта: «История аграрного образования и науки в СССР». Руководитель – А.Б. Оришев.

Для цитирования: Оришев А.Б., Миронюк С.А., Позднякова А.С. Роль Московской сельскохозяйственной академии в формировании и развитии советской аграрной науки и высшего сельскохозяйственного образования // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 4. С. 591–602. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-591-602>

Role of Moscow Agricultural Academy in Formation and Development of Soviet Agricultural Science and Higher Agricultural Education

Aleksandr B. Orishev^{ID}✉, Sergei A. Mironiuk^{ID},
Anastasiya S. Pozdnyakova^{ID}

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow,
Russia
✉Orishev71@mail.ru

Abstract: The authors in their article determine the role and place of the Timiryazev Academy in the broader system of Soviet science and education. The source base of the study is materials from Russian archives and personal files of the Academy employees from the funds of the Museum of History of the Academy. The study is based on historical-chronological, source, and biographical methodology. The authors analyze the history of the Timiryazev Academy activity, demonstrating its successes, achievements, as well as problems and difficulties that arose from the point of view of fulfilling the state tasks for the training of qualified personnel for the agricultural sector of the economy and the formation and development of agricultural science in the USSR. This approach demonstrates the capabilities of agricultural universities and showing their effectiveness. The result of the study is the creation of the periodization of the history of the Soviet-era Timiryazev Academy, the wording of the names of each period: early Soviet, reorganization, military, restoration and virgin lands, and stabilization.

Keywords: agricultural science, higher agricultural education, agriculture, Petrovskaya Agricultural Academy, Timiryazev militia

Conflicts of interest: The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions: All authors contributed equally to the research and writing of the article, reviewed the final text and bear equal responsibility.

Funding: The study was carried out with financial support from the Russian Science Foundation (project № 25-28-00498). Project title: "History of agricultural education and science in the USSR." Supervised by A.B. Orishev.

For citation: Orishev, A.B., Mironiuk, S.A., Pozdnyakova, A.S. "Role of Moscow Agricultural Academy in Formation and Development of Soviet Agricultural Science and Higher Agricultural Education." *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 4 (November 2025): 591–602 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-591-602>

Введение

Актуальность. Сейчас, когда российское образование вновь вступило в полосу перемен, обращение к опыту ведущего аграрного вуза – Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К.А. Тимирязева России как никогда актуально. Войдя в XX столетие под названием Московский сельскохозяйственный институт, вуз вернул себя статус академии, а в XXI в. стал университетом – флагманом российского аграрного образования и науки.

Степень изученности проблемы. В 2025 г. Тимирязевская академия отмечает свое 160-летие. За эти годы она всегда привлекала к себе внимание ученых, сделавших Тимирязевку предметом своих исследований. Практически к каждому юбилею выходила книга, подводившая черту под тем или иным периодом¹. По своему содержанию это были научно-популярные издания, в которых авторы аккуратно обходили стороной тему непростых взаимоотношений академии с государственными структу-

¹ Канторович А.В. По Тимирязевской академии. М., 1956; Московская сельскохозяйственная академия имени К.А. Тимирязева. 1865–1965. М., 1969; Архангельский Н.С., Белых Г.В., Кузнецов А.И., Пощатаев А.В. Академия имени К.А. Тимирязева. Краткий очерк прошлого и настоящего. М., 1990.

рами. Для работ советского периода было характерно писать о достижениях и успехах, умалчивая о возникавших проблемах и коллизиях.

В 2006 г. под редакцией тогдашнего ректора РГАУ – МСХА В.М. Баутина вышел сборник, посвященный 140-летию академии². На этом завершился очередной этап историографии академии и начался новый, связанный с другим проектом В.М. Баутина под названием «Золотая летопись Тимирязевки». Заметим, что в одних томах был указан один автор – В.В. Казарезов³, в других соавтором выступил сам В.М. Баутин⁴.

Пласт исследований посвящен истории отдельных подразделений Тимирязевской академии⁵. Также следует назвать работы, в которых рассматривались те или иные направления научной деятельности ученых вуза⁶.

Особый жанр научных изысканий – работы, посвященные известным ученым академии. В качестве примера приведем монографию, посвященную одному из первых советских руководителей Тимирязевки – В.Р. Вильямсу⁷. Монографическое исследование также было посвящено другому «патриарху» Тимирязевки той эпохи – Д.Н. Прянишникову⁸. В 1990-е гг. основной интерес был обращен к репрессированным ученым академии⁹.

Исследования по истории РГАУ–МСХА не были лишены конъюнктурных соображений, когда в обзорных работах превозносились успехи последних лет в ущерб достижениям предшественников. До сих пор нет комплексного исследования, в котором вопросы развития науки и образования рассматривались бы не изолированно друг от друга, а в едином ключе. Настоящая статья призвана хотя бы частично нивелировать эти недостатки.

Цель исследования – определить вклад Московской сельскохозяйственной академии имени К.А. Тимирязева в становление и развитие советской аграрной науки и системы высшего сельскохозяйственного образования, определить ее роль в решении государственных задач по подготовке научных, педагогических и сельскохозяйственных кадров.

Источниковая база. Основной пласт документов представляют материалы, хранящиеся в фондах «Министерство просвещения РСФСР» (Ф. А-2306) и «Всесоюзный комитет по делам высшей школы при Совете народных комиссаров СССР» (Ф. Р-8080) Государственного архива Российской Федерации, а также в фондах «Вильямс Николай Васильевич» (Ф. 203), «Якушкин Иван Вячеславович» (Ф. 369),

² Баутин В.М. 140-летний юбилей Тимирязевки. М., 2006. EDN: QKYFKT

³ Казарезов В.В. Полтора века в авангарде сельскохозяйственной науки и образования. М., 2015.

⁴ Баутин В.М., Казарезов В.В. Петровская (Тимирязевская) академия. М., 2014. Т. 4.

⁵ Кирюшин В.И. 100 лет кафедре почвоведения, геологии и ландшафтования. 1912–2012. М., 2012; Черников В.А., Раскатов В.А., Васенев И.И. История кафедры экологии РГАУ–МСХА имени К.А. Тимирязева // Агроэкология. 2014. № 2. С. 3–5. EDN: TBXMB

⁶ Глазко В.И. Работы А.В. Чаянова периода НЭП и начала коллективизации // Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии. 2017. № 6. С. 156–168. EDN: YOKBOX

⁷ Бочкарев И. Академик Василий Робертович Вильямс. М., 1935.

⁸ Максимов Н.А., Верзилов В.Ф., Епифанова А.П. Дмитрий Николаевич Прянишников. М.-Л., 1948.

⁹ Баутин В.М. Научный вклад выдающегося ученого академика Н.И. Вавилова в развитие российского и мирового сельского хозяйства // Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии. 2018. № 1. С. 147–160. <https://doi.org/10.26897/0021-342X-2018-1-147-160> EDN: YWZIPG; Куренышев А.А. Он слышал музыку полей: Жизнь и деятельность Алексея Григорьевича Дояренко – ученого, педагога, общественного деятеля, музыканта. М., 2011; Никулин А.М. Джеймс Скотт и Александр Чаянов: от крестьян через революции к государствам и анархиям // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21. № 3. С. 202–228. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2022-3-202-228> EDN: HVPAHY

«Мацкевич Владимир Владимирович» (Ф. 784), «Государственный плановый комитет Совета министров СССР» (Ф. 4372) и «Министерство сельского хозяйства СССР» (Ф. 7486) Российского государственного архива экономики. Это докладные записки, отчеты о работе Тимирязевской академии, протоколы различных заседаний академического сообщества, переписка академии с другими организациями и т. п. Наградные документы о тимирязевцах – участниках Великой Отечественной войны хранятся в фонде «Главное управление кадров НКО» Центрального архива Министерства обороны (Ф. 33). Эмпирические данные для исследования были получены из документов фонда «Тимирязевский районный комитет ВКП (б)» Центрального государственного архива Москвы (Ф. П-87). Использовались материалы, хранящиеся в Тимирязевской академии. Речь идет о личных делах ее сотрудников из Архива РГАУ–МСХА имени К.А. Тимирязева и Архивного фонда Музея истории МСХА.

Методология. Авторы руководствовались следующими методами: историко-хронологическим (периодизация истории Тимирязевской академии); источниковедческим (анализ архивных документов), биографическим (оценка вклада в отечественную аграрную науку отдельных ученых).

От Петровки до Тимирязевки: становление советской системы аграрного образования и науки (1917–1932)

Великая российская революция 1917–1922 г. кардинально изменила систему аграрного образования. Коснулись эти перемены и Московского сельскохозяйственного института (МСХИ) – преемника знаменитой Петровской земледельческой и лесной академии, когда решением Временного правительства МСХИ придали, а по сути, вернули ранее утраченный статус академии. Как и прежде, это образовательное учреждение стало именоваться Петровской земледельческой академией (Петровкой), но уже без термина «лесная».

Пришедшие к власти большевики увидели в ученых Петровской земледельческой академии преподавателей, способных воспитать новое поколение аграриев – тех, кто будет строить социализм на селе. Несмотря на то, что большинство преподавателей по своим убеждениям примыкали к эсерам, среди петровских профессоров нашлись и сторонники большевизма. С энтузиазмом приняли идеи Октября выдающийся почвовед-агроном В.Р. Вильямс, основатель молочного дела в России А.А. Калантар, основоположник отечественной зоотехнии Е.А. Богданов. Постепенно в сторону новой власти эволюционировал великий русский агрохимик Д.Н. Прянишников.

Особо следует сказать о К.А. Тимирязеве. Он не только публично поддержал советскую власть. Климент Аркадьевич написал книгу «Наука и демократия» и, снабдив ее дарственной надписью, отправил В.И. Ленину. В декабре 1923 г. Постановлением Совнаркома Петровской сельскохозяйственной академии было присвоено имя К.А. Тимирязева.

Вливаясь в новую систему ценностей, всему коллективу академии предстояло перестроить учебный процесс, реорганизовать управление, переработать учебные планы, а также выполнить политический заказ – осуществить «пролетаризацию» студентов.

Единства в выполнении столь деликатных задач среди академического сообщества поначалу не было. Весь 1918 г. и начало 1919 г. академию сотрясали внутренние конфликты. Младшие преподаватели вместе с Рабочим комитетом, Советом студенческих старост и Главпрофбромом выдвигали претензии к ученному совету академии, требуя своего участия в процессах управления вузом. Ситуация стабилизировалась только после назначения 13 мая 1919 г. ректором профессора В.П. Горяч-

кина, сменившего на этом посту профессора В.Я. Железнова. Уникальная ситуация сложилась осенью 1920 г., когда руководить академией стала «революционная тройка» в лице профессоров И.П. Прокофьева и В.П. Горячкина и студента Г.М. Акоева. Только в сентябре 1921 г. установили структуру, когда академию, как и прежде, возглавлял ректор, высшим органом управления надлежало стать «правлению», а в самой академии вводилась факультетская система.

Другим важным решением стало назначение ректором В.Р. Вильямса, которому надлежало провести реформы в академии, в том числе и «пролетаризацию» студенчества. Во многом благодаря В.Р. Вильямсу из академии стали отчислять «белоподкладочников» – студентов из богатых и аристократических семей. Следующим шагом Василия Робертовича стало создание в вузе рабочего факультета (рабфака)¹⁰.

В академии многие с пессимизмом относились к самой идее рабфака. Среди противников были не только консервативно настроенные профессоры, но и студенты. Тем не менее, в декабре 1920 г. рабфак в Петровке был открыт, став частью образовательной системы. Его студентам были созданы все условия для обучения, вплоть до выездных экскурсий по Центральной промышленной области¹¹. Первым деканом петровского рабфака стал профессор С.А. Зернов¹².

С принятием новых учебных планов академия взяла курс на углубление специализации и практическую подготовку студентов. При этом в учебный процесс были введены дисциплины политического характера, а в декабре 1922 г. создана кафедра теории исторического материализма.

В 1920-е гг. был проведен эксперимент с продолжительностью обучения. Если с 1920 г. действовала трехлетняя программа обучения, то к 1925 г. стало ясно, что за такой короткий срок подготовить квалифицированного специалиста практически невозможно, и в академии вернулись к четырехлетнему курсу обучения.

Тот факт, что в Советской России именно Петровская (Тимирязевская) академия стала ведущим аграрным вузом страны, подтверждается наличием авторитетного профессорско-преподавательского состава. Здесь работали как представители старой школы (ботаник В.И. Талиев, химик Н.Я. Демьянов, микробиолог Н.Н. Худяков; растениевод А.Г. Дояренко; селекционеры С.И. Жегалов и Д.Л. Рудзинский; экономист П.А. Вихляев, ветеринар Г.И. Гурин, метеоролог В.А. Михельсон), так и новые преподаватели, чей пик научной активности пришелся уже на советский период (генетик Н.И. Вавилов, лесовод Г.Р. Эйтинген, плодовод П.Г. Шитт, свиновод М.Ф. Иванов, овцевод А.И. Николаев, селекционер П.И. Лисицын, электротехник Н.А. Артемьев, энтомолог В.Ф. Болдырев, экономисты Н.Д. Кондратьев и А.В. Чаянов и др.). Многие из них продолжили трудиться в академии и в 1930-е гг.

Если говорить о руководстве академии, то после ухода в 1925 г. с должности ректора В.Р. Вильямса академию возглавляли профессиональный революционер Н.И. Муралов (1925–1927), профессор кафедры частного и общего земледелия И.С. Шулов (1927–1928), председатель Правления Центрального сельскохозяйственного банка М.Е. Шефлер (1928–1930).

В 1931 г. грянула реорганизация: Тимирязевскую академию решили разделить на отдельные институты. Среди множества появившихся небольших учебных заведений ее преемником следует считать Московский институт растениеводства имени К.А. Тимирязева. В 1931 г. руководил этой организацией Н.Н. Березовский. После переименования вуза в Московский зерновой институт имени К.А. Тимирязева

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-2306. Оп. 1. Д. 2854. Л. 1.

¹¹ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 18. Д. 295. Л. 1–5.

¹² Рындун Т.В. Из истории рабфака Петровки // Новая Петровка. 1923. № 3–4. С. 59.

руководить им были назначены С.С. Праксин (1931–1932) и А.Н. Кузюрин (1932). Последней вошел в историю как печально известный борец с «контрреволюционными вредительскими теориями», под которыми подразумевались исследования Н.Д. Кондратьева, А.В. Чаянова и других репрессированных тимирязевцев. Репрессии против выдающихся ученых и дробление академии на небольшие учебные заведения не могли пойти на пользу аграрной науке и образованию в нашей стране.

Развитие в условиях реорганизации (1932–1940)

К началу 1930-х гг. пришло понимание, что многие педагогические эксперименты первых лет советской власти несостоятельны и качество подготовки специалистов в СССР, в том числе для сельского хозяйства, оставляет желать лучшего.

В 1930-е гг. в академии отменили бригадно-лабораторный метод, когда один-два студента могли сдавать зачет за всю группу. Была усиlena роль лабораторных занятий и лекций, утверждены индивидуальные сессии, обязательная сдача вступительных экзаменов и защита дипломных работ.

Постановлением СНК СССР от 21 декабря 1932 г. при слиянии нескольких вузов, ранее входивших в Тимирязевскую академию, был основан Сельскохозяйственный институт имени К.А. Тимирязева¹³. В 1936 г. институт снова вернул себе статус академии, получив аббревиатуру СХАТ.

В 1934 г. на основе экспериментального полигона была создана Полевая опытная станция для проведения комплексных полевых экспериментов¹⁴. Вскоре в вузе заработали и другие учебные хозяйства.

1 сентября 1938 г. прекратил свое существование рабфак. Частично его оборудование перешло подготовительным курсам, занимавшимся подготовкой стахановцев к поступлению в вузы¹⁵. Эти курсы дали путевку в жизнь многим тимирязевцам, в том числе заложили фундамент мировоззрения Героя Социалистического Труда К.А. Борина, уже после войны защитившего кандидатскую диссертацию по сельскохозяйственным наукам¹⁶.

Наметилась тенденция к увеличению числа кафедр. Одновременно увеличилась численность профессорско-преподавательского состава. Если в 1933 г. она составляла 182 чел., то к 1937 г. – уже 292 чел. Что касается студентов, то в 1930-е гг. их количество колебалось от 2 тыс. до 2,5 тыс. чел.¹⁷ В обстановке надвигавшейся Второй мировой войны руководство академии стало уделять серьезное внимание их военной и спортивной подготовке. Решение этих вопросов поручалось созданной в 1936 г. кафедре физической культуры¹⁸.

В октябре 1939 г. СХАТ была переименована в Московскую сельскохозяйственную академию имени К.А. Тимирязева с аббревиатурой МСХА. Одновременно был утвержден ее устав. Академию возглавлял директор, назначаемый Всероссийским комитетом по делам высшей школы. В разные периоды эту должность занимали: А.А. Бурдуков (1932–1936), А.И. Жагар (1936), С.Г. Колеснев (1936–1937), Г.М. Овсянников (1937), Ф.П. Платонов (1937–1940).

¹³ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 19. Д. 168. Л. 3–4.

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 683. Л. 2.

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 23. Д. 2586. Л. 18.

¹⁶ Архив РГАУ–МСХА имени К.А. Тимирязева. Отдел Агрономический. Оп. 6. Д. 1138. Л. 3–5.

¹⁷ Московская сельскохозяйственная академия имени К.А. Тимирязева. 1865–1965... С. 147.

¹⁸ Оришев А. Б., Мамедов А.А., Миронюк С.А. Физическая культура в системе аграрного образования в СССР и Российской Федерации: сравнительный анализ // Теория и практика физической культуры. 2025. № 5. С. 112–114. EDN: CGHKJU

Научная и образовательная деятельность достигла пика 20 февраля 1940 г.: академия была награждена орденом Ленина, а ее территория получила статус охраняемого заповедника. Этим решением были созданы оптимальные условия для последующего развития учебного заведения.

Таким образом, 1930-е гг. оказались периодом новых трудностей для Тимирязевской академии. Она пережила ряд преобразований до тех пор, пока власти окончательно не поняли необходимость наличия единого крупного вуза, обладающего статусом главного образовательного учреждения аграрного профиля, а не множества разрозненных мелких учебных заведений.

Тимирязевская академия в годы Великой Отечественной войны

В годы Великой Отечественной войны Тимирязевская академия стала символом стойкости, патриотизма и самоотверженности научного сообщества страны. Уже в первые месяцы войны добровольно ушли на фронт около 300 тимирязевцев, что было больше числа мобилизованных (200 чел.). Это говорит о мощном патриотическом подъеме среди ученых вуза и студентов.

Советское правительство, пытаясь не допустить захвата немцами Москвы, формировало дивизии народного ополчения – своего рода последний резерв¹⁹. Среди ополченцев нашлось место и тимирязевцам. Первый отряд тимирязевских ополченцев, состоявший в основном из студентов, отправился на фронт 17 июля 1941 г.

Из числа участников войны выделим тех, кому было присвоено звание Героя Советского Союза. В 1943 г. за форсирование Днепра звание получили трое выпускников академии: В.Г. Трушечкин²⁰, И.К. Шаумян и Н.А. Баранов²¹. Также в 1943 г. к званию Героя Советского Союза были представлены начальник штаба гражданской обороны академии В.И. Королев²² и студент Н.М. Севрюков. Самым молодым Героем стал Б.А. Рунов, взявший в плен 700 немецких солдат в мае 1945 г.²³ После войны он несколько лет проработал проректором по учебной работе Тимирязевки. Обучавшийся в академии в довоенное время адмирал В.В. Михайлин получил представление к награде уже после войны²⁴.

В 1941 г. академия участвовала в обороне Москвы. Подвалы главного здания стали штабом ПВО, где координировали защиту города от авианалетов, которые стали совершаясь с 22 июля 1941 г.²⁵ Третий корпус занял резервный штаб обороны Москвы. В других ее корпусах были организованы химическая лаборатория, производившая облегченные капсюли для мин, и оптико-механическая мастерская, выпускавшая танковые прицелы и зеркала для оборонного завода.

¹⁹ Безугольный А.Ю., Леонтьева Н.И. Формирование дивизий Московского народного ополчения в районах Московской области в 1941 г. // Россия и современный мир. 2024. № 3. С. 118. DOI: <https://doi.org/10.31249/rsm/2024.03.08>. EDN: XYZRQF; Безугольный А.Ю. «Добровольная мобилизация» июля 1941 г.: комплектование дивизий народного ополчения Москвы личным составом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 4. С. 629–644. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-629-644> EDN: MSAZYX

²⁰ Центральный архив Министерства обороны (далее – ЦАМО). Ф. 33. Оп. 793756. Д. 48. Л. 14.

²¹ Там же. Оп. 686044. Д. 230. Л. 53.

²² Там же. Оп. 682524. Д. 561. Л. 36.

²³ Там же. Оп. 793756. Д. 41. Л. 69.

²⁴ Центральный военно-морской архив (далее – ЦВМА). Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 594, 574.

²⁵ Центральный государственный архив Москвы (далее – ЦГА Москвы). Ф. П-87. Оп. 21. Д. 14. Т. 1.

Общежития академии преобразовали в крупнейший эвакуационно-сортировочный госпиталь. Среди пациентов значились маршалы А.И. Ерёменко и К.К. Рокоссовский. Последний оставил теплые воспоминания о пребывании в нем²⁶.

Германская агрессия изменила научные приоритеты, направив усилия на поддержку фронта и тыла. Академик П.М. Жуковский получил новый вид яровой пшеницы, обладавший полной устойчивостью к ржавчине, головне и мучнистой росе. Академик П.И. Лисицын вывел и размножил из диких форм два новых сорта клевера²⁷. Другие тимирязевцы сосредоточились на картофеле, и во многом благодаря их усилиям удалось увеличить производство этого овоща в годы войны в пять раз²⁸.

В 1941 г., после эвакуации в Самарканд, преподаватели и студенты академии активно участвовали в подъеме сельского хозяйства Узбекистана. Согласно архивным документам, тимирязевцам пришлось столкнуться с рядом трудностей материального характера, которые были успешно преодолены. Под руководством академика Д.Н. Прянишникова, вскрывшего неиспользуемые в Средней Азии резервы увеличения сбора хлопка, был проведен комплекс мероприятий по повышению плодородности земель и производительности хлопка²⁹. Были выработаны около 100 тыс. человеко-дней в аграрном секторе, организованы научные сессии и доклады об улучшении сельскохозяйственного производства республики, реализованы проекты по внедрению сахарной свеклы, люцерны и овощеводства³⁰.

В это же самое время в Москве, в академии, несмотря на войну, продолжала развиваться научная деятельность, шла подготовка высококвалифицированных кадров, что нашло отражение в защитах диссертаций и присуждения ученых званий³¹. Возглавлял академию во время войны академик В.С. Немчинов. О том, в каких непростых условиях ему приходилось трудиться, организуя учебный процесс в условиях дефицита материальных ресурсов, обеспечивая питание и быт студентов и преподавателей, повествуют архивные документы³².

Подготовка кадров для восстанавливающегося сельского хозяйства и освоение целинных земель (1945–1964)

Основная задача академии, которую она решала в послевоенное время – подготовка специалистов сельского хозяйства – агрономов и зоотехников широкого профиля, научных и педагогических кадров для вузов и НИИ, а также преподавателей для сельскохозяйственных техникумов.

Особенность этого периода – активная работа различных курсов повышения квалификации. С 1945 г. по 1965 г. на них было подготовлено 15 572 чел. С 1950 г. до пяти лет был увеличен срок обучения. Большое внимание стало уделяться производственному обучению студентов. На первых трех курсах оно составляло 30% учебного времени, на четвертом и пятом курсах – 35%. Этому содействовало значительное увеличение опытных учреждений.

²⁶ Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М., 2024. С. 178.

²⁷ РГАЭ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 68. Л. 2.

²⁸ Потёмкина М.Н., Гаврилькова К.Е. Как питались те, кто ковал победу над врагом: пищевые практики горожан советского тыла (на примере г. Магнитогорска) // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2017. Т. 27. № 4. С. 611. EDN: ZMMIRP

²⁹ РГАЭ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 68. Л. 2.

³⁰ ГАРФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 993. Л. 2–5.

³¹ Там же. Д. 988. Л. 1–7.

³² Музей истории ТСХА, архивный фонд (МИ ТСХА АФ). Ф. 110. Л. 30.

Со второй половины 1950-х гг. Тимирязевская академия внесла существенный вклад в государственную программу освоения целины. Идея освоения целины появилась у Н.С. Хрущёва после знакомства с докладной запиской тогдашнего министра сельского хозяйства СССР, выпускника Тимирязевки И.А. Бенедиктова.

Поэтому неслучайно, что в плане научной работы академии на 1954 г. освоению целинных и залежных земель уделялось особое внимание. Регулярными в вузе стали совещания, на которых вопрос освоения целины занимал центральное место³³. Как следует из архивных документов, среди тимирязевцев судьба этого проекта особо беспокоила академика И.В. Якушина, на протяжении нескольких лет отправлявшего в ВАСХНИЛ служебные записки, в которых предлагалось тщательно изучать свойства целинных земель перед тем, как приступать к масштабным сельскохозяйственным работам³⁴.

В 1960 г. академия объединилась с Московским институтом механизации и электрификации сельского хозяйства и Московским институтом водного хозяйства. В 1963 г. из нее выделились три факультета, ставшие основой Московского гидромелиоративного института и Московского института инженеров сельскохозяйственного производства.

В 1963 г. в учебные планы были внесены новые изменения. Перед академией была поставлена задача получения студентами квалификации механизаторов. Учебные планы пополнились новыми дисциплинами, связанными с современными производственными задачами: использование атомной энергии, методики применения изотопов и др.

Говоря о достижениях академии в послевоенный период, нельзя не сказать и о серьезных трудностях. Знаковым событием для Тимирязевской академии стала августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 г. Ее результатом был уход В.С. Немчинова, поддерживавшего генетиков в должности ректора. С этого времени в Тимирязевке господствующее положение заняла концепция заведующего кафедрой селекции, генетики и семеноводства Тимирязевской академии Т.Д. Лысенко, известная как мичуринская биология³⁵. «Диктатор от науки», – такую характеристику дал Т.Д. Лысенко выпускник Тимирязевки, биолог Жорес Медведев³⁶. Бразды правления академией в условиях этого «диктата» были вручены В.Н. Столетову (1948–1950) – автору разоблачительной статьи «О вражеской науке» в газете «Правда».

Нормальной работе академии в первые послевоенные годы мешали ее переходы каждые два-три года от подчинения одному ведомству к другому, что завершилось только в 1963 г., когда академия вернулась в подчинение Минсельхоза.

Изменения в политическом руководстве страны в 1950-е гг. не только не решили проблемы Тимирязевки, но и усугубили их. Тогдашнему ректору академии Г.М. Лозе (1951–1963) пришлось быть не только организатором науки, но и со всей принципиальностью противостоять волонтистским подходам Н.С. Хрущёва,

³³ РГАЭ. Ф. 784. Оп. 1. Д. 57а. Л. 3.

³⁴ Там же. Ф. 369. Оп. 1. Д. 156. Л. 1–5.

³⁵ Roll-Hansen N. The Lysenko effect: undermining the autonomy of science // Endeavour. 2005. Vol. 29. № 4. P. 143–147. <https://doi.org/10.1016/j.endeavour.2005.10.003> EDN: LUJCEX; Ričkienė A. Botanists in Lithuania during the Michurinist Campaign // Endeavour. 2017. Vol. 41. № 2. P. 51–65. <https://doi.org/10.1016/j.endeavour.2017.03.004>

³⁶ Medvedev Zh.A. Lysenko and Stalin: Commemorating the 50th anniversary of the August 1948 LAAAS Conference and the 100th anniversary of T.D. Lysenko's birth, September 29, 1898 // Mutation Research/Reviews in Mutation Research. 2000. Vol. 462. № 1. P. 3–11. [https://doi.org/10.1016/S1383-5742\(99\)00087-3](https://doi.org/10.1016/S1383-5742(99)00087-3) EDN: AEKFSH

убежденного в том, что в столице нет места для аграрного вуза. В планах главы государства было перемещение академии в другой регион, что означало фактическое ее закрытие. Однако этот замысел в жизнь не воплотился. В октябре 1964 г. Н.С. Хрущёв был смещен, вместе с этим прекратились попытки перемещения Тимирязевки.

Не все правительственные решения в отношении Тимирязевской академии были оправданы. Но коллектив академии подходил к выполнению поставленных задач в основном с действительно научных позиций, на которых стояли ученые агрономической науки. Среди них особое место занимает почетный академик ВАСХНИЛ, Герой Социалистического Труда В.И. Эдельштейн, на протяжении 50 лет заведовавший кафедрой овощеводства.

Тимирязевка – центр сельскохозяйственного образования и аграрной науки в СССР (1965–1991)

3 декабря 1965 г. Тимирязевская академия в честь ее 100-летия была награждена орденом Трудового Красного Знамени. Стимулом для развития академии стало значительное государственное финансирование в стране строительства крупных совхозов и колхозов, внедрения новых сортов растений и пород животных, механизации производства. Тимирязевская академия стала играть ключевую роль в подготовке кадров для этих предприятий, на ее развитие правительство также стало выделять средства.

Активно расширялся студенческий обмен между академией и вузами стран Восточной Европы. Каждый год академия принимала около 12–15 учебных делегаций из ГДР, Польши, Венгрии, Болгарии, Югославии и Чехословакии. Примерно столько же групп студентов-тимирязевцев отправлялось учиться в эти страны.

В августе 1977 г. академия получила статус учебно-научного центра. В последующие годы академия расширила перечень специальностей, введя новые дисциплины, такие как биотехнология, экология и экономика сельскохозяйственных предприятий. В 1986 г. был открыт филиал академии в Калуге.

Особенность периода «развитого социализма» для Тимирязевки заключается в том, что академия стала активно проявлять себя на международной арене. Ее ученые поддерживали тесные связи с зарубежными научными учреждениями и университетами, участвуя в международных проектах и обмениваясь опытом с коллегами из зарубежья. Интерес к Тимирязевке проявляли не только страны афро-азиатского региона, остро нуждавшиеся в специалистах сельского хозяйства, но и флагманы западного капитализма: США, ФРГ, Нидерланды.

В этот период академии приходилось решать проблемы. Но это были трудности роста, такие как необходимость освоения выделенных средств, когда имелись деньги на ремонт, но не находилось организаций, способной его осуществить.

Начавшаяся перестройка в СССР и последующий экономический кризис привели к разрушению советской системы сельского хозяйства. При этом академия продолжала свою деятельность, адаптируясь к новым условиям и осуществляя подготовку кадров для экономики переходного периода. В разные годы академией руководили ректоры: И.С. Шатилов (1963–1971), П.П. Вавилов (1971–1978), М.И. Синюков (1978–1993).

Как результат, были созданы предпосылки для получения вузом статуса университета. В 2005 г. Тимирязевская академия стала именоваться «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева».

Заключение

Развитие аграрного образования в стране и превращение Петровской (Тимирязевской) академии во флагман аграрной науки и образования в СССР стали закономерным результатом ее эволюции, когда на протяжении десятилетий коллективом академии успешно решались поставленные перед ним государственные задачи. Все это время в академии трудились выдающиеся ученые, что и позволило достичь поставленных целей. В истории ведущего аграрного вуза страны советской эпохи можно выделить несколько периодов: 1) раннесоветский (1917–1932); 2) реорганизационный (1932–1940); 3) военный (1941–1945); 4) восстановительно-целинный (1946–1964); 5) стабилизационный (1965–1991). Последний период стал самым успешным в истории вуза, что отчасти можно объяснить отсутствием крупных реформ в отечественной системе образования и выделением государством средств на укрепление материально-технической базы вуза.

Поступила в редакцию / Submitted: 15.07.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 4.08.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 21.08.2025

References

- Arkhangelskii, N.S., Belykh, G.V., Kuznetsov, A.I. and Poshataev, A.V. *Akademii imeni K.A. Timiryazeva. Kratkiy ocherk proshloga i nastoiashchego* [K.A. Timiryazev Academy. Brief outline of the past and present]. Moscow: Agropromizdat Publ., 1990 (in Russian).
- Bautin, V.M. *140-letie Timiryazevka* [The 140th Anniversary of Timiryazevka]. Moscow: Rosinformagrotekh Publ., 2006 (in Russian).
- Bautin, V.M., and Kazarezov, V.V. *Petrovskaya (Timiriazevskaia) akademiia* [Petrovskaya (Timiryazev) Academy]. Moscow: Rosinformagrotekh Publ., 2014 (in Russian).
- Bautin, V.M. “Scientific contribution of the prominent researcher academician N.I. Vavilov to the development of Russian and global agriculture.” *Izvestiya of Timiryazev Agricultural Academy*, no. 1 (2018): 147–160 (in Russian), <https://doi.org/10.26897/0021-342X-2018-1-147-160>
- Bezugolnyi, A.Yu., and Leonteva, N.I. “Formation of divisions of the Moscow People’s Militia in areas of the Moscow region in 1941.” *Russia and the Contemporary World*, no. 3 (2024): 118–133 (in Russian), <https://doi.org/10.31249/rsm/2024.03.08>
- Bezugolnyi, A.Yu. “Voluntary Mobilization of July 1941: Staffing the Moscow People’s Militia Divisions with Personnel.” *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 4 (2023): 629–644 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-629-644>
- Bochkaryov, I. *Akademik Vasilii Robertovich Vil’iams* [Academician Vasily Robertovich Williams]. Moscow: Sel’skokhoziaistvennaia akademiia imeni K. A. Timiryazeva Publ., 1935 (in Russian).
- Chernikov, V.A., Raskatov, V.A., and Vasenev, I.I. “History of Ecology Department in Russian Timiryazev Agrarian University.” *Agroecology*, no. 2 (2014): 3–5 (in Russian).
- Glazko, V.I. “Works of A.V. Chayanov during the NEP period and the beginning of collectivization.” *Izvestiya of Timiryazev Agricultural Academy*, no. 6 (2017): 156–168 (in Russian).
- Kazarezov, V.V. *Poltora veka na perednem krae agrarnoi nauki i obrazovaniia* [A Century and a Half at the Forefront of Agricultural Science and Education]. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet MSKHA imeni K.A. Timiryazeva Publ., 2015 (in Russian).
- Kantorovich, A.V. *Po Timiriazevskoi akademii* [According to Timiryazev Academy]. Moscow: GIKPL Publ., 1956 (in Russian).
- Kiryushin, V.I. *100 let kafedre pochvovedeniia, geologii i landshaftovedeniia. 1912–2012* [100th Anniversary of the Department of Soil Science, Geology and Landscape Science. 1912–2012]. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet MSKHA imeni K.A. Timiryazeva Publ., 2012 (in Russian).
- Kurenyshev, A.A. *On uslyshal muzyku polia: Zhizn’ i deiatel’nost’ Alekseia Grigor’ievicha Doiarenko – uchenogo, pedagoga, obshchestvennogo deiatelia, muzykanta* [He listened to the music of the

- fields: The life and work of Alexey Grigoryevich Doyarenko – scientist, teacher, public figure, musician]. Moscow: AIRO-XXI Publ., 2011 (in Russian).
- Maksimov, N.A., Verzilov, V.F., and Epifanova, A.P. *Dmitrii Nikolaevich Prianishnikov* [Dmitry Nikolaevich Pryanishnikov]. Moscow-Leningrad: Akademiiia nauk SSSR Publ., 1948 (in Russian).
- Nikulin, A.M. “James Scott and Alexander Chayanov: From peasantry Through Revolutions, to States, and Anarchies.” *Russian Sociological Review* 21, no. 3 (2022): 202–228 (in Russian), <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2022-3-202-228>
- Orishev, A.B., Mamedov, A.A., and Mironiuk, S.A. “Physical Education in the System of Agricultural Education in the USSR and the Russian Federation: A Comparative Analysis.” *Theory and Practice of Physical Culture*, no. 5 (2025): 112–114 (in Russian).
- Potyomkina, M.N., and Gavril'kova, K.E. “Food practices of those who ‘forged the victory’: the food ration of people in Soviet Rear (using Magnitogorsk population as an example.” *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series* 27, no. 4 (2017): 611–617 (in Russian).
- Ričkienė, A. “Botanists in Lithuania during the Michurinist Campaign.” *Endeavour* 41, no. 2 (2017): 51–65, <https://doi.org/10.1016/j.endeavour.2017.03.004>
- Rokossovskii, K.K. *Soldatskii dolg* [Soldier’s duty]. Moscow: EKSMO Publ., 2024 (in Russian).
- Roll-Hansen, N. “The Lysenko effect: undermining the autonomy of science.” *Endeavour* 29, no. 4 (2005): 143–147, <https://doi.org/10.1016/j.endeavour.2005.10.003>
- Ryndin, T.V. “Iz istorii rabfaka Petrovki [From the history of the workers’ faculty of Petrovka].” *Novaya Petrovka*, no. 3–4 (1923): 53–64 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Александр Борисович Оришев, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева; Россия, 127550, Москва, Лиственничная аллея, 4А; orishev71@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1953-9543>; SPIN-код: 2486-2813.

Сергей Алексеевич Миронюк, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории, Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева; Россия, 127550, Москва, Лиственничная аллея, 4А; privetsergey95@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6874-7595>; SPIN-код: 6577-8160.

Anastasiya Sergeevna Позднякова, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева; Россия, 127550, Москва, Лиственничная аллея, 4А; pozdnyakova@rgau-msha.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8695-8970>; SPIN-код: 7186-4921.

Alexander Borisovich Orishev, Dr. Habil. Hist., Associate Professor, Head of the History Department, Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy; 4A, Listvennichnaya alleya Str., Moscow, 127550, Russia; orishev71@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1953-9543>; SPIN-code: 2486-2813.

Sergei Alexeyevich Mironiuk, PhD in History, Senior Lecturer of the History Department, Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy; 4A, Listvennichnaya alleya Str., Moscow, 127550, Russia; privetsergey95@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6874-7595>; SPIN-code: 6577-8160.

Anastasiya Sergeevna Pozdnyakova, PhD in History, Associate Professor, Associate Professor of the History Department, Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy; 4A, Listvennichnaya alleya Str., Moscow, 127550, Russia; a.pozdnyakova@rgau-msha.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8695-8970>; SPIN-code: 7186-4921.

РОССИЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
RUSSIA IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-603-618>
EDN: MBSELS

Научная статья / Research article

«Приятельство» великих государей Стефана III Молдавского и Ивана III Московского

Татьяна Васильевна Черникова^{ID}

Московский государственный институт международных отношений (Университет)
МИД Российской Федерации, Москва, Россия
tchernikova1961@mail.ru

Аннотация: Исследуются попытки молдавского господаря Стефана III Великого создать союз с государем всея Руси Иваном III. В центре внимания находится анализ причин и характера связей между Россией и Молдавией во второй половине XV – начале XVI в. Автор полагает, что своей цели молдавский монарх не достиг, т.к. Москва не готова была к совместным действиям против главного геополитического противника Молдавии Османской империи, с которой России при крымском посредничестве удалось установить добрые отношения. Исходя из интересов своего государства, московский государь стремился переформатировать отношения со Стефаном III в союз против польско-литовской унионии. Однако здесь у Молдавии и России были возможны лишь кратковременные совместные усилия, так как, несмотря на все противоречия с польской короной и даже столкновения с ней, для Молдавского княжества Польша объективно, как и Венгрия, оставались главными помощниками в борьбе с османской экспанссией на территории Дунайских княжеств. Вопрос о создании союза между московским и молдавским монархами остается предметом научной дискуссии. Автор приходит к выводу, что Иван III использовал взаимодействие с Молдавией с большой пользой для себя, причем не только во внешнеполитической области. Внутренний курс Стефана Великого и других дунайских государей в Москве стал предметом глубокого осмысливания при выработке внутренней политики верховной власти и разработке новой государственной идеологии России, особенно вопроса о «византийском преемстве». Последнему обстоятельству в историографии уделяется недостаточное внимание.

Ключевые слова: российско-молдавские отношения, молдавско-русские связи, Иван Великий, внешняя политика Московской Руси, вопросы медиевистики, Сказание о Дракуле воеводе

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Черникова Т.В. «Приятельство» великих государей Стефана III Молдавского и Ивана III Московского // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 4. С. 603–618. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-603-618>

“Friendly Relations” of Great Rulers Stefan III of Moldavia and Ivan III of Moscow

Tatiana V. Chernikova^{ID}

MGIMO University, Moscow, Russia

✉ tchernikova1961@mail.ru

Abstract: The author in their article focuses on the analysis of the causes and nature of the relations between Russia and Moldavia in the second half of the 15th – early 16th centuries, as well as their influence on the development of state ideology in Russia. This issue is usually not given much attention when historians consider the history of the unified Muscovite state during the reign of Ivan III. The issue of creating an alliance between the Muscovite and Moldavian monarchs remains a hotly debated subject of scholarly discussion, and the influence that the actions of Stephen III and his positioning toward Muscovy is often underestimated when analyzing the beginning of the creation of Russia's new state ideology. The author analyzes the attempts of Moldavian ruler Stephen III the Great to create an anti-Ottoman alliance with the ruler of all Rus' Ivan III. They conclude that the Moldavian monarch failed to achieve his goal, and at that time, based on the priorities of Russia's interests, the Muscovite sovereign used interaction with Moldavia to his great advantage.

Keywords: Russian-Moldavian relations, Moldavian-Russian ties, Ivan the Great, foreign policy of Muscovite Rus', issues of medieval studies, The Tale of Dracula the Voivode

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

For citation: Chernikova, T.V. “‘Friendly Relations’ of Great Rulers Stefan III of Moldavia and Ivan III of Moscow.” *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 4 (November 2025): 603–618 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-603-618>

Введение

Актуальность. Во второй половине XV в. внешнеполитические горизонты Московской Руси значительно расширились. Кроме связей с миром Востока, представленных ханствами, образовавшимися на месте распавшейся Золотой Орды, взаимоотношений с соседями-соперниками Польшей, Литвой, Ливонским Орденом, Швецией появились новые контакты со странами Западной, Центральной и Юго-Восточной Европы.

Расширение представлений о мире, новые идеи активно осмыслились московской социально-политической элитой. Одним из катализаторов этого процесса стали контакты с Молдавским княжеством, анализу которых не придается обычно первостепенного значения. Инициатива налаживания связей поступила от молдавского господаря Стефана III.

На наш взгляд, попытки сближения с Россией, предпринятые Стефаном III, Иван III использовал для выгод своего внешнеполитического курса, исходя из русских приоритетов. Присоединив Новгород в 1478 г., Иван III задумался о «всей Руси». В 1479 г. в Новгороде начался выпуск «денги» с изображением московского «ездеца» и указанием нового титула Ивана III «осподарь всея Руси». После вхождения Тверского княжества в состав Московского государства в 1485 г. новый титул Ивана III будет присутствовать и при внешнеполитических контактах Москвы¹. Завершение объединения вокруг Москвы Северо-Восточных земель Руси и Новгорода, а также падение ордын-

¹ Хорошевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. С. 85.

ской зависимости в 1480 г. выдвинули новую стратегическую цель – ослабление польско-литовской унии для отвоевания южно- и западнорусских земель. «Приращение титула великого князя за счет слов „всехи Руси“ вызвало резкое противодействие в Польском королевстве и Великом княжестве Литовском»². Стефан время от времени находился в войне с Польшей, что создавало основу для русско-молдавского времененного альянса. Однако ослабление Польши не входило в планы Стефана, так как это государство объективно являлось одним из важных союзников Молдавии в ее борьбе с османами за независимость. Стефан неоднократно объявлял себя вассалом польского короля, а в конце своего правления добился признания равноправия с ним. Противостояние османам являлось главной целью молдавского господаря, но привлечь к нему Россию (в отличие от Польши, Венгрии или Венеции) не представлялось возможным.

В итоге союз московского и молдавского монархов, о котором часто пишут историки, является преувеличением, хотя и Стефан III, и Иван III извлекли из своих попыток сближения определенные выгоды. С другой стороны, явно присутствует недооценка влияния образа действий господарей Дунайских княжеств на формирование новых государственных идей и методов правления при Иване III и, возможно, являются ключом к пониманию ситуации с выбором наследника московского престола в 1498–1502 гг.

Степень изученности проблемы. Само правление Стефана III, заслуженно вошедшего в историю с прозванием Великий, хорошо изучено в молдавской, румынской и отечественной историографии. Однако обозначенные выше вопросы по-прежнему вызывают дискуссии из-за узкой источниковой базы.

Настоящая работа опирается на исследования М.А. Чобану, В.Н. Стати, Н. Руслева, В. Власика, А.А. Зимины, А.В. Майорова, О. Талмазана и других историков. Молдавские ученые уделяют отношениям Стефана Великого и Ивана III пристальное внимание, тщательно изучая все детали. М.А. Чобану, в частности, установил, что в историографии господствовала неправильная датировка первого письма молдавского господаря к Ивану III, а именно 1484 г. Историк аргументировано обосновал, что данное послание могло появиться девятью годами ранее и было написано где-то после 6 июня 1475 г.³

В.Н. Стати, лингвист и историк, автор более 100 научных трудов, доказывает, что издревле Молдавия и Валахия имели значительные отличия друг от друга в этническом и языковом планах. По его мнению, молдавский этнос возник как результат симбиоза волохов из Марамуреша и русинов. Это обстоятельство, как и общность православной веры молдаван и жителей Московской Руси, заложили фундамент молдавско-русских связей, которые, по мнению ученого, во времена Стефана Великого вылились в создание союза с Московским государством⁴. Через государственную деятельность Стефана Великого В.Н. Стати показывает самобытность молдавской этнокультурной идентичности в средние века.

Особенности статуса Дунайских княжеств, не входивших непосредственно в систему внутреннего управления Османской империей в XIV–XVII вв., изучала

² Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. С. 85.

³ Чобану М.А. Стефан Великий и Иван Васильевич. Отношения между Молдавским княжеством и Московским государством в 1475–1482 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 3. С. 19–27. EDN: UYYJJJ

⁴ Стати В. Молдавско-русская история. Кишинев, 2014; Стати В. Стефан Великий Господарь Молдовы // Istoria și filologia moldovenească. URL: <https://terramoldaviae.wordpress.com/tag/великий-господарь-молдовы/> (дата обращения: 13.08.2025).

известный советский и российский историк Л.Е. Семенова⁵. В. Василик дал общий обзор с анализом трендов в дипломатических контактах Дунайских княжеств Молдавии и Валахии с Россией на исходе Средних веков и в раннее Новое время⁶.

Многие аспекты молдавско-русского взаимодействия затронуты в работах, посвященных изучению источников, которые описывают возникновение и первые века молдавской государственности⁷.

О. Талмазан, рассматривая внутренние смыслы и особенности столь необычного для русской средневековой словесности памятника, каким является «Сказание о Дракуле воеводе», показал, что знакомство московской социально-политической элиты через дипломатические контакты с международным положением Дунайских княжеств, а также их внутренней жизнью, отношениями господарей и подданных, сыграло не последнюю роль в поисках новой государственной идеологии в России рубежа XV–XVI вв.⁸ А.А. Зимин в своих трудах также отметил значимость идеи «византийского преемства», которую по-разному трактовали в Москве придворные «партии», образовавшиеся, с одной стороны, вокруг второй жены Ивана III византийской царевны Софии Палеолог, а с другой – вдовы старшего сына Ивана III Елены Волошанки (дочери Стефана Великого). Апогей борьбы данных «партий» пришелся на 1498–1502 гг., когда московский государь выбирал наследника престола. Крушение сына Елены Волошанки Дмитрия Внука А.А. Зимин во много связывал с развитием русско-молдавских взаимоотношений в контексте их совместных действий против польско-литовской унии⁹.

Цель исследования – раскрыть причины и характер взаимодействия России с Молдавией во второй половине XV – начале XVI в., выявить влияние двусторонних связей на начало выработки в России новой государственной идеологии.

Источниковая база. Работа написана на основе опубликованных источников. Наиболее важными из них являются: письма Стефана III; «Сказание о Дракуле воеводе», созданное русским автором; сохранившаяся только на русском языке летопись «Сказание вкратце...» об образовании и истории Молдавского государства, а также сообщения русских летописей о связях России со странами Центральной и Юго-Восточной Европы.

Молдавия в борьбе с османами Европа в ожидании включения Московии в борьбу с турками

Молдавия, как и тоже православная и этнически родственная ей Валахия, отделилась от Венгерского королевства во второй половине XIV в. С расширением Османской империи Дунайские княжества вынуждены были стать вассалами султана

⁵ Семенова Л.Е. Княжества Валахия и Молдавия. Конец XIV – начало XIX вв. Очерки внешне-политической истории. М., 2006; Семенова Л. Валахия и Молдавия в системе Османской империи (к истории происхождения текстов «капитуляций») // Русин. 2011. № 2. С. 131–139. EDN: OXZBMR

⁶ Василик В. Дипломатические отношения Русского государства с Дунайскими княжествами в XV–XVIII в.: традиции и тенденции // Русин. 2011. № 1. С. 62.

⁷ Яцимирский А.И. Сказание вкратце о молдавских господарях в Воскресенской летописи. СПб., 1901; Бодлур А.В. Славяно-молдавская хроника в составе Воскресенской летописи // Археографический ежегодник за 1963. М., 1964. С. 72–86; Майоров А.В. К спорам о времени возникновения молдавского княжества // Русин. 2013. № 3. С. 32–83. <https://doi.org/10.17223/18572685/33/4> EDN: VVJNGK

⁸ Талмазан О. Авторский вымысел в «Сказании о Дракуле воеводе» // Философский полилог. 2018. Вып. 3. С. 151–176. <https://doi.org/10.31119/phlog.2018.3.10> EDN: VVYZKN

⁹ Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий (Очерки социально-политической истории). М., 1982. С. 147. EDN: SGNGAV

нов. Способствовало этому не только военная мощь Порты, но и сильная внутренняя социальная напряженность, соперничество расколотых на боярские кланы элит, отсутствие строгого порядка престолонаследия, а также разнонаправленные действия Венгрии, Польши, Венеции и Австрии, вступивших в geopolитическое соперничество с Портой. Лавирование господарей между султанами и христианскими властителями стало главным способом сохранения автономии их княжеств.

Молдавия впервые признала суверенитет султана в 1456 г. при господаре Петре III Ароне (1451–1457). Но вскоре его племянник, бывший его политическим оппонентом и ставший преемником, Стефан III (1457–1504)¹⁰ поставил своей целью возвращение независимости. Этот харизматичный и волевой правитель с 1473 г. перестал платить дань султану. С 1473 по 1486 гг. Стефан III почти непрерывно воевал с османами, вступая в вассальные отношения с враждебными Порте европейскими монархами, то с польским королем Казимиром IV, то с венгерским королем Матвеем Корвином.

Но, оказывая помощь Стефану, Польша и Венгрия, а также Венеция и Святой Престол преследовали прежде всего собственные интересы. К тому же Стефану не всегда удавалось привлечь Валахию к противостоянию османам. В итоге даже такие громкие победы, как разгром 100-тыс. армии Сулейман-паши 10 января 1475 г. у г. Васлую 40-тыс. войском Стефана из молдаван, поляков и венгров, а также победа над турками у озера Кэтлэбуга в 1485 г. не привели к независимости Молдавии. В 1484 г. султан Баязид II отторг от Молдавии крепости Белгород (Аккерман или Четатя-Албэ) на Днестре и Килию в устье Дуная. В 1485 г. Стефану пришлось признать себя вассалом султана с выплатой дани в 5 тыс. дукатов¹¹.

Как вассал султана и параллельно восстановив свой вассалитет Венгрии в 1489 г., Стефан добился в 1499 г. признания своего равенства с польским королем.

Обращение Стефана III в середине 1470-х гг. к русскому государю неудивительно. Как справедливо заметил еще Маркс: «Изумленная Европа, в начале правления Ивана едва знавшая о существовании Московии, стиснутой между татарами и литовцами, была ошеломлена внезапным появлением на ее восточных границах огромной империи, и сам султан Баязид, перед которым Европа трепетала, впервые услышал высокомерную речь Московита»¹².

На унию церквей в контексте противостояния Московии с Османской империей рассчитывал Святой Престол. Папа Сикст IV при посредничестве Венеции предложил овдовевшему Ивану III взять в жены царевну Сою (Софью), дочь бывшего морейского деспота Фомы Палеолога и племянницу последнего византийского императора Константина XI. Брак состоялся в 1472 г. Через эту «политическую демонстрацию» России¹³ не только византийские эмигранты в Италии, но и все итальянские государства ожидали вступления Ивана III в борьбу за «свое византийское наследство». В 1482 г. альянс против Ягеллонов и Габсбургов заключил с Иваном III

¹⁰ Пётр Арон трижды был молдавским господарем, причем первый раз, убив в 1451 г. своего родного старшего брата и отца Стефана господаря Богдана II (1449–1451).

¹¹ Сыну и наследнику Стефана III Богдану III в 1511 г. придется заключить договор с султаном Баязилем II (или с Селимом I в 1513 г.) договор на более тяжелых условиях. См.: Стати В. История Молдовы. Кишинёв, 2002. С. 133–134.

¹² Маркс К. Разоблачение дипломатической истории XVIII века // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 6–7.

¹³ Ключевский В.О. Курс лекций. М., 1988. Т. 2. С. 114.

венгерский король Матьяш Корвин. Пытались построить союз с Москвой и его геополитические конкуренты Габсбурги¹⁴.

И, если говорить о «высокомерной речи Московита», то ее выслушали, конечно, не турки, а цесарцы. С 1489 по 1504 гг. от Габсбургов в Москву приезжало 5 посольств. В 1489 г. на сообщение посла Николауса фон Попплау (Поппеля), что император Фридрих III может дать Ивану III королевскую корону, тот ответил:

А что ты нам говорил о королевстве, то мы божьей милостью государи на своей земле изначально, от первых своих прародителей, а поставление имеем от бога, как наши прародители, так и мы <...> как мы теперь государи на своей земле, а поставления как прежде ни от кого не хотели, так и теперь не хотим¹⁵.

В 1491 г. был заключен австро-русский союз, но лишь против польско-литовских Ягеллонов. В письме Габсбургов 1505 г. Иван III вместе с сыном-соправителем Василием

были названы царями, титулом, который в Москве считали равным императорскому, о чем австрийская дипломатия была прекрасно осведомлена¹⁶.

Стремление Стефана III к союзу с Москвой

В отличие от Габсбургов, «узнавших» о существовании не только Литовской, но и Московской Руси от силезского путешественника Поппеля в 1486 г., православные балканские народы благодаря церковным связям никогда не теряли информации о русских землях. Неудивительно, что свой¹⁷ Ивана III молдавский господарь Стефан III предпринял усилия для создания союза с Россией. Первое письмо Ивану III он отправил в 1475 г. На него, очевидно, московский государь ответил, иначе бы Стефан III не предложил в 1479 г. брак своей дочери от первого брака Елены с Иваном Молодым, старшим сыном Ивана III от первого брака и соправителем отца. Иван Молодой приходился Елене троюродным братом. «Брак Ивана Ивановича Молодого с Еленой Стефановной должен был казаться очень привлекательным. По материнской линии Елена могла породнить великих князей московских с киевским княжеским домом, по отцовской линии она выступала наследницей “старых римлян”, сохранивших православие. Для доказательства “римского” происхождения Стефана Великого и была составлена Славяно-молдавская хроника...»¹⁸. Инициатива господаря укрепила авторитет Ивана III, у которого оказавшегося в то время были неприятности в сложном положении.. С 1472 г. государь не платил ордынский выход, а в 1479 г. возник опасный союз хана Большой Орды Ахмата и польского короля Казимира.

¹⁴ Родовое владение Габсбургов Австрия имело особое место внутри Священной Римской империи. Вторжения османов в Австрию начались с 1469 г. Особенно тяжелыми были набеги на словенские Штирию, Каринтию и Крайну, которые с 1490-х гг. вошли в состав Внутренней Австрии. Победа эрцгерцога Максимилиана над турками в битве при Филлахе в 1492 г. не ликвидировала османский натиск на австрийские границы.

¹⁵ Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1988. Т. 2. Лекция XXVI. С. 119.

¹⁶ Черникова Т.В. Россия и Европа. Начало диалога. Конец XV–XVI вв. М., 2019. С. 188. EDN: OTVMSV; Черникова Т.В. Европейские идеиные смыслы в контексте царской воли Петра I // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 3. С. 322–334. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-322-334> EDN: QCIWHL

¹⁷ Первая жена Стефана Евдокия, дочь киевского князя Олелько (Александра) Владимировича, ее братья – киевский князь Семен и Михаил, сестра Феодосия, очевидно, находившаяся в конце 1470-х гг. в Москве, и племянник Евдокии Иван Юрьевич Пронский оповещали Стефана о московских делах. Олельковичи, двоюродные племянники польского короля Казимира IV, приходились Ивану III кузенами, т.к. их мать Анастасия была дочерью московского князя Василия I.

¹⁸ Хорошкевич А.Л. Русское государство... С. 92.

мира IV. Братья Ивана III Андрей Большой Углицкий и Борис Волоцкий отъехали к литовской границе и просили помочи у Казимира IV из-за того, что великий князь не поделился с ними «по старине» уделом их умершего брата Юрия Дмитровского. Весной 1480 г. незадолго до стояния на Угре в Молдавию поехал дьяк Сухов¹⁹ выражать согласие на брак Ивана Молодого с Еленой Стефановной.

У Стефана III, как и у Менгли-Гирея, главного союзника Москвы по противостоянию Большой Орде, были свои рычаги давления на польского короля. Казимир IV не пришел на помощь хану Ахмату в 1480 г. Братья Ивана III оказали ему подмогу. При посредничестве матери Марии Ярославны они получили увеличение своих уделов.

На основе косвенных данных М.А. Чобану предположил, что в Москве в 1480–1481 г. побывало молдавское посольство, а потом начались трудные переговоры с Казимиром IV о выдаче русским и молдавским посланцам, а также княжне Елене сохранных грамот на проезд. Король не дал грамоты русскому посольству во главе с Андреем Михайловичем Плещеевым и Иваном Зиновьевичем. По версии М. Крома и С.В. Полехава, Казимир IV подозревал, что за раздумьями Михаила Олельковича (брата первой жены Стефана III), а не стать ли ему великим князем Литовским, стояли интриги Стефана III и Ивана III²⁰.

Подписаны сохранные грамоты были 28 марта 1482 г. В Сучаву выехали Андрей и Петр Михайловичи Плещеевы. С ними 17-летняя Елена прибыла в Москву в конце 1482 г. 12 января 1483 г. она венчалась с Иваном Молодым²¹.

Некоторые историки допускают, что тем самым союз между Стефаном III и Иваном III был заключен²², но источников на данный счет ни молдавские, ни отечественные архивы не содержат (до наших времен дошло всего два письма Стефана²³).

Границы сотрудничества Москвы и Сучавы

На наш взгляд, того результата, на который надеялся Стефан III – полномасштабного союза с Москвой – не сложилось. Государь всея Руси Иван III, а потом и все его преемники вплоть до покорения Россией Казанского и Астраханского ханств в 1552–1556 гг. предпочитали поддерживать «приятельство» с главными врагами молдаван османскими султанами. Посредником здесь вначале выступил Менгли-Гирей, сам османский вассал с 1475 г. Налаживание прямых связей между Москвой и Константинополем началось в 1492 г.²⁴

Между тем для Стефана III по крайней мере до 1487 г. главной целью являлась именно борьба с османами за независимость Молдавии²⁵. Это с точки зрения русских

¹⁹ Чобану М.А. Стефан Великий и Иван Васильевич... С. 22.

²⁰ Кром М.М. Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М., 2010. С. 88–89; Полехов С.В. Литовская Русь в XV в.: единая или разделенная? (На материале конфликтов между русскими землями Великого княжества Литовского и государственным центром) // Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не) единства / отв. сост., отв. ред. А.В. Доронин. М., 2017. С. 86–88. EDN: ZQYQYT

²¹ Чобану М.А. Стефан Великий и Иван Васильевич... С. 24–25.

²² Семенова Л.Е. Молдавское княжество в международных отношениях в Юго-Восточной Европе во второй половине XV в. // Советское славяноведение. Наука. 1984. № 5. С. 37–50.

²³ Подлинник процитированного нами письма 1475 г. хранится в библиотеке Российской академии наук (далее – БАН) за номером 4.3.15. Л. 69–69 об. и опубликован в книге Казаковой Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI в. М.; Л., 1955. С. 378. Письмо Стефана от 1499 г. опубликовано в издании: Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции / подг. текста и comment. А.А. Зимина. М., 1978. Т. I. С. 115.

²⁴ Орешкова С.Ф. Османская империя в конце XV–XVI веке // Всемирная история. Мир в раннее Новое время. М., 2019. Т. 3. С. 340.

²⁵ После 1487 г. Стефан стал выплачивать дань Порте, в обмен на признание ею автономии Молдавии. Сыну в конце жизни советовал искать компромисс с султаном.

государственных интересов конца XV в. лежало вне внешнеполитических приоритетов Москвы. После падения ордынского ига ей было важно взять под свою руку остаток автономных земель Северо-Восточной и Северо-Западной Руси и вступить в борьбу с Великим княжеством Литовским за наследие Рюриковичей в Южной и Западной Руси. Осторожный Иван III всегда реально оценивал потенциал своего государства. Воевать он не любил, предпочитая, если это было возможно, другими методами решить проблемы, поэтому, наверное, он не проиграл ни одной войны. Стефан III, участник 40 войн, по свидетельству Герберштейна, «часто вспоминал на пирах» про Ивана Московского, «говоря, что тот, сидя дома и предаваясь сну, умножает свою державу», в то время как сам Стефан «ежедневно сражаясь, едва в состоянии защищать свои границы»²⁶.

Однако в Москве, развернувшейся при Иване III к Европе, проявляли интерес к опыту европейских государств, искали «друзей» против своих врагов и осмысливали, что полезного перенять, как на Западе Европы, так и из Дунайских княжеств.

Стефан в посланиях христианским властителям представлял свою борьбу с Портой как священную войну во «вселенском» масштабе. В 1475 г. после победы у Васлуя он писал:

Наша страна – врата христианства... Но если <...> наша страна погибнет, Господь да хранит ее от этой напасти, то все христианство будет в опасности²⁷.

Себя Стефан позиционировал как преемника ромейских императоров и царей православных царств Болгарии и Сербии. Он взял под опеку Афон и молдавское духовенство. Строительство монастыря Путна (1466), задуманного как символическое замещение Св. Софии в Константинополе, оказавшейся под властью турок, должно было продемонстрировать, что центр православия переместился в Молдавское княжество. Эта идея проводилась посредством установления тесных связей господаря с монашеским сообществом горы Афон, поддержка которого считалась одной из обязанностей византийских императоров. Господарь одаривал деньгами монастыри Зограф, Ватопед, Хиландар и Григория преподобного. Зограф получал также церковные книги и утварь²⁸.

Не случайным с религиозно-политической точки зрения был второй брак Стефана с Марией Асасиной Палеологиней, дочерью Мануила князя Феодоро, родственницей Палеологов и болгарской царской династии Асеней. Интересно, что второй раз женились молдавский и московский монархи почти одновременно в 1472 г.: Стефан III – 14 сентября, а Иван III – 12 ноября²⁹.

Георгия Победоносца, считавшегося покровителем ромейских императоров, Стефан приказал изображать на своих знаменах. Находившаяся под покровительством господаря молдавское летописание передает легенду о помощи святого воина Стефану при разгроме турок в 1475 г.

Восприятие Молдавией политической символики Византии и православных славянских царств объяснимо влиянием балканских единоверцев, находивших спасение от османского господства за Дунаем. Создав с их помощью культ небесного защитника

²⁶ Герберштейн С. Записки о московских делах // Великая Московия. М., 2008. С. 57.

²⁷ Там же.

²⁸ Драгнэв Д., Драгнэв Э. Молдавское княжество в период правления святого Стефана III Великого // Православная энциклопедия. М., 2017. Т. 46. С. 433–440. URL: <https://www.pravenc.ru/text/2564044.html> (дата обращения: 13.08.2025).

²⁹ Чобану М.А. Стефан Великий и Иван Васильевич. Отношения между Молдавским княжеством и Московским государем в 1475–1482 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 3. С. 20. EDN: UYYJJJ

престола – св. Георгия, господарь становился равным византийским василевсам, царям Болгарии и Сербии³⁰.

Старейшая из дошедших до нас молдавская летопись, составленная на славянском языке в монастыре Бистрицы является аналогом несохранившегося оригинала «Анналы двора Стефана Великого». Из всех молдавских воевод только Стефана Бистрицкая летопись называет царем. Ликование народа и митрополита при возвращении Стефана III после победы у Васлую летопись передает так:

Да живет царь! И бысть тогда веселье въ людех и въсам околним господам и православним въсам христианам...»³¹.

Сам Стефан еще в 1473 г. в Хоморском четвероевангелии велел указать:

«Благочестивый и христолюбивый царь Ио Стефан воевода господарь Земли Молдавско-Влахийской дал написать это тетраевангелие...»³²

Католические соседи Молдавии Венгрия и Польша³³, если и шли на союзы со Стефаном, то действовали эгоистично. Часто на стороне Порты оказывалась и православная Валахия, не желая попасть под молдавский диктат. Правда, кузен Стефана валашский господарь Влад Дракула всегда был его союзником и ненавистником османов, что не уберегло его от 12-летнего венгерского заточения по воле короля Матьяш Корвин (1458–1490). Матьяша справедливо называют первым ренессансным монархом Центральной Европы, и он стремился сделать Венгрию доминирующими силой в Центральной Европе. Вначале Стефану III приходилось не раз воевать с венграми³⁴. Позже Матьяш более значимым счел соперничество с Габсбургами. По смерти Матьяша Максимилиан, сын и наследник императора Фридриха III, стал восстанавливать могущество Габсбургов.

В контексте обид на соседей у Стефана были основания в грамоте 1484 г. к Ивану III написать:

А в сей стороне один я остался, а с двух сторон – поганство³⁵ тяжкое, а от трех сторон так называемые христиане, которые мне хуже поганства. Я уже не могу их больше терпеть, только бы Бог научил Вашу милость повернуться к нам лицом и явить к нам приятельство (т.е. дружбу. – Т.Ч.), а я бы еще больше к Вашей милости имел приятельство³⁶.

На Руси сочувствовали борьбе Стефана III с «басурманами», но это, как и прозрачный «византийского наследства» Софии Палеолог, не повлекло включения Москвы в схватку с Портой, но за делами в Дунайских княжествах наблюдали. «Гроза»

³⁰ Руссов Н. Некоторые аспекты молдавско-русских связей эпохи Стефана Великого // Русин 2006. № 2. С. 47. EDN: NCMQID

³¹ Бистрицкая летопись 1359–1507 гг. // Славяно-молдавские летописи XV–XVI в. М., 1976. С. 29.

³² Цит. по: Руссов Н. Некоторые аспекты молдавско-русских связей эпохи Стефана Великого. Перевод Н. Руссева.

³³ Поляки то враждовали, то «дружили» не только со Стефаном III, но и с его предшественником Петром Ароном. Петр дважды терял трон при внешнем участии. К примеру, в 1452 г. поляки привели на молдавский трон Александра II, одного из экс-господарей Молдавии, боровшегося за власть еще с отцом Стефана молдавским господарем Богданом II. Когда в 1457 г. Стефан III прогнал Арону, последний нашел пристанище в Подолии, а потом у трансильванского воеводы Себастиана де Розгони и пытался вернуть себе молдавский престол до 1467 г.

³⁴ Именно у Корвина Стефану III пришлось отвоевывать молдавскую крепость Килию, которую взяли под свой контроль венгры и валахи. 15 декабря 1567 г. войско Стефана разбило у Байи в три раза превосходившую его армию Матьяша; последний, тяжело раненный, укрылся в Трансильвании.

³⁵ Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII в. Документы и материалы в 3 томах Т. 1. М., 1965. С. 293.

³⁶ Там же. С. 62.

Стефана III в отношении тех, кого он внутри страны считал своими врагами («изменниками»), изъятия собственности, которые практиковали Стефан и его кузен Влад Дракула, осмысливались в Москве и, возможно, добавляли аргументов к перемене на более жесткую манеру обращения с подданными московского государя. Одним из доказательств служит популярность, а, следовательно, и востребованность в Москве «Сказания о Дракуле воеводе».

Внутри Молдавии Стефан III подавлял любое сопротивление. После победы у Байи над венграми в 1467 г. господарь за измену (или только по подозрению на нее) обезглавил 20 великих бояр и посадил на кол 40 малых бояр. В 1471 г. под топор попали головы 3-х видных придворных: ворника Исаи, чашника Негриэ и стольника Алекса³⁷. Не взирая на ропот бояр, Стефан изъял в пользу господарского домена часть их вотчин для последующей раздачи в поместья верным слугам иногда даже не дворянского происхождения. Господарь Валахии Влад III Дракула, второй раз заняв трон в 1456 г., назначил суд, который послал на эшафот в 1457 (или в 1459 г.) 10 бояр, признанных виновными в гибели его отца и одного из старших братьев. Их вотчины Дракула роздал своим людям, в том числе и совсем неродовитым.

Все это весьма напоминало курс самого Ивана III Московского в отношении новгородских и тверских бояр, а также бояр-княжат Рюриковичей и Гедиминовичей.

Стефан III не мог напрямую подчинить себе Валахию, но он сажал там своих ставленников, как поступал Иван III с Казанью. В начале 1470-х гг. Стефан помогал представителю валашской династии из ветви Бассарабов-Данешти Бассарабу III, которого четыре раза силой возводил на трон. А в итоге Бассараб III переориентировался на «дружбу» с османами, дабы ослабить молдавское давление. Потом в Валахию из венгерского плена вернулся Влад III Дракула в качестве венгерского «капитана». По одной из версий, отраженной в русском «Сказании о Дракуле воеводе», он скоро погиб случайно от рук своих воинов, по ошибке принявших его за турка. Но историки не исключают, что «случайность» инспирировали Басараб III или его сторонники. Стефан III изгнал возвратившего себе трон Басараба III и посадил на его место в 1477 г. его родича Басараба IV Молодого. Игра валашским престолом со стороны молдавского господаря встретила сильную оппозицию внутри Валахии. Не только господари, но и бояре начали воспринимать Порту как противовес для сохранения валашской автономии. И Басараб IV, и сменивший его при поддержке Стефана III Влад Монах, один из старших братьев Влада III из ветви Басарабов-Дракулешей, искали компромисса с Османской империей³⁸.

Далекая Москва, не став помощником Стефана III в войнах с османами, была не против оказывать содействие на актуальном для себя направлении – давлении на Литву, находящуюся в личной унии с Польшей. В ходе войны за Покутье Стефана III с сыном Казимира IV польским королем Яном I Ольбрахтом (1492–1501) Иван III не допустил помочь последнему со стороны его младшего брата великого князя Литовского и Русского Александра, мужа дочери Ивана III Елены. Московский государь писал зятю:

Со Стефаном воеводой мы в свойстве и одначестве, Стефана мы не оставим одного. Если пойдешь на него, и мы пойдем войной против тебя; хочешь мира и мы хотим³⁹.

В итоге Ян I, вторгшийся в Молдавию под предлогом «освобождения» Килии и Аккермана от османов, был разбит молдаванами у Ленцешти. В 1503 г. Покутье,

³⁷ Стати В. История Молдовы. Кишинёв: Tipografia Centrală, 2002. С. 147.

³⁸ Болован И., Поп И.-А. История Румынии. М., Весь мир, 2005г. С. 268–270.

³⁹ Сборник Русского исторического общества. Т. 35. С. 237–238.

область между Прутом и Черемошем с центром в Коломые со смешанным русино-валашским населением, перешла от Польши к Молдавии. Правда, наследник Стефана Богдан III вынужден будет отдать Покутье пятому сыну Казимира IV польскому королю Сигизмунду I Старому (1506–1548).

Историки Д. Феннел, Д. Файн, Я.С. Лурье, С.М. Каштанов и А.А. Зимин полагали, что объявление Иваном III наследником престола Дмитрия, его и Стефана общего внука (сына умершего в 1490 г. Ивана Молодого и Елены Волошанки) было продиктовано надеждой на прочный союз с молдавским господарем против Ягелловнов. Последовавшее затем падение Дмитрия-внука ускорено было крахом надежд на союз России с его могущественным дедом Стефаном Великим⁴⁰.

В конце жизни Стефан III был «ровней» польскому монарху и решил выступить посредником-примириителем в конфликте России с Великим княжеством Литовским в 1500–1503 гг. Молдавский посол Константин говорил Ивану III:

Стефан воевода велел тебе говорити. Все короли и все христианские государи, сколь их есть, и все страны запада и Италийских стран соединяются и готовятся и хотели быть против поганых, и добро бы было и тебе со христианами мир иметь и совместно со всеми христианскими государствами против поганства стояти⁴¹.

Иван III игнорировал это пожелание. Он отвоевал у Литвы примерно треть ее южнорусских владений (70 волостей с 19 городами, самыми крупными из которых были Чернигов, Новгород Северский и Брянск).

В конце своей жизни Стефан III получал из России печальные вести. Внук Дмитрий оказался в заточении. По сообщениям русских летописей 4 февраля 1498 г., Иван III венчал Дмитрия Внука на великое княжение, но ровно через год 5 февраля 1499 г. на Москве-реке отsekли голову видному стороннику Дмитрия Внука князю Семену Ивановичу Ряполовскому, а двух других ближних к Дмитрию бояр князя Ивана Юрьевича Патрикеева и сына его Василия постригли в монахи. Вскоре Иван III снял опалу с соперника Дмитрия Внука своего старшего сына от брака с Софьей Палеолог Гавриила-Василия и пожаловал его великим князем Псковским и Новгородским. На просьбы приехавшей в Москву псковской делегации, чтобы держал Иван III «отчину свою» Псков «по старине» – «который бы был князь великий в Москве, тот бы и нам был государь», Иван ответил: «Разве я не волен в своем внуке и в своих детях? Кому хочу, тому и дам княжение»⁴². 11 апреля 1502 г. Дмитрий Внук отправился в ссылку в Углич, а его мать в заточение. Три дня спустя Иван III «пожаловал <...> на великое княжение Володимирское и Московское и всея Русии са-модръжцем»⁴³ Гавриила-Василия.

Стефан Великий умер 2 июля 1504 г., а в январе 1505 г. его дочь Елена погибла в московской темнице «нужной смертью», т.е. была убита. Иван III на тот момент был еще жив (он скончался 27 октября 1505 г.). Новый государь всея Руси Василий III велел заковать в Угличе своего племянника Дмитрия в «железа». Из летописного сообщения известно, что Дмитрий скончался 14 февраля 1509 г. в Угличе «в нужди»⁴⁴, что подтверждает версии С. Герберштейна и Андрея Курбского о его насильственной кончине.

⁴⁰ Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий (Очерки социально-политической истории). М., 1982. С. 147. EDN: SGNGAV

⁴¹ Цит. по: Василик В. Дипломатические отношения Русского государства с Дунайскими княжествами в XV–XVIII в.: традиции и тенденции // Русин. 2011. № 1. С. 62.

⁴² Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). СПб., 1848. Т. 4. С. 271–272; Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1988. Т. II. Лекция XXVI. С. 122

⁴³ ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 242.

⁴⁴ ПСРЛ. М., Л., 1963. Т. 28. С. 343.

«Дунайские сюжеты» в общественно-политической мысли России

Уклоняясь от совместных действий со Стефаном против Порты, в России с интересом осмыслили начинания и манеру править дунайских господарей.

Историк Н.Д. Руссов высказал гипотезу, что первоначально идею «Третьего Рима» как преемства Москвы от Византии «развивали не греки из окружения Софьи, а образованные люди, близкие к дочери молдавского господаря»⁴⁵. Это были молдавские бояре из окружения Елены, митрополит Зосима, автор «Пасхалии на осьмую тысячу лет» 1492 г. (сочинения, ставшего первым «закладным камнем» доктрины «Москва – Третий Рим», где впервые Иван III подобно римским императорам-автораторам был назван «государем и самодержцем»), религиозные вольнодумцы из придворного кружка близкого к Елене и ее сыну Дмитрию, куда входил думный дьяк Федор Курицын и его брат Иван Волк. Люди этого круга были причастны к составлению «Чина венчания Дмитрия Внука, который был сделан «по образцу обряда венчания византийского наследника престола»⁴⁶.

Интересно, что более ранние «греческие ассоциации» еще в середине XV в. были у великого тверского князя Бориса Александровича, деда Ивана Молодого по матери и прадеда Дмитрия Внука. А.В. Орешников, Н.П. Лихачев, Д. Феннел, А.А. Зимин обнаружили, что «он называл себя «царем» и выпускал монеты с изображением двуглавого орла»⁴⁷.

В Москве не могли не заметить позиционирование Стефана III себя как защитника вселенского православия и преемника византийских императоров, тем более что сами не забывали о родстве с ромейским цезарем Владимира Мономаха, прародителя всех князей Владимирских и Ивана III в частности. Владимир Мономах приходился по матери внуком императору Константину Мономаху. А.А. Зимин считал, что первый протограф «Сказания о князьях владимирских» вышел из окружения Дмитрия Внука и Елены Стефановны⁴⁸.

Но явно не без влияния греков из окружения Софьи Палеолог и в противопоставлении двуглавому орлу как гербу Священной Римской империи Иван III впервые заводит герб России. На печати 1497 г. мы видим уже привычный для Москвы образ князя («ездца»), но выполненного итальянским мастером как Георгия Победоносца, покровителя ромейских императоров, а на обратной стороне – двуглавый орел, знак Палеологов.

Об интересе в Москве к дунайским делам свидетельствует «Сказание о Дракуле воеводе». Его сочинил некий русский, побывавший в Молдавии и Венгрии. Большинство историков видят автором Федора Васильевича Курицына, первого дьяка Казны. Он до 1500 г. входил в круг самых доверенных лиц Ивана III. Позже сведений о Федоре нет, а брат его Иван Волк в 1504 г. был сожжен за ересь жидовствующих. В 1482 г. Курицын ездил к Матьяшу Корвину для заключения союза между Россией и Венгрией против Ягеллонов и Габсбургов. На пути домой Курицын был задержан османами на 3 года в крепости Аккерман и вернулся в Россию в 1485 г. вместе с послом Стефана III.

⁴⁵ Руссов Н.Д. Некоторые аспекты молдавско-русских связей эпохи Стефана Великого // Русин 2006. № 2. С. 54.

⁴⁶ Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий (Очерки социально-политической истории). М., 1982. С. 149. EDN: SGNGAV

⁴⁷ Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий (Очерки социально-политической истории). М., 1982. С. 149. EDN: SGNGAV

⁴⁸ Там же. С. 157.

Прототипом главного героя «Сказания» был кузен Стефана III господарь Валахии в 1448, 1456–1462, 1476 гг. Влад III Дракула по прозвищу Цепеш (Кол – как орудие казни).

Автор не скрывает «злую» манеру правления Дракулы, о котором по всей Европе распространилась, скажем словами современника-поэта, слава «самого лютого из владык, кто подданных своих привык тиранически повсеместно»⁴⁹. Но в русском «Сказании» присутствует сложная оценка «зломудрия» Дракулы, просматривается одобрение его стремления к неограниченной власти ради искоренения в Валахии всякой «неправды» и изгнания внешних врагов. Обратимся к тексту «Сказания»:

Был в Мунтъянской⁵⁰ земле воевода, христианин греческой веры, имя его по-валашски Дракула, а по-нашему – Дьявол⁵¹. Так жесток и мудр был, что каково имя, такова была и жизнь его. Однажды пришли к нему послы от турецкого царя и, войдя, поклонились по своему обычанию, а колпаков, своих с головой не сняли. Он же спросил их: «Почему так поступили: пришли к великому государю и такое бесчестие мне нанесли?» Они же отвечали: «Таков обычай, государь, в земле нашей». А он сказал им: «И я хочу закон ваш подтвердить, чтобы следовали ему неуклонно». И приказал прибить колпаки к их головам железными гвоздиками, и отпустил их со словами: «Идите и скажите государю вашему: он привык терпеть от вас такое бесчестие, а мы не привыкли, и пусть не посыпает свой обычай блюсту у других государей, которым обычай такой чужд, а в своей стране его соблюдают». Царь был очень разгневан этим, и пошел на Дракулу войной, и напал на него с великими силами. Дракула же, собрав все войско свое, ударила на турок ночью и перебила множество врагов. Но не смог со своей небольшой ратью одолеть огромного войска и отступил. И стал сам осматривать всех, кто вернулся с ним с поля битвы: кто был ранен в грудь, тому воздавал почести и в витязи того производил, а кто в спину, – того велел сажать на кол, говоря: «Не мужчина ты, а баба!» А когда снова двинулся против турок, то так сказал своим воинам: «Кто о смерти думает, пусть не идет со мной, а здесь остается». Царь же, услышав об этом, повернулся назад с великим позором, потеряв без числа воинов, и не посмел выступить против Дракулы⁵².

Популярность «Сказания о Дракуле Воеводе» в России была безусловна. До нас дошло 20 его списков. В чем была притягательность этой своего рода «кантиутопии» XV в.? При том, что написана она вне схем средневековой русской словесности, без обязательного тогда морализаторства и о герое, далеком от своего прототипа. О. Талмазан пишет, что думный дьяк Федор Васильевич Курицын был прекрасно осведомлен об обстоятельствах жизни реального Влада Дракулы, но не только не стремился, а сознательно уходил от возможности описать хорошо ему известные события. Талмазин считает, что автор ясно видел разницу между негативным образом Влада Дракулы из «немецких листков», реальным воеводой Владом III Басарабом и своим персонажем⁵³.

За рассказом о «зломудрии» Дракулы от Дьявола тенью вставал вопрос о границах «грозы» государя от Бога. Стоит согласиться с О. Талмазаном, что центральное место в «Сказании» заняла притча о двух монахах, где «суждения монахов содержат-

⁴⁹ Цитата из поэмы 1450-х гг. «Von ainem wutrich der hies Trakle waida von der Walachei» Михаэля Бехайма, мейстерзингера из Баден-Бюртемберга, придворного поэта ряда монархов, включая Фридриха III. См.: Бехайм М. Дракул-Воевода. М., 2005; О тиранстве Дракулы рассказывали немецкие анонимные повести «О великом изверге Драколе», а также «Венгерская хроника» итальянского гуманиста Антонио Бонфини.

⁵⁰ Мунтъянской землей в России называли Валахию.

⁵¹ Прозвище Дракул имеет созвучие с молдавским словом «драк» (черт), о чем, видимо, знал Федор Курицын. У ряда современных авторов есть еще версия, что «Дракул» происходит от молдавского синонима слова «дракон» и что Влад III унаследовал прозвище Дракул от отца господаря Влада II, который был кавалером Ордена Дракона, созданного в 1408 г. Сигизмундом Люксембургским в бытность его мадьярским королем. Историки относятся к данной версии критически.

⁵² Сборник произведений литературы Древней Руси / пер. О.В. Творогова. М., 1969. С. 432.

⁵³ Талмазан О. Авторский вымысел в «Сказании о Дракуле воеводе» // Философский полилог. 2018. Вып. 3. С. 153. <https://doi.org/10.31119/phlog.2018.3.10> EDN: VVYZKN

тельно предвосхищают полемику Ивана Грозного и Андрея Курбского о мученичестве и тирании, о пределах царской власти, развернувшиеся во второй половине XVI в. в работах русских книжников⁵⁴.

Дунайские сюжеты появились в Москве в другом читаемом здесь в конце XV–XVI вв. сочинении – «Сказание вкратце о молдавских господарех отколе начася Молдавская земля в лето 6867». Этот памятник выводил происхождение молдаван из римской земли с момента, когда их прародители Роман и Влахате пришли из Венеции в место, названное в «Сказании вкратце...» Старый Рим и основали город Роман. Первые молдаване – это «старые римляне», то есть христиане греческого вероисповедания, поданные некого венгерского короля Владислава. Они одерживают вместе с ним победу над татарами, при этом они противопоставлены «новым римлянам» (католикам).

Значимо, что «Сказание вкратце...» как главный источник по истории образования молдавского государства дошел до нас только на русском языке. Можно предположить, что в Московии оно оказалось более востребованным, чем в самой Молдавии. В России сохранилось 11 списков «Сказания вкратце» начала XVI–XVIII вв.; семь из них – в списках Воскресенской летописи.

О месте и времени написания «Сказания» у историков разные точки зрения. По версии румынского ученого нач. XX в. Б.П. Хашдеу, «Сказание вкратце...» было написано в Москве на рубеже XV–XVI вв. Автором являлся кто-то из молдавских бояр из свиты Елены Стефановны (Янку, Синку или Герасим). Целью написания было укрепление позиций Дмитрия Внука и его матери в момент их борьбы с «партией» Софии Палеолог и ее сына Гавриила-Василия. Современники Хашдеу, румынские историки Д. Онгул, И. Богдан, А. Болдур полагали, что большая часть «Сказания вкратце...», доведенная до событий 1480 г., была создана в Молдавии и появилась в России в связи с подготовкой брака Елены и Ивана Молодого.

А.А. Зимин считал, что привезти в Москву изначальный текст «Сказания вкратце...» в 1485 г. мог Ф. Курицын. Позже, по мнению А.А. Зимины и А.В. Майорова, Елена Волошанка «в борьбе с Софией ссылалась на славяно-молдавскую хронику»⁵⁵. Как пишет А.В. Майоров, хроника должна была использоваться для усиления влияния Елены Волошанки при московском дворе: ссылаясь на нее, Елена противопоставляла своих древних предков, вышедших из самого Рима и сохранивших верность православию, «испроклизившимся» греческим предкам Софии Палеолог⁵⁶.

В настоящее время румынские исследователи считают, что в окончательном виде летопись, доведенная до смерти Стефана III и вступления на престол его сына Богдана III Слепого в 1504 г., была составлена при дворе последнего на славянском (среднеболгарском) языке между 1504 и 1508 гг., затем, очевидно, доставлена в Москву, переведена на русский язык и включена в состав Воскресенской летописи⁵⁷.

Заключение

Новый господарь Богдан III (1504–1517) не счел гибель в России своей сестры и ее сына основанием для прекращения связей с Москвой. Воюя с Польшей

⁵⁴ Талмазан О. Авторский вымысел в «Сказании о Дракуле воеводе» // Философский полилог. 2018. Вып. 3. С. 151.

⁵⁵ Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий (Очерки социально-политической истории). М., 1982. С. 157. EDN: SGNGAV

⁵⁶ Майоров А.В. К спорам о времени возникновения Молдавского княжества // Русин. 2013. № 3. С. 37. <https://doi.org/10.17223/18572685/33/4> EDN: VVJNGK

⁵⁷ Там же. С. 35.

в 1506–1510 гг. он пытался получить у России помошь. Новый московский государь Василий III ответил сочувственно, хотя реальной помощи не окажал. Чуть позже другой (побочный) сын Стефана III молдавский господарь Петр IV Рареш (1527–1538, 1541–1546) отправлял в Москву своих послов: в 1528 г. – Думу Кузмича и Тому Иванова, а в 1529 г. – Тому и Александру Кыржу. В этот раз Россия примкнула к союзу Молдавии и Крымского ханства против Польши.

В 1536 и 1537 гг. русская дипломатия выступила дружественным для Молдавии посредником в ходе очередного польско-молдавского конфликта, но глубже вникать в молдавские дела регентша Елены Глинской не имела ни желания, ни возможности. Это, как нам кажется, понимали и в Молдавии.

Возвращаясь к эпохе Ивана III отметим, что в сравнении с Венгрией, Польшей и Австрией Россия как страна, не граничащая с Молдавией и не столкнувшаяся с османской экспанссией даже после 1521 г., когда Крым стал окончательно враждебным Москве, сама уклонялась от создания тесного союза с Молдавией. Иван III, как потом Василий III, Елена Глинская и боярское правительство в малолетство Ивана IV шли лишь на отдельные совместные акции, направленные против главного geopolитического соперника России Польско-Литовской унии.

Гораздо важнее внешнеполитического сотрудничества для московской социально-политической элиты оказалось переосмысление образа правления и позиционирования себя дунайскими господарями внутри своих княжеств и перед внешним миром. Это оказало влияние на зарождение основ будущей государственной идеологии России – доктрины «Москва – Третий Рим». Провоцировался интерес к Молдавии придворной «партией» Елены Волошанки и ее сына Дмитрия. Крушение Дмитрия Внука как наследника и соправителя Ивана III произошло во многом из-за выхода его молдавского деда Стефана Великого из совместной с Москвой борьбы против Польши и Литвы. С падением Дмитрия Внука как наследника Ивана III актуальность «дунайских сюжетов» исчезла вплоть до второй половины XVII в.

Поступила в редакцию / Submitted: 6.03. 2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 18. 05.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 26.08.2025

References

- Chernikova, T.V. *Rossiya i Evropa. Nachalo dialoga. Konets XV–XVI vv.* [Russia and Europe. Beginning of Dialogue. End of the 15th – 16th centuries]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2019 (in Russian).
- Chobanu, M.A. “Stephen the Great and Ivan Vasilyevich. Diplomatic relations between Moldavia and Moscow in 1475–1482.” *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, no. 3 (2018): 19–27 (in Russian).
- Dragnev, D., and Dragnev, E. “Moldavskoe knyazhestvo v period pravleniia sviatogo Stefana III Velikogo [Moldavian Principality. During the reign of Saint Stephen the Great].” In *Pravoslavnaya entsiklopediia*, 433–440. Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr “Pravoslavnaya entsiklopediia” Publ., 2017 (in Russian).
- Klyuchevskii, V.O. *Kurs lektsii* [Courses of lectures]. Moscow: Nauka Publ., 1988 (in Russian).
- Krom, M.M. *Mezh Rus'iu i Litvoi: Zapadnorusskie zemli v sisteme russko-litovskikh otnoshenii kontstsa XV – pervoi treti XVI v.* [Between Russia and Lithuania: Western Russian lands in the system of Russian-Lithuanian relations of the end of the 15th century – first third of the 16th century]. Moscow: Kvadriga Publ., 2010 (in Russian).
- Maiorov, A.V. “On the controversy about the time of the emergence of the Moldavian Principality.” *Rusin*, no. 3 (2013): 32–64 (in Russian), <https://doi.org/10.17223/18572685/33/4>

- Oreshkova, S.F. “Osmanskaia imperiia v kontse XV–XVI veka [The Ottoman Empire in the late 15th–16th centuries].” In *Vsemirnaia istoriia. Mir v rannee Novoe Vremia*, 320–410. Moscow: Nauka Publ., 2019 (in Russian).
- Polekhov, S.V. “Litovskaia Rus’ v XV v.: edinaia ili razdelennaia? (Na materiale konfliktov mezhdu russkimi zemlyami Velikogo knyazhestva Litovskogo i gosudarstvennym tsentrom) [Lithuanian Rus’ in the 15th century: united or divided? (Based on conflicts between the Russian lands of the Grand Duchy of Lithuania and the state center)].” In *Drevnyaia Rus’ posle Drevnei Rusi: diskurs vostochnoslavyanskogo (ned)edinstva*, 70–92. Moscow: ROSSPEN Publ., 2017 (in Russian).
- Russev, N. “Some aspects of Moldavian-Russian relations during the era of Stephen the Great.” *Rusin*, no. 2 (2006): 44–55 (in Russian).
- Shornikov, P. “Moldova’s Geopolitical Choice: Hungary, Poland, Russia?” *Rusin*, no. 1 (2012): 101–121 (in Russian).
- Semenova, L.E. *Knyazhestva Valakhii i Moldaviia. Konets XIV – nachalo XIX vv. Ocherki vneshnepoliticheskoi istorii* [Principalities of Wallachia and Moldavia. Late 14th – early 19th centuries. Essays on foreign policy history]. Moscow: Indrik Publ., 2006 (in Russian).
- Semenova, L. “Wallachia and Moldavia in the Ottoman Empire (on the history of the origin of the texts of the ‘capitulations’).” *Rusin*, no. 2 (2011): 131–139 (in Russian).
- Stati, V. *Istoriia Moldovy* [History of Moldova]. Kishinyov: Tipografia Centrală Publ., 2002 (in Russian).
- Talmazan, O. “Author’s fiction in ‘The Legend of Dracula the Voivode’.” *Philosophical Polylogue*, no. 3 (2018): 151–176 (in Russian), <https://doi.org/10.31119/phlog.2018.3.10>
- Vasilik, V. “Diplomatic relations of the Russian state with the Danubian principalities in the 15th–18th centuries: traditions and trends.” *Rusin*, no. (2011): 61–68 (in Russian).
- Khoroshkevich, A.L. *Russkoe gosudarstvo v sisteme mezhdunarodnyx otnoshenij konca XV – nachala XVI v.* [The Russian state in the system of international relations of the late 17th – early 16th centuries] Moscow: Nauka Publ., 1980 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Татьяна Васильевна Черникова, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всемирной и отечественной истории, Московский государственный институт (Университет) международных отношений МИД Российской Федерации; Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76; tchernikova1961@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3386-9365>; SPIN-код: 7471-5543.

Tatyana Vasilevna Chernikova, Dr. Habil. Hist., Professor, Professor of the Department of World and Domestic History, MGIMO University; 76, Prospekt Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russia; tchernikova1961@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3386-9365>; SPIN-code: 7471-5543.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-619-631>
EDN: MDNXEW

Научная статья / Research article

Изучение Россией, Великобританией и Испанией возможностей колонизации северо-запада Тихого океана в XVIII веке

Александр Юрьевич Петров ^a Лариса Михайловна Троицкая ^b

^aИнститут всеобщей истории РАН, Москва, Россия

^aМосковский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

^bИнститут всеобщей истории РАН, Москва, Россия

alaska13@yandex.ru

Аннотация: Исследуются основные причины и первые этапы (XVI–XVIII вв.) проникновения России, Испании и Великобритании на тихоокеанское побережье Северной Америки. Эта область ныне находится южнее Аляски и охватывает западное побережье Канады – провинцию Британская Колумбия. Эта территория была ареной борьбы России и великих держав в контексте их колониальной политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Статья методологически основана на достижениях современной исторической науки, включая зарубежные и отечественные исследования с акцентом на многофакторный подход. При изучении письменных исторических источников и исследовательских материалов использовался системный и сравнительный анализ, а также были продемонстрированы некоторые аспекты междисциплинарного подхода. Отмечается, что интерес к исследуемой территории возник практически сразу с начала формирования колониальной политики западных держав в Новом Свете. Россия продвигалась к Тихому океану через Сибирь и побережье Северного Ледовитого океана. В статье показано значение торговли мехами для процесса колонизации изучаемого региона. Авторы пришли к выводу о том, что правомерно историю первых этапов открытия европейцами побережья будущей Британской Колумбии рассматривать сквозь призму истории фронтира с учетом региональных особенностей цивилизационной модели британского колониализма и международных отношений.

Ключевые слова: Русская Америка, Северная Америка, экспедиции Креницына-Левашова, экспедиция Г.И. Муловского, острова Алеутской гряды

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Все авторы внесли равный вклад в исследование и написание статьи, ознакомились с окончательным текстом и несут равную ответственность.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00043-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00043/> в Институте всеобщей истории РАН. Руководитель А.Ю. Петров.

Для цитирования: Петров А.Ю., Троицкая Л.М. Изучение Россией, Великобританией и Испанией возможностей колонизации северо-запада Тихого океана в XVIII веке // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 4. С. 619–631. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-619-631>

© Петров А.Ю., Троицкая Л.М., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Exploring Possibilities of Colonization of Pacific Northwest by Russia, Great Britain and Spain in the 18th Century

Aleksandr Yu. Petrov ^a , Larisa M. Troitskaia ^b

^aInstitute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^aMoscow State Linguistic University, Moscow, Russia

^bInstitute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

 alaska13@yandex.ru

Abstract: The authors consider different assessments of the history of the northwest coast of America, now the territory of the south of Alaska and the west coast of Canada. For a long time, this territory was an arena of struggle between the great powers. In general, in Russian historiography, this issue is poorly studied. The author in their article pays attention to such factors and reasons for the European colonization of the New World and early discoveries of the Pacific coast of North America as climate change, fashion trends, environmental resources, etc. The importance of the fur trade for the process of colonization of the region under study is also shown. The authors conclude that it is appropriate to consider the history of the coast of Alaska and the west coast of Canada through the prism of frontier history, taking into account the regional features of the civilizational model of British colonialism and the broader international relations of the period. The peculiarities of the period under study are the activation of Spain's policy and its claims to the entire Pacific coast, even when there had been no settlements under Madrid, and in turn attitude of the British to Madrid's stance. The formation of the western border in the north of America by the British was facilitated by the search for a mythical northern route from the Atlantic Ocean to the Pacific Ocean, and during this process, important geographical discoveries were made. The work is part of a series of articles by the authors, which are devoted to the history of the struggle for the territory in the northwest of America up to the early 1870s.

Keywords: Russian America, North America, Krenitsyn-Levashov expeditions, G.I. Mulovsky expedition, Aleutian Islands

Conflicts of interest: The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions: All authors contributed equally to the research and writing of the article, reviewed the final text and bear equal responsibility.

Funding: This article was prepared at the expense of the Russian Science Foundation grant No. 22-18-00043-Π at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. <https://rscf.ru/project/22-18-00043/>. Project Scientific supervisor – A.Yu. Petrov.

For citation: Petrov, A.Yu., Troitskaia, L.M. "Exploring Possibilities of Colonization of Pacific Northwest by Russia, Great Britain and Spain in the 18th Century." *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 4 (November 2025): 619–631. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-619-631>

Введение

Актуальность. В настоящее время резко возросло внимание к Арктическому и Субарктическому регионам, а также ко всему западному побережью Северной Америки. Это связано, прежде всего с актуальной политической повесткой, в том числе стремлением американского президента включить Канаду, а значит и Британскую Колумбию, в состав США. Кроме того, в 2025 г. отмечается 180-летие Российского географического общества, под эгидой которого проводилось изучение Тихого океана и арктических территорий. С научно-исторических позиций дополнительную актуальность приобретает выявление новых архивных материалов и обсуждение данной проблематики на различных международных конференциях.

Суть проблемы нашего исследования состоит в определенном противоречии: с одной стороны, существовала объективная потребность великих европейских держав (России, Испании, Великобритании) в освоении новых территорий Тихоокеан-

ского региона, обусловленная экономическими, политическими и геостратегическими интересами. С другой стороны, данный процесс неизбежно приводил к столкновению интересов различных государств и формированию конкурентной среды. В статье показан интерес России и ее соперников к территориям, называемым ныне Британская Колумбия.

Цель исследования заключается в выявлении закономерностей формирования geopolитической ситуации в регионе и механизмов взаимодействия держав в процессе освоения новых территорий, что позволяет лучше понять современные процессы в АТР.

Как отмечал известный американский геополитик Р. Каплан, современная американо-канадская граница – самая необычная из всех мировых границ из-за своей протяженности и разнообразия географических особенностей¹. История демаркации границ на северо-западе Америки была сложным процессом, в котором участвовали основные мировые игроки. В их число входили Россия, Соединенные Штаты Америки и крупнейшие европейские империи – Испанская, Британская.

Степень изученности проблемы. С конца XIX в. изучением истории колонизации обеих Америк, включая ее особенности применительно к территориям, прилегающим к тихоокеанскому побережью Северной Америки, занимались и продолжают заниматься не только историки, но и географы, экономисты США, Канады, Великобритании².

Американские, канадские и британские исследователи давно и плодотворно изучают историю Британской Колумбии в целом, включая американо-канадские отношения на американском Северо-Западе, географические открытия, добывчу пушнины в этом регионе³.

В отечественной историографии проблема проникновения на тихоокеанское побережье и освоения западного побережья Северной Америки затрагивается в основном в работах общего характера и прежде всего по истории международных

¹ Каплан Р. Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного. М., 2016. С. 351.

² Golder F.A. Russian Expansion on the Pacific 1641–1850. An Account of the Earliest and Later Expeditions Made by the Russian Along the Pacific Coast of Asia and North America, Including Some Related Expeditions to the Arctic Regions. Cleveland, 1914; Laut A.C. Pioneers of the Pacific Coast: A Chronicle of the Sea Rovers, and Fur Hunters. Toronto, 1915; The Works of Hubert Howe Bancroft. Vol. XXVII. History of the North West Coast, 1543–1800. San Francisco, 1886; The Works of Hubert Howe Bancroft. Vol. XXVIII. History of the North West Coast, 1800–1846. San Francisco, 1886; The Works of Hubert Howe Bancroft. San Francisco, 1887. Vol. XXXII. History of British Columbia, 1792–1887.

³ Akkrig G.P.V., Akkrig, H. British Columbia Chronicle, 1778–1846. Adventures by Sea and Land. Vancouver (BC), 1975; Barman J. The West beyond the West: A History of British Columbia. Toronto, Buffalo; London, 1991; Bourne K. Britain and the Balance of Power in North America, 1815–1908. Berkeley and Los Angeles, 1967; Burt A.L. The United States, Great Britain, and British North America From the Revolution to the Establishment of Peace After The War of 1812. New Haven; Toronto, 1940; Gough B.M. Distant Dominion: Britain and the Northwest of America, 1579–1809. Vancouver (BC) and London, 1980; Gutiérrez Rodríguez O. Hispanic Origins of Oregon: A Historical Approximation to Early Hispanic Presence in the West Coast of North America (1543–1819). Monmouth; Salem, 2022. URL: <https://openoregon.pressbooks.pub/hispanicoriginsoregon/>; Howay F.W. British Columbia from the Earliest Times to the Present: in 4 vols. Vancouver; Portland; San Francisco; Chicago, 1913–1914; Innis H.A. The Fur Trade in Canada: An Introduction to Canadian Economic History. New Haven; London, 1930; Jones W.D. The American Problem in British Diplomacy, 1841–1861. Athens (GA), 1974; Rich E.E. The Fur Trade and the Northwest to 1857. Toronto, 1967; The Works of Hubert Howe Bancroft. Vol. XXVII. History of the North West Coast, 1543–1800. San Francisco, 1886; The Works of Hubert Howe Bancroft. Vol. XXVIII. History of the North West Coast, 1800–1846. San Francisco, 1886; The Works of Hubert Howe Bancroft. Vol. XXXII. History of British Columbia, 1792–1887. San Francisco, 1887.

отношений и географических открытий, колонизации, деятельности пушных компаний и т. д.⁴

Источниковая база. При изучении поставленной проблемы авторы опирались на опубликованные документы, а также массив материалов коллекции библиотеки Университета Британской Колумбии (UBC), до сих пор весьма слабо используемый отечественными авторами.

Методология исследования основана на современных достижениях отечественной и зарубежной исторической науки. Авторы учитывали различные школы, направления и методологические подходы, в том числе цивилизационный, что позволяет определить место России и других мировых держав во всемирной истории. Борьба за территории на севере Тихого океана в разные периоды рассматривается в контексте развития взаимодействия между Испанией, Великобританией, а с конца XVIII в. – и США, и их борьбы за укрепление собственных позиций в регионе, что происходит параллельно с развитием усилий России по закреплению в северной части Тихого океана.

В процессе изучения источников и анализа всего объема собранных материалов применялись системный и сравнительный подходы. В статье использованы элементы междисциплинарного подхода.

История открытий и движения западных государств на севере Тихого океана

Провинция Британская Колумбия, входящая в состав Канадской конфедерации более 150 лет, имела длительную историю открытия, исследования и колонизации этого обширного, удаленного региона Северной Америки.

История процесса планомерной колонизации Нового Света великими европейскими державами с Атлантического океана началась, как известно, в эпоху Великих географических открытий, с плаваний Христофора Колумба в 1492 г., ознаменовавших начало испанских завоеваний в Америке. Задаваясь вопросом о том, почему Европа преуспела в этой области, американский социолог и политолог Дж. Голдстоун отмечает:

В мировой истории торговля и завоевание идут рука об руку. Торговля часто следовала за успешными завоеваниями, открывавшими новые маршруты и устанавливавшими мир на границах и окраинах. Завоевания часто были необходимы для того, чтобы вести торговлю, убеждать несговорчивых правителей открыть свои порты для иностранных купцов или получать доступ к ценным материалам. Желание Европы расширить свою торговлю с Азией побудило европейцев к завоеваниям в Новом Свете и прибрежных районах азиатских государств; в итоге завоевания Европы в Новом Свете обогатили ее серебром, что позволило ей расширить свою азиатскую

⁴ Акимов Ю.Г. Северная Америка и Сибирь в конце XVI – середине XVIII в.: очерк сравнительной истории колонизации. СПб., 2010. EDN: QPRUFL; Болховитинов Н.Н. Континентальная колонизация Сибири и морская колонизация Аляски: сходство и различие // Acta Slavica Iaponica (Sapporo, Japan). 2003. Т. XX. Р. 109–125; Grinev A.V. The Plans for Russian Expansion in the New World and the North Pacific in the Eighteenth and Nineteenth Centuries // European journal of American studies [Online], 5-2 | 2010, document 2, Online since 18 February 2010, connection on 21 September 2021. URL: <http://journals.openedition.org/ejas/7805>; <https://doi.org/10.4000/ejas.7805>; Иерусалимский Ю.Ю., Давыдов В.В., Коскина М.М. Актуальные проблемы изучения Русской Америки в современной отечественной исторической литературе // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 66. С. 130–142. URL: <https://doi.org/10.17223/19988613/66/16> EDN: DUHTJC; Петров А.Ю., Ермолаев А.Н. Формирование границ между Россией, Великобританией и США в северной части тихого океана в конце XVIII – первой четверти XIX века // Вестник Пермского университета. История. 2025. № 2. С. 67–76. URL: <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2025-2-67-76> EDN: MLCPKN

торговлю. Позднее рост европейских колоний в Америках создал условия для новой атлантической торговли, которая связывала Западную Африку, Европу и Америки от Канады до Бразилии. Таким образом, торговля привела к завоеваниям, а завоевания – к торговле⁵.

Испанцы считали себя первооткрывателями. В эпоху Великих географических открытий важное событие произошло 29 сентября 1513 г., когда конкистадор Васко Ну涅с де Бальбоа стал первым белым человеком, который пересек Панамский перешеек от Атлантики в западном направлении и достиг залива (залив Сан-Мигель), за которым лежал Тихий океан, названный им Южным морем⁶. За день до Бальбоа Алонсо Мартин (участник экспедиции В. Ну涅са де Бальбоа – А.П., Л.Т.) вышел к побережью Тихого океана: «он сел в индейский челнок, отплыл от берега и крикнул своим спутникам, чтобы они подтвердили, что именно он первый бороздил воды этого океана»⁷. Согласно другим источникам, А. Мартин погрузился в воды Тихого океана 27 сентября 1513 г.⁸ Однако подлинно известно, что 29 сентября, войдя бухту Сан-Мигель во время прилива, Бальбоа поднял знамя и прочитал составленную нотариусом хартию, в которой говорилось:

... вступаю во владение для кастильской короны ... этими южными морями, землями, берегами, гаванями и островами, со всем, что в них они содержится... Государям Кастилии, как настоящим, так и будущим, принадлежит и власть, и господство над этими Индиями, острова, как северный, так и южный материк с их морями от Северного полюса до Южного, по обе стороны экватора, внутри и вне тропиков Рака и Козерога...⁹

Так началась испанская колониальная экспансия в Новом Свете с побережья Тихого океана. В XVI–XVIII вв. испанцы продвигались от берегов Атлантики вглубь североамериканского континента, снаряжая разведывательные экспедиции и расширяя свои колониальные владения. Вслед за Испанией, Англией, Францией и Россией в гонку за открытие, завоевание и колонизацию Америки включились и некоторые другие европейские страны. Их манила мечта обогатиться за счет разнообразных природных ресурсов новых земель, эксплуатируя местное население, так называемых «дикарей». Страстное желание как можно быстрее доплыть из Европы в Китай и на Восток в целом объясняло тот факт, что в течение нескольких столетий европейские мореплаватели стремились найти так называемый «Северо-Западный проход» (легендарный «пролив Аниан») между Атлантическим и Тихим океанами, причем с обеих сторон¹⁰.

После плаваний в Северную Америку итальянцев Дж. Кабота и С. Кабота, находившихся на английской службе, попытки найти искомый проход, обогнув Америку со стороны Северной Атлантики, предпринял в 1576 и 1577 гг. англичанин М. Фробишер. Его третье плавание состоялось в 1578 г. Несмотря на то, что цель путешествия не была достигнута, тем не менее были сделаны важные географические открытия: началось исследование Баффиновой Земли, а широкие проливы впоследствии стали

⁵ Голдстоун Дж. Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500–1850 / пер. с англ. М. Рудакова; под ред. И. Чубарова. М., 2014. С. 102–103.

⁶ Мазен О. Испанская Америка XVI–XVIII веков / пер. с франц. М., 2015. С. 301–302.

⁷ Магидович И.П., Магидович В.И. Великие географические открытия (конец XV – середина XVII в.) // Очерки по истории географических открытий. М., 1983. Т. 2. С. 111.

⁸ González Ochoa J.M. Quién es quién en la América del Descubrimiento. Madrid, 2003. URL: <https://dbe.rah.es/biografias/95336/alonso-martin>

⁹ Магидович И.П., Магидович В.И. Великие географические открытия... С. 111.

¹⁰ Зубков К.И. Загадочный пролив Аниан: Судьба одной географической идеи // Уральский исторический вестник. 2015. № 2. С. 83–89. EDN: TSNHJD

называться проливами/заливами Дэвиса и Гудзона. Канадские исследователи Г.П.В. Аккрайг и Х. Аккрайг указывали, что колониальные интересы Англии распространялись и на тихоокеанское побережье Америки, уже в конце XVI в. они пытались составить конкуренцию испанским. Почти одновременно с Фробишером, а именно в 1579 г., английский капитан Фрэнсис Дрейк, «известный корсар», первым из своих соотечественников обогнул Южную Америку через Магелланов пролив и двинулся вдоль побережья на Север. Предположительно, по одним данным, он достиг 48° с.ш. в районе нынешнего пролива Хуан-де-Фука или даже 50° с.ш. и якобы посетил остров Ванкувер. Другие считали, что Дрейк не пересекал 43° с.ш. или даже 42° с.ш. Однако нет сомнений, что, повернув на юг, его корабль вошел в залив, расположенный немного севернее современного Сан-Франциско¹¹.

Дрейк назвал эту местность «Новым Альбионом», а у входа в залив Сан-Франциско его «капеллан в присутствии Адмирала и его людей принял участие в первой службе на английском языке и в соответствии с обрядами Церкви Англии, когда-либо происходившей на тихоокеанском побережье того, что сейчас является Соединенным Штатами»¹².

Существует и другая версия истории поиска пролива. Так, испанский мореплаватель Мальдонадо сообщал, что якобы посетил воды пролива во время своего плавания к Северному полюсу. Он утверждал, что «пролив Аниан» находится в координатах 60° с.ш. Мальдонадо настаивал на том, что на американском берегу пролива Аниан находится прекрасный порт, где легко могут поместиться до пятисот кораблей. Он якобы пробыл там почти три месяца и своими глазами видел корабль с грузом китайских товаров, направлявшийся в русский порт Новый Архангельск¹³.

Перед тем как покинуть это место, Дрейк, «подражая португальцам, воздвиг на берегу столб и прибил к нему медную дощечку, на которой было вырезано имя королевы Елизаветы, даты прибытия англичан в страну и «добровольного подчинения» индейцев английской королеве (1579). Ниже пират вставил серебряную монету с изображением королевы и ее герба, а еще ниже вырезал свое имя»¹⁴. Дрейк также ошибочно полагал, что может вернуться домой через «Северо-Западный проход» («пролив Фробишера»), проходящий из Тихого океана в Атлантический. В действительности он вернулся в Англию в 1580 г. через Тихий океан, Марианские острова, Яву, Индийский океан и мыс Доброй Надежды.

Есть некоторые основания полагать, что пролив Хуан-де-Фука у берегов того, что станет Британской Колумбией, на самом деле был открыт в 1592 г. испанским мореплавателем и лоцманом греческого происхождения Иоаннисом Фокасом (по другим данным Апостолосом Валерианосом) (1536–1602 гг.), который по приказу вице-короля Новой Испании Луиса де Веласко, маркиза де Салинаса, отправился на поиски вышеупомянутого «пролива Аниан» для того, чтобы укрепить территорию после ее открытия, чтобы защитить ее от проникновения англичан. Разведывательные экспедиции требовали очень больших финансовых и других материальных затрат. Однако их организовывали не только европейские государства и их монархи, но и частные предприниматели или торговые компании. В 1560–1580-х гг. инициаторами поисков Северо-Западного прохода были английские мореплаватели, знаменитые каперы королевы Елизаветы I М. Фробишер и Г. Гилберт. Они разрабатывали проекты собственных экс-

¹¹ Akkrig G.P.V., Akkrig H. British Columbia Chronicle... P. 6–7.

¹² Wrench J.E. Transatlantic London: Three Centuries of Association between England and America. London; New York; etc., 1948. P. 29.

¹³ Марков С.Н. Летопись Аляски. М., 1991. С. 14–15.

¹⁴ Магидович И.П. История открытия и исследования Северной Америки. М., 1962. С. 123–124.

педиций в полярные воды, но оказалось, что в Англии монополия на исследование арктических проливов Северной Америки принадлежала только английской Московской торговой компании, которая не собиралась делиться ею с конкурентами¹⁵.

Позднее, в 1643 г., голландская экспедиция М.Г. Фриса, посланная на поиски легендарного золотого и серебряного островов к северу от Японии, получила также задание изучить северо-западный берег Америки. Капитана также занимал вопрос поиска северной оконечности материка¹⁶.

Интересы Российской империи в регионе Тихого океана

В отличие от стремившихся закрепиться в Америке европейских держав, проникавших в указанный регион по морю с юга на север либо по суше с востока на запад, российские первопроходцы вышли к Тихому океану, двигаясь через Сибирь или вдоль берегов Северного Ледовитого океана с запада на восток.

Хотелось бы отметить всемирное значение открытия в 1648 г. русскими земле-проходцами С. Дежнёвым и Ф. Алексеевым Берингова пролива, отделяющего Азию от Америки. На кочах из устья р. Колыма они дошли до устья р. Анадырь. Служилые люди – казаки, промышленники – поморы основывали поселения на берегах Охотского моря и уже стремились к Алеутским островам, которые стали активно осваивать в XVIII в. Вместе с ними шли и священнослужители Русской Православной Церкви¹⁷, которые принимали активное участие в этом неуклонном движении русских на Восток и к берегам Северной Америки. Без понимания этого факта сложно представить себе то наследие, которое существует на севере Тихого океана и поныне.

Внимание государства к северу Тихого океана традиционно связывают с Петром I, который опирался на отечественный и мировой опыт географических открытий, ставя целью «исследование возможности прокладывания северного морского пути вокруг Евразии»¹⁸. В этом отношении весьма важным было посещение им Англии по личному приглашению короля Вильгельма III в ходе Великого посольства в начале 1698 г. Именно тогда, по всей видимости, Петр I заинтересовался тем, что представляют собой очертания Америки со стороны Азии. В дальнейшем взгляды российского императора развивались под влиянием западноевропейских ученых. Особенно важными были для него сведения Г. Лейбница и Н. Витсена. Однако решающей стала идея обеспечения внешней безопасности и укрепления границ на восточных рубежах Российской империи¹⁹.

Инициированное Петром I изучение дальневосточных окраин, предпринятое сначала в 1722 г. геодезистами И.М. Евреиновым и Ф.Ф. Лужиным, а затем в ходе

¹⁵ Киселев А.А. Московская компания и английские экспедиции в Северную Америку в последней четверти XVI века // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. Т. 29. № 1. С. 102–112. URL: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.9> EDN: QMYXMG

¹⁶ Основание Русской Америки (1732–1799) // История Российской Америки, 1732–1867: в 3 томах / отв. ред. Н.Н. Болховитинов. М., 1997. Т. 1. С. 14.

¹⁷ Егорова Ю.С. Государственная церковная политика Российской империи на Аляске // Quaestio Rossica. 2023. Т. 11. № 3. С. 834–844. URL: <https://doi.org/10.15826/qr.2023.3.821> EDN: UYIAYC; https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/126760/1/qr_3_2023_07.pdf

¹⁸ Багдасарян В.Э., Реснянский С.И. Образ Петра I в современном историографическом и общественном дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 3. С. 354. URL: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-351-362> EDN: FGPNBW

¹⁹ Багдасарян В.Э., Реснянский С.И. Рецензия на книгу: Петров А.Ю. Петр Первый и освоение севера Тихого океана. Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2022. 280 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 1. С. 153. URL: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-151-156> EDN: MFTEVM

Первой и особенно Второй Камчатских экспедиций В. Берингом, показали возможности России в дальнейшем продвижении к берегам Британской Колумбии.

Так, во второй половине XVIII в. состоялись всего две отечественные крупные государственные экспедиции в северную часть Тихого океана: Креницына-Левашова (1764–1771) и Биллингса-Сарычева-Гала (1785–1795). Официально эти плавания преследовали цели описания и съемки островов в Тихом океане, исследования путей между Камчаткой и Америкой и закреплением за алеутами выплаты ясака. В ходе экспедиции Креницына-Левашова было потеряно три судна, Биллингс не смог найти возможность прохода морем вдоль северного побережья Сибири, хотя и были составлены точные карты Чукотского полуострова и особенно от Колымы до Берингова пролива.

Наиболее перспективной могла стать экспедиция Г.И. Муловского, которая в середине 1780-х гг. была призвана утвердить суверенитет России на новых территориях. В частности, ему предписывалось при необходимости даже с помощью оружия сохранить права России на открытые российскими мореплавателями земли на Тихом океане (в Восточном море), утвердить и защитить «торги по морю» в регионе между Камчаткой и «западными американскими берегами». Считалось, что данная территория принадлежит только Российской империи. В этой связи Г.И. Муловскому следовало осуществить плавание к берегам Северной Америки, лежащих между 40° и 50° с.ш., где надо было побывать в заливе Нутка²⁰, чтобы узнать, существуют ли там поселения англичан или представителей какой-либо другой европейской державы, или выявить планы учреждения таковых. Однако экспедиция была неожиданно отменена в 1787 г., что показывало падение интереса к северу Тихого океана.

Инициатива переходит к частным купеческим компаниям. Именно они занимаются продвижением интересов России. Организуются десятки плаваний. Неуклонное движение русских к берегам Аляски и далее на юг продолжается всю вторую половину XVIII в. Предпринимаются усилия для включения островов Алеутской гряды в общий хозяйственный оборот. Основной движущей силой для них становится пушнина, а если еще конкретнее – мех калана, который высоко оценивался на китайском рынке и на Нижегородской ярмарке, куда его доставляли сложным путем. Специфика охоты на этого зверя заключалась в том, что ареал его обитания ограничивался побережьем южной Аляски, а в прибрежных водах территории западного побережья Британской Колумбии его практически не было, и появляется он затем только у берегов Калифорнии. Поэтому для России дальнейшее движение к Британской Колумбии представляло интерес исключительно с точки зрения развития вширь собственных колоний.

Американский историк Ф.Дж. Тернер, основатель знаменитой теории фронтира в истории США, пришел к следующему выводу: «Винтовка и топор – символы пионера глубинки»²¹. Это в целом верно не только по отношению к США, но и Канаде. В дополнение к этим двум важнейшим инструментам экспансиионаизма в Северной Америке можно включить такой «дар природы» как меха диких наземных животных (в первую очередь бобров, а позднее бизонов), а также шкуры морских животных – тюленей, морских выдр²², моржей и других млекопитающих.

²⁰ Залив Нутка находился в конце XVIII в. центре международной дипломатии и было важным местом морской торговли пушниной. В 1789–1790 гг. резко обострились отношения между Испанией и Великобританией, претендовавших на суверенитет над этим регионом и права на судоходство и торговлю. В результате так называемый Нутка-зундский кризис был разрешен заключением трех конвенций (1790, 1793, 1794). Тем не менее британские претензии сохранялись.

²¹ Turner F. J. The Frontier in American History. New York, 1920. P. 269.

²² Gibson J.R. Otter Skins, Boston Ships, and China Goods: The Maritime Fur Trade of the Northwest Coast, 1785–1841. Montreal, 1992.

Исследователи особенно подчеркивают ценность бобовых шкурок, которые служили сырьем для изготовления модных фетровых шляп. Поначалу их могли себе позволить носить только состоятельные люди, но с развитием массового производства в XVII в. и технологий валяния фетра в начале XVIII в. «шляпы с меньшим количеством бобовой шерсти стали доступны людям с более скромными доходами»²³. Войлок можно было делать из овчины, но производство фетра и высококачественного велюра (валяние из подшерстка меха речного бобра) было сложной технологией, и в XVI в. его владели только в России. К концу XVIII в. западноевропейские производители фетра «узнали русский секрет». Европейцы покупали у североамериканских индейцев два вида бобового меха – «бобровая рубаха, именуемая по-французски „жирный бобр“, и так называемый „пергамент“, или „сухой бобр“»²⁴. Мы учитываем такие конкретные факторы, как история быта, развитие моды, техники, расширение научных знаний на фоне материального прогресса в Европе. Как известно, ведущий представитель французской исторической школы «Анналов» Ф. Бродель обращал внимание на историю костюма, которая «ставит много проблем: сырья, процессов изготовления, себестоимости, устойчивости культур, моды, социальной иерархии»²⁵.

Спрос на меха в Европе возрос в XVIII в. как из-за холодной погоды, так и потому, что этот престижный предмет потребления стал востребован более широким кругом европейцев (прежде всего богатыми городскими жителями)²⁶. В XVIII в. бобры в Западной Европе были почти полностью истреблены, и основными поставщиками меха были Московия и Новгород, но и там популяции пушных зверей, в том числе речных бобров, значительно сократились. В свою очередь, Новый Свет изobilовал этими животными. Добывать их было дешевле и поставлять в Европу можно было в больших количествах. Это дало возможность французам и англичанам, обосновавшимся на атлантическом побережье Северной Америки, начать беспрецедентную торговлю пушниной на Тихом океане, которая приносила им огромные деньги.

Объектами морского промысла стали также различные виды китов, которых стали вылавливать во все возрастающих количествах многочисленные китобойные экспедиции в различных районах Мирового океана, в частности на тихоокеанском побережье Северной Америки.

Между тем Испания и Великобритания всерьез опасались развития этого движения. Опасения еще более усилились после образования в 1799 г. первой в Российской империи монопольной акционерной Российско-американской компании (РАК), действия которой в конце XVIII в. по дарованному ей уставу распространялись на весьма обширную территорию. Согласно первому параграфу привилегий, регион до 55° с. ш. с островами Алеутской гряды предоставлялся в хозяйственное пользование РАК, так как считалось, что именно России принадлежит право первооткрытия этих территорий. РАК могла двигаться и южнее, производить свои действия в Британской Колумбии, но при условии, что там не имелось поселений западных держав. При этом РАК предпочитала лишь отправлять исследовательские экспедиции, но не осно-

²³ Carlos A. M., Lewis F. D. Commerce by a Frozen Sea: Native Americans and the European Fur Trade. Philadelphia, 2010. P. 3.

²⁴ История Канады / под ред. К. Брауна; пер. с англ. М., 2021. С. 80.

²⁵ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное / пер. с фр. Л.Е. Куббеля; вступ. ст. Ю.Н. Афанасьева. М., 2011. С. 279, 284, 286. EDN: QUPFFX

²⁶ Всемирная история: в 6 томах. 2-е изд., испр. и доп. / под общ. ред. А.О. Чубарьяна. Т. 3. Мир в раннее Новое время. М., 2013. С. 14.

вывать поселений, в которых не было нужды из-за дальних расстояний, отсутствия заливов и портов для стоянки судов, но, самое главное, из-за отсутствия мест для морской охоты, которая составляла суть ее деятельности.

Англичане заявляют о своих правах

Во второй половине XVIII в. англичане проявляют наибольшую активность на территориях южнее 54° с. ш. Значительный резонанс в России вызывала третья экспедиция Дж. Кука 1776–1780 гг. Хотя поиск Северо-Западного прохода оказался безрезультатным, англичанам удалось сделать немало географических открытий. На пути к Аляске они провели почти месяц в заливе Нутка, активно документируя свои наблюдения. Ими была уточнена береговая линия тихоокеанского побережья вплоть до берегов Аляски, произведены важные астрономические наблюдения, которые затем были опубликованы и активно использовались англичанами и мореплавателями других государств.

В 1790-х гг. по приказу британской короны Дж. Ванкувер безуспешно пытался найти Северо-Западный проход, подробно исследовав тихоокеанское побережье Северной Америки в ходе его кругосветного плавания в 1790–1795 гг. Он писал:

Главная цель, которую Его Величество, по-видимому, имел в виду, приказав осуществить это путешествие, была, наконец, достигнута, и я надеюсь на точность, с которой было проведено обследование побережья Северо-Западной Америки, что устранит все сомнения и отбросит все мнения о северо-западном проходе или любом таком сообщении по воде, судоходном для плаваний кораблей, которое могло бы существовать между северной частью Тихого океана и внутренней частью Американского континента в пределах предпринятых нами исследований. Открытие, выявившее, что подобный водный путь не существует, было проведено с усердием и тщательностью, намного превышающими буквальность исполнения, данных мне поручения или инструкций; в этом отношении я, возможно, навлек бы на себя порицание за неповиновение, если бы мне не были даны самые либеральные, допускающие свободу усмотрения приказы как наиболее подходящие и вероятные средства достижения важной поставленной цели²⁷.

Ванкувер также признал, что британцы еще не знали всего о северо-западном побережье Северной Америки и ее внутренних территориях. Он считал, что якобы не было никаких контактов между прибрежными племенами и жителями внутренних регионов, заявляя, что «не было никаких предметов канадских или торговцев Гудзона залива, найденных среди людей, с которыми мы встречались в любой части континента или внешних морских берегов этой обширной страны»²⁸.

В дальнейшем эта территория стала находиться под влиянием Компании Гудзона залива, которая называла ее «Новой Каледонией». Уже ближе к концу XVIII в. англичане решились основать свои поселения, но не на побережье, а на реках, ведущих к океану. Так, в 1794 г. Дж. Финлей основал форт Сент-Джон на слиянии рек Биттон и Пис, которое считается старейшим европейским поселением на данной территории современной Канады. В дальнейшем появились поселения «Форт Гудзона Надежда», «Форт Джордж», «Форт Фрейзер», «Форт Сент-Джеймс», которые стали ча-

²⁷ A Voyage of Discovery to the North Pacific Ocean, and Round the World; in Which the Coast of North-West America has been Carefully Examined and Accurately Surveyed. Undertaken by His Majesty's Command, Principally with a View to Ascertain the Existence of Any Navigable Communication Between the North Pacific and North Atlantic Oceans; and Performed in the Years 1790, 1791, 1792, 1793, 1794, and 1795, in the DISCOVERY Sloop of War, and Armed Tender CHATHAM, Under the Command of Captain George Vancouver. In Three volumes. Vol. 3. London, 1798. P. 294–295.

²⁸ Ibid. P. 505.

стью торговой сети Компании Гудзонова залива. Русские были осведомлены о существовании этих британских фортов, но прямого взаимодействия между русскими и британскими поселениями в этот период практически не было из-за значительной удаленности русских поселений от территории современной Британской Колумбии.

Заключение

Таким образом, исследование начального этапа колонизации северо-запада Тихого океана представляет собой комплексное изучение исторического опыта, имеющего важное значение для понимания современных процессов в регионе.

Ключевую роль в активизации освоения региона сыграл экономический фактор. Рост спроса на меха в Европе, особенно в XVIII в., стал мощным стимулом для исследования и колонизации тихоокеанских территорий. Практически полное истребление бобров в Западной Европе привело к тому, что Новый Свет стал основным источником пушнины.

Территория, которую стали называть Британской Колумбией, рассматривалась Россией и западными державами через призму ее пограничной, цивилизаторской модели и развития внешней политики западноевропейских держав. Хотя истоки Британской Колумбии усматриваются в активизации политики Испании и ее притязаниях на все тихоокеанское побережье, англичане не стали признавать это право во второй половине XVIII в.

Россия выбрала уникальный путь освоения тихоокеанских территорий, продвигаясь через Сибирь и вдоль берегов Северного Ледовитого океана. Это определило особый характер российской колонизации региона. Одним из важнейших достижений русских землепроходцев стало открытие Берингова пролива Семёном Дежнёвым и Федотом Алексеевым, которое определило границы между Азией и Америкой. С образованием РАК Россия также заявила о своих претензиях на территории южнее 55 градуса северной широты. Развитию территорий способствовал поиск мифического северного пути из Атлантического океана в Тихий. В ходе этого процесса были сделаны важные географические открытия.

Несмотря на наличие юридических прав, Россия не стремилась активно осваивать Британскую Колумбию по нескольким причинам: из-за отсутствия удобных заливов и портов для стоянки судов, перспективных мест для морской охоты; из-за больших расстояний от основных российских территорий. Купеческие компании, а затем РАК ограничивались лишь отправкой исследовательских экспедиций, избегая основания постоянных поселений. Это свидетельствует о том, что Россия не имела серьёзных намерений по активному освоению данной территории. Таким образом, хотя формально у России были права на освоение части территории Британской Колумбии, фактически российское правительство и РАК не проявляли активного стремления к её колонизации в конце XVIII – начале XIX в. Приоритетным направлением оставалась территория севернее 55° северной широты, где были более благоприятные условия для ведения пушного промысла.

В целом можно заключить, что процесс освоения тихоокеанского побережья Северной Америки стал важным этапом формирования geopolитического влияния России и европейских держав в этой географической точке мира, определив дальнейшее развитие данного стратегически важного региона.

При дальнейшем изучении поставленной проблемы особый интерес представляет комплексный подход к освоению территорий, включавший не только эко-

номическую, но и духовную составляющую. Участие священнослужителей Русской Православной Церкви в контактах с представителями других государств на севере Тихого океана представляется весьма важным.

Поступила в редакцию / Submitted: 19.07.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 6.08.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 12.08.2025

References

- Akimov, Yu.G. *Severnaia Amerika i Sibir' v kontse XVI – seredine XVIII v.: ocherk sravnitel'noi istorii kolonizatsii* [North America and Siberia in the late 16th – mid-18th centuries: An essay on the comparative history of colonization]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ., 2010 (in Russian).
- Akkrig, G.P.V., and Akkrig, H. *British Columbia Chronicle, 1778–1846. Adventures by Sea and Land*. Vancouver (BC): Discovery Press, 1975.
- Baghdasaryan, V.E., and Resnyansky, S.I. “Image of Peter I in Modern Historiographical and Public Discourse.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 3 (2022): 351–362 (in Russian), <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-351-362>
- Baghdasaryan, V.E., and Resnyansky, S.I. “Book Review of Petr Pervyi i osvoenie severa Tikhogo okeana [Peter the Great and the Development of the North Pacific] by A.Yu. Petrov. Ryazan: Ryazanskii gosudarstvennyi universitet imeni S.A. Yesenina Publ., 2022. 280 p.” *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 1 (2023): 151–156 (in Russian), <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-151-156>
- Barman, J. *The West beyond the West: A History of British Columbia*. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, 1991.
- Bourne, K. *Britain and the Balance of Power in North America, 1815–1908*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1967.
- Braudel, F. *Material'naiia tsivilizatsiia, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. T. 1. Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe* [Material civilization, economy and capitalism, 15th–18th centuries. Vol. 1. Structures of everyday life: the possible and the impossible]. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' Mir» Publ., 2011 (in Russian).
- Burt, A.L. *The United States, Great Britain, and British North America From the Revolution to the Establishment of Peace After The War of 1812*. New Haven: Yale University Press; Toronto: The Reyrson Press, 1940.
- Bolkhovitinov, N.N. “Continental colonization of Siberia and maritime colonization of Alaska: similarities and differences.” *Acta Slavica Iaponica (Sapporo, Japan)* 22 (2003): 109–125 (in Russian).
- Egorova, Yu.S. “The State Church Policy of the Russian Empire in Alaska.” *Quaestio Rossica* 11, no. 3 (2023): 834–844 (in Russian), <https://doi.org/10.15826/qr.2023.3.821>
- Carlos, A.M., and Lewis, F.D. *Commerce by a Frozen Sea: Native Americans and the European Fur Trade*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2010.
- Golder, F.A. *Russian Expansion on the Pacific 1641–1850. An Account of the Earliest and Later Expeditions Made by the Russian along the Pacific Coast of Asia and North America, Including Some Related Expeditions to the Arctic Regions*. Cleveland: Clark, 1914.
- Gough, B.M. *Distant Dominion: Britain and the Northwest of America, 1579–1809*. Vancouver (BC) and London: University of British Columbia Press, 1980.
- González Ochoa, J.M. *Quién es quién en la América del Descubrimiento*. Madrid: Editorial Acento, 2003.
- Goldstone, J. *Pochemu Evropa? Vozvyshenie Zapada v mirovoi istorii, 1500–1850* [The Rise of the West in World History, 1500–1850]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara Publ., 2014 (in Russian).
- Gibson J.R. *Otter Skins, Boston Ships, and China Goods: The Maritime Fur Trade of the Northwest Coast, 1785–1841*. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1992.
- Gutiérrez Rodríguez, O. *Hispanic Origins of Oregon: A Historical Approximation to Early Hispanic Presence in the West Coast of North America (1543–1819)*. Monmouth; Salem, 2022.
- Howay, F.W. *British Columbia from the Earliest Times to the Present*. Vancouver; Portland; San Francisco; Chicago: The S.L. Clarke Publishing Company, 1913–1914.
- Innis, H.A. *The Fur Trade in Canada: An Introduction to Canadian Economic History*. New Haven: Yale University Press; London: Oxford University Press, 1930.

- Jerusalimskiy, Yu.Yu., Davydov, V.V., and Koskina, M.M. “Topical problems of studying Russian America in modern Russian historical literature.” *Tomsk State University Journal of History*, no. 66 (2020): 130–142 (in Russian), <https://doi.org/10.17223/19988613/66/16>
- Jones, W.D. *The American Problem in British Diplomacy, 1841–1861*. Athens (GA): University of Georgia Press, 1974.
- Kaplan, R. *Mest’ geografi. Chto mogut rasskazat’ geograficheskie karty o gryadushchikh konfliktakh i bitve protiv neizbezhnogo* [Revenge of Geography. What Geographical Maps Can Tell About Coming Conflicts and the Battle Against the Inevitable]. Moscow: KoLibri Publ., Azbuka-Attikus Publ., 2016 (in Russian).
- Kiselev, A.A. “The Muscovy company and English expeditions to North America in the last quarter of the 16th century.” *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* 29, no. 1 (2024): 102–112 (in Russian), <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.9>
- Laut, A.C. *Pioneers of the Pacific Coast: A Chronicle of the Sea Rovers, and Fur Hunters*. Toronto: Glasgow, Book & Company, 1915.
- Magidovich, I.P. *Istoriia otkrytiia i issledovaniia Severnoi Ameriki* [History of the discovery and exploration of North America]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel’stvo geograficheskoi literature Publ., 1962 (in Russian).
- Magidovich, I.P., and Magidovich, V.I. “Velikie geograficheskie otkrytiia (konets XV – seredina XVII v.) [Great Geographical Discoveries (late 15th – mid 17th century).]” In *Ocherki po istorii geograficheskikh otkrytiii*, 90–125. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1983 (in Russian).
- Mazen, O. *Ispanskaia Amerika XVI–XVIII vekov* [Spanish America of the 16th – 18th centuries]. Moscow: Veche Publ., 2015 (in Russian).
- Markov, S.N. *Letopis’ Aliaski* [Chronicle of Alaska]. Moscow: Peresvet Publ., 1991 (in Russian).
- Petrov, A.Yu., and Ermolaev, A.N. “Formation of borders between Russia, Great Britain, and the USA in the North Pacific ocean at the end of the 18th – first quarter of the 19th centuries.” *Perm University Herald. History*, no. 2 (2025): 67–76 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2025-2-67-76>
- Rich, E.E. *The Fur Trade and the Northwest to 1857*. Toronto: McClelland and Stewart Limited, 1967.
- Turner, F.J. *The Frontier in American History*. New York: Henry Holt and Company, 1920.
- Vsemirnaia istoriia. T. 3. *Mir v rannee Novoe vremya* [World History. Vol. 3. The World in Early Modern Times]. Moscow: Nauka Publ., 2013 (in Russian).
- Wrench, J.E. *Transatlantic London: Three Centuries of Association between England and America*. London, New York, etc.: Hutchinson & Co. (Publishers) LTD, 1948.
- Zubkov, K.I. “Mysterious strait of Anian: the fate of a one geographical idea.” *Ural Historical Journal*, no. 2 (2015): 83–89 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Александр Юрьевич Петров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; Россия, 119334, Москва, Ленинский просп., 32а; профессор, Московский государственный лингвистический университет; Россия, 119034, Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1; alaska13@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1688-4096>; SPIN-код: 6552-5958.

Лариса Михайловна Троицкая, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; Россия, 119334, Москва, Ленинский просп., 32а; larisa_troitskaia@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2775-9629>; SPIN-код: 7818-1617.

Alexander Yurievich Petrov, Dr. Habil. Hist., Chief Research Fellow of the Center for North American Studies, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; 32a, Leninsky prospect, Moscow, 119334, Russia; Professor, Moscow State Linguistic University; 38, Osotozhenka Str., Moscow, 119036, Moscow, Russia; alaska13@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1688-4096>; SPIN-code: 6552-5958.

Larisa Mikhailovna Troitskaia, PhD in History, Senior Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; 32a, Leninsky prospect, Moscow, 119334, Russia; amercenter@mail.ru; larisa_troitskaia@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2775-9629>; SPIN-code: 7818-1617.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-632-642>
EDN: MHKIHT

Научная статья / Research article

Soviet Defectors in Germany after World War II

Alexey V. Antoshin

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia
 alex_antoshin@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the phenomenon of *defectors* from the Soviet Union in the first years after the end of the Great Patriotic War. The article is based on documents from the Archive of War, Revolution and Peace of the Hoover Institution (Stanford, USA), the Bakhmetev Archive of Russian and East European Culture of Columbia University (New York, USA), the Archive of the Center for East European Studies of the University of Bremen (Germany), etc. The author shows that Germany was the most important center where significant flows of *defectors* were directed. It is proven that one of the most noticeable groups of *defectors* were soldiers and officers of the Soviet troops stationed in post-war Germany. The situation of *defectors* in the Russian diaspora after World War II, their relations with representatives of the “second wave” of emigration from the USSR are analyzed. Particular attention is paid to the 1st conference of post-war political refugees (Hamburg, September 1951), it was established that it did not lead to the consolidation of *defectors*. The article devotes considerable space to the problem of the perception of the West and its foreign policy of the Cold War era by the *defectors*, and proves that they repeatedly subjected it to harsh criticism. The article proves that a number of *defectors* broke with anti-communist émigré organizations and decided to return to the Soviet Union. The author concludes that the reason for this was the disappointment of many *defectors* in the values of Western democracy, their critical attitude toward the spiritual atmosphere within Western societies and toward the US political elite.

Keywords: Russian emigrants, Soviet refugees, Russian diaspora, repatriation, post-war USSR, Russian anti-communists

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Acknowledgements: The assistance of Honorary Professor Andre Liebich (Graduate Institute of International and Development Studies, Geneva) in the preparation of this article is acknowledged and appreciated.

For citation: Antoshin, A.V. “Soviet Defectors in Germany after World War II.” *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 4 (November 2025): 632–642. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-632-642>

Советские «перебежчики» в Германии после Второй мировой войны

Алексей Валерьевич Антошин^{ID}

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия
alex_antoshin@mail.ru

Аннотация: Рассматривается феномен «перебежчиков» из Советского Союза в первые годы после окончания Великой Отечественной войны. В основе исследования документы из Архива войны, революции и мира Института Гувера (Стэнфорд, США), Бахметевского архива русской и восточноевропейской культуры Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), Архива Центра восточноевропейских исследований Бременского университета (Германия) и др. Автор показывает, что важнейшим центром, куда направлялись значительные потоки «перебежчиков», была Германия. Доказано, что одной из наиболее заметных групп «перебежчиков» были солдаты и офицеры советских войск, находившихся в послевоенной Германии. Проанализированы положение «перебежчиков» в Русском зарубежье после Второй мировой войны, их отношения с представителями «второй волны» эмиграции из СССР. Особое внимание уделено 1-й конференции послевоенных политических беженцев (Гамбург, сентябрь 1951). Установлено, что она не привела к консолидации «перебежчиков». Значительное место в статье уделено проблеме восприятия «перебежчиками» Запада и его внешней политики эпохи холодной войны, доказано, что она неоднократно подвергалась ими резкой критике. Автор приходит к выводу, что ряд «перебежчиков» порвали с антикоммунистическими эмигрантскими организациями и решили вернуться в Советский Союз. Причиной этого стало разочарование многих «перебежчиков» в ценностях западной демократии, их критическое отношение к духовной атмосфере внутри западных обществ и к их политическом элитам.

Ключевые слова: русские эмигранты, советские беженцы, русская diáspora, депатриация, поствоенный СССР, российские антикоммунисты

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности: Автор выражает благодарность и признательность почетному профессору Высшего института международных отношений и исследований развития (Женева) Андре Либиху за помощь в подготовке данной статьи.

Для цитирования: Антошин А.В. Советские «перебежчики» в Германии после Второй мировой войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 4. С. 632–642. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-632-642>

Introduction

International migrations to and from the post-war Soviet Union (repatriation and emigration) have garnered considerable attention from numerous scholars. During *perestroika*, Viktor Zemskov revealed this issue to Soviet readers when he wrote about the difficulties that repatriates confronted in the Stalinist USSR¹. In the 1990s, he continued to study this question, using statistical data gathered by the Soviet bureaucracy². Alexey Sheviakov represented the traditional Soviet viewpoint on this matter, stressing that post-war emigration flows from the USSR were the result of Western policy³.

¹ V. Zemskov, “K voprosu o repatriatsii sovetskikh grazhdan. 1944–1951 [On the issue of repatriation of Soviet citizens. 1944–1951],” *Istoriia SSSR*, no. 4 (1990): 26–41; V. Zemskov, “Rozhdenie vtoroi emigratsii [The Birth of the Second Emigration],” *Socis*, no. 4 (1991): 4–7.

² V. Zemskov, “Repatriatsii sovetskikh grazhdan i ikh dal’neishaiia sud’ba [Repatriation of Soviet citizens and their future fate],” *Socis*, no. 5 (1995): 5–6.

³ A. Sheviakov, “‘Tainy’ poslevoennoi repatriatsii [‘Secrets’ of post-war repatriation],” *Socis*, no. 8 (1993): 3–10.

The well-known Russian historian and demographer Pavel Polian has advocated another point of view. Polian stresses that Stalinist policy was one of the reasons behind the Second Wave of Soviet emigration and the phenomenon of *defectors*⁴. Nonetheless, he has also critiqued some aspects of the works of Nikolai Tolstoy, the author of the famous book *Victims of Yalta*⁵.

The fates of post-World War II Displaced Persons (DP) are at the center of Mark Wyman's book⁶, which has received many positive reviews. He has analyzed the social, economic and political circumstances with which Displaced Persons had to contend. Michael Marrus has also written about the European refugee problem during the Cold War, proving that this phenomenon was linked to political and social processes⁷. Ted Gottfried, meanwhile, has devoted his book to the fates of Jewish DPs⁸. Using documents from the International Refugee Organization, Gerard Daniel Cohen describes post-war categorizations of political and humanitarian refugees⁹.

A number of studies also touch on the issue of *defectors* from the USSR. We can highlight a study of Gordon Brook-Shepherd, well-known British journalist¹⁰. He actively used materials of his personal contacts with Soviet *defectors*.

A very thorough analysis of this phenomenon, based on the use of CIA archives, is presented in an article by American historian Benjamin Tromley. He shows that defection to the West was often caused not by political reasons, but by other reasons (including the desire to avoid punishment in the Soviet Union). A significant role was also played by the higher standard of living in the leading Western countries, which attracted many *defectors*¹¹.

These soldiers serving in Eastern Germany undertook the decision to depart to the West on the basis of various factors. Among these were the broadcasts of western radio stations, which could be picked up in Eastern Germany: this subject has been investigated by Patrick Major¹². An analysis of Radio Liberty's¹³ information policy during the Cold War is presented in the article by Alexey Antoshin¹⁴. The theme of the struggle of intelligence agencies in Eastern Germany during the Cold War has been examined by John Morrison¹⁵. Simo Mikkonen's and Marina Moseykina articles, dedicated to how the American secret services used emigrants from the USSR to further their own goals, are also worthy of note¹⁶.

⁴ P. Polian, *Zherty dvukh diktatur* [Victims of two dictatorships] (Moscow: ROSSPEN Publ., 2002).

⁵ N. Tolstoy, *Victims of Yalta* (London: Hodder & Stoughton Ltd, 1978).

⁶ M. Wyman, *DP: Europe's Displaced Persons, 1945–1951* (Ithaca, New York: Cornell University Press, 1998).

⁷ M. Marrus, *The Unwanted: European Refugees From the 1st World War Through the Cold War* (New York: Temple University Press, 2002).

⁸ T. Gottfried, *Displaced Persons: The Liberation and Abuse of Holocaust Survivors* (Brookfield, CT: Twenty-First Century Books, 2001).

⁹ G.D. Cohen, *In War's Wake: Europe's Displaced Persons in the Postwar Order* (New York: Oxford University Press, 2011).

¹⁰ G. Brook-Shepherd, *Sud'ba sovetskikh perebezhchikov* [The fate of Soviet defectors] (New York: Vremya i my Publ., 1983).

¹¹ B. Tromly, "Ambivalent Heroes: Russian Defectors and American Power in the Early Cold War," *Intelligence and National Security* 33, no. 5 (2018): 642–658, <https://doi.org/10.1080/02684527.2018.1442296>

¹² P. Major, "Listening behind the Curtain: BBC Broadcasting to East Germany and Its Cold War Echo," *Cold War History* 13, no. 2 (2013): 255–275.

¹³ Recognized as a foreign agent in the Russian Federation.

¹⁴ A. Antoshin, "U.S. and 'Turkestan' Political Exiles during the Cold War: Information Policy of Radio Liberty in Soviet Central Asia," *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 4 (2022): 509–525, <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-509-525>

¹⁵ J. Morrison, "Intelligence in the Cold War," *Cold War History* 14, no. 4 (2014): 575–591.

¹⁶ S. Mikkonen, "Exploiting the Exiles: Soviet Emigres in U.S. Cold War Strategy," *Journal of Cold War Studies* 14, no. 2 (2012): 98–127; M. Moseykina, "Lithuanian diaspora in Uruguay during the beginning of the Cold War," *Quaestio Rossica* 12, no. 1 (2024): 160–173, <https://doi.org/10.15826/qr.2024.1.871>

I have used documents from several American archives. Among them is the Boris I. Nicolaevsky collection at the Hoover Institution Archive on War, Revolution and Peace (Stanford). This particularly famous Social Democratic historian and archivist had close connections with former Soviet military officers. The most useful sources in these archives are the personal letters of new political refugees from the USSR. Personal texts are perhaps the most valuable sources in historical research, in this case offering an ideal perspective on the political choices made by Soviet émigrés in the Cold War. I have also used some personal letters and memoranda at the Bakhmeteff Archive Research (Columbia University). The Russian émigré press is also utilized, since analysis of the numerous articles written by refugees gives us a rather accurate picture of their ideological attitudes.

The Emergence of the Phenomenon of Post-War Defectors

Since the USSR's legislation on emigration bore a pronounced prohibitive character, it was virtually impossible to legally depart the country to a new permanent place of residence. In such conditions, a few individual Soviet citizens began to flee to the West, employing various means to do so. At the end of the 1940s and the beginning of the 1950s, Germany became the center of a new stream of Soviet emigration. The representatives of this stream were known as *defectors* (*perebezhchiki*). This term (used by the Russian émigré press in Europe and the US) included different types of people. Among them were some prominent *nevozvrashchentsy* (non-returners), such as the Soviet officer Grigory Klimov (author of the book *The Song of the Winner*), Viktor Kravchenko, who published a book entitled *I Chose Freedom* about the Stalinist terror, and several others. The *defectors* were also deserters who fled the Soviet corps in Germany across the frontlines of the Cold War. Many of these individuals ended up in DP camps. Their relationships with former Vlasovites were extremely complicated. In order to distinguish these two groups, the press began to call those who were abroad as a result of the Second World War (former prisoners of war, *ostarbeiter*s and Vlasovites) 'new émigrés', while *defectors* were dubbed the 'newest' émigrés from the USSR. This phenomenon quickly attracted the attention of the Western and Russian émigré press.

One of the first attempts to analyze the *defectors* was an article by Marc Weinbaum, the editor-in-chief of the Russian-language newspaper *Novoe russkoe slovo*, the most influential Russian émigré publication in America. Weinbaum tried to direct the attention of Western societies and the Russian diaspora to the fate of *defectors*. He wrote about their appalling lives in German DP camps, which had driven some to suicide. Weinbaum pointed out that Soviet agents used this situation to organize propaganda in favor of repatriation: this in turn led to new tragedies because repatriates became victims of the Stalinist regime. The Russian journalist stressed that it was necessary to write petitions to Congress and the Department of State because "refugees from the Stalinist Eden were the best examples for anti-communist propaganda."¹⁷

The American and Russian émigré press tried to create an image of large-scale political emigration from the post-war Soviet Union. For example, in 1949 the "Bulletin of the League for the Struggle for the People's Freedom," published by Russian anti-communists in New York, wrote about "more than 20,000" *defectors*¹⁸. However, the real picture was much more complex. In October 1949, the Russian émigré Oleg Anisimov

¹⁷ M. Weinbaum, "O zabytykh liudiakh [About forgotten people]," *Novoe Russkoe Slovo* (1951, July 18): 34–45.

¹⁸ Hoover Institution Archive on War, Revolution and Peace (hereafter – HIA), Boris Nicolaevsky collection, box 471, folder 32. O. Anisimov to B. Nicolaevsky 15.10.1949.

discussed this problem with an officer of the British Intelligence Service. The British specialist on security operations pointed out that there were really very few *defectors* from the Soviet Union in the British zone of Germany¹⁹. The Russian émigré wrote about this to his comrade Boris Nicolaevsky in a personal letter, but it was practically impossible to find such data in the émigré press: anti-communists tried to prove that *defectors* were a very significant phenomenon.

It was also very difficult to check data published by the popular American press. In 1950, the *Chicago Daily Tribune* wrote about 800-900 deserters who fled from the Soviet army to Western Germany²⁰. These data were based on an interview with Alexander Trushnovich, one of the leaders of the *Natsionalno-Trudovoi Soiuz* (NTS), a prominent Russian émigré political organization. However, it behooves us to note that the NTS organized propaganda oriented towards Soviet troops in Germany. They published leaflets (some of which imitated the official propaganda brochures of the Soviet authorities) and called on Soviet soldiers and officers to form anti-communist organizations²¹. Thus, it seems probable that NTS propagandists might very well have overestimated the number of Soviet refugees²².

In Search of Identity: Attempts at Ideological and Organizational Unification of Defectors

The leaflets published by the NTS told their readers in the army that this would be their last chance to escape to the West, since it was highly likely that some of them would be arrested by Soviet security personnel. Some soldiers grasped this chance. In 1948, Captain Pavlovsky and Lieutenant Grigoriev left their units for Western Germany, where they came into contact with Major Vasily Denisov and Lieutenant Colonel Miroshnikov (resident in the Fishbeck DP camp in Hamburg). Gradually they formed a small political group, the center of which was located in northwestern Germany (Hamburg, Oldenburg, and Hannover). They began to publish the journal *Kolokol* (The Bell) in Hamburg: the title was taken from the famous 19th century publishing project by Aleksandr Herzen and Nikolai Ogarev.

It was this group that organized the First Conference of Post-War Political Refugees in Hamburg in September 1951. The participants were about 30 Soviet military officers and soldiers, consisting of Russians, Ukrainians, Belarusians and Tatars. The conference was visited by journalists from different European newspapers, who dubbed the leaders as “major D.” (Denisov) and “lieutenant colonel Ershov” (probably, Miroshnikov). They formed an “Executive Committee of Post-War Refugees from the Soviet Union.” The task of this new organization was to offer moral, cultural and material help to refugees. The Committee planned to monitor the living conditions in DP camps and help refugees find jobs.

The former Soviet military officers also claimed that their movement had deep historical roots. They began their history with the Decembrists (1825). They stressed that in the 19th century, as now in the 20th, the leaders of the opposition in Russia were officers. For them, the Soviet commander Michail Tukhachevsky was a victim of Stalinist tyranny

¹⁹ Hoover Institution Archive on War, Revolution and Peace (hereafter – HIA), Boris Nicolaevsky collection, box 471, folder 32. O. Anisimov to B. Nicolaevsky 15.10.1949.

²⁰ L. Rue, “West Germany gives refuge to 35.000 Russians. 800 of them desert from Soviet Army,” *Chicago Daily Tribune* (1950, December 5): 5–7.

²¹ Forschungsstelle Osteuropa an der Universitat Bremen. Historisches Archiv (hereafter – FSO UB HA), f. 27 (Kushev). Leaflets.

²² B. Tromley, “The Making of a Myth: The National Labor Alliance, Russian Emigres, and Cold War Intelligence Activities,” *Journal of Cold War Studies* 18, no. 1 (2016): 80–111.

who had fought for the “freedom of the people.”²³ In doing so, Denisov and Pavlovsky were exploiting the great popularity of Tukhachevsky among Soviet officers. They themselves had belonged to the Soviet armed forces and shared in its special psychology: Tukhachevsky was one of the symbols of this corporate culture. They perceived the repressions directed against him and others commanders as terror against the Soviet army and its traditions. Nonetheless, as supporters of a democratic way forward, they also rejected the restoration of the Russian Empire and its social and economic foundations²⁴.

This group united only a small cross-section of the *defectors*. Other new Soviet refugees also actively participated in émigré political activities but did not join the Hamburg group. For example, the officer Sergey Malakhov had the grand ambition to be the leader of all the *defectors*. In 1952, he signed an open letter devoted to the political unification of the Russian diaspora. He had a peculiar position on the national question, one of the most discussed problems among Russian émigrés, admitting a right to independence for all nations of the Soviet Union after the collapse of communism²⁵. Malakhov was also known in the Russian diaspora as a writer: his drama *Flyers* was performed by the New Theatre in New York²⁶. However, he had a very troubled relationship with the group headed by Vasily Denisov: their personal ambitions led to constant strife.

Conflicts between different groups were especially visible during an attempt to create a united organization for the *defectors* during a conference held in Munich in November 1952. The organizing committee consisted of two groups: the Hamburg group headed by Denisov and the Munich group (its leader was Grigory Klimov, who published the journal *Svoboda*)²⁷. The conference was financed by Alexey Milrud-Tomson, who was accused by his opponents of being an agent of the CIA or the German BND²⁸. He supported Klimov, as a result of which members of the *Svoboda* group received most of the money: indeed, they dominated the conference. Later, the leaders of the Hamburg group (Denisov, Captain Pavlovsky, Captain A. Ermakov and others) sent an open letter to the émigré press, describing the atmosphere of corruption and fear at the conference. Klimov and his comrades promised to send their opponents to the eastern sector of Berlin, where they would be victims of the Soviet secret service²⁹. The resolutions of this conference reflected the sentiments of Klimov and his comrades: they were based on a conservative ideology and strongly criticized all versions of socialism³⁰.

²³ “Pervaya konferentsia poslevoennykh politicheskikh bezhentsev [First Conference of Post-War Political Refugees],” *Socialistichesky vestnik*, no. 9–10 (1951): 182.

²⁴ Idid.

²⁵ *Novoe russkoe slovo*, 1952, February 10.

²⁶ *Novoe russkoe slovo*, 1952, March 16.

²⁷ A few years before this, old Social Democrat émigrés had been attempting to turn *Svoboda* into their press organ. As we can see in letters by the famous Menshevik D. Yu. Dallin, the socialists rendered financial support to the ‘new’ émigrés who published *Svoboda* and sent their articles to the journal for publication. See Bakhmeteff Archive Research at Columbia University (BAR). Vladimir M. Zenzinov collection. Box 1. Folder “Correspondence. C-F.” D. Dalin to V. Zenzinov. 30.08.1948. However, on the whole the editorial board of *Svoboda* preferred to cooperate with the NTS and other right-wing organizations.

²⁸ Aleksei Milrud was the son of the reputable Russian journalist Mikhail Milrud, one of the editors of the newspaper *Segodnia*, which was published in Riga in the 1920s and 30s. In the Second World War, Aleksei worked with the collaborator press in Riga, such as the journal *Novyi Put* and the newspapers *Za rodinu*, *Russky vestnik* and *Volia naroda*, the latter of which was the organ of the Vlasovite Committee for the Liberation of the Peoples of Russia.

²⁹ “Pravda o konferentsii ‘noveishikh’ [The Truth about the Conference of the ‘Newest’ Emigrés],” *Socialistichesky vestnik*, no. 6 (1953): 122.

³⁰ R. Abramovich, “Komu nuzhny takie fal’shivki? [Who Needs Such Falsifications?],” *Socialistichesky vestnik*, no. 11–12 (1952): 194.

Denisov and his supporters argued that there were deep ideological reasons behind this conflict. To their minds, Klimov proposed to forge an “ideocratic” state in post-Bolshevik Russia. Denisov and his group did not agree with such a model. They were supporters of a democratic state based on law and equal rights. In their opinion, it would be necessary to eradicate the atmosphere of fear in a future Russia. They thought that every person should have a right to defend his or her own political position. To the Hamburg group, Klimov’s “ideocratic” state was similar to fascism and Nazism: Denisov and his adherents were confident that it would result in a totalitarian dictatorship. Could this be a real alternative for post-communist Russia, asked this group of *defectors*?³¹

However, only a minority of the Russian diaspora supported Denisov’s position. Most émigré political groups shared a different viewpoint: for instance, the conservative Parisian *Vozrozhdenie* journal and NTS leaders supported Klimov’s political line³².

For Denisov and his comrades, it was very difficult to find common ground with such political groups. Equally, some left-oriented émigré organizations which fought for a democratic Russia also had problematic relations with the Hamburg group. We may note, for example, that *Sojuz borby za osvobozhdenie narodov Rossii* [The Union of the Struggle for the Liberation of the Peoples of Russia, SBONR], formed by the veterans of Vlasov’s army³³, also did not support the Hamburg group. The personal political ambitions of émigré leaders placed great obstacles before cooperation³⁴.

However, this was not the only reason for the constant infighting. Denisov and his comrades tried to prove that there were no contradictions between themselves and the Second Wave of Soviet emigration (consisting of Soviet soldiers who were captured by the Nazi Army, *ostarbeiteis* and collaborators, especially former Vlasovite soldiers). They stressed that representatives of the Second Wave had attended the conference in Hamburg in September 1951 and spoke about “solidarity” between the two groups of Soviet émigrés³⁵. The real situation was, however, significantly more convoluted, since the *defectors* had problems getting along with the Second Wave. Former Nazi prisoners and *ostarbeiteis* were insulted that the *defectors* attracted so much attention in the Western press while hundreds of thousands of DPs were stuck in camps. Some *defectors* had enjoyed a high social status in Soviet Union as members of the bureaucratic apparatus: thus, to their opponents, they shared responsibility for Stalinist policy³⁶. On the other hand, it was very difficult for veterans of the Red Army who had won the Great Patriotic War to cooperate with former Vlasovite and Nazi soldiers, since the latter were considered to be nothing less than traitors and enemies. Later, when the Central Association of Post-War Émigrés was formed, Denisov’s group refused to elect F. Arnold because “he was not a soldier of the Soviet army. He was a soldier of Hitler’s army.”³⁷

³¹ “Noveishaia emigratsiia protiv fashistskogo antimarksizma [The Newest Emigration against Fascist Anti-Marxism],” *Socialistichesky vestnik*, no. 1 (1953): 13.

³² R. A., “Pravda o konferentsii ‘noveishikh’ [The Truth about the Conference of the ‘Newest’ Émigrés],” *Socialistichesky vestnik*, no. 4 (1953): 75–76.

³³ A large number of documents on the history of SBONR can be found in the State Archive of the Russian Federation (GARF) in the collection of Nikolai Troitsky, one of the leaders of this organization (fond 10015).

³⁴ HIA, Boris Nicolaevsky collection, series 248, box 477, folder 25. V. Denisov to B. Nicolaevsky. 20.03.1952.

³⁵ “Vo imya svobody i demokratii [In the name of freedom and democracy],” *Socialistichesky vestnik*, no. 9–10 (1951): 181.

³⁶ HIA, Boris Nicolaevsky collection, series 248, box 478, folder 12. M. Dutikov to B. Nicolaevsky. 18.03.1948.

³⁷ *Kolokol*, no. 1–2 (1953): 25.

Among the *defectors*, some actively tried to integrate into the Russian diaspora. For example, a steady contributor to *Novoe russkoe slovo* was Captain Boris Olshansky. He was also a lecturer at the Club of Russian Youth in New York³⁸. Olshansky succeeded in obtaining an American visa in 1952 and lived in Washington, DC, although he later came to a tragic end³⁹. However, many *defectors* had no real opportunity to immigrate to the USA, remaining in DP camps in Europe for many years.

This situation was connected with the moral tragedy of *defectors*. The majority of them were alone in the Russian diaspora. Previous waves of Soviet émigrés belonged to different social and professional groups (officers of the White and Vlasovite armies, Cossacks, etc.), and they tried to preserve their identities while abroad. However, no ‘*defectors* community’ arose. In 1952, agents of the American secret services undertook efforts to create a structure that would unify the *defectors*, leading to the creation of the Central Association of Post-War (from 1957, ‘Political’) Émigrés (TsOPE), which was led by Klimov, Arnold and others. In the 1950s, this association published the journal *Mosty* (Bridges) in Munich: its pages were frequently filled with pointed attacks on the artistic Soviet intelligentsia for their cooperation with the communist regime⁴⁰. TsOPE held political conferences which critically analyzed the Soviet economic practices that underwrote the low living standards in the USSR⁴¹. However, the artificial nature of this organization, which was created from on high rather than as a result of the initiative of the *defectors* themselves, meant that it was rather fragile: as a consequence, it fragmented in 1963. As the prominent émigré writer Vladimir Jurasov⁴² wrote, the *defector* was alone when he decided to leave the Motherland and continued to be alone in the West⁴³. This led to deep psychological crises, disillusionment and suicides.

Defectors and the West

Defectors found that the western states adopted a very contradictory policy towards them. Earlier, the US and Great Britain had helped the Soviet Union to organize the repatriation of Soviet citizens who found themselves in Europe during World War II. The

³⁸ *Novoe russkoe slovo*, 1952, April 10.

³⁹ Boris Olshansky (1910–1958) was born in Voronezh to a surgeon and a teacher. After the early death of his father, he began to work as a labourer, nurse and builder, among jobs. Graduating from the faculty of mathematics and physics at Kharkov University, he worked as a teacher and wrote for the Soviet press. As an officer in the engineering corps during the Second World War, he was injured twice. After demobilization, he remained in the eastern part of Berlin and worked as a teacher in a Russian school. In 1947, he fled to the West, where he published works in the Russian émigré press, like the journals *Chasovoi*, *Sotsialistichesky vestnik* and others. Between 1952 and 1956, he lived in the USA, but then returned to the USSR, residing in Kazan. There, he partook in propaganda work organised by the Soviet secret services in order to discredit anti-communist émigrés. He died in unclear circumstances after the KGB started to suspect him of having links with Western intelligence agencies (see V. Rudolf, “Po povodu vozvrashcheniya [Regarding the return],” *Svoboda*, no. 4 (1959): 24–25).

Novoe russkoe slovo, 1952, April 10.

⁴⁰ *Mosty*, no. 2 (1959): 316.

⁴¹ *Litsom k litsu. Materialy 2-i politicheskoi konferentsii TSOPE* [Face to face. Materials of the 2nd political conference of the Center for Optimization of Economic Policy] (Frankfurt-am-Maine: Izdatel’stvo Tsentral’nogo ob’edineniya “Politicheskie emigranty iz SSSR” Publ., 1961).

⁴² Vladimir Yurasov (real surname Zhabinsky: he also used the pseudonym V. Rudolf) (1914–1996). Born in Romanian territory, in the USSR he worked in a factory and then entered the literature faculty of the Leningrad Institute of Philosophy, Literature and History (LIFLI). In 1937, he was arrested and sentenced to 8 years in a prison camp: however, he evaded imprisonment, using forged documents in order to survive. He fought in World War II as a colonel. After the war, he served in the Soviet military administration in Germany, fleeing to western Berlin in 1947. There, he worked for the émigré press and Radio Liberty. He was the author of the novel *Parallaks*.

⁴³ G. Bashkirova, G. Vasiliev. *Puteshestvie v Russkuu Ameriku* [Journey to Russian America] (Moscow: Politizdat Publ., 1990), 108.

Second Wave of Soviet emigration might have been on a larger scale, but Moscow tried to return Soviet citizens to the USSR via the Yalta Conference agreements (February 1945). In 1946–1947, repatriation became more limited: the US adopted special legislation to admit DPs into the country⁴⁴. Nevertheless, many old émigrés sharply criticized the international organizations attempting to aid the DPs. Thus, Baroness S. V. Panina, who herself helped many new émigrés from the USSR, declared: “I am made acutely ill by the [situation of] DPs, often intolerably so, because at the same time I am conscious of my own powerlessness and poverty. What they [the international organizations] are doing with them is both criminal and idiotic. UNRRA⁴⁵ is simply a criminal organization fabricated by the Bolsheviks, while IRO⁴⁶ is not much better.”⁴⁷

However, at the end of 1940s, the administrative system in control of the DP camps in Germany began to change: the camps were taken from the jurisdiction of international organizations and efforts were made to integrate the inmates into the West German economy. As the émigré M. A. Miller (who was also critical of UNRRA and IRO) remarked, the change positively affected the situation in the camps: “after the IRO chaos, disorder and mass abuses, order immediately arrived and a system was introduced.”⁴⁸

The atmosphere of the Cold War pervaded the relationship of the West with the *defectors*. Some of them (Grigory Klimov, for instance) gradually began to arrive at anti-Western positions. Klimov wrote about the evolution of American policy regarding the *defectors*, charting their initially cautious course: at first, they did not believe that the *defectors* were honest, but the CIA later started to use the *defectors* for propaganda purposes. However, in Klimov’s opinion, insincerity on the part of the American secret service agents working with the *defectors* led to the use of immoral methods: thus, people who had ‘opted for freedom’ were quickly disillusioned by the West and were prepared to return to the Soviet Union, regardless of the threat of repression⁴⁹.

The *defectors* tried to prove that the majority of Soviet people did not share anti-Western sentiments. The First Conference of Post-War Political Refugees in Hamburg proclaimed that Stalinist power had not succeeded in this and that the Soviet people continued to have “friendly feelings” towards America. Furthermore, the officers claimed that these sentiments among ordinary people were a serious obstacle to the foreign policy of the Stalinist regime⁵⁰. In reality, however, the matter was far more complicated. Studies by Russian historians have shown that Stalinist policy in this respect was quite successful. The Soviet people truly believed that it was necessary to defend their Motherland against American aggression⁵¹.

⁴⁴ L. Dinnerstein, *America and the Survivors of the Holocaust: The Evolution of a United States Displaced Persons Policy, 1945–1950* (New York: Columbia University Press, 1982); O. Burianek, *From Liberator to Guardian: The U.S. Army and Displaced Persons in Munich, 1945*, PhD diss., Emory University, 1992; H. Genizi, *America’s Fair Share: The Admission and Resettlement of Displaced Persons, 1945–1952* (Detroit, MI: Wayne State University Press, 1993); R. Daniels, “Admitting Displaced Persons: 1945–1950,” in *Guarding the Golden Door: American Immigration Policy and Immigrants since 1882* (New York: Hill and Wang, 2004), 98–112.

⁴⁵ UN Relief and Rehabilitation Administration.

⁴⁶ International Refugees Organization.

⁴⁷ BAR, A. Tyrkova-Williams collection, box 2, folder “Panina S.V. 1948–1950.” S.V. Panina to A. V. Tyrkova. 30.03.1949.

⁴⁸ BAR, Nikolai P. Vakar collection, box 3, folder “Arranged correspondence of N. Vakar.” M. Miller to N. Vakar. 23.06.1950.

⁴⁹ G. Klimov, *Pesn’ pobeditelya* [The Song of a Winner] (Krasnodar: Peresvet Publ., 2002), 679–683.

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ E. Zubkova, *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost’. 1945–1953* [Post-war Soviet society: politics and everyday life. 1945–1953] (Moscow: ROSSPEN Publ., 1999), 128–130.

Conclusion

Thus, the emergence of the phenomenon of post-war *defectors* from the USSR became one of the important symbols of the beginning of the Cold War. Among the *defectors* were both representatives of the Soviet bureaucratic apparatus and soldiers and officers who deserted from Soviet military units stationed in Germany. Once in Germany, the *defectors* often ended up in Displaced Persons camps, but the relations between them and the representatives of the “second wave” of Soviet emigration were difficult.

The phenomenon of *defectors* was actively used for their own purposes by the special services of both the USSR and Western countries. Information about Soviet agents among the *defectors* appeared in the Western press. The CIA’s policy towards them evolved, and the West gradually began to seek to use their political potential. However, this was hindered by the mood of the *defectors* themselves, some of whom gradually became disillusioned with the values of Western democracy and sharply criticized US foreign policy.

Поступила в редакцию / Submitted: 16.01.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 28.03.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 21.08.2025

References

- Antoshin, A. “U.S. and ‘Turkestan’ Political Exiles during the Cold War: Information Policy of Radio Liberty in Soviet Central Asia.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 4 (2022): 509–525 (in Russian), <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-509-525>
- Bashkirova, G., and Vasiliev, G. *Puteshestvie v Russkuiu Ameriku* [Journey to Russian America]. Moscow: Politizdat Publ., 1990 (in Russian).
- Brook-Shepherd, G. *Sud’ba sovetskikh perebezhchikov* [The fate of Soviet defectors]. New York: Vremya i my Publ., 1983 (in Russian).
- Burianek, O. “From Liberator to Guardian: The U.S. Army and Displaced Persons in Munich, 1945.” PhD diss., Emory University, 1992.
- Cohen, G.D. *In War’s Wake: Europe’s Displaced Persons in the Postwar Order*. New York: Oxford University Press, 2011.
- Daniels, R. “Admitting Displaced Persons: 1945–1950.” In *Guarding the Golden Door: American Immigration Policy and Immigrants since 1882*, 98–112. New York: Hill and Wang, 2004.
- Dinnerstein, L. *America and the Survivors of the Holocaust: The Evolution of a United States Displaced Persons Policy, 1945–1950*. New York: Columbia University Press, 1982.
- Genizi, H. *America’s Fair Share: The Admission and Resettlement of Displaced Persons, 1945–1952*. Detroit, MI: Wayne State University Press, 1993.
- Gottfried, T. *Displaced Persons: The Liberation and Abuse of Holocaust Survivors*. Brookfield, CT: Twenty-First Century Books, 2001.
- Klimov, G. *Pesn’ pobeditelia* [The Song of a Winner]. Krasnodar: Peresvet Publ., 2002 (in Russian).
- Major, P. “Listening behind the Curtain: BBC Broadcasting to East Germany and Its Cold War Echo.” *Cold War History* 13, no. 2 (2013): 255–275.
- Marrus, M. *The Unwanted: European Refugees From the 1st World War Through the Cold War*. New York: Temple University Press, 2002.
- Mikkonen, S. “Exploiting the Exiles: Soviet Emigres in U.S. Cold War Strategy.” *Journal of Cold War Studies* 14, no. 2 (2012): 98–127.
- Morrison, J. “Intelligence in the Cold War.” *Cold War History* 14, no. 4 (2014): 575–591.
- Moseykina, M. “Lithuanian diaspora in Uruguay during the beginning of the Cold War.” *Quaestio Rossica* 12, no. 1 (2024): 160–173 (in Russian), <https://doi.org/10.15826/qr.2024.1.871>
- Polian, P. *Zherty dvukh diktatur* [Victims of two dictatorships]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2002 (in Russian).
- Sheviakov, A. “‘Tainy’ poslevoennoi repatriatsii [‘Secrets’ of post-war repatriation].” *Socis*, no. 8 (1993): 3–10 (in Russian).

- Tolstoy, N. *Victims of Yalta*. London: Hodder & Stoughton Ltd, 1978.
- Tromley, B. “The Making of a Myth: The National Labor Alliance, Russian Emigres, and Cold War Intelligence Activities.” *Journal of Cold War Studies* 18, no. 1 (2016): 80–111.
- Tromly, B. “Ambivalent Heroes: Russian Defectors and American Power in the Early Cold War.” *Intelligence and National Security* 33, no. 5 (2018): 642–658, <https://doi.org/10.1080/02684527.2018.1442296>
- Wyman, M. *DP: Europe's Displaced Persons, 1945–1951*. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1998.
- Zemskov, V. “K voprosu o repatriatsii sovetskikh grazhdan. 1944–1951 [On the issue of repatriation of Soviet citizens. 1944–1951].” *Istoriia SSSR*, no. 4 (1990): 26–41 (in Russian)
- Zemskov, V. “Rozhdenie vtoroi emigratsii [The Birth of the Second Emigration].” *Socis*, no. 4 (1991): 4–7 (in Russian).
- Zemskov, V. “Repatriatsiia sovetskikh grazhdan i ikh dal’neishaia sud’ba [Repatriation of Soviet citizens and their future fate].” *Socis*, no. 5 (1995): 5–6 (in Russian).
- Zubkova, E. *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost’ 1945–1953* [Post-war Soviet society: politics and everyday life. 1945–1953]. Moscow: ROSSPEN Publ., 1999 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Алексей Валерьевич Антошин, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения департамента международных отношений, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина; Россия, 620003, Екатеринбург, пр. Мира, 19; alex_antoshin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6093-2219>; SPIN-код: 6285-4494.

Alexey Valerievich Antoshin, Dr. Habil. Hist., Professor of the Department of Oriental Studies, Department of International Relations, Ural Federal University; 19, Prospekt mira Av., Yekaterinburg, 620083, Russia; alex_antoshin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6093-2219>; SPIN-code: 6285-4494.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-643-660>
EDN: MHPQRI

Научная статья / Research article

Роль советских специалистов в становлении системы высшего образования в КНР: на примере Северо-Восточного сельскохозяйственного института г. Харбина

Алина Николаевна Стеблянская , Максим Петрович Васиев

Харбинский инженерный университет, Харбин, Китай
 alinamv@bk.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию роли советских специалистов в становлении системы высшего образования Китайской Народной Республики в 1950-е гг. на примере Северо-Восточного сельскохозяйственного института в Харбине. В период с 1952 по 1959 гг. советские эксперты внесли значительный вклад в развитие учебных программ, организацию научной деятельности и подготовку кадров, заложив основы для модернизации аграрного образования в Китае. Авторы анализируют деятельность ключевых советских специалистов, таких как П.Д. Третьяков (агротехника), А.С. Хрусталёв (ветеринария) и П.Ф. Дьяченко (молочные технологии), чьи работы способствовали внедрению передовых методик и созданию новых факультетов. Особое внимание уделяется переводу советских учебников на китайский язык, разработке учебных планов и организации научных лабораторий. Исследование основано на архивных материалах Музея истории Северо-Восточного сельскохозяйственного университета, китайских публикациях и ранее не изученных документах. Авторы пришли к выводу, что советско-китайское сотрудничество в сфере образования не только укрепило академическую базу КНР, но и заложило традиции международного партнерства, продолжающиеся в современных проектах, таких как Альянс университетов Северо-Восточного Китая и Дальнего Востока.

Ключевые слова: высшее образование в провинции Хэйлунцзян, контакты и связи, помощь СССР Китаю, русские учёные в Китае, международное образовательное сотрудничество

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Все авторы внесли равный вклад в исследование и написание статьи, ознакомились с окончательным текстом и несут равную ответственность.

Финансирование: Статья подготовлена в рамках проекта Русского клуба в Харбине и Ассоциации российских учёных в Китае «Русские учёные в Китае» (проект 2023–2024 гг.).

Для цитирования: Стеблянская А.Н., Васиев М.П. Влияние советских специалистов на становление высшего образования в КНР на примере Северо-восточного сельскохозяйственного университета // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 4. С. 643–660. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-643-660>

Role of Soviet Specialists in Formation of Higher Education System of the PRC: the Case of Northeast Agricultural University in Harbin

Alina N. Steblyanskaya^{ID}, Maksim P. Vasiev^{ID}

Harbin Engineering University, Harbin, China
✉ alinamv@bk.ru

Abstract: The author in their article examines the role of Soviet specialists in the development of the higher education system of the People's Republic of China in the 1950s through the example of the Northeast Agricultural University in Harbin. From 1952 to 1959, Soviet experts made a significant contribution to the development of curricula, organization of research activities, and personnel training, laying the foundation for the modernization of agricultural education in China. The authors analyze the activities of key Soviet specialists, such as P.D. Tretyakov (agricultural technology), A.S. Khrustalyov (veterinary science), and P.F. Dyachenko (dairy technology), whose works contributed to the introduction of best practices and the creation of new faculties. Particular attention in this article is paid to the translation of Soviet textbooks into Chinese, the development of curricula, and the organization of research laboratories. The study is based on archival materials from the Museum of History of the Northeast Agricultural University, Chinese publications, and previously unstudied documents. The authors conclude that Soviet - Chinese cooperation in the field of education not only strengthened the PRC academic base but also laid the foundation for a tradition of international partnership that continues in modern projects such as the Alliance of Universities of Northeast China and the Far East.

Keywords: higher education in Heilongjiang Province, contacts and connections, USSR aid to China, Russian scientists in China, international educational cooperation

Conflicts of interest: The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions: All authors contributed equally to the research and writing of the article, reviewed the final text and bear equal responsibility.

Funding: The article was prepared within the framework of the Harbin Russian Club' project "Russian Scientists in Harbin."

For citation: Steblyanskaya, A.N., Vasiev, M.P. "Role of Soviet Specialists in Formation of Higher Education System of the PRC: the Case of Northeast Agricultural University in Harbin." *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 4 (November 2025): 643–660 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-643-660>

Введение

Актуальность. Изучение роли советских специалистов в становлении системы высшего образования Китая в 1950-е годы представляет важную научную и практическую ценность. Период 1952–1959 гг. стал ключевым этапом в формировании образовательной системы КНР, когда Китай активно заимствовал советский опыт в науке и высшем образовании. Советские специалисты внесли значительный вклад в разработку учебных программ, организацию научной работы и подготовку кадров, заложив основы для дальнейшего развития китайских университетов. Несмотря на масштабное влияние советских экспертов, их роль в развитии китайского образования остается недостаточно изученной в российской историографии. Многие архивные документы, биографические материалы и научные труды хранятся в китайских университетах и музеях, но редко используются в российских исследованиях.

Актуальность данной темы усиливается в контексте современных партнерских отношений между Россией и Китаем. Анализ исторического взаимодействия двух стран в образовательной сфере может способствовать выработке новых стратегий научно-образовательного сотрудничества. Также изучение адаптации советских моделей в китайских условиях представляет интерес для современных реформ высшего образования, особенно в странах, переживающих трансформационные процессы.

Данное исследование восполняет пробелы в историографии, вводит в научный оборот новые архивные материалы и углубляет понимание механизмов международного образовательного сотрудничества в XX в. Его ключевым результатом становится раскрытие научной значимости вклада советских специалистов для широкой аудитории.

Степень изученности проблемы. Влияние советских специалистов на становление системы высшего образования КНР в 1952–1959 гг. изучалось как российскими, так и зарубежными исследователями. В работе З.С. Бочаровой и М.В. Кротовой рассматривается история Харбинского политехнического института, включая деятельность советских специалистов в 1945–1949 гг.¹ Значительное внимание в научной литературе и прежде всего в китайской историографии уделено реформированию высшего образования в КНР после 1949 г. В этом контексте такие авторы, как Шэн Чжихуа, А.Н. Хохлов и Ли Цюн, отмечают вклад советских специалистов, но зачастую приводят лишь отдельные, разрозненные примеры. В исследованиях Чжан Пейсина и Чжан Ифань освещаются трудности внедрения новых дисциплин, а также предложения советских экспертов по совершенствованию учебного процесса и научной работы в высшей школе Китая².

Особый интерес представляет изучение роли советских специалистов в университетах провинции Хэйлунцзян. Этот регион был первым на северо-востоке Китая, освобожденным от японской оккупации советскими войсками в 1945 г., и впоследствии стал ключевой площадкой для реализации проекта «Великая северная пустыня»³. В работах отмечается, что преобразование заболоченных земель в плодородные угодья требовало квалифицированных кадров, и советские специалисты сыграли важную роль в организации образовательных и научных процессов, направленных на решение сельскохозяйственных задач⁴.

¹ Бочарова З.С., Кротова М.В. Харбинский политехнический институт – центр русской науки и образования в Китае (1920–1950-е гг.) // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. № 18. С. 779–803. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-779-803> EDN: АИНХКВ

² 张培星. 新中国初期高校政治理论课教师队伍建设研究 (1949–1956). 华中, 2023 [Чжан Пэйсин. Исследование формирования преподавательской деятельности в университетах в ранний период Нового Китая. Хуачжунь, 2023]. <https://doi.org/10.27157/d.cnki.ghzku.2023.004843> (на китайском); 张艺凡. 苏联对新中国成立初期铁路教育的影响研究 (1949–1956). 交通大学, 2022 [Чжан Ифань. Исследование влияния Советского Союза на железнодорожное образование в первые годы существования Нового Китая (1949–1956).]. <https://doi.org/10.27414/d.cnki.gxnpj.2022.001458> (на китайском).

³ Северо-Восточный Китай (Дунбэй) – регион на северо-востоке Китайской Народной Республики. Охватывает территории трех провинций: Ляонин, Цзилинь и Хэйлунцзян, а также восточную часть автономного района Внутренняя Монголия с рядом городских округов.

⁴ Ван Вэй. История развития Китайской сельскохозяйственной техники при содействии советского Союза // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2021. № 1. С. 132–143. <https://doi.org/10.36718/2500-1825-2021-1-132-143> EDN: QFLISK; Дроздов М.В., Стеблянская А.Н. Советские ученые-судостроители в Шанхае: к биографии Георгия Геннадиевича Воскресенского // Омский научный вестник. Серия: ОИС. 2024. Т. 9. № 4. С. 40–48. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2024-9-4-40-48> EDN: GKXEXC; Стеблянская А.Н. Сотрудничество советских и китайских специалистов в первые годы работы Военной инженерно-технической академии (1953–1960) // Третья научно-практическая конференция, посвященная истории г. Харбина, прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае. Любимый Харбин – город дружбы России и Китая. Владивосток, 2024. С. 179–188. EDN: REZJTF; Пын Мин. История китайско-советской дружбы. М., 1959; Сун Чao. Исследование влияния китайско-советского экономического и технического сотрудничества на механизацию сельского хозяйства в Новом Китае // Поиск. 2009. № 3. (на китайском); Александрова М.В. Экономика Северо-Восточного Китая и советская помощь КНР в 50-х годах XX века. Китай в мировой и региональной политике // История и современность. 2013. № 18. С. 326–348. DOI: <https://doi.org/10.24411/9785-0324-2013-00013>; Романова Г.Н. Значение Советского Союза в индустриализации Северо-Восточного Китая (50-е – начало 60-х гг. XX в.): опыт и оценка // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. № 18. С. 138–159. EDN: QCFBJL

Китайские исследователи, такие как Ли Цюн (профессор Пекинского педагогического университета), подчеркивают значимость советской образовательной модели для развития высшего педагогического образования в Китае. Хуан Сун (заместитель директора Пекинского педагогического университета) отмечает, что совместные исследования ученых из России, Китая и Кубы подтвердили эффективность методов, предложенных советскими специалистами. Важным источником также является коллективная монография «*China Learns from the Soviet Union, 1949 – Present*» (под ред. Т.П. Бернштейна и Хуа-Ю Ли), где анализируется влияние СССР на китайское образование⁵.

Несмотря на имеющиеся исследования, значительная часть информации о деятельности советских специалистов остается малоизученной в российской историографии, в том числе в силу того, что многие архивные материалы, научные публикации хранятся в китайских университетах, музеях и библиотеках и пока остаются недоступны для российских исследователей. Это создает существенный пробел в изучении темы, требующий дальнейших архивных изысканий и междисциплинарного анализа.

Цель исследования. Настоящее исследование направлено на восполнение существующих пробелов в историографии, связанных с деятельностью советских специалистов в системе высшего образования Китая в 1950–1960-е гг. Основное внимание уделяется их вкладу в развитие Северо-Восточного сельскохозяйственного института (СВСИ) (с 1994 г. – Северо-Восточного сельскохозяйственного университета (СВСУ)), включая анализ научного наследия, восстановление биографических данных и изучение списка ученых, работавших в этот период.

Ключевой задачей является систематизация и введение в научный оборот ранее не исследованных материалов о советских специалистах, таких как П.Д. Третьяков, А.С. Хрусталев и П.Ф. Дьяченко, чья работа в СВСИ с 1952 по 1959 гг. оказала значительное влияние на становление аграрного образования и науки в КНР.

Источниковая база. Источниками для исследования стали архивные материалы Музея Северо-Восточного сельскохозяйственного университета, документы из фондов Хэйлунцзянской областной библиотеки и научные публикации и диссертации из базы CNKI (China National Knowledge Infrastructure).

Работа призвана не только углубить понимание роли советско-китайского сотрудничества в образовательной сфере, но и представить широкой научной общественности ранее неизвестные или малоизученные аспекты деятельности советских ученых в Китае. Результаты исследования могут послужить основой для дальнейших компаративных исследований в области истории науки и международного образовательного взаимодействия.

Северо-Восточный сельскохозяйственный институт: этапы становления

Северо-Восточный сельскохозяйственный институт (далее – СВСИ)⁶ – первый в Китайской Народной Республике сельскохозяйственный вуз, организованный при поддержке Советского Союза в 1948 г. Он находился в прямом подчинении Министерства высшего образования КНР.

⁵ Bernstein T.P, Hua-Yu Li. *China Learns from the Soviet Union, 1949 – Present*. Lanham, MD, 2010. <https://doi.org/10.5040/9781666988505>

⁶ Северо-Восточный сельскохозяйственный университет [сайт]. URL: <https://lib.neau.edu.cn/> (дата обращения: 24.02.2025).

Основателем и первым деканом СВСИ был Лю Да (刘达), ранее известный как Лю Чэндун (刘成栋). Лю Да родился в уезде Чжаоюань провинции Хэйлунцзян в феврале 1911 г. и умер в Пекине в апреле 1994 г. С момента основания колледжа в 1948 г. он занимался образовательной работой в общей сложности 46 лет. Будучи известным ученым, Лю Да занимал пост президента или секретаря партии в пяти институтах и университетах, включая Северо-восточный сельскохозяйственный институт, Северо-восточный лесной институт, Хэйлунцзянский университет, Университет науки и технологии Китая и Университет Цинхуа. 5 января 2011 г. Северо-восточный сельскохозяйственный университет и Северо-восточный университет лесного хозяйства провели совместное празднование «100-летия со дня рождения великого учителя Лю Да», чтобы отметить его выдающийся вклад в становление высшего образования в КНР⁷.

В настоящее время Исторический музей СВСУ (далее – Музей) бережно хранит память о ключевых этапах развития вуза. Первая экспозиция посвящена основанию и ранним годам университета (1948–1957 гг.) – периоду, когда закладывались основы будущей научно-образовательной системы. На стенде представлена историческая справка: «В августе 1948 г., в условиях послевоенного восстановления и острой потребности в квалифицированных кадрах, Северо-Восточное бюро ЦК КПК приняло судьбоносное решение о создании Северо-Восточного сельскохозяйственного колледжа. Под руководством ректора Лю Да вуз поставил перед собой амбициозную цель – «повышение уровня аграрного образования для укрепления сельского хозяйства страны». Ориентируясь на передовой опыт советских аграрных институтов, колледж с первых дней взял курс на интеграцию теории с практикой. Это позволило не только сформировать высококвалифицированный преподавательский состав, но и заложить фундамент системы высшего сельскохозяйственного образования, столь необходимого молодой Китайской Республике в эпоху ее становления». Экспозиция отражает дух эпохи: фотографии первых учебных корпусов, документы о сотрудничестве с советскими вузами, личные вещи преподавателей первопроходцев. Каждый артефакт свидетельствует о том, как идеи просвещения и научного прогресса претворялись в жизнь в непростых послевоенных условиях.

Следующая экспозиция Музея раскрывает ключевой этап в истории университета – освоение передового советского опыта в организации высшего образования. На стенде представлена лаконичная, но содержательная историческая справка:

В период с 1948 по 1957 гг. Северо-Восточный сельскохозяйственный институт провел масштабную реорганизацию, взяв за основу советскую модель управления вузами. Изучение образовательных концепций, академических подходов и методик преподавания СССР не только обогатило учебный процесс, но и заложило прочный фундамент для стремительного развития института в последующие десятилетия.

Этапы становления: 1 января 1950 г. – в соответствии с распоряжением Северо-Восточного административного комитета учебное заведение получило новое название: Харбинский сельскохозяйственный колледж; 19 октября 1950 г. произошло знаковое событие: Шэньянский сельскохозяйственный колледж переехал в Харбин и объединился с местным вузом, восстановив прежнее наименование – Северо-Восточный сельскохозяйственный институт. После реорганизации СВСИ стал крупным

⁷ 余智敏. 刘达和中国科大. 安徽, 2021 [Юй Чжиминь. Лю Дахэ, Китайский университет науки и технологий. Аньхой, 2021]. (на китайском); Северо-Восточный сельскохозяйственный университет [сайт]. URL: <https://lib.neau.edu.cn/> (дата обращения: 24.02.2025).

образовательным центром: в его стенах обучались 1834 студента, работали 248 преподавателей и 123 сотрудника административного аппарата. Экспозиция дополнена архивными фотографиями, копиями документов о реформах и личными записями преподавателей, отражающими дух эпохи – время поиска новых путей в науке и образовании⁸.

В первые годы существования нового Китая СССР сыграл ключевую роль в организации учебного процесса Северо-Восточного сельскохозяйственного института. Для подготовки высококвалифицированных специалистов, способных осваивать передовые советские аграрные теории на языке оригинала, в вузе была развернута масштабная языковая и профессиональная подготовка. Уже в октябре 1949 г. в СВСИ открылись курсы русского языка для активного освоения научной литературы и прямого взаимодействия с советскими коллегами; появились специализированные дисциплины на русском языке с целью обеспечения глубокого погружения в современные агрономические методики. В апреле 1950 г. был создан научно-исследовательский класс по русскому языку, где преподаватели и студенты совместно изучали советские образовательные программы (рис. 1). Эти шаги полностью соответствовали стратегической задаче вуза, сформулированной в лозунге: «Готовим преподавателей со знанием русского языка для сельскохозяйственных университетов всей страны!». Таким образом, СВСИ не только перенимал лучшие практики СССР, но и стал важнейшим центром подготовки кадров, способных внедрять передовые знания в аграрных вузах Китая.

Рис. 1. Групповое фото выпускников 6–8 русскоязычных групп с преподавателями, 1950-е гг.

Источник: Музей истории СВСУ. Фото сделаны Василем М.П. с разрешения сотрудников Музея.

Fig. 1. Group photo of graduates of the 6-8th Russian language groups with teachers, 1950's.

Source: NEAU History Museum. Photos were taken by Vasilev M.P. with the permission of the museum staff.

⁸ Стеблянская А.Н., Киричков И.В., Чжан Цзиньчжун, Коршунов С.В., Ефременко Я.Ю., Васиев М.П., Гайнетдинова Э.Р., Чэн Жуйши. Советские специалисты в Харбине (1951–1960 гг.): Издание Координационного совета соотечественников в Китае, Русского клуба в Харбине и Ассоциации российских ученых в Китае / под ред. А.Н. Стеблянской. Харбин, 2025.

Во второй половине 1952 г. СВСИ взял курс на глубокую трансформацию учебного процесса, руководствуясь принципом «сочетания передового советского опыта с национальной спецификой Китая». Эта реформа затронула все ключевые аспекты работы вуза – от структуры управления до содержания образовательных программ.

Советские специалисты помогли разработать план развития колледжа, ввели педагогические нормы и правила. За короткий период работы они помогли пересмотреть все учебные планы по всем специальностям, ввели в учебный процесс новые дисциплины, создали новые лаборатории, подготовили аспирантов и молодых преподавателей. Китайские исследователи оценивают вклад советских специалистов в становление высшего образования в Северо-Восточном Китае как беспрецедентный⁹. С 1953 по 1960 гг. Северо-Восточный сельскохозяйственный институт нанял одиннадцать советских специалистов. Как утверждал декан Лю Да,

советские специалисты очень помогли в разработке планов развития, совершенствовании правил преподавания, создании новых факультетов, научно-исследовательской работе, внесли посильный вклад в развитие системы высшего образования в Китае¹⁰.

Список специалистов, работавших в СВСИ, представлен в табл. 1.

Таблица 1

Советские специалисты, работавшие в СВСИ с 1952 по 1960 гг.

Ф.И.О. специалиста на китайском языке	Ф.И.О. специалиста на русском языке	Область преподавания
华·库·克里沃谢也夫	Х.К. Кривошеев (предположительно)	Декан-консультант, эксперт по сельскохозяйственной технике
帕·得·特列其亚阔夫	П.Д. Третьяков	Декан-консультант, авиационный специалист
乌·瓦·安其波夫	Ю.В. Антипов	Декан-консультант, специалист по ремонту сельскохозяйственной техники
依·尼·巴布士金	И.Н. Бабушкин	Консультант декана, специалист лесной промышленности
谢·瓦·马雷舍夫	С.В. Малышев	Специалист по управлению лесным хозяйством
阿·谢·赫鲁斯塔廖夫	А.С. Хрусталев	Специалист по ветеринарным внутренним болезням
伊·米·马尔昌扬诺夫	И.М. Мартынов	Специалист по разведению домашнего скота
尼·德·克拉考谢维奇	Н.Д. Кракосевич	Специалист по гигиене домашнего скота
波·费·加钦柯	П.Ф. Дьяченко	Специалист по молочному производству
格·瓦·契斯辛	Г.В. Кисин (предположительно)	Специалист по землеустройству
勒·米·布琼尼	Л.М. Буденный	Специалист по землеустройству

Источник: Материалы, представленные в Музее истории СВСУ. Перевод – А.Н. Стеблянской.

⁹ Пэн Чуаньюн. Советские специалисты и дело высшего образования провинции Хэйлунцзян (КНР) в 50-е годы XX в // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. VI международная научно-практическая конференция, Благовещенск, 2016 г. Выпуск 6. Благовещенск, 2016. С. 223–228.

¹⁰ 胡胜友, 方黑虎. 刘达的远见与中国科技大学的发展. 教育与现代化. [Ху Шэнъю, Фан Хэйху. Видение Лю Да и развитие Китайского университета науки и технологий // Образование и модернизация]. 2001. № 4. С. 77–80 (на китайском яз.).

Table 1

Soviet specialists who worked in the NEAI from 1952 to 1960

Full name of the specialist in Chinese	Full name of the specialist in Russian	Field of teaching
华·库·克里沃谢也夫	H.K. Krivosheev (presumably)	Dean-consultant, specialist in agricultural machinery
帕·得·特列其亚阔夫	P.D. Tretyakov	Dean-consultant, aviation specialist
乌·瓦·安其波夫	Y.V. Antipov	Dean-consultant, specialist in agricultural machinery repair
依·尼·巴布士金	I.N. Babushkin	Dean's consultant, specialist in the forestry industry
谢·瓦·马雷舍夫	S.V. Malyshev	Forestry management specialist
阿·谢·赫鲁斯塔廖夫	A.S. Khrustalev	Specialist in veterinary internal diseases
伊·米·马尔昌扬诺夫	I.M. Martianov	Livestock breeding specialist
尼·德·克拉考谢维奇	N.D. Krakosevich	Livestock hygiene specialist
波·费·加钦柯	P.F. Dyachenko	Specialist in dairy production
格·瓦·契斯辛	G.V. Kisin (presumably)	Specialist in land management
勒·米·布琼尼	L.M. Budyonny	Specialist in land management

Source: Materials presented at the NEAU History Museum, translation by Alina Steblyanskaya

Выпускник и преподаватель Воронежского сельскохозяйственного института Павел Дмитриевич Третьяков был направлен в Китай в качестве одного из советских специалистов. В Северо-Восточном сельскохозяйственном институте он работал на кафедре эксплуатации машинно-тракторного парка, где внес значительный вклад в развитие инженерного образования. Разработал и опубликовал учебное пособие для студентов III курса факультета механизации сельского хозяйства на тему «Технические уходы за машинно-тракторными агрегатами и хранение техники», ставшее важным методическим руководством. В качестве декана-консультанта курировал вопросы совершенствования учебного процесса и внедрения передовых советских технологий, активно участвовал в модернизации инженерно-агротехнического образования, уделяя особое внимание практическому применению знаний. П.Д. Третьяков не только передавал китайским коллегам советский опыт в области сельскохозяйственной техники, но и способствовал формированию системы подготовки высококвалифицированных инженеров-механиков (рис. 2). Его работа стала важной частью масштабного советско-китайского сотрудничества в сфере аграрного образования.

Еще один советский специалист Юрий Васильевич Антипов занимал должность декана-консультанта в СВСИ, одновременно проводил изыскания в области животноводства, улучшения сельскохозяйственной техники. Сергей Васильевич Малышев занимался вопросами экономического обоснования лесовыращивания. Леонид Михайлович Буденный особое внимание уделял вопросам планировки и благоустройства сельскохозяйственных поселений¹¹.

¹¹ 黄善林, 杨凤海, 李玉清. 土地整治专业人才培养方案研究——以东北农业大学为例. 中国农业教育 [Хуан Шаньлинь, Ян Фэнхай, Ли Юйцин. Исследование программы подготовки кадров для специалистов по консолидации земель: пример Северо-Восточного сельскохозяйственного университета // Сельскохозяйственное образование в Китае]. 2015. № 3. С. 24–29 (на китайском яз.).

Рис. 2. Советский специалист П.Д. Третьяков читает лекцию студентам

Источник: Музей истории СВСУ. Фото сделаны Васиевым М.П. с разрешения сотрудников Музея.

Fig. 2. Soviet specialist P. D. Tretyakov gives a lecture to students

Source: NEAU History Museum. Photos were taken by Vasilyev M.P. with the permission of the museum staff.

Доцент Александр Сергеевич Хрусталёв, в разные годы (1955–1957 и 1962–1976 гг.) возглавлявший кафедру терапии и клинической диагностики Вятского государственного агротехнического университета, в рамках советско-китайского сотрудничества был командирован в Харбин (рис. 3). Ключевые направления его исследований в Китае: изучение болезни системы крови у сельскохозяйственных животных, патогенеза, лечения и профилактики незаразных заболеваний молодняка. Д.С. Хрусталёв руководил студенческими работами по анализу симптоматики и течения болезней у молодых животных. В 1953 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Кровь и кроветворение у крупного рогатого скота в период внутриутробного развития», что стало важным вкладом в ветеринарную гематологию. Его деятельность в Китае способствовала развитию ветеринарной науки и подготовке квалифицированных кадров в этой области. Благодаря исследованиям советского ученого были усовершенствованы методы диагностики и лечения заболеваний молодняка, что имело большое значение для сельского хозяйства КНР.

Рис. 3. Профессор А.С. Хрусталёв

Источник: История кафедры терапии, хирургии, акушерства и заразных болезней // ФГБОУ ВО Вятский Государственный агротехнологический университет [сайт]. URL: [https://vgatu.ru/kafedra-hirurgii-akusherstva-i-zaraznyh-boleznej/](https://vgatu.ru/kafedra-hirurgii-akusherstva-i-zaraznyh-boleznej/istorija-kafedry-hirurgii-akusherstva-i-zaraznyh-boleznej/) (дата доступа: 27.02.25).

Fig. 3. Professor A.S. Khrustalev

Source: "Istoriya kafedry terapii, khirurgii, akusherstva i zaraznykh boleznej [History of the Department of Therapy, Surgery, Obstetrics and Infectious Diseases]," Vyatka State Agrotechnological University, accessed 27.02.2025, [https://vgatu.ru/kafedra-hirurgii-akusherstva-i-zaraznyh-boleznej/](https://vgatu.ru/kafedra-hirurgii-akusherstva-i-zaraznyh-boleznej/istorija-kafedry-hirurgii-akusherstva-i-zaraznyh-boleznej/)

Советский специалист по молочным технологиям Павел Федорович Дьяченко в СВСИ руководил строительством и работой молочной лаборатории (рис. 4), работал во Всероссийском научно-исследовательском институте молочной промышленности. Он являлся автором фундаментальных работ по белкам молока, автором патента «Способ получения растительного казеина» (СССР, 1931). В сферу его научных интересов входили методы определения содержания жира в молоке и качества молока, бесцентрифужный метод определения содержания жира в молоке с применением дегидрата нафтенокса-16 и др.¹²

В Музее СВСУ хранятся фотографии преподавателей, прошедших обучение в СССР. В рамках образовательного сотрудничества СВСИ направлял своих педагогов и студентов в Советский Союз для освоения передовых технологий и методик преподавания. После возвращения они внедряли советский опыт в учебный процесс, что способствовало развитию технического образования в Китае. Выпускники, прошедшие подготовку в СССР, сами становились преподавателями, создавая преемственность знаний и повышая уровень образования и научных исследований в институте.

Рис. 4. Фото П. Ф. Дьяченко со студентами СВСИ в лаборатории по молочному производству
Источник: Музей истории СВСУ. Фото сделаны Васиевым М.П. с разрешения сотрудников Музея.

Fig. 4. Photo of P. F. Dyachenko with NEFU students in the laboratory of dairy production
Source: NEAU History Museum. Photos were taken by Vasilyev M.P. with the permission of the museum staff.

Приведем пример такого успешного сотрудничества. В 1957–1959 гг. в Ленинградском сельскохозяйственном институте обучался Цзян Июань (蒋亦) – выдающийся инженер, педагог и специалист в области сельскохозяйственной техники. Его научные достижения включают развитие теории подобия механических конструкций и методов экспериментального моделирования, модернизацию традиционных подходов, что позволило упростить применение критериев подобия в инженерных расче-

¹² Никилина С.В. История становления и развития ФГАНУ «ВНИМИ» (1929–2024 гг.) К 95-летию института // Всероссийский научно-исследовательский институт молочной промышленности [сайт]. URL: <https://vnimi.org/storage/95-let/95-let-vnimi.pdf> (дата обращения 24.02.2025).

так, исследования в области уборки и обмолота риса, что имело большое значение для сельского хозяйства. Благодаря его работе была проведена масштабная реформа инженерного образования в аграрной сфере КНР, подготовлено множество специалистов в области сельскохозяйственного машиностроения. Его вклад значительно укрепил научно-техническую базу Китая в этой отрасли.

Цзян Июань не раз отмечал, что советские учебники по сельскохозяйственной технике поражали его своей глубиной и системностью, превосходя западные аналогии. С энтузиазмом погрузившись в изучение русского языка, он в короткие сроки освоил советскую научную литературу и вскоре стал ассистентом преподавателя, помогая готовить специалистов в области сельхозмашиностроения. В СССР он учился под руководством профессора М.Н. Летошнева – авторитета в области теории сельскохозяйственного машиностроения, занимался теоретическими исследованиями уборочной техники, обучался анализу, синтезу и теоретическим навыкам. В СССР он имел возможность заниматься исследованиями в двух высших научно-исследовательских институтах сельскохозяйственного машиностроения и механизации сельского хозяйства. После возвращения в Китай Цзян Июань занимался исследованием механизированного оборудования для очистки льняного семени, зерноочистительной и очистной машин для сушки зерна, а также исследованием механизации кормления и доения коров. В 1985 г. Цзян Июань был удостоен звания «научного руководителя докторантуры», в 1981–1996 гг. был членом Руководящего комитета по обучению колледжей и университетов Министерства сельского хозяйства, а также заместителем начальника Группы дисциплины сельскохозяйственной инженерии. В 1985–1995 гг. Цзян Июань являлся членом Руководящего комитета по обучению сельскохозяйственной технике Министерства машиностроения. В 1997 г. Цзян Июань был избран академиком Китайской инженерной академии. Его работы заложили основу для развития сельскохозяйственного машиностроения в Китае, а подготовленные им специалисты продолжили внедрение передовых технологий в аграрный сектор страны.

Еще одним ярким представителем выпускников СВСИ стал Ван Ляньчжэн (1930–2018) – известный китайский ученый в области генетики и селекции сои. Его научная деятельность внесла значительный вклад в развитие сельского хозяйства Китая (рис. 5). В 1954 г. он окончил Северо-Восточный сельскохозяйственный институт. С 1957 по 1960 гг. Ван Ляньчжэн занимался исследованиями в области селекции картофеля в Хэйлунцзянском институте сельскохозяйственных наук, а в 1960 г. поступил в Сельскохозяйственный институт им. Тимирязева (г. Москва) для занятия исследованиями в области генетической селекции и получил докторскую степень. Был вице-президентом и президентом Хэйлунцзянской академии сельскохозяйственных наук, а также вице-губернатором и заместителем секретаря партийной группы провинции Хэйлунцзян.

В 1963 г. Ван Ляньчжэн начал свою научную карьеру в Научно-исследовательском институте сои и Институте селекции при Хэйлунцзянской академии сельскохозяйственных наук, где сосредоточился на изучении генетики, селекции и физиологии выращивания сои. С 1967 по 1969 гг. Ван Ляньчжэн сотрудничал с Ван Пейином для проведения исследований радиационной селекции сои, и вывел такие сорта сои как «Хайнун № 4», «Хайнун № 6» и «Хайнун № 8». В 1987–1994 гг. он занимал пост президента Китайской академии сельскохозяйственных наук, в течение этого времени он также являлся исполнительным вице-министром и заместителем секретаря группы партийного руководства Министерства сельского хозяйства.

Рис. 5. Ван Ляньчжэн, фотопортрет, 2016 г.

Источник: 李丽颖. 王连铮：一生献给中国豆 // 农民日报 [Lu Liin. Ван Ляньчжэн: жизнь, посвященная китайской сое // Ежедневник фермеров]. 2019. URL: <https://ls.rednet.cn/content/2019/01/04/4538390.html> (дата доступа 04.03.2025) (на китайском яз.).

Fig. 5. Wang Lianzheng, photo portrait, 2016

Source: Li Liying. "Wáng lián zhēng: yī shēng xiān gěi zhōng guó dòu [Wang Lianzheng: Dedicated their lives to Chinese soybeans]," Nóng mǐn rì bào [Farmers Daily] (2019), May 3, 2025, <https://ls.rednet.cn/content/2019/01/04/4538390.html> (in Chinease).

СВСИ сыграл ключевую роль в формировании кадрового потенциала для аграрного сектора Китая. В сентябре 1952 г. при институте было создано Бюро переводов советских учебников, которое организовало разработку и издание первого в Китае «Русско-китайского сельскохозяйственного словаря» (рис. 6). Это издание стало важнейшим справочным материалом, заложив основу для перевода и изучения советской аграрной литературы в китайских вузах.

К концу 1954 г. СВСИ осуществил перевод 87 учебников и справочников из советских сельскохозяйственных вузов, а также переиздал более 90 учебников и 20 учебных пособий. Эти материалы были направлены в сельскохозяйственные колледжи и институты по всей стране, что значительно укрепило образовательную базу китайского аграрного сектора.

Рис. 6. Первое, второе и третье издания российско-китайских сельскохозяйственных словарей.

Источник: Музей истории СВСУ. Фото сделаны Васиевым М.П. с разрешения сотрудников Музея.

Fig. 6. The first, second and third editions of Russian-Chinese agricultural dictionaries.

Source: NEAU History Museum. Photos were taken by Vasilyev M.P. with the permission of the museum staff.

СВСИ провел масштабную работу по адаптации советских образовательных стандартов для китайских аграрных вузов. Было переведено и пересмотрено 141 учебных планов по различным специальностям советских сельскохозяйственных институтов, при этом все изменения осуществлялись под руководством советских специалистов. Преподаватели обязаны были строго следовать утвержденным программам, что обеспечивало единообразие и высокое качество образования.

В 1954 г. Министерство высшего образования КНР поручило СВСУ составить программу профессиональных курсов по животноводству, ветеринарии, лесоразведению и лесопользованию. Составлением учебных планов руководили советские специалисты. С 1954 г. СВСИ взял на себя ведущую роль в исследовании и практической реализации педагогической реформы, включающую в себя классное обучение, дискуссии, разработку учебных программ, педагогические стажировки, выпускные экзамены, стандартизацию порядка преподавания, повышение качества преподавания, подготовку справочных материалов для создания системы высшего сельскохозяйственного образования Китайской Народной Республики.

В период с 1958 по 1965 гг. СВСИ осуществил масштабную подготовку специалистов для сельского хозяйства КНР. За эти годы институт выпустил 3705 бакалавров, подготовил 80 магистров, обучил 945 преподавателей и сельскохозяйственных специалистов (включая заочную форму обучения). В институте велась углубленная подготовка по следующим специальностям:

1. Кафедра животноводства – подготовка аспирантов и научных кадров;
2. Кафедра механизации сельского хозяйства – обучение специалистов по современным агротехнологиям;
3. Кафедра землеустройства – подготовка кадров для рационального использования земельных ресурсов;
4. Повышение квалификации преподавателей.

СВСИ также занимался подготовкой педагогических кадров по узкоспециализированным дисциплинам: гигиена сельскохозяйственных животных (охрана здоровья скота), технология переработки продуктов животного происхождения. Таким образом, институт внес значительный вклад в формирование профессиональных кадров для аграрного сектора КНР, обеспечив страну квалифицированными специалистами в критически важных отраслях сельского хозяйства.

Пример эффективного сотрудничества иллюстрирует фотография (рис. 7), на которой запечатлен преподаватель Юй Ютай (余友泰), работавший в СВСИ в период сотрудничества с советскими экспертами.

На снимке Юй Ютай предположительно изображен вместе с профессором Х.К. Кривошеевым. Среди научных достижений Юй Ютая – исследования коэффициента трения между грунтом, сталью и деревянными поверхностями. В 1959 г. под его руководством был разработан универсальный культиватор, отмеченный наградой на Национальной выставке сельскохозяйственных орудий. В 2017 г. в СВСУ торжественно отметили 100-летие со дня рождения Юй Ютая. В настоящее время на территории университета установлен памятник в его честь, что подчеркивает значимость вклада ученого в развитие сельскохозяйственной науки и образования. Этот пример демонстрирует успешное взаимодействие китайских и советских специалистов, результатом которого стали практические инновации и признание на государственном уровне.

В период с 1958 по 1960 гг. в Северо-Восточном сельскохозяйственном институте произошло значительное расширение учебных программ. На основе первоначальных пяти специальностей было открыто 16 новых направлений, что позволило довести их общее количество до 21.

苏联专家克里沃谢也夫与我校教师余友泰（右一）等研讨教学改革问题

Рис. 7. Х.К. Кривошеев (предположительно) и Ю Ютай (余友泰) (первый справа) за обсуждением вопросов реформы преподавания.

Источник: Музей истории СВСУ. Фото сделаны Васиевым М.П. с разрешения сотрудников Музея.

Fig. 7. H.K. Krivosheev (presumably) and Yu Yutai (first from the right) discussing teaching reform issues.

Source: NEAU History Museum. Photos were taken by Vasilyev M.P. with the permission of the museum staff.

1958 год – добавлены научные программы: «Фруктовые деревья и овощи», «Охрана водных ресурсов сельскохозяйственных угодий», «Агрохимикаты для почвы», «Задача растений».

1959 год – дополнены следующие специальности: «Проектирование и производство сельскохозяйственной техники», «Переработка животноводческой продукции».

1960 год – введены передовые направления: «Сельскохозяйственная электроника», «Сельскохозяйственная химия», «Сельскохозяйственная экономика», «Сельскохозяйственная биология», «Электрификация сельского хозяйства», «Математическая механика».

Этот этап развития СВСИ отражал стремление КНР к комплексной модернизации аграрного образования, охватывал не только традиционные, но и инновационные для того времени дисциплины. Внедрение таких направлений как сельскохозяйственная электроника и электрификация свидетельствовало о готовности института готовить специалистов для высокотехнологичного сельского хозяйства будущего. Таким образом, за три года СВСИ превратился в многопрофильный образовательный центр, способный обеспечивать Китай высококвалифицированными кадрами для всех отраслей агропромышленного комплекса¹³.

В марте 1962 г. в связи с введением в действие статьи 60 закона «О высшем образовании» СВСИ скорректировал специальности, и за исключением двух специальностей – «сельскохозяйственной электроники» и «сельскохозяйственной биологии», остальные специальности были либо объединены с аналогичными либо

¹³ 苍晶,高继国,胡宝忠,等. 东北农业大学生物技术专业建设历史与发展成效. 东北农业大学学报(社会科学版) [Цан Цзин, Гао Цзиго, Ху Баочжун и др. История и достижения в развитии специальности «Биотехнология» в Северо-Восточном сельскохозяйственном университете // Журнал Северо-Восточного сельскохозяйственного университета (издание по социальным наукам)]. 2007. № 6. С. 31–34 (на китайском яз.).

упразднены или временно приостановлены. К 1963 г. в СВСИ сохранилось 9 специальностей.

В настоящее время в СВСУ продолжается успешное российско-китайское сотрудничество. Так, в 1996 г. было подписано Соглашение о взаимодействии с Петербургским аграрным университетом (рис. 8).

В разделе «Современность» музея СВСУ можно увидеть, что президент университета Лю Чжуцин принял участие в Китайско-российском форуме по научно-техническому сотрудничеству в области сои и открыл совместную китайско-российскую лабораторию биологии сои.

Рис. 8. Подписание соглашения о взаимодействии с Санкт-Петербургским государственным аграрным университетом

Источник: Музей истории СВСУ. Фото сделаны Васиевым М.П. с разрешения сотрудников Музея.

Fig. 8. Signing of an agreement on cooperation with St.-Petersburg State Agrarian University

Source: NEAU History Museum. Photos were taken by Vasilyev M.P. with the permission of the museum staff.

В Музее представлены фотографии с церемоний награждения выпускников, показывающие сотрудничество СВСУ с Дальневосточным государственным техническим рыбохозяйственным университетом (г. Владивосток) и Тихоокеанским государственным университетом (г. Хабаровск) в 1990-е гг. В 2012 г. Северо-Восточный сельскохозяйственный университет совместно с Тихоокеанским государственным университетом (Россия) выступил инициатором создания Альянса университетов Северо-Восточного Китая, Дальнего Востока и Сибири. С момента основания альянс провел более 500 мероприятий, направленных на развитие культурного и академического обмена между двумя странами. СВСУ при этом традиционно играет ключевую роль в укреплении международного сотрудничества, выступая в качестве образца взаимодействия между аграрными вузами разных стран. Подтверждением тому служит самые последние события. В их числе – участие университета в 13-м Форуме ректоров, проходившем в Харбине и объединившим представителей вузов Дальнего Востока и Сибири (РФ) и Северо-Восточного Китая (сентябрь 2023 г.). В апрель 2024 г. состоялся второй товарищеский матч по баскетболу между студенческими

командами Китая и России, что также стало ярким примером спортивной и молодежной дипломатии.

Таким образом, СВСУ продолжает активно развивать многостороннее сотрудничество, способствуя углублению дружественных связей между Китаем и Россией в сфере образования, науки и молодежных инициатив¹⁴.

Заключение

Проведенное исследование свидетельствует о значительном вкладе советских специалистов в становление системы высшего образования в КНР, особенно в развитие Северо-Восточного сельскохозяйственного института в Харбине. Научная судьба выпускников института – Хуан Шаньлинь, Ян Фэнхай и Ли Юйцин подтверждает тот факт, что сотрудничество советских и китайских специалистов сыграло ключевую роль в реформировании и укреплении образовательной системы КНР в 1950-е гг.

За относительно короткий период с 1953 по 1960 гг. одиннадцать советских специалистов приняли непосредственное участие в развитии СВСИ. Они внесли свой вклад в обновление учебных планов по всем специальностям, внедрили новые дисциплины, создали лаборатории и подготовили аспирантов и молодых преподавателей. Эти усилия заложили прочный фундамент для дальнейшего развития института, а в дальнейшем и университета, как и всей системы высшего сельскохозяйственного образования в Северо-Восточном Китае. Советские специалисты П.Д. Третьяков, А.С. Хрусталёв, П.Ф. Дьяченко внесли заметный вклад в развитие различных областей сельского хозяйства, включая ветеринарию, молочное производство и сельскохозяйственные технологии. Их деятельность способствовала не только повышению качества образования, но и активизации научных исследований и практическим достижениям.

Важно отметить, что в настоящее время Северо-Восточный сельскохозяйственный университет активно заботится о сохранении своей истории. Университет продолжает развиваться, следуя указаниям Чжоу Юаньцин: «Углублять реформу образования и повышать качество образования – вот главная задача СВСУ». Современное российско-китайское сотрудничество, включая подписанные соглашения и совместные проекты, демонстрирует продолжение и углубление партнерства между двумя странами в области образования и научных исследований. Таким образом, данное исследование не только восполняет пробелы в историографии, но и открывает новые страницы в истории сотрудничества СССР и КНР, подчеркивая значимость взаимодействия между специалистами двух стран для развития образования и науки.

Поступила в редакцию / Submitted: 15.04.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 13.06.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 2.08.2025

References

- Alexandrova, M.V. “The economy of Northeast China and Soviet aid to China in the 50s of the XX century.” *China in World and Regional Politics. History and Modernity* 18, no. 18 (2013): 326–348 (in Russian), <https://doi.org/10.24411/9785-0324-2013-00013>

¹⁴ 中华人民共和国教育50年大事记. 教育部中华人民共和国教育史研究课题组 // 人民教育 [Основные события за 50 лет образования в Китайской Народной Республике. Министерство образования Китайской Народной Республики, Исследовательская группа по истории образования // Народное образование]. 1999. № 10. С. 22–24 (на китайском).

- Bocharova, Z.S., and Krotova, M.V. "The Harbin Polytechnic Institute as a center of Russian science and education in China (1920–1950s)." *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 4 (2019): 779–803 (in Russian), <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-779-803>
- Bernstein, P.T. and Li, Hua-Yu. *China Learns from the Soviet Union, 1949–Present*. Lanham, MD: Lexington Books, 2010, <https://doi.org/10.5040/9781666988505>
- Cang, Jing, Gao, Jiguo, and Hubao, Zhong. "Dōngběi nóngyè dàxué shēngwù jīshù zhuānyè jiànshè lishǐ yǔ fāzhǎn chéngxiào [History and Developing Results of Biotechnology Major Construction in Northeast Agricultural University]." *Dōngběi nóngyè dàxué xuébào (shèhuì kēxué bǎn)* [Journal of Northeast Agricultural University (Social Science Edition)], no. 6 (2007): 31–34 (in Chinese), <https://doi.org/10.3969/j.issn.1672-3805.2007.06.011>
- Drozdov, M.V., and Steblyanskaia, A.N. "Soviet shipbuilders in Shanghai: to the biography of Georgy Gennadievich Voskresensky." *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity* 9, no. 4 (2024): 40–48 (in Russian), <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2024-9-4-40-48>
- Hu, Shengyou, and Fang, Heihu. "Liú dá de yuǎnjiān yǔ zhōngguó kējì dàxué de fǎ zhǎa [Liu Da's vision and the development of China University of Science and Technology]." *Jiàoyù yǔ xiàndàihuà* [Education and modernization], no. 4 (2001): 77–80 (in Chinese).
- Huang Shanlin, Yang Fenghai, Li Yuqing. "Huángshànglín, yángfēnghái, lǐyùqīng. Tǔdì zhěngzhì zhuānyè réncái péiyáng fāng'ān yánjiū – yǐ dōngběi nóngyè dàxué wéi ll" [Research on the training program of Land Remediation Professionals – Taking Northeast Agricultural University as an example]. *Zhōngguó nóngyè jiàoyù* [China Agricultural Education], no. 3 (2015): 24–29 (in Chinese), <https://doi.org/CNKI:SUN:NYJZ.0.2015-03-006>
- Peng, Chuanyong. "Sovetskie spetsialisty i vysshee obrazovanie v provintsii Kheyluntsyan v 1950-kh godakh." In *Rossiya i Kitai: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. VI mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskia konferentsia, Blagoveshchensk, 2016 g.*, 223–228. Blagoveshchensk: Blagoveshchenskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 2016 (in Russian).
- Pyn, Min. *Istoriia kitaisko-sovetskoi druzhby* [The history of Sino-Soviet friendship]. Moscow: Sotsekgiz Publ., 1959 (in Russian).
- Romanova, G.N. "The importance of the Soviet Union in the industrialization North-Eastern China (50–early 60es.XX century): the experience and evaluation." *Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS*, no. 18 (2018): 138–159 (in Russian).
- Song, Chao. "A study of the impact of Sino-Soviet economic and technical cooperation on agricultural mechanization in New China." *Search*, no. 3 (2009): 67–98 (in Chinese).
- Steblyanskaia, A.N. "Sotrudnichestvo sovetskikh i kitaiskikh spetsialistov v pervye gody sushchestvovaniia Voennoi inzhenerno-tehnicheskoi akademii" [Cooperation between Soviet and Chinese specialists in the early years of the Military Engineering and Technical Academy]. In *Tret'ya nauchno-prakticheskia konferentsia, posvyashchennaia istorii g. Kharbina, proshlomu i nastoiashchemu russkoi diasporы v Kitae. Lyubimyi Kharbin – gorod druzhby Rossii i Kitaia, 179–188*. Vladivostok: Voronezhskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2024 (in Russian).
- Steblyanskaya, A.N., Kirichkov, I.V., Zhang, Jinzhong, Korshunov, S.V., Efremenko, Ya.Yu., Vasiev, M.P., Gainetdinova, E.R., and Chen, Ruishi. *Sovetskie spetsialisty v Kharbine (1951–1960 gg.)* [Soviet Specialists in Harbin (1951–1960)]. Harbin: Rossiiskii nauchnyi tsentr «Kharbin» Publ., 2025 (in Russian).
- Van, Vei. "History of the development of Chinese agricultural machinery with the assistance of the Soviet Union." *The Social and Economic and Humanitarian Magazine*, no. 1 (2021): 132–143 (in Russian), <https://doi.org/10.36718/2500-1825-2021-1-132-143>
- Yu, Zhimin. *Liú dá hé zhōngguó kēdà* [Liu Da and China University of Science and Technology]. Anhui: University of Science and Technology of China, 2021 (in Chinese).
- Zhang, Peixing. *Xīn zhōngguó chūqí gāoxiào zhèngzhì lìlùn kè jiàoshī dìuwǔ jiànshè yánjiū (1949–1956)* [Research on the construction of teachers in political theory courses in colleges and universities in the early days of New China (1949–1956)]. Huazhong University of Science and Technology, 2023 (in Chinese), <https://doi.org/10.27157/d.cnki.ghzku.2023.004843>
- Zhang, Yifan. *Sūlián duì xīn zhōngguó chénglì chūqí tiēlù jiàoyù de yǐngxiāng yánjiū (1949–1956)* [Research on the influence of the Soviet Union on railway education in the early days of the founding of New China (1949–1956)]. Southwest Jiaotong University, 2022 (in Chinese), <https://doi.org/10.27414/d.cnki.gxnju.2022.001458>

Информация об авторах / Information about the authors

Алина Николаевна Стеблянская, PhD Китайского нефтяного института (Пекин), доцент Института экономики и управления, Харбинский Инженерный Университет; КНР, 150001, провинция Хэйлунцзян, Харбин, район Нанган, улица Наньтун, 145; alinamv@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1995-4651>; SPIN-код: 2609-2730.

Максим Петрович Васиев, аспирант Института экономики и управления, Харбинский Инженерный Университет; КНР, 150001, провинция Хэйлунцзян, Харбин, район Нанган, улица Наньтун, 145; vasievmp@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3262-5913>; SPIN-код: 2349-9780.

Alina Nikolaevna Steblyanskaya, PhD, China University of Petroleum (Beijing), Associate professor, Institute of Economics and Management, Harbin Engineering University; 145, Nantong Str., Nangan District, Harbin, Heilongjiang Province, 150001, People's Republic of China; alinamv@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1995-4651>; SPIN-code: 2609-2730.

Maksim Petrovich Vasiev, PhD student at the Institute of Economics and Management, Harbin Engineering University; 145, Nantong Str., Nangan District, Harbin, Heilongjiang Province, 150001, People's Republic of China; vasievmp@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3262-5913>; SPIN-code: 2349-9780.

ИСТОРИЯ ЮЖНОГО ФРОНТИРА
HISTORY OF THE SOUTHERN FRONTIER

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-661-674>
EDN: MJMISK

Научная статья / Research article

**Родоплеменная группа соян: история расселения
и пограничный вопрос в XVII в. – 1940-е гг.**

Аяна Анай-ооловна Самдан^{ID}

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических
исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Россия
 camayana@mail.ru

Аннотация: В статье на основе опубликованных документов и архивных материалов на русском и монгольском языках реконструируется история расселения родоплеменной группы тувинцев соян, а также рассматривается связанный с этим территориальный спор с монголами, который продолжался вплоть до 30–40-х гг. ХХ в. Показано, что с XVII в. сояны кочевали на обширной территории Саянского хребта и в разные периоды платили дань Алтын-ханам, джунгарам и русским. Затем сояны появляются уже в юго-западной части Тувы. В середине XVIII в. из районов Или и Тарбагатая были переселены дорбеты в окрестности Улаангома, что привело к вытеснению соян в предгорья Танну-Ола. В последующем, путем жалоб улясутайскому цзянь-цзюну на нехватку пастбищ, тувинцы добились разрешения вновь кочевать в районе хребта Хан-Хохий. Территориальные споры, имевшие глубокие исторические корни, периодически возникали между монголами и тувинцами. В период правления цинов решения принимались вышестоящими органами (улясутайским цзянь-цзюнем, Китайской Палатой внешних сношений) с учетом мнений всех сторон. Тувинская Народная Республика и Монгольская Народная Республика регулировали пограничный вопрос с помощью договоров, в том числе с участием СССР. Автор приходит к выводу, что пограничный вопрос между монголами и тувинцами, изначально регулировавшийся в рамках вертикальной системы управления цинов, вследствие затяжного характера конфликта и изменения политического ландшафта, трансформировался в формат межгосударственных отношений.

Ключевые слова: родоплеменная группа соян, русские посольства, данники, Цинская империя, территориальный спор, Тувинская Народная Республика, пограничные переговоры

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Самдан А.А. Родоплеменная группа соян: история расселения и пограничный вопрос в XVII в. – 1940-е гг. // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 4. С. 661–674. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-661-674>

The Soyan Tribal Group: History of Settlement and Border Issues from the 17th Century to the 1940s

Ayana A. Samdan

Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under
the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia
 camayana@mail.ru

Abstract: The ethnographic study of tribal groups is of great importance for understanding the history of an entire people. Such studies allow for a deeper understanding of the origin, formation, and interaction of different ethnic communities. In this article, based on the published documents and archival materials in Russian and Mongolian, an attempt by the author is made to reconstruct the history of the settlement of the Soyan tribal group of Tuvans. There is also an attempt to examine the related territorial dispute with the Mongols, which lasted through the 1930s and 1940s. It is shown that from the 17th century, the Soyans roamed over the vast territory of the Sayan Range and at different times paid tribute to the Altyn Khans, Dzungars, and Russians. Afterwards, the Soyans appeared in the south-western part of Tuva. In the mid-18th century, the Dorbets were resettled from the Ili and Tarbagatai regions to the vicinity of Ulaangom, which led to the displacement of the Soyans to the foothills of Tannu-Ola. Subsequently, by complaining to the Ulasutai Jian-Jun about the lack of pastures, the Tuvans obtained permission to roam in the Khan-Khokhii Range; in addition, territorial disputes, which had deep historical roots have periodically arisen between the Mongols and Tuvans. During the Qing rule, decisions were made by higher authorities (Ulasiutai Jian-jun, and the Chamber of Foreign Relations), hopefully taking into account the opinions of all parties. The Tuvan People's Republic and the Mongolian People's Republic handled the border issue through more organized treaties, including with the participation of the USSR. The author concludes that the border issue between the Mongols and Tuvans was initially handled within the framework of the vertical management system of the Qing, but due to the protracted nature of the conflict and the change in the political landscape, this issue was transformed through a new format of interstate relations.

Keywords: Soyan tribal group, Russian embassies, Denmark, Qing Empire, territorial dispute, Tuvan People's Republic, border negotiations

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

For citation: Samdan, A.A. "The Soyan Tribal Group: History of Settlement and Border Issues from the 17th Century to the 1940s." *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 4 (November 2025): 661–674 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-661-674>

Введение

Актуальность. Одной из актуальных проблем этнической истории является исследование родоплеменных групп. В дореволюционной литературе тувинцев называли сойотами, сойонами, соинами, урянхами, урянхайцами и относили к самодийским, финно-угорским, монгольским и тюркским племенам. По утверждению Н.Ф. Катанова, впервые А.М. Кастрен обратил внимание, что соян (саян) обозначает имя одного рода, а не всего народа¹.

В работе на основе архивных источников и опубликованных материалов на русском и монгольском языках предпринята попытка реконструировать сложные социокультурные процессы, происходившие в рассматриваемом регионе за почти четырехсотлетний период. Важно отметить, что в период правления цинов территориальный вопрос, возникший в силу экономических и политических факторов, решался при посредничестве правящих структур и зачастую властным методом, что не приво-

¹ Катанов Н.Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня // Урянхай. Тыва дептер. Кызыл, 2014. Т. 1. С. 508.

дило к достижению устойчивого взаимопонимания. И данная проблема приняла затяжной и длительный характер, а вовлеченные стороны время от времени поднимали ее. Пограничный вопрос с Монголией был урегулирован в период СССР.

Степень изученности проблемы. В исторической литературе существуют две точки зрения об этнической принадлежности этнонима «соян»: самодийская (Б.О. Долгих, В.И. Васильев) и тюркская (Б.И. Татаринцев), но оба едины во мнении, что в его основе лежит топоним «Саян».

Б.И. Татаринцев достаточно аргументированно отверг версию о самодийском происхождении этнонима «соян» и на обширном материале обосновал тюркоязычность данной тувинской родоплеменной группы. В частности, автор подобрал из разных тюркских языков слова с подобной семантикой, например, турец. *soy* – высокородный, благородного происхождения, знатный, родовитый, породистый; род, фамилия; родня; предки, потомки; поколение, раса, порода; происхождение, а компонент *-ан* является реликтовым аффиксом множественности².

Л.П. Потапов подчеркивал, что сояны (саяны, саянцы) – наиболее часто упоминаемая родоплеменная группа тувинцев в русских исторических документах XVII в. Они «представляли собой <...> значительную группу населения с различной хозяйственной деятельностью»³.

Н.А. Сердобов предложил различать «Саянскую землицу как ясачную единицу в документах XVII в. от Саянской земли как собирательного наименования района Саян и Присаянья»⁴.

Е.Д. Прокофьева в своей работе «Процесс национальной консолидации тувинцев», подробно изучив расселение родоплеменной группы соян, пришла к выводу, что они являются древним населением горно-таежных областей Саянского хребта и «расселены были в <...> прошлом значительно на более ограниченной территории, чем мы это видим в настоящее время»⁵. По мнению автора, основной территорией их расселения была Саянская тайга, как северная, так и восточная, где они кочевали по обоим склонам, выходя в пределах Сибири в Минусинский край, бассейн реки Тубы и западнее, на левобережье Енисея, а также на восток к озеру Косогол⁶.

Для темы нашего исследования представляют интерес статья Л.С. Кара-оол, И.В. Кормушина, в которой акцентируется внимание на особенностях субэтнической идентичности тувинцев, в том числе мест расселения этнических групп тувинцев к началу XX в.⁷

Комплексное популяционно-генетическое и историко-этнографическое исследование родоплеменных групп тувинцев донгак, иргит, кужугет, соян, тулуш, чоуду подтвердило выводы М.Х. Маннай-оола⁸ о том, что в этногенезе тувинцев приняли участие самодийские, кетские, тунгусские, тюркские и монгольские племена⁹.

² Татаринцев Б.И. О происхождении этнонима «соян» и его носителей // Проблемы истории Тувы. Кызыл, 1984. С. 214–225. EDN: CIKJNE

³ Потапов Л.В. Очерки народного быта тувинцев. М., 1969. С. 19.

⁴ Сердобов Н.А. История формирования тувинской нации. Кызыл, 1971. С. 157.

⁵ Прокофьева Е.Д. Процесс национальной консолидации тувинцев. СПб, 2011. («Кунсткамера – Архив»). Т. IV. С. 90. EDN: QPWXDZ

⁶ Там же.

⁷ Кара-оол Л.С., Кормушин И.В. Названия родовых групп тувинцев // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 6. С. 1254–1270. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1254-1270> EDN: DRNVLI

⁸ Маннай-оол М.Х. Тувинцы. Происхождение и формирование этноса. Новосибирск, 2004.

⁹ Дамба Л.Д., Айыксы Е.В., Монгуш Б.Б. Краткий обзор некоторых родоплеменных групп тувинцев по данным междисциплинарных исследований // Вестник Тувинского государственного университета. Выпуск 2. Естественные и сельскохозяйственные науки. 2019. № 2. С. 19–30. <https://doi.org/10.24411/2077-5326-2019-10003> EDN: XUTQRA

В работе Е. В. Айыжы, Б. Э. Ооржак на основе трудов дореволюционных путешественников и ученых, советских и российских историков рассмотрен ареал расселения тувинских родовых групп в период Цинской империи¹⁰.

Таким образом, накоплен определенный материал об этнической принадлежности родоплеменной группы тувинцев – соян и их расселении в XVII–XX вв.

Цель исследования – выявить основные исторические процессы, связанные с родоплеменной группой соян, включенной в различные политические объединения и государства, где основным моментом стала уступка их исконных земель соседней Монголии.

Источниковоедческую базу составили опубликованные документы и неопубликованные архивные материалы. Среди последних – делопроизводственные документы межправительственных комиссий, политических партий и организаций (в. т.ч. Тувинской и Монгольской народно-революционных партий), извлеченные из фондов Управления комиссара по делам Урянхайского края (ФР.-112), Министерства иностранных дел ТНР (ФР.-100), Тувинской народно-революционной партии (ФП.-1) Национального архива Республики Тыва. Также нами был использован сборник опубликованных документов под названием «Монгол Тувагийн харилцааны холбогдолтой архивын баримтууд» («Архивные материалы по монголо-тувинским отношениям»), который включает в себя документы делопроизводственного характера (1775–1928 гг.) и хранящиеся в Национальном архиве Монголии. В этот сборник вошли документы, в которых отражены события, связанные с переселением аратов сумона Соян в район хребта Хан-Хохий, а также переписка тувинских нойонов с монголами, улясутайским цзянь-цзюнем и русским консулом в Улясугтае. Значительную часть составила официальная переписка между партийными руководителями Тувинской Народной Республики (ТНР) и Монгольской Народной Республики (МНР)¹¹.

Сояны, саянцы в русских исторических документах

Самое раннее упоминание о саянцах, соянах встречается в 1616 г. в донесениях томских казаков В. Тюменца и И. Петрова, где сказано, что племена Саянской земли –¹² являлись кыштымами Алтын-хана Шолой Убashi-хунтайджи и соответственно платили ему ясак и «живут себе меж гор и лесов по речкам; горы каменные, а леса черные, большие»¹³.

Русские посольства к Алтан-хану пролегали через Саянские горы, далее они спускались по горной реке Хан-Тенгир, а затем по Ак-хему добирались на долину р. Хемчик. Здесь они узнавали о месте кочевки Алтын-хана. Чаще всего он кочевал на Убса-нуре или же на р. Тес. В этом случае русские меняли свои подводы, запасались провизией и продолжали дорогу. Но иногда Алтын-хан находился на Хемчике. Так, в 1631 г. посольство К. Карякина застало Алтын-хана на Хемчике, где «Алтын кочует 12 дней»¹⁴.

¹⁰ Айыжы Е.В., Ооржак Б.Э. Родовая группа хертек Тувы в XV–XIX вв.: история расселения // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. 2022. № 2. С. 6–13.

¹¹ Монгол Тувагийн түүхийн холбогдолтой архивын баримтууд / сост. Тумэнжаргал Д., Батсайхан Б. Улаанбаатар, 2009.

¹² По предположению Б. О. Долгих, Саянская землица соответствует современному Тоджинскому району Республики Тыва, за исключением его юго-восточной части: Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960. С. 259.

¹³ Русско-монгольские отношения. 1607–1636: Сборник документов / сост. Л.М. Гатауллина, М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук. М., 1956. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Mongol/Rus_mong_1/index.phtml?id=13429 (дата обращения: 25.03.2025).

¹⁴ Там же.

Из русских исторических документов известно, что саяны, саянцы, сояны в составе других тюркских племен Саяно-Алтая совершали набеги на такие города, как Томск, Кузнецк, Красноярск. В отписке тобольского воеводы М.М. Годунова от 1621 г. сообщалось о намерении киргизов, багасаров, кизылов, кученгутов (кужугетов), братов, матов (маады), саянов (соян), аринцев и черных калмыков идти против Томска и Кузнецка.

В 1629 г. русские предприняли неудачную попытку включить саянцев в состав ясачного населения Красноярского уезда.

Если в первой половине XVII в. сояны кочевали на Восточных Саянах, то потом впоследствии они появляются на Алтае. Так, в начале 1650-х гг. томский воевода Михаил Волынский докладывал в Москву о новых волостях «саяны, мугаты и точи» на реках Бий и Катунь, которые находились в подчинении у джунгарского князя Чекура, сына тайши Хара-Хулы. Н. А. Сердобов утверждал, что сояны нередко кочевали в окрестностях Телецкого озера¹⁵.

Здесь обращает на себя внимание то, что сояны попали под власть джунгаров. Это подтверждается и посольством С. Гречанина (1657 г.). Во время поездки с посольством на хансскую ставку Алтын-хана Лувсана на р. Тес у сына киргизского князя Собы Тайтыкаева – Сартыкана он узнал о том, что князец Ирга (Ирьгай) со своими людьми в количестве 500 чел. бежал от Алтын-хана и долгое время жил у джунгар. Но в том году он вернулся и кочевал на Хемчике.

Для того, чтобы включить родоплеменную группу соян в состав ясачного населения, сразу же после получения «государева указа» воевода Григорий Засецкий отправил к ним посыльного, но последний не смог добраться до них.

Позднее сам тархан Самарган Ирги (Иргай), предводитель соян, обратился к русским с просьбой построить острог на слиянии рек Бии и Катуни, а взамен обещал платить ясак. Однако обещание свое он так и не выполнил.

Русские документы свидетельствуют, что посольства зачастую подвергались разбойным нападениям. На посольство томского боярина С. Гречанина, подьячего А. Самсонова (1636 г.) после пересечения Саянского камня (совр. Западные Саяны) и реки Алаш напали «саянские мужики», которые, угнав лошадей и верблюдов и забрав один выюк с сукном, убежали в горы¹⁶.

В 1640 г. на атамана Д. Злобина также было совершено нападение тубинцами, моторцами, точинцами и соянцами¹⁷.

В 1661 г. С. Бабарыкин, пятидесятник томских конных казаков, за «Кемчик-рекой» встретил саянцев, которые две ночи подряд их лошадей «отгоняли, и побить нас до смерти хотели»¹⁸. Но ему удалось с ними договориться и «наем им дали, чтобы довели нас до монгольских людей»¹⁹. Саянцы сопроводили до князя Иргая, но последний не очень дружелюбно принял его, узнав, что тот едет с посольством к Алтын-хану, «подвод и вожа до Мугальской земли и корму не дал»²⁰. Когда русские отъехали и на ночь остановились на отдых, то «Иргаевы люди, саянцы, воровски подъезжали, и напускали, и по нас из луков стреляли»²¹.

¹⁵ Сердобов Н.А. История формирования тувинской нации. Кызыл, 1971. С. 148.

¹⁶ Русско-монгольские отношения. 1636–1654 гг.: сборник документов / сост. М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук. М., 1974. С. 32–33.

¹⁷ Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960. С. 257.

¹⁸ Русско-монгольские отношения. 1654–1685 гг.: Сборник документов / сост. М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук. М., 1996. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Mongol/Rus_mong_3/index.php?id=13570 (дата обращения: 25.03.2025).

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

Из вышесказанного видно, что Самарган Иргай каждый раз уходил из своих родовых кочевий под натиском Алтын-ханов и джунгар, в конце концов став изгнаником, он был вынужден выживать, совершая на налеты и грабежи на дорогах.

В 1666 г. при переговорах о постройке острога на р. Упсе с монгольскими послами Алтын-хана выяснилось, что около Абакан-реки кочуют тувинские племена численностью более 3000 человек – точи, арчаки, саянцы, с которых «Лоджан ясак збирал»²². Русские предпринимали попытки привести их «под государеву руку», поскольку «соболи де и бобры у саянцев и у арчаков живут добрые»²³.

Таким образом, можно предположить, что соперничество Алтын-ханов, джунгар и русских в вопросе подданства племен, населявших Саяно-Алтайский регион, стала причиной широкого расселения родоплеменной группы соян на данной территории. Данный факт зафиксирован русскими учеными и путешественниками, которые отмечали родовую группу соян в составе Тоджинского, Оюннарского и Бээзи хошунов Тувы. Как писал М.Х. Маннай-оол, сояны, кочевавшие в окрестностях Телецкого озера, вошли в этнический состав современных алтайцев²⁴. Но в то же время мы согласны с мнением Н.А. Сердобова о том, что этноним «соян» был собирательным названием тувинских племен, проживавших в районе Саян и Присаянья²⁵.

Территориальный спор сумона Соян в период правления цинов

В конце XVII в. ойратский Галдан-Бошокту-хан в целях беспрерывного обеспечения своей армии хлебом из Или и Тарбагатая переселил часть ойратов в район Кобдо и Убса-нур в исконные тувинские земли, тем самым разделив тувинцев на две части. Одна из них была вытеснена в пределы Монгольского Алтая, а другая – в район хребта Танну-Ола.

Позднее дорбетский Цэрэн ходатайствовал перед маньчжурским императором разрешить ему переселиться в Улаангом. Просьба была не только удовлетворена, но даже из улясутайского цзянь-цзюнства (губернаторства) была направлена продовольственная помощь, а также выделены военные для их сопровождения. Кроме того, по прибытии на новое место дорбетам должны были выделить посевые площади, чтобы обеспечить скорейшую адаптацию на новой территории²⁶.

Переселение джунгар в дальние районы соответствовало политике цинов «разделяй и властвуй», которые приняли меры по организации перекочевки максимально быстро.

Зимой 1772 г. в районе озера Ширээ-нур состоялся съезд с участием уполномоченного по усмирению границ цзянь-цзюнья Хэтэрхий-Батор-вана, председателей сеймов четырех чуулганов Халхи, в котором было произведено размежевание границ хошунов. Именно тогда северные склоны горы Хан-Хохий, местности Туруун, Халгилцаг были включены в Дзасакту-хановский аймак Халхи.

В 1715–1720 гг. тувинские племена были завоеваны цинскими войсками, но лишь после падения Джунгарского ханства маньчжуры провели в Танну-Урянхае (Туве) административно-территориальную реформу, имевшую военизированный

²² Русско-монгольские отношения. 1654–1685 гг.: сборник документов / сост. М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук. М., 1996. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Mongol/Rus_mong_3/index.php?id=13570 (дата обращения: 25.03.2025).

²³ Там же.

²⁴ Маннай-оол М.Х. Тувинцы. Происхождение и формирование этноса. Новосибирск, 2004. С. 109, 125.

²⁵ Сердобов Н.А. История формирования тувинской нации. Кызыл, 1971. С. 179.

²⁶ Баянчуулган Б. Фэлд орооор тэмцсэн (Борьба ойратов). Улаанбаатар, 2012. С. 37.

характер. В 1759 г. были созданы четыре хошуна, которые вместе составили один корпус. Хошун или полк, в свою очередь делился на сумоны или эскадроны, во главе которых стояли дзанги²⁷. Сояны были включены в Оюннарский хошун, хотя отдельные семьи, как отмечалось выше, были отмечены в составе других хошунов.

Зимой 1775 г., во время дзута, погибла большая часть скота, что соответственно привело к обеднению аратов сумона Соян. В том же году правитель Танну-Урянхая Гуругунжав обратился к улусутайским властям с просьбой разрешить поселиться в части кочевий хошуна Чин Ачит-вана Дзасакту-хановского аймака Халхи подданным мейрен-дзангы Дажы, которые из-за бескорытия скота оказались в сложной ситуации. В обращении, ссылаясь на дзанги Манжи, хунду²⁸ Белчээ, говорилось: «Раньше наши предки – дзайсаны Гунжээ, Санмагнай, Хашдай, Дархаши, Убashi, т.е. араты 5 отоков, – в районе г. Хан-Хохий²⁹ содержали свой скот, охотились, сажали пшеницу и собирали сарану»³⁰. После переселения дорбетов на их земли араты сумона Соян были вытеснены в предгорья Танну-ола, за караул³¹ Чинчилиг, где они оказались захвачены между Танну-олом и рекой Тес. «Если же оставаться здесь еще несколько лет, – утверждалось в письме, – то бедная часть аратов вовсе вымрет»³². Поэтому они прошли вновь им разрешить кочевать в плодородных землях района хребта Хан-Хохий, где имеется достаточно мест для выпаса и водопоя скота, охоты, землепашства и т.д., и самое главное в большую часть года эти кочевья оставались безлюдными. Таким образом, значительное уменьшение кочевий сказался на росте поголовья скота и соответственно на благосостоянии населения.

Но поскольку в письме тайжи Гуругунжава подробно не было указано, что действительно эти территории пустуют, то в ответном письме обязали его, чуулган-дарга Дзасакту-хановского аймака и помощника улусутайского цзянь-цзюня, установить территориальную принадлежность этих земель.

Для проверки заявленного был откомандирован из жасаа³³ гун Сономпил, который подтвердил, что, действительно, араты сумона Манжи кочуют в стесненных условиях. В претендующие территории на зимовку заходят только араты гуна Джанибека и дзасака Бувея, поскольку естественный рельеф защищает домашний скот от холодных зимних ветров. Весной же они возвращались в свои кочевья.

Дзасакту-хан Цэвэнбалжаа подтвердил, что бассейн реки Нарийн не входит в территорию его аймака, а в районе реки Халгилцаг кочуют три хошуна гуна Мирамдоржа.

Убедившись, что изложенное в просьбе соответствует действительности, в 1776 г. был издан указ маньчжурского императора, где говорилось: «Признав кочевья упомянутых урянхов (түвинцев. – А.С.) действительно оттесненными и имея в виду, что к переселению их на прежние насиженные места в м. Ханхухуй препятствий не встречается, повелеваю немедленно переселить все населению Маньчжу сумона на жительство в местности около Ханхухуй»³⁴. Таким образом, цинские власти разрешили более 100 семьям сумона Манжи вновь занять северные склоны горы Хан-Хо-

²⁷ Дзанги (тыв. чаңғы) – командир эскадрона, правитель сумона.

²⁸ Хунду – помощник правителя сумона.

²⁹ Хребет Хан-Хохий расположен на северо-западе Монголии, имеет протяженность 180–190 км, ширина 80–90 км, самая высокая точка 2928 м. над уровнем моря.

³⁰ Монгол Тувагийн түүхийн холбогдолтой архивын баримтууд / сост. Тумэнжаргал Д., Батсайхан Б. Улаанбаатар, 2009. С. 12.

³¹ Караул (монг. харуул) – пограничный пост, установленный вдоль границы.

³² Монгол Тувагийн түүхийн... С. 12.

³³ Жасаа (тыв. чызыаа) – очередная служба.

³⁴ Национальный архив Республики Тыва (далее – НА РТ). Ф. 112. Оп. 1. Д. 5а. Л. 11.

хий – местности Гурван Хангилцаг, Нарийн сум, которые ранее принадлежали тувинским племенам. Тувинские и монгольские араты стали кочевать смешанно, что приводило время от времени к земельным спорам.

Через год уже дзанги Бургэд³⁵, назначенный после Манжи правителем сумона Соян, вновь поднял вопрос о расширении своих кочевьев. Для ведения переговоров были вызваны с монгольской стороны туслагч Самбуудорж из Чин Ачит-ван хошуна, а с тувинской – бижээчи Серен. В результате переговоров были выделены местности Уянга, Улаан, Агар-Даг, Тост, Бурхэг. В долине реки Дзун-Туруун тувинцы сажали пшеницу.

В это время гун Мирамдорж отсутствовал, поскольку он отправился на поклон Джебцун-Дамбе-хутухте и вернулся лишь через два года, в 1777 г. Он попытался опротестовать данное решение помощнику улясутайского цзянь-цзюня, но получил отказ. Дзанги Бургэд и гун Мирамдорж подписали соглашение о «мирном сосуществовании», что предполагало конструктивный диалог и сотрудничество в решении возникающих территориальных вопросов.

В 1781 г., когда проводили межевание границ хошунов Дзасакту-хановского аймака Халхи с установлением овоо, то дзанги Бургэд также инициировал территориальное оформление границ своего сумона, но правитель хошуна Чин Ачит-ван воспротивился этому и написал жалобу в Улясутай и тем самым добился отмены. Таким образом, монголы не теряли надежду вернуть свои кочевья, а в случае юридического оформления границ сумона это было бы невозможно.

Через почти 50 лет, в 1824 г., уже монголы подняли вопрос о возвращении кочевий, ранее принадлежавших гуну Мирамдоржу, т.е. выделенных при дзанги Бургэде, ссылаясь опять же на нехватку пастбищ. Правитель Танну-Урянхая Батжав (годы прав. 1815–1826) по данному вопросу вступил в переписку с хошунным правителем гуном Цэвээндаши Дзасакту-хановского аймака, в которой пригрозил, что в случае нарушения границ своих кочевий будет вынужден сообщить в Палату внешних сношений. Но чуулган-дарга Мандирва считал, что прежде всего Батжав должен обсудить вопрос с ним. Цинские власти настоятельно рекомендовали не усугублять ситуацию и оставили все без изменений, о чем письменно сообщили чуулган-дарга Дзасакту-хановского аймака Мандирва.

В 1891 г. при составлении административно-территориальной карты четырех аймаков Халхи и территорий, подвластных улясутайскому цзянь-цзюню, т.е. Танну-Урянхая, спорные земли были включены и с монгольской, и с тувинской сторон. Монголы сразу же написали жалобу улясутайскому цзянь-цзюню. В ней туслагч-гун Лувсандондов просил, чтобы спорные территории де-юре были включены в ведение его хошуна, а де-факто – как и ранее, разрешили тувинцам кочевать. По данному вопросу чуулган-дарга Дзасакту-хановского аймака со своими чиновниками с монгольской стороны и правитель Тувы Олзей-Очур (годы прав. 1865–1899), дзалан-дзанги Дорлиг, дзанги Сурен³⁶ и башго Минчээ несколько раз встречались в Улясутае и должны были договориться и составить текст совместного ручательства об отсутствии территориальных претензий.

«Улясутайский цзянь-цзюнь, признав, что, как монголы, так и урянхи имеют свои права на эту землю, приказал обеим тяжущимся сторонам считать эту землю своею, занести на свои карты и жить мирно»³⁷, – писал в одном из своих докладов секретарь комиссара по делам Урянхайского края Я.И. Мальцев. В результате было

³⁵ Скорее всего это монгольский перевод его имени – Эзир или Эзир-оол.

³⁶ Дзанги Сурен – правитель сумона Соян после Бургэда.

³⁷ НА РТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 27. Л. 12.

решено указать данные территории на карте обеим сторонам, но с условием написать объяснительную записку. Карты были приумножены и разосланы в Китайскую Палату внешних сношений³⁸. Кроме того, каждая сторона – туслагч-гун Лувсандондов и Олзей-Очур – подписали ручательства, подтверждающие отсутствие каких-либо территориальных притязаний друг к другу, а также взяли на себя обязательство жить в мире и дружбе. Такое решение вопроса носило временный характер и не исключало возможного повторения в будущем.

Сумон Соян в период российского протектората

15 февраля 1912 г. чиновники сумонного уровня трех хошунов, Оюннарского, Тоджинского и Салчакского, а также представители духовенства Самагалтайского, Кыргызского и Салчакского монастырей подписали письмо о российском покровительстве и защите³⁹. Конкретно из сумона Соян свои подписи в прошении поставили 7 чиновников, в том числе дзахирогчи Оруйгу⁴⁰, мээрэн Санчит, хамбы-лама Лундуп и др.

4 июня 1914 г. при объявлении «высочайшей воли» принятия российского протектората над Тувой в местечке Булук заведующим пограничными делами Усинского края А.П. Церериным присутствовал вместе с амбын-нойоном Комбу-Доржу и дзахирогчи Оруйгу⁴¹. Но несмотря на обязательство не иметь сношения с иностранными государствами, правитель сумона Соян Ванчук активно стал продвигать идею присоединения сумона к Монголии. Он даже запретил пользоваться пастбищами своего сумона другим аратам и поставил на его границах заграждения. В итоге сумон был принят в качестве отдельного хошуна в Большое шабинское ведомство Ургинского Джебцун-Дамба-хутухты. Правителем был назначен 16-летний Далха-Сурун⁴², который получил княжеское достоинство «гуна».

Сумон Соян делился на 6 арбанов, в нем проживало 1403 чел. или 377 ореге.

В конце августа 1915 г. комиссар по делам Урянхайского края В.Ю. Григорьев отправил Я.И. Мальцева вместе с военным отрядом во главе с сотником Копейкиным отобрать у Ванчика монгольскую печать и арестовать его самого. Но, как только появились русские казаки, араты сумона, бросив все свое имущество и скот, обратились в бега. В этой суматохе Ванчику тоже удалось сбежать, и казаки его не смогли догнать. Тогда несколько разъездов казаков были направлены в места, где мог укрыться Ванчик, но безуспешно. Последний, как выяснилось, скрывался в густых лесах у реки Тес, выше слияния с рекой Эрзин. Казакам удалось лишь занять юрту с имуществом Далха-Суруна и задержать табун лошадей Ванчика, на которых они совершили разъезды в поисках его самого и приближенных.

Потерпев неудачу, Я.И. Мальцев 8 сентября 1915 г. объявил Ванчика и его сына Далха-Суруна «беглецами, лишенными права всякого участия в делах управления сумоном на будущее время»⁴³. По рекомендации комиссара управляющими сумоном

³⁸ Монгол Тувагийн түүхийн холбогдолтой архивын баримтууд / сост. Тумэнжаргал Д., Батсайхан Б. Улаанбаатар, 2009. С. 37.

³⁹ История Тувы. Новосибирск, 2001. Т. 1. С. 354.

⁴⁰ Оруйгу (1876–?) – видный государственный деятель ТНР. Выступал за независимое и самостоятельное развитие Тувы. Занимал должности председателя Совета Министров и министра иностранных дел ТНР (1924–1925 гг.).

⁴¹ Собрание архивных документов о протекторате России над Урянхайским краем – Тувой: к 100-летию исторического события. Абакан, 2014. С. 160.

⁴² Далха-Сурун – известный политический деятель Тувинской Народной Республики. Он входил в состав правительенной делегации в Москву (1925 г.). В 1932 г. был репрессирован вместе с М. Буян-Бадыргы, К. Дондуком.

⁴³ НАРТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 27. Л. 25.

были назначены два чиновника из Соян сумона – дзахирокчи Оруйгу, дзанги Хорлуу и из Ойнарского хошуна – дзалан⁴⁴ Дарьсурун. Вместе с ними были оставлены 10 казаков под предлогом «оказания содействия и защиты урянхайского населения, принятого под покровительство Российского правительства»⁴⁵, которых разместили в буддийском храме Соянского сумона, находившегося к югу от р. Тес, недалеко от слияния с р. Эрзин.

Оруйгу и Хорлуу, помимо восстановления в короткий срок мирной жизни в сумоне, должны были в течение месяца задержать Ванчика и доставить комиссару «для выражения покорности, вручения монгольской печати и ходатайства о снисхождении к нему»⁴⁶. Им каким-то образом удалось убедить Ванчика и его сына объявиться властям.

В ноябре 1915 г. гун Далха-Сурун направил заверение о своей верноподданности «русскому государю, находясь в ведении Ойнарского бугдэ-дарги»⁴⁷, а Ванчик сдал монгольскую печать Агван-Шырапу (Агван-демчи).

6 октября 1916 г. Далха-Сурун, Ванчик, Оруйгу, дзанги Хорлуу, дзалан Болд и Сундуй написали комиссару ходатайство о выделении отдельного хошуна под «начальством гуна Далха-Суруна и считать нас по-прежнему под великим покровительством»⁴⁸. Но русские власти потребовали проведения выборов, которые состоялись через месяц. Правителем уже Соянского хошуна единогласно был избран Далха-Сурун, а помощником – Оруйгу.

Пограничный вопрос в договоре между ТНР и МНР 1926 г. Пограничные переговоры 1930–1940 гг.

В августе 1921 г. в mestечке Суг-Бажы состоялся Всетувинский учредительный хурал, который провозгласил создание суверенного государства – Тувинской Народной Республики.

В ноябре 1924 г., после смерти VIII Богдо-гэгэна, Великий Народный хурал объявил о создании Монгольской Народной Республики. В этом же году ачит-ван Чимидцэрэнванчик из Хантайшир-Уул аймака⁴⁹ инициировал в правительстве Монголии и Центральном Комитете Монгольской народно-революционной партии вопрос о возвращении территорий и соответственно о переселении аратов сумона Хан-Хохий. Но поскольку монголы не признали суверенитета Тувы, и чтобы не усугублять ситуацию, согласно постановлению № 567 МВД Монголии, было принято решение игнорировать данную инициативу.

16 августа 1926 г. был заключен договор об установлении дружественной связи между Монгoliей и Танну-Тувой, где в пунктах 6 и 7 излагалось, что граждане двух приграничных территорий после установления государственной границы должны соблюдать местные законы. Но до ее определения нельзя выдворять людей. В окончательном варианте прописали, что правительства двух государств создают специальные пограничные комиссии, которые совместно должны определить границу, руководствуясь картами и архивными материалами. До ее установления население

⁴⁴ Дзалан (тув. чалан) – чиновник.

⁴⁵ НАРТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 27. Л. 25 об.

⁴⁶ Там же. Л. 26 об.

⁴⁷ Там же. Л. 113 об.

⁴⁸ Там же. Л. 109.

⁴⁹ Согласно постановлению Правительства Монголии от 19.10.1923, четыре аймака Халхи были переименованы. Бывший Дзасакту-хановский аймак стал называться Хантайшир-Уул и состоял из 72 сумонов.

должно подчиняться законоположениям той или иной территории. При этом граждане имеют равные права и обязанности с гражданами государства, находящегося в дружеских отношениях.

Но ситуация резко изменилась после подписания договора между ТНР и МНР. Министерства иностранных дел двух государств обменялись нотами, в которых выражали обеспокоенность по поводу незаконного заселения и занятия своих кочевий. Тувинская сторона настоятельно призывала к уважению суверенитета и территориальной целостности, к необходимости наладить диалог по данному вопросу.

В марте 1930 г. секретарь Центрального Комитета Тувинской народно-революционной партии С. К. Тока посетил с рабочей поездкой г. Улан-Батор, где несколько раз встречался с Элдэв-Очиром, секретарем Центрального Комитета Монгольской народно-революционной партии Гэнэном.

В рамках рабочей поездки обсуждались и межпартийные связи. В центре внимания оказалась дискуссия вокруг пограничного вопроса. В директиве о принципах установления границ указывалось на нежелательность основываться на старых маньчжурских границах и подчеркивалась необходимость придерживаться принципа культурного развития аратских масс и их хозяйств⁵⁰.

С. К. Тока и Элдэв-Очир поставили свои подписи в постановлении об определении границ между ТНР и МНР, в котором подчеркнули необходимость создания Правительственных комиссий на паритетной основе. Комиссия должна была основываться на архивных материалах, руководствоваться хозяйственными интересами местного населения и национальными моментами⁵¹.

Правительство ТНР выработало инструкцию для Пограничной комиссии, состоящую из 9 пунктов⁵². Комиссия должна была составить названия всех приграничных местностей, рек и гор и занести эти обозначения на карту, а также проверить и при необходимости восстановить овоо (знаки), пронумеровать их, измерить расстояния между ними и другими географическими объектами, а также сделать соответствующие отметки на байзе. Все эти данные нужно было согласовать и утвердить членам двух Пограничных комиссий.

В п. 8 Инструкции было отмечено, что от караула Алаг-овоо и до Баян-Булака, между которыми находились кочевья соян, имеется необходимость восстановления пограничных знаков.

Комиссии давалось исключительное право решать судьбу единичных семей, которые после установления пограничной линии оставались на противоположной территории, но изъявляли желание воссоединиться со своими соотечественниками.

Комиссия должна была работать в течение трех месяцев. Все постановления о фиксации и установлении пограничных знаков утверждались в правительстве ТНР. Однако данная работа была приостановлена из-за вспыхнувшего вооруженного восстания в 1930 г.

2–5 июня 1932 г. состоялись четыре совместных заседания Правительственных комиссий ТНР и МНР по разрешению пограничного вопроса, которые проходили в местечке Кус (Хус) Дзунхангайского сумона Дурбетского аймака МНР (ныне – Увс аймак Монголии) с участием С. К. Тока, О. Танчая, Аюшина и Даваа – с тувинской стороны и Заяа-Эрэнчина и Мещерикова – с монгольской. При проведении пограничной линии участники заседания постановили придерживаться горных хребтов, гор,

⁵⁰ НА РТ. ФП. 1. Оп. 1. Д. 863. Л. 2.

⁵¹ Там же. Л. 1.

⁵² Там же. Д. 984.

высот, реки и озер, а при отсутствии таковых – обозначать специальными пограничными знаками (столбами). «Спорный квадрат восточнее озера Убса-Нора, – отмечалось в протоколе № 1 – разделить пополам (на северную и южную части, имея пограничные линии по юго-западному склону горы Ахыр, прямо через пески на вершину горы Нисхэ): северную часть включить в состав территории ТНР, а южную часть, как имеющую важнейшее значение для развития Барун-Турунского зерногосхоза, принадлежащего МНР – включить в состав территории МНР»⁵³. Таким образом, кочевья соян были включены в состав соседнего государства. Тувинским аратам предстояло вынужденное переселение в глубь страны. Они, оставив насиженные места, по распределению, отдельными семьями, переселялись на новое местожительство, зачастую отдельно от близких родственников, что впоследствии привело к разрыву родственных связей.

После установления границы гражданам предоставлялось полное право самостоятельно решать вопрос о гражданстве того или иного государства. Они должны быть обеспечены всеми правами и свободой согласно законодательству данной республики. Участники заседания правительственные комиссий МНР и ТНР понимали, что поскольку тувинское и монгольское приграничное население кочевали вместе и имели единые охотничьи, лесные угодья и водную систему, то при установлении границ хозяйству аратов будет причинен значительный ущерб. Поэтому приграничному населению предоставлялось право пользоваться охотничими, лесными и водными угодьями и выгонами для скота, ранее находившимися в их фактическом пользовании. Последнее предложение было оформлено специальной конвенцией.

Следует отметить, что тувинское правительство несколько раз призывало монголов вновь создать смешанную комиссию по установлению пограничных знаков согласно договору 1932 г. Утверждалось, что при их отсутствии граждане МНР систематически допускали незаконный переход границы, тем самым потравляли сенокосные угодья, разрушали скотные дворы и ограды, вели незаконную торговлю. Кроме того, имелись случаи «контрреволюционной агитации на территории ТНР феодально-теократическими элементами, проникавшими со стороны МНР»⁵⁴.

Данный договор монгольской стороной был воспринят как уступка со стороны МНР и монголы не стали его ратифицировать⁵⁵. В 1937 г., считая переговоры по пограничным линиям 1932 г. «несправедливыми», они инициировали их возобновление уже с участием Советского Союза. Таким образом, монголы в одностороннем порядке отказались от договора 1932 г. и выдвинули предложение о новом пересмотре государственной границы.

В мае 1940 г. Председатель Совета Министров и министр иностранных дел МНР маршал Чойбалсан и полномочный представитель ТНР в МНР Намзырай подписали соглашение, в котором договорились «твердо не основываться»⁵⁶ на договоре 1932 г., но в то же время использовать его материалы и старые исторические документы при установлении новой линии границы.

В 1940 г. возобновилась работа Смешанной государственной комиссии по установлению новой государственной границы между ТНР и МНР. С августа по октябрь состоялось шесть заседаний комиссии, в которую вошли с тувинской стороны Бадыраа, Даваажап и Седиг; с монгольской – Янжмаа, Шарав-Самбуу, Одсэр и Маг-

⁵³ НА РТ. ФП. 1. Оп. 1. Д. 1354. Л. 1–1 об.

⁵⁴ НА РТ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 202. Л. 27.

⁵⁵ Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М., 2003. С. 181. EDN: VVMCTT

⁵⁶ НА РТ. ФП. 1. Оп. 1. Д. 202. Л. 73.

сар. Комиссия в части спорной территории – участок от Шара-узюра до больших песков на юге озера Торе-Хол до северного склона Хан-Хохий с протяженностью 96 км – пришла к соглашению об установлении линии границы на основе договора 1932 г. Но по территории дальше северного склона Хан-Хохий и до Цаган-Толгоя (протяженность – 38 км, ширина – 6 км и площадь – 228 кв. км) из-за возникших разногласий договориться не удалось. В 1944 г. Тува вошла в состав СССР, и данный вопрос перешел на другой уровень.

Заключение

Начиная с XVII в. в русских посольских документах упоминаются сояны – народ, который кочевал на обширной территории от восточных Саян до Телецкого озера. Сояны платили дань Алтын-ханам, джунгарам, а русские предпринимали неоднократные попытки привести их «под высокую государеву руку». В свою очередь, сояны в составе других племен совершали набеги не только на посольства, но и на русские города. Предводитель соян активно вступал в отношения с русскими, вел переговоры по постройке острога на слиянии рек Бий и Катуни.

В конце XVIII в. сояны появляются уже в юго-западной части Тувы. Маньчжурский натиск вынудил часть джунгар переселиться из Или и Тарбагатая в кочевья соянов, которые были вытеснены в предгорье Танну-Ола.

Правящие круги Танну-Урянхая поэтапно, путем жалоб, переговоров с улусутайским цзянь-цзюном, монголами добивались разрешения вновь кочевать в районе хребта Хан-Хохий и близлежащих территориях, что привело к территориальным спорам, которые продолжились вплоть до середины XX в.

В период российского протектората над Тувой дэнги Ванчук, несмотря на обязательство не вступать в сношения с иностранцами, стал последовательно продвигать идею присоединения своего сумона к Монголии, за что был снят русскими властями с должности. Вместо него был избран его сын Далха-Сурун, который позднее занимал ответственные должности в Совете Министров ТНР.

Начиная с 1924 г., территориальный вопрос вновь обострился. В инструкции, разработанной тувинской стороной для пограничной комиссии, кочевья соян были обозначены между караулами Алаг-овоо и Баян-Булак. В результате тувинско-монгольских пограничных переговоров 1932 г. их земли вошли в состав МНР. Монгольская сторона не стала ратифицировать договор 1932 г., считая его территориальной уступкой. По результатам работы Смешанной пограничной комиссии, возобновившей свою деятельность в 1940 г., участок протяженностью в 96 км, а именно земли района хребта Хан-Хохий, были оставлены как в договоре 1932 г. Тувинских аратов распределили в новые места проживания.

Поступила в редакцию / Submitted: 12.03.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 9.06.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 26.08.2025

References

- Ayyzhy, E.V., and Oorzhak, B.E. “The Hertek clan group of Tuva in the XV–XIX centuries: the history of settlement”. *Bulletin of the Tuvan State University. Social Sciences and Humanities*, no. 2 (2022): 6–13 (in Russian).
- Bayanchuulgan, B. *Oold ornoor tjemcsjen* [The Oirats' Struggle]. Ulaanbaatar: Soyombo Printing Publ., 2012 (in Mongolian).

- Dolgih, B.O. *Rodovoi i plemennoi sostav narodov Sibiri v XVII veke* [Clan and tribal composition of the peoples of Siberia in the 17th century]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1960 (in Russian).
- Istoriia Tuwy* [History of Tuva]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2001 (in Russian).
- Kara-ool, L.S., and Kormushin I.V. "Names of Tuvan clan / tribal groups analyzed." *Oriental Studies* 15, no. 6 (2022): 1254–1270 (in Russian), <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-6-1254-1270>
- Katanov, N.F. "Opyt issledovaniia uryankhaiskogo iazyka. Bibliograficheskii ukazatel'" [Experience of studying the Uryankhai language. Bibliographic index]." In *Uryankhai. Tyva depter*, 492–583. Kyzyl: Tyvapoligraf Publ., 2014 (in Russian).
- Luzianin, S.G. *Rossiia – Mongolia – Kitai v pervoi polovine XX veka. Politicheskie vzaimootnosheniiia v 1911–1946 gg.* [Russia – Mongolia – China in the first half of the XX century. Political relations in 1911–1946]. Moscow: Izdatel'stvo «Ogni» Publ., 2003 (in Russian).
- Mannai-ool, M.H. *Tuvintsy. Proiskhozhdenie i formirovanie etnosa* [Tuvans. The origin and formation of an ethnic group]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2004 (in Russian).
- Mongol Tuvgajijn tuuhijn holbogdoltoj arhivyn barimtuud* [Archive documents related to the history of Mongolian Tuva]. Ulaanbaatar: LLC "EKIMTO" Publ., 2009 (in Mongolian).
- Potapov, L.V. *Ocherki narodnogo byta tuvintsev* [Essays on the folk life of Tuvians]. Moscow: Nauka Publ., 1969 (in Russian).
- Prokofieva, E.D. *Protsess natsional'noi konsolidatsii tuvintsev* [The process of national consolidation of Tuvans]. St. Petersburg: "Kunstkamera – Arkhiv" Publ., 2011 (in Russian).
- Russko-mongol'skie otnosheniiia. 1654–1685. Sbornik dokumentov* [Russian-Mongolian relations. 1654–1685: Collection of documents]. Moscow: Vostochnaia literatura Rossiiskoi akademii nauk Publ., 1996 (in Russian).
- Russko-mongol'skie otnosheniiia. 1607–1636: Sbornik dokumentov* [Russian-Mongolian relations. 1607–1636. Collection of documents]. Moscow: Vostochnaia literatura Rossiiskoi akademii nauk Publ., 1996 (in Russian).
- Russko-mongol'skie otnosheniiia. 1636–1654: Sbornik dokumentov* [Russian-Mongolian relations. 1636–1654: Collection of documents]. Moscow: Nauka Publ., 1974 (in Russian).
- Serdobov, N.A. *Istoria formirovaniia tuvinskoi natsii* [History of the Formation of the Tuvan Nation]. Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1971 (in Russian).
- Sobranie arkhivnykh dokumentov o protektorate Rossii nad Uryankhaiskim kraem - Tuvoi: k 100-letiiu istoricheskogo sobytiiia* [Collection of Archival Documents on the Russian Protectorate over the Uryankhai Region - Tuva: on the 100th Anniversary of the Historical Event]. Abakan: Zhurnalist Publ., 2014 (in Russian).
- Tatarintsev, B.I. "O proiskhozhdenii etnonima «soian» i ego nositelei [On the Origin of the Ethnonym "Soyan" and Its Bearers]." In *Problemy istorii Tuwy*, 244–225. Kyzyl: Tipografia Tuvinskogo gosudarstvennogo izdatel'stva Publ., 1984 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Аяна Аны-ооловна Самдан, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований; Россия, 667000, Республика Тыва, Кызыл, ул. Кочетова, 4; camayana@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7785-7497>; SPIN-код: 5747-9700.

Ayana Anai-oоловна Samdan, PhD in History, Leading Researcher of History Sector, Tuvan Institute for the Humanities and Applied Social and Economic Research; 4, Kochetov Str., Kyzyl, Republic of Tuva, 667000, Russia; camayana@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7785-7497>; SPIN-code: 5747-9700.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-675-687>
EDN: NBCGLO

Научная статья / Research article

Переселение малороссийских казаков на северо-восточный берег Черного моря в 1820–1830-е гг.

Сергей Николаевич Шаповалов

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
 shapovalov07@gmail.com

Аннотация: Исследуется процесс организации переселения малороссийских казаков в крепость Анапу с целью закрепления новоприобретенных территорий. На примере заселения Анапы демонстрируются как возможности царских властей по организации перемещения значительных групп населения, так и барьеры для исполнения разработанных проектов. Определяются особенности переселения малороссийских казаков на северо-восточный берег Черного моря как части имперской политики по заселению и освоению земель Северо-Западного Кавказа в 1820–1830-е гг. Показано, что проект переселения малороссийских казаков натолкнулся на серьезные препятствия. Высокая стоимость его исполнения не позволила переселить все казачьи семейства. Неустроенность жизни в самой крепости Анапа замедлила развитие земледелия, промыслов, промышленности и торговли. Окраинное и фронтирное положение Анапы препятствовало коммуникации с другими портами. Автор делает вывод, что, несмотря на общую неудачу проекта освоения земель северо-восточного берега Черного моря, крепость Анапа оставалась форпостом Российской империи для привлечения населения из других губерний еще в течение нескольких десятилетий. Накопленный опыт переселения малороссийских казаков и делопроизводство по этому вопросу использовалось при разработке новых планов в 1830–1850-е гг. по переселению в Анапу донских, черноморских, азовских казаков, а также государственных крестьян и торговцев.

Ключевые слова: Анапа, Анапский строительный комитет, Кременчуг, малорусское казачество, Тамань, Черное море

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда и за счет гранта Российского научного фонда в рамках проекта № 24-18-20096, <https://rscf.ru/project/24-18-20096/>

Для цитирования: Шаповалов С.Н. Переселение малороссийских казаков на северо-восточный берег Черного моря в 1820–1830-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 4. С. 675–687. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-675-687>

Resettlement of Little Russian Cossacks to North-Eastern Coast of the Black Sea in 1820–1830s

Sergey N. Shapovalov^{ID}

Kuban State University, Krasnodar, Russia

 shapovalov07@gmail.com

Abstract: The author in their article provides a comprehensive analysis of the available materials on the organization of the resettlement of Little Russian Cossacks to the Anapa fortress in their quest to consolidate newly acquired territories. The example of the settlement of Anapa demonstrates both the capabilities of the Russian authorities to organize the movement of major population groups and the barriers to the implementation of the developed projects. The author determines the features of the resettlement of Little Russian Cossacks to the north-eastern coast of the Black Sea as part of the imperial policy on the settlement and development of the lands of the Northwest Caucasus in the 1820–1830s. It is shown through the project that the resettlement of Little Russian Cossacks encountered serious obstacles. The high cost of its implementation prevented resettling all the Cossack families, and the disorderly life in the Anapa fortress slowed down the development of agriculture, crafts, industry, and trade. The outskirts and frontier position of Anapa hindered communication with other ports. The author concludes that despite the general failure of the project to develop the lands of the north-eastern coast of the Black Sea, the Anapa fortress remained an outpost of the Russian Empire by attracting population from other provinces for several more decades. The accumulated experience of resettling Little Russian Cossacks and the paperwork on this issue were used in developing new plans in the 1830–1850s for resettling Don, Black Sea, Azov Cossacks, as well as state peasants and traders to Anapa.

Keywords: Anapa, Anapa Construction Committee, Kremenchug, Malo-Russian Cossacks, Taman, Black Sea.

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Acknowledgments: The study was carried out with financial support from the Kuban Science Foundation and through a grant from the Russian Science Foundation under project No. 24-18-20096, <https://rscf.ru/project/24-18-20096/>

For citation: Shapovalov, S.N. “Resettlement of Little Russian Cossacks to North-Eastern Coast of the Black Sea in 1820–1830s.” *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 4 (November 2025): 675–687 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-675-687>

Введение

Актуальность избранной темы обусловлена важностью изучения истории освоения северо-восточного берега Черного моря и его интеграции в правовое поле и социально-экономическую структуру Российской империи. Оно стало возможным благодаря трансформации границ империи, происходившей в конце XVIII – первой половине XIX в., когда огромные земельные пространства на южных рубежах стали нуждаться в заселении и хозяйственном освоении.

Степень изученности проблемы. В отечественной историографии научный интерес к истории заселения и освоения северо-восточного берега Черного моря был проявлен дореволюционными исследователями¹. Они внесли большой вклад в изучение численности переселенцев, времени их прибытия, деятельности местных вла-

¹ Дукмасов И. О заселении Черноморского побережья Кавказа казачьим войском // Сочинения Ив. Дукмасова. М., 1887; Короленко П.П. Закубанский край (К истории Западного Кавказа) // Военный сборник. 1893. № 4. С. 329–351; Новицкий В. Анапа и Закубанские поселения (с картою) // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Тифлис, 1853. Кн. 2. С. 14–43; Стороженко Н.В. Очерк из истории малороссийских казаков в конце XVIII и в начале XIX века. Киев, 1898; Шавров Н. Проекты колонизации восточного берега Черного моря // Северный вестник. СПб., 1886. № 7 (июль).

стей по водворению нового населения. Однако, как справедливо полагал историк Кубанского казачества Ф.А. Щербина, «в исторических материалах не сохранилось достаточно данных, по которым можно было бы проследить постепенный ход заселения Анапского района, но есть отрывочные указания об отдельных моментах»².

В советской историографии также изучались особенности заселения территории Северного Причерноморья, проводился анализ этнического и социального состава населения, рассматривались экономические последствия освоения новых земель³. Однако в них не исследовались проекты переселения малороссийских казаков, в том числе с целью создания нового прибрежного войска.

Вопросы, связанные с заселением и освоением северо-восточного берега Черного моря в XIX–XX вв., рассматривают в своих работах и современные исследователи. В частности, И.М. Федина выделяет четыре периода в процессе освоения северо-восточного берега Черного моря, которые длились с 1828 по 1888 гг., дает характеристику каждому из них⁴. С.Г. Кудаева указывает на прерывание этого процесса двумя затяжными войнами (Кавказской и Крымской) и осложнение военными столкновениями с местными адыгскими народностями, которые не признавали ни русской, ни турецкой власти⁵. Л.В. Бурыкина раскрывает сложности адаптации крестьянского населения к условиям ведения сельскохозяйственной деятельности на землях Северо-Западного Кавказа⁶. С.Е. Сазонова сосредоточивает внимание на изучении переселения нескольких групп малороссийского (украинского) населения, преимущественно в 1840–1860-х гг., на территорию Черноморского казачьего войска и северо-восточный берег Черного моря⁷. В работе Л.Г. Степановой рассмотрены особенности заселения, хозяйственного освоения и межевания земель на южных границах империи во второй половине XVIII – первой половине XIX в.⁸ Особенности адаптации пришлого населения к условиям северокавказского фронтира исследует Ш.А. Магарамов⁹. Складывание системы государственного управления на землях Кавказа раскрывает А.Т. Урушадзе¹⁰.

² Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. М., 2014. С. 444.

³ Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М., 1959; Кабузан В.М. Крестьянская колонизация Северного Причерноморья (Новороссии) в XVIII – первой половине XIX вв. (1719–1857 гг.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Кишинев, 1966. С. 313–322; Ратушняк В.Н. Некоторые вопросы капиталистического заселения Северного Кавказа в конце XIX в. – начале XX в. // Проблемы аграрной истории Северного Кавказа в дореволюционный период. Ставрополь, 1981. С. 17–24.

⁴ Федина И.М. Поселенческое миромоделирование Восточного Причерноморья: российский опыт региональной политики XIX столетия. Краснодар, 2022. С. 19–20. EDN: HYWRCCF

⁵ Кудаева С.Г. Актуальные вопросы истории и культуры адыгов. Майкоп, 2017. С. 81. EDN: JVRPTO

⁶ Бурыкина Л.В. Крестьянская миграция на Северо-Западный Кавказ в 20-е – 50-е гг. XIX в. // Вестник Адыгейского государственного университета. 2005. № 4. С. 20–22. EDN: JYBJRT

⁷ Сазонова С.Е. История заселения Анапского района украинскими переселенцами (30–60-е гг. XIX века) // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 3. С. 75–78. EDN: KWGUGF

⁸ Степанова Л.Г. От Ейского укрепления до Ейской слободы: трансформация поселенческого уклада и особенности межевания на южных границах России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 2. С. 143–154. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-2-143-154> EDN: SYPISW

⁹ Магарамов Ш.А. Российский фронт на Северном Кавказе: проблемы периодизации // Журнал фронтовых исследований. 2023. Т. 8. № 4. С. 17–29. <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i4.514> EDN: NIGNYK

¹⁰ Урушадзе А.Т. Наместник императора: Кавказ в системе государственного управления никалаевской России // Вестник Пермского университета. История. 2025. № 2. С. 17–27. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2025-2-17-27> EDN: THWYTC

Несмотря на изучение ряда аспектов заселения и освоения северо-восточного берега Черного моря в XIX–XX вв., в целом в современной отечественной историографии данной теме уделяется недостаточное внимание. До настоящего времени малоизученными остаются вопросы подготовки переселения малороссийских казаков со стороны государства, маршруты движения, состав и численность переселенцев.

Целью исследования является определение особенностей переселения малороссийских казаков на северо-восточный берег Черного моря как части имперской политики по заселению и освоению земель Северо-Западного Кавказа в 1820–1830-е гг.

Источниковая база. В качестве источников исследования помимо сборников опубликованных документов были использованы впервые вводимые в научный оборот архивные материалы из фонда Анапского строительного комитета (Ф. 783) Государственного архива Краснодарского края, содержащие в том числе записки генерал-фельдмаршала графа И.Ф. Паскевича-Эриванского и Малороссийского военного губернатора князя Н.Г. Репнина-Волконского, раскрывающие замыслы правительства по освоению северо-западного берега Черного моря, и делопроизводственные документы из фонда Гражданской канцелярии командующего войсками правого крыла и наказного атамана Черноморского казачьего войска (Ф. 788) Российского государственного военно-исторического архива.

Форпост империи на северо-восточном берегу Черного моря

Закрепление за Российской империей земель северо-восточного берега Черного моря стало результатом успешного окончания Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. По итогам Адрианопольского мирного договора восточный берег Черного моря от места впадения р. Кубани в Кизилташский лиман до границ Азиатской Турции перешел в российское владение¹¹. Для России эти земли имели не только торговое, но и военно-стратегическое значение¹². Османская империя лишилась всех опорных пунктов на черноморском побережье Кавказа, а Россия приобрела важную военно-морскую базу – Анапу¹³. Она стала форпостом Российской империи на северо-восточном берегу Черного моря, что, по мнению генерал-лейтенанта Н.Н. Раевского, должно было принести России большие выгоды:

...мы еще не умеем оценить важность приобретения Восточного берега Черного моря. Оно удвоило пространство принадлежащих нам берегов сего моря. Море это даст со временем сему краю первенство над Кавказскою областью и Закавказским краем¹⁴.

Неурегулированность взаимоотношений с горскими народностями, поиск более мягкого подхода к интеграции местного населения в состав империи, удаленность от основных военных и торговых коммуникаций не позволили российским властям применять на землях северо-восточного берега Черного моря апробированные ранее способы заселения и освоения окраинных территорий¹⁵. Одним из них было строительство большого числа городов по мере движения на юг. Каждый такой

¹¹ Трактат, заключенный в Адрианополе между Российской империей и Оттоманской Портой // ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. IV. № 3128. С. 625.

¹² Тимошенко-Озdemir Е.Н. Северный Кавказ в международной политике во второй половине XIX века // Вестник СПбГУ. Востоковедение. Африканистика. 2009. № 2. С. 23. EDN: MBWRCF

¹³ Кудаева С.Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. Майкоп, 2014. С. 165–166. EDN: TWEZYF

¹⁴ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 788. Оп. 1. Д. 5. Л. 12.

¹⁵ В 1842 г. император Николай I отложил вопрос о расширении Анапского поселения, чтобы не раздражать натухайцев. Ф. 788. Оп. 1. Д. 11. Л. 8 об.

новопостроенный город становился не только простым укреплением, но и пунктом постоянной русской оседлости¹⁶. Россия систематически колонизировала регион, размещая войска в многочисленных укреплениях и крепостях, отправляя военных чиновников, купцов и священников во вновь построенные города, и поощряя переселенцев оседать на земле и обрабатывать ее¹⁷. Поселенческий уклад в черноморском регионе формировался как многонациональный историко-культурный потенциал с различными формами общежития¹⁸. Крепости, укрепления и форты соседствовали здесь с неказачьими станицами, поселками и островными поселениями.

После заключения Адрианопольского мирного договора северо-восточное побережье Черного моря стало объектом притяжения как для организованных переселенцев, так и для отдельных беглых партий из южных и центральных губерний Российской империи. В 1830 г. в Кавказской области насчитывалось 53,5 тыс. только государственных крестьян¹⁹. Сложившееся положение было вызвано рядом причин. Л.В. Бурыкина полагает, что крестьяне искали на окраинах империи облегчение своего положения²⁰. Дэвид Мун видел первопричину этих переселений в правовой плоскости²¹. Томас Барретт объяснял притягательность новых земель циркулировавшими ложными слухами:

В 1837 г. крестьяне особенно часто бежали в район Анапы, где было объявлено, что беглецам будет предоставлено убежище, они будут включены в ряды казачества²².

Слухи не соответствовали реальности. После захвата русскими войсками бывшая турецкая крепость Анапа находилась в разрушенном состоянии:

В последний раз покоренная крепость Анапа 12 июня 1828 года хотя имела некоторые каменные, и соломенные строения, преимущественно с земляными крышами, но и те разбитые бомбами и ядрами, так были повреждены, что едва усиленными средствами казны и местным гарнизоном могли быть поддержаны для временных жилищ...²³

Местное комендантское управление также ощущало нехватку гражданского населения, способного заняться торговой деятельностью и ремесленным производством, обустроить и привести в порядок территорию крепости:

...вольные ремесленники до того времени также не посещали Анапы, а потому никакие сельские и городские промыслы, не имея никаких особых работ, не могли быть развиты, в особенности, когда в крепости находились арестантские и военно-рабочие роты²⁴.

¹⁶ Любавский М.К. История русской колонизации, или Как возникала империя. М., 2021. С. 196.

¹⁷ Магарамов Ш.А. Особенности развития российского фронтира на Северном Кавказе // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. № 4. С. 943. DOI: <https://doi.org/10.32653/CH194934-945>. EDN: PLRPVU

¹⁸ Федина И.М. Поселенческое миромоделирование Восточного Причерноморья: российский опыт региональной политики XIX столетия. Краснодар, 2022. С. 4–5. EDN: HYWRCF

¹⁹ Турун П.П. Влияние крестьянской миграции на формирование сети сельских поселений Северного Кавказа // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2013. № 2. С. 63. EDN: RSCAYD

²⁰ Бурыкина Л.В. Крестьянская миграция... С. 20.

²¹ Moon D. Russian Peasants and Tsarist Legislation on the Eve of Reform: Interaction between Peasants and Officialdom, 1825–1855 (Studies in Soviet History and Society). London, 1992. P. 23.

²² Барретт Т.М. Линия неопределенности: северокавказский «фронт» России // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Имперский период. Самара, 2000. С. 187.

²³ РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 55. Л. 4.

²⁴ Там же. Л. 8 об.

Гражданское население крепости Анапы было представлено небольшим числом русских иногородних купцов, анатолийских турок, греков, армян и крымских татар. До 1830 г. поддерживалась меновая торговля с горцами²⁵.

Для защиты единственного сухопутного сообщения крепости Анапы с землей Черноморского казачьего войска было построено укрепление Джемете. Все укрепление заключалось в одной боевой линии, протянувшейся на узкой песчаной полосе между Кизилташским лиманом и Черным морем, и обнесенное плетнем и терновником²⁶. Укрепление обеспечивало безопасное движение от него до Бугазской переправы, но не защищало гарнизон и торговцев в Анапе от нападений во время выхода из крепости. Жители были вынуждены брать воду в речке Анапке, находившейся на расстоянии двух верст, только в сопровождении конвоя²⁷.

Небезопасное положение, отсутствие постоянного гражданского населения, неполное восстановление оборонительной линии крепости Анапы не помешали ей стать форпостом для освоения и заселения северо-восточного берега Черного моря в 1820–1830-е гг. Такой выбор со стороны начальства был обусловлен как ее военно-стратегическим положением, так и отсутствием альтернатив в новом крае. Его фронтирующее состояние предопределило ориентацию на привлечение казачьего населения, привыкшего к тяготам пограничной и неспокойной жизни и выработавшего свои механизмы адаптации к окружающей враждебной среде. Кроме того, как отмечает М. Ходарковский, российские власти использовали на Северном Кавказе тактику проведения военных экспедиций небольшими мобильными отрядами для завоевания региона²⁸. Такая стратегия могла быть реализована с опорой на казачье сословие. После некоторых раздумий выбор начальства пал на малороссийских казаков, испытывавших перманентный недостаток в земельных ресурсах и владевших необходимыми строительными навыками для обустройства своих жилищ и организации хозяйства. Одним из главных носителей этой идеи стал малороссийский губернатор князь Н.Г. Репнин-Волконский, стремившийся избавиться от казацкой вольници в подчиненных ему землях²⁹.

Проекты переселения малороссийских казаков в крепость Анапу

Начало переселению малороссийских казаков было положено письмом главно-управляющего гражданской частью в Грузии, Астраханской губернии и Кавказской области и главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом генерал-фельдмаршала графа И.Ф. Паскевича-Эриванского на имя коменданта Анапы генерала-майора А.В. Вышеславцева от 12 декабря 1829 г. В нем давалось поручение создать комитет для разработки проектов и смет поселения в крепости Анапе 800 семейств малороссийских казаков и определялся круг его обязанностей³⁰.

Приложением к письму была «Записка о том, какие меры нужно принять при переселении в крепость Анапу малороссийских казаков» графа И.Ф. Паскевича-Эриванского. Документ состоял из трех частей. Первая была посвящена переселе-

²⁵ РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 55. Л. 8.

²⁶ Новицкий В. Анапа и Закубанские поселения... С. 26.

²⁷ Поездка к восточным берегам Черного моря на корвете Ифигения в 1836 году / соч. С. Сафонов. Одесса, 1837. С. 6.

²⁸ Khodarkovsky M. Bitter Choices, Loyalty and Betrayal in the Russian Conquest of the North Caucasus. Ithaca – London, 2011. P. 167.

²⁹ Кузнецов О. Закавказское казачье войско: три несостоявшихся проекта // IRS Наследие: международный азербайджанский журнал. 2013. № 2. С. 22–23.

³⁰ Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 783. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

нию малороссийских казаков в крепость Анапу, которое должно было быть непринужденным. Для этого на местах заранее предполагалось объявить о скором вызове казаков, разъяснить им все преимущества, выгоды и льготы. Движение к Анапе предполагалось совершить только по сухопутным маршрутам. Переправы были намечены из Крыма в Тамань и на Бугазской переправе на Джемете́йскую косу³¹.

На подводах предполагалось перевозить имущество переселенцев, а также малолетних детей и неспособных к длительному переходу казаков. Бедные семьи обеспечивались транспортом. Продовольствие с момента начала переселения и до прочного обоснования на новом месте должно было осуществляться за счет казенного провианта.

Партии переселенцев предполагалось разделить на сотни, каждая из которых снабжалась маршрутом движения с указанием переходов, мест для отдыха, сведениями относительно состояния дорог, количества заготовленного провианта, фуража и дров. Заранее определялись места для выгула и водопоя скота. Местному начальству вменялось в обязанности расспрашивать переселявшихся об их нуждах и том, довольны ли они своими приставами.

Во второй части записки рассматривались вопросы проживания малороссийских казаков в Анапе и подготовки к земледельческим работам. После прибытия переселенцев в Анапу местный строительный комитет должен был расселить всех по домам и провести размежевание полей. Ему же надлежало обеспечить малороссийских казаков необходимым инвентарем для полевых работ и оружием³².

В третьей части записки внимание уделялось устройству домов и хозяйственных построек для переселенцев. С этой целью в Анапе создавался строительный комитет, члены которого занимались составлением проектов и смет переселения малороссийских казаков.

8 мая 1830 г. в Анапский строительный комитет было направлено распоряжение И.Ф. Паскевича-Эриванского, к которому была приложена записка Малороссийского военного губернатора князя Н.Г. Репнина-Волконского «О мерах, предполагаемых малороссийским Военным Губернатором к переселению тысячи семейств малороссийских козаков в крепость Анапу; составленная в дополнение к мнению о сем Господина Генерал-Фельдмаршала графа Паскевича Эриванского»³³.

Записка также состояла из трех частей. Первая именовалась «Вызов к переселению», и в ней определялись поветы, из которых могли подаваться прошения на переселение: Полтавский, Зеньковский, Роменский, Кобеляцкий, Кременчугский, Лубенский и Хорольский. Их жители получали приглашения, содержащие сведения о выгодах и мерах попечения правительства о переселенцах. Казакам устанавливался месячный срок на изъявление желания о переселении в Анапу. Вторая часть «О назначении переселенцев» была посвящена требованиям к отбору наиболее подходящих семей переселенцев. При рассмотрении прошений предпочтения отдавались малоземельным семьям со здоровыми мужчинами в возрасте от 20 до 35 лет, не имевшими частных долгов, которые они не могли заплатить до переселения, и членов семьи, привлекавшихся к наказанию по суду³⁴.

Заключительная часть записки именовалась «Порядок отправления козаков, переселяющихся в крепость Анапу». Предусматривалась отправка партиями в 100 семей, которые прибывали в назначенный день и время и не должны были пересекаться

³¹ Там же. Л. 5.

³² ГАКК. Ф. 783. Оп. 1. Д. 3. Л. 9.

³³ Там же. Л. 54.

³⁴ Там же. Л. 55 об.

друг с другом. Начальники над партиями получали маршруты движения, деньги для закупки соли, дегтя, веревок и открытый лист для оказания переселенцам помощи со стороны местных гражданских властей³⁵. Всего к переселению планировалось привлечь до 800 семей.

Подготовка Анапы к принятию малороссийских казаков

Записки графа И.Ф. Паскевича-Эриванского и князя Н.Г. Репнина-Волконского были тщательно продуманы и должны были обеспечить заселение северо-восточного берега Черного моря в окрестностях крепости Анапы несколькими тысячами способных к хлебопашеству и земледелию переселенцев. Однако сама крепость не была подготовлена к водворению такого числа людей. К весне 1830 г. сложившееся положение было осмыслено членами строительного комитета, которые обратились к казному атаману Черноморского казачьего войска с вопросом о возможности временно разместить будущих переселенцев в черноморских куренях. Однако на эти места уже претендовали представители Дунайского казачьего полка, образованного из бывших запорожских казаков³⁶. Поэтому возможности черноморцев по размещению будущих малороссийских переселенцев оказались строго лимитированными. В селения Ейского, Бейсугского и Екатеринодарского округов могли принять не более 512 семей³⁷. Оставшиеся после временного расселения малороссийские семьи в числе не менее 288 должны были быть помещены в Анапе.

Для возведения почти 300 домов, а затем и оставшихся 512 требовалось участие значительного числа вольнонаемных рабочих, которых практически не было в Анапе. Все необходимые работы по строительству, ремонту и благоустройству крепости осуществляли арестантские и военно-рабочие роты³⁸. Поэтому 2 апреля 1830 г. строительный комитет обратился к И.Ф. Паскевичу-Эриванскому с просьбой о назначении одной военно-рабочей роты в Анапу, в задачи которой входили заготовка всех необходимых строительных материалов и осуществление работ по возведению домов³⁹.

В начале мая 1830 г. члены Анапского строительного комитета получили отношение И.Ф. Паскевича-Эриванского, в котором предписывалось поспешить с окончанием составления проектов и смет, сообщалось о водворении в Анапе уже 1000 семей⁴⁰. Увеличение первоначальной численности произошло на основании мнения Малороссийского военного губернатора.

19 августа 1830 г. члены Анапского строительного комитета направили предварительную смету на имя И.Ф. Паскевича-Эриванского, в соответствии с которой предусматривалось размещение 800 малороссийских семей. Для их приема в Анапе планировалось возвести 400 каменных домов в пределах крепости. Дома были рассчитаны на поселение двух семей. Добавленные 200 семей предлагалось поселить на форштадте, который еще только предстояло построить⁴¹. По смете на постройку домов, закупку и доставку в Анапу всех материалов и инструментов, снабжение переселенцев инвентарем, семенами, повозками и другими вещами требовалась фантастическая сумма – 3 729 666 руб. ассигнациями⁴².

³⁵ ГАКК. Ф. 783. Оп. 1. Д. 3. Л. 53–57 об.

³⁶ Щербина Ф.А. История Кубанского... С. 423.

³⁷ Рассчитано автором на основании материалов ГАКК. Ф. 783. Оп. 1. Д. 3. Л. 133–133 об.

³⁸ РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 55. Л. 8 об.

³⁹ ГАКК. Ф. 783. Оп. 1. Д. 3. Л. 100.

⁴⁰ Там же. Л. 53.

⁴¹ Там же. Л. 128.

⁴² РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 3. Л. 28

Одновременно возникли трудности с решением земельных, имущественных и налоговых вопросов в местах проживания малороссийских казаков. Обсуждение их Комитетом министров состоялось на заседаниях 14, 21 и 24 февраля 1831 г. По итогам было принято решение о направлении, в первую очередь, в Анапу 69 семей малороссийских казаков, знающих нужные к устройству для их жилищ ремесла⁴³.

30 июля 1831 г. управляющий Главным Штабом Его Императорского Величества граф А.И. Чернышев направил предписание, в котором было объявлено, что император повелел отложить до весны 1832 г. отправление в Анапу 69 семей мастеровых из числа малороссийских казаков⁴⁴. Предписание не отменяло решения о переселении 1000 семей, но было продиктовано сложившимися обстоятельствами. К лету 1831 г. в крепости не было построено ни одного дома для размещения переселенцев.

Осенью 1831 г. командиром Отдельного Кавказского корпуса был назначен генерал-адъютант барон Г.В. Розен. Он стал активным сторонником проекта заселения северо-восточного берега Черного моря выходцами из различных губерний Российской империи, но предполагал сместить вектор переселения от Анапы в сторону Геленджика и Суджук-Кале⁴⁵.

После ознакомления с проектами и сметами строительного комитета по Анапе 22 января 1832 г. Г.В. Розен представил графу А.И. Чернышеву свое мнение об этом деле. Он выразил уверенность в том, что необходимо вновь отложить переселение малороссийских казаков до приведения в порядок Анапы и Геленджика, открытия между ними сухопутного сообщения, возведения домов для принятия новоприбывших и обеспечения безопасности от нападений со стороны горцев⁴⁶.

Мнение Г.В. Розена было рассмотрено на заседаниях членов Комитета министров 5 марта и 22 апреля 1832 г. По их итогам мнение Г.В. Розена не было признано достаточно основательными. Члены комитета постановили разрешить переселение 69 семей мастеровых малороссийских казаков, но отложить до полного обустройства Анапы и возведения жилищ переселение остальной тысячи семей. В журнале Комитета министров появилась запись:

При ограниченном на сем основании числе первых переселенцев и при распоряжениях, предлагаемых к наличному помещению оных в готовых временных жилищах внутри крепости, не представляется, по крайней мере на первый случай, тех неудобств и затруднений, которых барон Розен ожидает вообще от переселения малороссиян...⁴⁷

На основании решений Комитета министров в апреле 1832 г. канцелярия Отдельного Кавказского корпуса и Анапский строительный комитет получили отношение о переселении летом этого года в Анапу 69 или более семей мастеровых малороссийских казаков. После обоснования на новом месте переселенцы должны были помочь подготовить дома для водворения в будущем предположенной тысяче семей казаков⁴⁸.

⁴³ Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссию: в 12 т. Тифлис, 1881. Т. 8: Кавказ и Закавказье за время управления генерала от инфантерии генерала-адъютанта барона Григория Влади-мировича Розена 1-го. С. 850.

⁴⁴ Там же. 846.

⁴⁵ Федина И.М. Поселенческое миромоделирование... С. 27.

⁴⁶ Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссию... С. 847.

⁴⁷ Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссию... С. 848.

⁴⁸ ГАКК. Ф. 783. Оп. 1. Д. 8. Л. 1

Переселение малороссийских казаков в крепость Анапу

К июню 1832 г. Полтавский гражданский губернатор отобрал 150 семей малороссийских казаков из Полтавской и Черниговской губерний. Для их встречи и провождения от Отдельного Кавказского корпуса был выделен офицер 41 Егерского полка майор Черников, а от полтавской гражданской канцелярии – секретарь Бодянский. Отправление всех переселенцев происходило от города Кременчуга.

В июле был сформирован окончательный список переселенцев. По этому поводу в дореволюционной и отчасти современной исторической литературе имеются ошибочные сведения. Так, В. Новицкий писал о высылке в Анапу в 1832 г. 124 семей⁴⁹. Ф.А. Щербина писал о прибытии переселенцев в Анапу двумя партиями: одна состояла из 134 семей, а другая – из 66⁵⁰. При этом последний сомневался в принадлежности всех переселенцев к малороссийским казакам. С.Е. Сазонова писала о поселении в Анапе 119 семей, в которых насчитывалось 401 лицо мужского пола и 287 душ женского⁵¹. В реальности окончательный список переселенцев уменьшился со 150 до 134 казачьих семей. Они были разделены на две партии. В первую были включены 68 семей, состоявших из 211 мужчин и 164 женщин, а во вторую – 66 семейств, в которой насчитывалось 194 души мужского и 189 – женского пола, а всего 758 чел.⁵²

Первая партия семей малороссийских казаков выступила из Кременчуга 2 июля, а вторая – 6 июля 1832 г. Маршрут следования партий пролегал через Полтавскую, Екатеринославскую и Таврическую губернии. Общая протяженность пути от Кременчуга до крепости Ени-Кале составила 941 версту. Переселенцы проехали через 41 населенный пункт. Большая часть из них (29) пришла на Таврическую губернию⁵³. По предварительному расчету, малороссийские казаки должны были прибыть в Керчь 22 и 27 августа. На всем протяжении пути они получали продовольствие, соль, порционное вино и другие необходимые предметы за счет казны.

31 августа офицер 41 Егерского полка майор Черников, сопровождавший партии малороссийских казаков вместе с секретарем Бодянским после переправы через Керченский пролив на северо-восточную косу передал переселенцев по спискам представителю Таманского сыскного начальства. Из-за неподготовленности домов в Анапе малороссийские казаки были временно размещены со всем своим имуществом в куренных селениях черноморских казаков в Таманском округе⁵⁴. Здесь они продолжали получать содержание от казны. С момента переселения в Таманский округ все 134 семьи малороссийских казаков поступили под ведомство Анапского строительного комитета, который через своих чиновников участвовал в разрешении всех трудностей, возникавших у новоприбывших поселенцев.

Проживание в черноморских куренях создавало для переселенцев массу трудностей. Они не могли пользоваться пашней, сенокосами и огородами, так как ожидалось их скорое водворение в крепости Анапе. Для выпаса скота им были предоставлены небольшие участки. Снабжение от казны солью и продовольствием осуществлялось с большими задержками.

К осени 1832 г. Анапская инженерная команда, состоявшая из одной военно-рабочей роты, успела выстроить только 22 дома. В них до конца года успели перевести 44 семьи малороссийских поселенцев со всем их имуществом и скотом. В следу-

⁴⁹ Новицкий В. Анапа и Закубанские поселения... С. 28.

⁵⁰ Щербина Ф.А. История Кубанского... С. 444.

⁵¹ Сазонова С.Е. История заселения... С. 76.

⁵² ГАКК. Ф. 783. Оп. 1. Д. 7. Л. 75 об.

⁵³ ГАКК. Ф. 783. Оп. 1. Д. 7. Л. 61.

⁵⁴ Там же. Л. 83.

иющем, 1833 г., из Таманского округа переселились 26 малороссийских семей. К 1835 г. в Анапу были переведены еще 60 семей. Всего в казенных домах было размещено 130 семей малороссийских казаков⁵⁵. Последние 4 семьи по разрешению местного начальства остались на землях Черноморского казачьего войска.

После водворения 130 малороссийских семей в Анапе вопрос о переселении 1 000 (или оставшихся 866 семей) более не поднимался. В немалой степени этому способствовали значительные издержки казны. Для строительства 22 деревянных домов из досок, 13 – из досок и обложенных сырцовым кирпичом и 28 турлучных, а всего 63 (с дверьми, окнами, печами, лавками, столами) казной было израсходовано до 182 тыс. руб. ассигнациями⁵⁶. В эту сумму не были включены издержки по содержанию двух партий переселенцев в пути, переправе через Керченский пролив, проживании в куренных селениях Таманского округа и многие другие расходы.

Переселение на северо-восточный берег Черного моря в крепость Анапу 130 семей малороссийских казаков не позволило устраниТЬ проблему гражданского освоения новоприобретенных земель. До 1836 г. переселенцы не имели возможности заниматься хлебопашеством и земледелием за пределами крепости. Сбор дров и хвороста, набор воды, выпас скота осуществлялись только под прикрытием войск гарнизона. Осадное положение переселенцев не позволяло им обеспечивать себя продовольствием, которое они получали за счет выдачи со стороны казны. Недостаток капитала не позволил им наладить торговлю и развить местную промышленность. Только постоянные и настойчивые просьбы о наделении землей привели в 1836 г. к межеванию первых участков вне пределов крепости, предназначенных для заведения огородов. К этому времени часть малороссийских семей успела потратить часть своего имущества и распродать рабочий скот и сельскохозяйственные орудия. В результате местные власти были вынуждены выделять средства для обзаведения переселенцами хозяйством. Полноценные земельные участки для пашни стали выделять переселенцам только к концу 1830-х гг.

Заключение

История переселения малороссийских казаков в крепость Анапу в 1820–1830-е гг. является примером разработки и частичной реализации одного из многочисленных проектов по заселению и освоению земель северо-восточного берега Черного моря, вошедших в состав Российской империи после масштабного расширения границ государства. Несогласие горцев принимать российское подданство, отсутствие других форпостов в регионе не позволили использовать устоявшиеся способы освоения новых территорий. Постоянная военная опасность предопределила ориентацию властей на переселение военизированного казачьего населения в Анапу и ее окрестности. Выбор начальства остановился на малороссийских казаках, способных заниматься хлебопашеством, ремеслами и владеющих оружием.

Проект переселения малороссийских казаков был конкретизирован в записках И.Ф. Паскевича-Эриванского и Н.Г. Репнина-Волконского, которые выделяются своей целостностью, последовательностью, вниманием к деталям. Записки отражают накопленный в империи переселенческий опыт, его правовую базу и социальный состав переселенцев. Осуществление прописанных в документах положений позволило бы обеспечить заселение северо-восточного берега Черного моря.

⁵⁵ РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 55. Л. 37 об.

⁵⁶ Новицкий В. Анапа и Закубанские поселения... С. 28.

Однако существовали и серьезные препятствия, одним из которых была высокая стоимость данного проекта, составлявшая более 3 млн руб. ассигнациями. Другим была неустроенность жизни в самой крепости Анапе, где отсутствовала какая-либо промышленность, постоянная торговля, промыслы, наблюдался дефицит домов для размещения переселенцев. Окраинное и фронтальное положение Анапы также препятствовало воплощению в жизнь изложенных в записках предписаний.

Несмотря на неудачу проекта освоения земель северо-восточного берега Черного моря силами тысячи семей малороссийских казаков крепость Анапа оставалась форпостом Российской империи для привлечения населения из южных и центральных губерний еще в течение нескольких десятилетий. В 1830–1850-г. гг. в Петербурге, Тифлисе, Керчи, Новороссийске были разработаны новые планы по переселению в Анапу донских, черноморских, азовских казаков, а также государственных крестьян и торговцев, опиравшиеся в том числе на опыт переселения малороссийских казаков.

Поступила в редакцию / Submitted: 26.02.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 20.08.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 26.08.2025

References

- Barrett, T.M. “Liniia neopredelennosti: severokavkazskii “frontir” Rossii [Line of uncertainty: Russia’s North Caucasian “frontier”].” In *Amerikanskaia rusistika: vekhi istoriografii poslednikh let. Imperskii period*, 163–194. Samara: Samarskii universitet Publ., 2000 (in Russian).
- Burykina, L.V. “Peasant migration to the North-West Caucasus in the 20s – 50s of the XIX century.” *Bulletin of the Adyghe State University*, no. 4 (2005): 20–22 (in Russian).
- Dukmasov, I. “O zaselenii Chernomorskogo poberezh’ya Kavkaza kazach’im voiskom [On the settlement of the Black Sea coast of the Caucasus by the Cossack army].” In *Sochineniya Iv. Dukmasova*, 25–46. Moscow: Universitetskaiia tipografia Publ., 1887 (in Russian).
- Druzhinina, E.I. *Severnoe Prichernomor’ye v 1775–1800 gg.* [Northern Black Sea region in 1775–1800]. Moscow: Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1959 (in Russian).
- Fedina, I.M. *Poselecheskoe miromodelirovaniye Vostochnogo Prichernomor’ya: rossiiskii opyt regional’noi politiki XIX stoletiya* [Settlement world modeling of the Eastern Black Sea region: Russian experience of regional policy in the 19th century]. Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2022 (in Russian).
- Kabuzan, V.M. “Krest’ianskaia kolonizatsiia Severnogo Prichernomor’ya (Novorossii) v XVIII – s. 19 vv. (1719–1857) [Peasant colonization of the Northern Black Sea region (Novorossiya) in the 18th – early 19th centuries (1719–1857)].” In *Ezhegodnik po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy*, 313–322. Kishinev: [N.s.], 1966 (in Russian).
- Korolenko, P.P. “Zakubanskii krai (K istorii Zapadnogo Kavkaza) [Trans-Kuban Region (To the History of the Western Caucasus)].” *Voennyi sbornik*, no. 4 (1893): 329–351 (in Russian).
- Kudayeva, S.G. *Adygi (cherkesy) Severo-Zapadnogo Kavkaza v XIX veke: protsessy transformatsii i differentsiatsii adygskogo obshchestva* [Adyghe (Circassians) of the North-West Caucasus in the 19th century: processes of transformation and differentiation of the Adyghe society]. Maykop: Kachestvo Publ., 2014 (in Russian).
- Kudayeva, S.G. *Aktual’nye voprosy istorii i kul’tury adygov* [Current issues of history and culture of the Adyghe]. Maykop: Magarin O.G. Publ., 2017 (in Russian).
- Kuznetsov, O. “Transcaucasian Cossack Army: Three Failed Projects.” *IRS Heritage: International Azerbaijani Journal*, no. 2 (2013): 19–27 (in Russian).
- Khodarkovsky, M. *Bitter Choices, Loyalty and Betrayal in the Russian Conquest of the North Caucasus*. Ithaca – London: Cornell University Press, 2011.
- Lyubavsky, M.K. *Istoriia russkoi kolonizatsii, ili Kak voznikala imperiia* [History of Russian colonization, or How the empire arose]. Moscow: Veche Publ., 2021 (in Russian).

- Magaramov, Sh.A. "The Russian Frontier in the North Caucasus: Issues of Periodization." *Journal of Frontier Studies* 8, no. 4 (2023): 17–29 (in Russian), <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i4.514>
- Magaramov, Sh.A. "Features of the development of the Russian frontier in the North Caucasus." *History Archeology and Ethnography of the Caucasus* 19, no. 4 (2023): 934–945 (in Russian), <https://doi.org/10.32653/CH194934-945>
- Moon, D. *Russian Peasants and Tsarist Legislation on the Eve of Reform: Interaction between Peasants and Officialdom, 1825–1855 (Studies in Soviet History and Society)*. London: Palgrave Macmillan, 1992.
- Novitsky, V. "Anapa i Zakubanskie poseleniya (s kartoiu) [Anapa and Trans-Kuban settlements (with map)]." In *Zapiski Kavkazskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*, 14–43. Tiflis: [N.s.], 1853 (in Russian).
- Ratushnyak, V.N. "Nekotorye voprosy kapitalisticheskogo zaseleniya Severnogo Kavkaza v kontse XIX v. – nachale XX v. [Some issues of capitalist settlement of the North Caucasus in the late 19th century – early 20th century]." In *Problemy agrarnoi istorii Severnogo Kavkaza v dorevolutionnyi period*, 17–24. Stavropol: Stavropol'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut Publ., 1981 (in Russian).
- Sazonova, S.E. "The history of settlement of Anapskii region by the Ukrainian migrants (30-60 years of the XIX century)." *Cultural Studies of Russian South*, no. 3 (2008): 75–78 (in Russian).
- Shcherbina, F.A. *Istoriia Kubanskogo kazach'ego voiska* [History of the Kuban Cossack Army]. Moscow: Veche Publ., 2014 (in Russian).
- Storozhenko, N.V. *Ocherk iz istorii malorossiiskikh kazakov v kontse XVIII i v nachale XIX veka* [Essay on the history of Little Russian Cossacks at the end of the 18th and beginning of the 19th century]. Kyiv: tipografia Universiteta sv. Vladimira Publ., 1898 (in Russian).
- Stepanova, L.G. "From the Yeisk Fortification to the Yeisk Settlement: Transformation of the Settlement Structure and Features of Land Surveying on the Southern Borders of Russia in the Second Half of the XVIII – First Half of the XIX Century." *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 2 (2024): 143–154 (in Russian), <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-2-143-154>
- Timoshenko-Ozdemir, E.N. "Northern Caucasus on the international policy in the second half of the 19th century." *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, no. 2 (2009): 23–34 (in Russian).
- Turun, P.P. "Influence of peasant migration on formation of a network of rural settlements of the North Caucasus." *Newsletter of North-Caucasus Federal University*, no. 2 (2013): 61–65 (in Russian).
- Urushadze, A.T. "The viceroy of the emperor: the Caucasus in the system of state administration of Nicolaev an Russia." *Perm University Herald. History*, no. 2 (2025): 17–27 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2025-2-17-27>

Информация об авторе / Information about the author

Сергей Николаевич Шаповалов, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, Кубанский государственный университет; Россия, 350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149; shapovalov07@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-0605-191X>; SPIN-код: 9942-5642.

Sergey Nikolaevich Shapovalov, PhD in History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of Russia, Kuban State University; 149, Stavropolskaya Str., Krasnodar, 350040, Russia; shapovalov07@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-0605-191X>; SPIN-code: 9942-5642.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-688-697>
EDN: NCZGKE

Научная статья / Research article

Русские географические исследования Черноморья в 1800 – начале 1850-х гг.

Юрий Юрьевич Иерусалимский^{ID}✉, Светлана Юрьевна Иерусалимская^{ID},
Станислав Фараджевич Аманов^{ID}

Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова, Ярославль, Россия
✉yierusalimskiy@mail.ru

Аннотация: Раскрываются ключевые направления и результаты географических исследований Черноморского региона в 1800 – начале 1850-х гг. На основе архивных материалов и историко-географических исследований доказывается, что данный этап характеризовался интенсивным развитием картографирования, гидрографии и исторической топонимики, обусловленным геополитическими интересами Российской империи. Авторы анализируют роль морских экспедиций под руководством Ф.Ф. Беллинсгаузена, М.П. Лазарева, Е.П. Манганари и других исследователей в изучение данного региона. Работы этих исследователей позволили уточнить береговую линию, глубины, течения и опасные для мореплавания участки Черного моря, что имело ключевое значение для безопасности судоходства, в частности, военного флота. Нарастание напряженности в международных отношениях, русско-турецкие войны первой половины XIX в., Кавказская война привели к активизации морских географических изысканий России в регионе. В статье подчеркивается немаловажный вклад исследователей первой половины XIX в. в историческую географию и топонимику: ученые и офицеры фиксировали древние названия поселений, сопоставляя их с античными и средневековыми источниками, народными названиями, что также способствовало академическому изучению региона. Географические исследования Черного моря в первой половине XIX в. носили комплексный характер, сочетая научные, военно-политические и хозяйствственные задачи. Полученные результаты заложили основу для дальнейшего освоения региона, укрепили позиции России в Северном Причерноморье на фоне соперничества с Турцией и западноевропейскими странами. Русские исследования Черноморья способствовали формированию отечественной географической школы. В частности, составленные в ходе экспедиций карты и атласы, а также описания и снимки объектов в акватории Черного моря легли в качестве основы для последующих изысканий и частично сохранили актуальность в настоящее время. Черноморские географические исследования первой половины XIX в., особенно проведенные в 1840-х – начале 1850-х гг., сыграли большую роль в развитии географической науки в регионе. Они показали важность синтеза военно-практических задач и научного познания в условиях сложной внешнеполитической обстановки и войн России на протяжении всей первой половины XIX в.

Ключевые слова: Российская империя, морские экспедиции, южный фронт, Северное Причерноморье, переселенческий процесс, лоция Черного моря

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Все авторы внесли равный вклад в исследование и написание статьи, ознакомились с окончательным текстом и несут равную ответственность.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00171 «Морские экспедиции Российской империи XIX в. как фактор geopolитики», <https://rscf.ru/project/25-18-00171/> в Ярославском государственном университете имени П. Г. Демидова.

Для цитирования: Иерусалимский Ю.Ю., Иерусалимская С.Ю., Аманов С.Ф. Русские географические исследования Черноморья в 1800-х – начале 1850-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 4. С. 688–697. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-688-697>

Russian Geographical Studies of the Black Sea Region in 1800s – Early 1850s

Yuri Y. Ierusalimskiy , Svetlana Y. Ierusalimskaya ,
Stanislav F. Amanov

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia
yierusalimskiy@mail.ru

Abstract: The authors in their article reveals the key areas and results of geographical research of the Black Sea region in the 1800s – early 1850s. Based on archival materials and historical and geographical research, the authors illustrate that this stage of research was characterized by the intensive development of mapping, hydrography, and historical toponymy, due to the geopolitical interests of the Russian Empire. The authors analyze the role of marine expeditions led by F.F. Bellingshausen, M.P. Lazarev, E.P. Manganari, and other major researchers of this region. The works of these researchers made it possible to clarify the coastline, depths, currents, and areas of the Black Sea dangerous for navigation, a feat which was crucial for the safety of navigation, particularly the navy. The growing tension in international relations, the Russo-Turkish wars of the first half of the XIXth century, and in particular, the Caucasus War led to an increase in Russia's marine geographical exploration in the region. The authors highlight the significant contribution of the researchers of the first half of the 19th century in historical geography and toponymy, as scientists and officers recorded ancient names of settlements, comparing them with ancient and medieval sources as well as modern popular names, which also contributed to the academic study of the region. Geographical studies of the Black Sea in the first half of the 19th century were comprehensive, combining scientific, military-political, and economic objectives. The results obtained laid the foundation for further exploration of the region and strengthened Russia's position in the Northern Black Sea region against the backdrop of rivalry with Turkey and Western European countries. In addition, Russian studies of the Black Sea region contributed to the formation of the domestic geographical school. In particular, the maps and atlases drawn up during the expeditions, as well as descriptions and photographs of objects in the Black Sea, served as the basis for subsequent research and study, which is still partially relevant today. The Black Sea geographical studies of the first half of the 19th century, especially those conducted in the 1840s – early 1850s, played a major role in the development of overall geographical science in the region. They demonstrated the importance of combining military-practical objectives and scientific knowledge in the context of the complex foreign policy situation and wars of Russia fought throughout the first half of the 19th century.

Keywords: Russian Empire, sea expeditions, southern frontier, Northern Black Sea region, migration process, Black Sea sailing directions

Conflicts of interest: The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions: All authors contributed equally to the research and writing of the article, reviewed the final text and bear equal responsibility.

Funding: The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 25-18-00171 «Naval expeditions of the Russian Empire of the XIX century. as a factor of geopolitics», <https://rscf.ru/project/25-18-00171/> at the P.G. Demidov Yaroslavl State University.

For citation: Ierusalimskiy, Yu.Yu., Ierusalimskaya, S.Yu., Amanov, S.F. "Russian Geographical Studies of the Black Sea Region in 1800s – early 1850s." *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 4 (November 2025): 688–697 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-688-697>

Введение

Актуальность. Русские географические экспедиции первой половины XIX в. в Черном море не только обогатили научное знание своего времени, но и продолжают оказывать влияние на современные исследования и geopolитическую ситуацию в мире. Именно в данный период Российская империя продолжила укрепление своих позиций в Черноморском регионе, определяя хозяйственное, научное и политическое значение его субъектов. Черное море в настоящее время продолжает оставаться стратегически ключевым регионом, где пересекаются интересы различных держав. Анализ исторического вклада отечественного научного сообщества в ходе морских исследований Причерноморья в 1800 – начале 1850-х гг. будет способствовать росту интереса к изучаемой теме, а также рассмотрению ретроспективы исследований через призму новых факторов.

Степень изученности проблемы. Важным вкладом в изучение темы является работа А.И. Крыжановского «Краткий исторический очерк гидрографии русских морей», в которой автор анализирует гидрографические исследования Черного и Азовского морей, подчеркивая значение данных изысканий для военно-морского флота¹. Автор еще в 1916 г. обратил внимание на роль картографирования в обеспечении безопасности судоходства.

Одним из важнейших трудов советского периода, посвященных гидрографическим исследованиям Черного моря, является работа К.А. Виноградова «Очерки по истории отечественных гидробиологических исследований на Черном море», в которой рассматривается развитие гидрографических исследований и их влияние на мореплавание². Автор акцентирует внимание на значимости работ, проведенных в XIX в., и их роли в формировании научного подхода к изучению морских вод.

Современные исследователи, в их числе Т.А. Колосовская, доказывают важность военно-морских экспедиций и их влияние на развитие географических знаний о Черноморье³. А.Ю. Петров показал на примере других регионов мира военно-стратегический характер географических изысканий мировых держав в XVIII–XIX вв.⁴

В отечественной историографии акцентируется также внимание на взаимодействии между географическими исследованиями и военными действиями на южных границах России и отмечается, что «надлежащее обеспечение защиты от внешних угроз требовало дальнейшего продвижения на юг, которое завершилось лишь по достижению естественных границ – побережья Черного моря, что позволило обеспечить безопасность территорий и населения»⁵. Данный вывод позволяет глубже понять контекст географических исследований.

¹ Крыжановский А.И., Плансон К.А., Белов А.В. Краткий исторический очерк гидрографии русских морей. Пт., 1916. Ч. 4: Черное и Азовское моря.

² Виноградов К.А. Очерки по истории отечественных гидробиологических исследований на Черном море. Киев, 1958.

³ Колосовская Т.А. К вопросу об участии морских офицеров в исследовании восточного берега Черного моря в период кавказской войны // Научная мысль Кавказа. 2019. № 3. С. 86–88. <https://doi.org/10.18522/2072-0181-2019-99-3-86-93> EDN: XKHVS

⁴ Петров А.Ю. Взаимодействие России и Соединенных Штатов на Северо-Западе Америки в начале XIX века // Новая и новейшая история. 2013. № 5. С. 170–182. EDN: RJDVCR; Петров А.Ю. Экспедиция Адама Лаксмана в колониальном конфликте на севере Тихого океана // Quaestio Rossica. 2023. Т. 11. № 3. С. 821–833. <https://doi.org/10.15826/qr.2023.3.820> EDN: MTMRGG

⁵ Линькова Е.В., Евсюков Д.Е. Влияние военно-оборонительного фактора на продвижение южного фронтира России в XVI–XIX вв. // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 4. С. 449. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-4-441-450> EDN: PIXUWC

Кроме того, в последние годы наблюдается активное использование исследователями архивных материалов, что позволяет более точно реконструировать события и процессы, связанные с географическими исследованиями Черного моря, произведенными прежде всего военными моряками. Материалы, хранящиеся в Российском государственном архиве военно-морского флота (РГА ВМФ), Государственном архиве Республики Крым (ГАРК) и других федеральных и региональных архивохранилищах, становятся основой для новых исследований, которые освещают ранее не изученные аспекты.

Таким образом, степень изученности темы географических исследований Черноморья в отечественной историографии демонстрирует значительный прогресс, подчеркивая важность комплексного подхода к изучению историко-географических аспектов Черноморского региона. Однако остается ряд проблем, требующих дальнейшего анализа.

Цель исследования заключается в определении вклада отечественных географических экспедиций на Черном море в развитие научных знаний о регионе, выявлении связи научных изысканий, geopolитики и военного дела страны.

Источниковой основой исследования являются опубликованные и архивные документы. В научный оборот впервые вводится делопроизводственная документация, включая отчеты экспедиций, официальную переписку участников экспедиций с государственными ведомствами и учреждениями, извлеченная из фондов «Бутаковых» (Ф. 4), Управления главного командира Черноморского флота и портов Черного моря (Ф. 243), Инспекторского департамента Морского министерства (Ф. 283), Гидрографического департамента Морского министерства (Ф. 402) Российского государственного архива военно-морского флота. В фонде Канцелярии Таврического губернатора (Ф. 26) Государственного архива Республики Крым хранятся материалы о движении кораблей по Черному морю за 1805 г., а также документы, исходящие от министра внутренних дел Российской империи графа В.П. Кочубея и министра морских сил вице-адмирала П.В. Чичагова.

Картографические источники, представленные атласами, составленными в ходе изучаемых экспедиций, дают сведения об эволюции картографических и иных знаний о регионе. Рисунки А.Я. Кухаревского имеют практическое значение, позволяя сопоставлять ландшафты, описанные художником, с путями и координатами ряда экспедиций.

Изучение Черного моря в первой четверти XIX века

1800-е – начало 1850-х гг. стали переломным этапом в исследовании отечественными специалистами Черноморья. Активная внешняя политика Российской империи на Северном Причерноморье, а также войны с Османской империей 1806–1812 и 1828–1829 гг., длительная Кавказская военная кампания остро поставили задачу точного картографирования акватории и побережий Черного моря. Недостаточность существовавших навигационных данных негативно сказывалась на безопасности судоходства и эффективности военно-морских операций.

Вместе с тем важную роль в черноморских исследованиях играл научно-хозяйственный фактор. Начались систематические наблюдения за спецификой черноморских вод: соленостью, температурными режимами, течениями, явлением сероводородного заражения глубин. Эти данные тщательно фиксировались на картах и в судовых журналах, хотя их обобщение произошло позднее. Важную роль в освоении недавно присоединенных земель играл и активный переселенческий процесс в Черноморский регион, который форсировался российским правительством.

Хронологически первыми исследованиями XIX в. являлись экспедиции 1801 г. И.М. Будищева, Н.Д. Крицкого, а также А.Е. Влито и П.А. Адамопуло. Ввиду стратегического значения черноморского направления для России, соседних стран и западноевропейских держав в этих, как и в последующих экспедициях, geopolитический фактор сыграл значительную роль. В ходе экспедиций было создано описание западного берега Черного моря от Одессы до Босфора⁶. Также капитан-лейтенанты А.Е. Влито и П.А. Адамопуло зафиксировали точную картину турецкого побережья от Босфора до Синопа и от мыса Стефакос до Самсона. Результатом морских исследований стало появление «Атласа Черного моря» с планом разливов, бухт и профилей берегов. Отметим при этом, что описание кавказской части черноморского побережья в данный атлас включено не было⁷.

Параллельно в 1804 г. русский картограф А. Вильбрехт создал общую картину Черного моря в «Морской карте Черного, Азовского и Мраморного морей». Карта была основана на новейших съемках и астрономических наблюдениях как русских, так и французских исследователей⁸.

Черноморская проблематика занимала важное место в государственной повестке времен участия России в четвертой антифранцузской коалиции и русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Как свидетельствуют архивные документы, в 1807 г. на уровне министерств внутренних дел и морских сил обсуждались практические вопросы организации и функционирования на черноморских берегах флотилии в дополнение к уже существовавшему с 1783 г. Черноморскому флоту империи⁹. Замысел о создании флотилии был приведен в исполнение. В 1805–1812 гг. были созданы и стали действовать Дунайская гребная и Черноморская казачья флотилии.

Доминирующим направлением географических исследований стали масштабные гидрографические работы, инициированные Морским министерством Российской империи. Гидрографические исследования, в которых принимал участие уже широко известный к тому времени мореплаватель, участник первого русского кругосветного путешествия под руководством И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского, Ф.Ф. Беллинсгаузен, привели к первому систематическому описанию восточного побережья Черноморского моря. В 1813–1816 гг. фрегат «Минерва» под командованием Ф.Ф. Беллинсгаузена крейсировал у восточных берегов Черного моря¹⁰. Именно на нем Беллинсгаузен занялся активной гидрографической и картографической деятельностью¹¹, обнаружив многочисленные ошибки на картах Абхазии, Мингрелии и Гурии.

Результатом морских изысканий Ф.Ф. Беллинсгаузена и других отечественных капитанов стал выпуск в 1817 г. «Первой карты Черного моря»¹². Хотя ее детализация была ограничена, она стала значимым официальным российским навигационным документом для флота, в котором были зафиксированы основные бухты, мысы и глубины. В 1817–1819 гг. Ф.Ф. Беллинсгаузен был назначен командиром строящегося на верфи в Николаеве фрегата «Флора»¹³, а затем убыл на Балтику, в Кронштадт.

⁶ Сапожников И., Айсфельд О. Картография и археология острова Змеиного конца XVIII – начала XX веков // TüragetiaIstorie muzeologie serie nouă. 2024. Т. XVIII. С. 129–130.

⁷ Будищев И.М. Атлас Черного моря. СПб., 1807.

⁸ Вильбрехт А.М. Морская карта Черного, Азовского и Мраморного морей. СПб., 1804.

⁹ Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК). Ф. 26. Оп. 1. Д. 642. Л. 1–3.

¹⁰ Чернышев А.А. Российский парусный флот // Справочник в 2-х томах. М., 1997. Т. 1. С. 240.

¹¹ Первоткрыватель Антарктиды. URL [Электронный ресурс]. <https://rgo.ru/activity/redaction/news/pervoottkryvatel-antarktidy/> (дата обращения 27.05.2025 г.)

¹² Виноградов К.А. Очерки по истории отечественных гидробиологических исследований на Черном море: Монография. Киев, 1958. С. 6–12.

¹³ Чернышев А.А. Российский парусный флот // Справочник в 2-х томах. М., 1997. Т. 1. С. 241.

В связи с новым назначением точно определить широты целого ряда мест на Черном море Ф.Ф. Беллинсгаузену не удалось. Новые капитаны на фрегатах «Минерва» и «Флора» продолжили практические плавания у берегов Черного моря, пополняя продовольствие в прибрежных городах. В частности, в фонде 26 «Канцелярия Таврического губернатора» ГАРК сохранилось архивное дело, датированное 1821 г., с рапортом Евпаторийского городничего об исходатайствовании возврата по заимствованию им из местного провиантского магазина хлеба для пополнения запасов продовольствия команды фрегата «Минерва»¹⁴.

Отметим, что одним из крупнейших результатов вышеуказанных экспедиций стало издание «Генеральной карты Черного и Азовского морей», на которой южные и северные берега были увязаны между собой системой координат. В 1820 г. в результате совместной русско-французской экспедиции на судне «La chevrette» под руководством капитана Готье и при участии капитан-лейтенанта М.Б. Берха была создана описание Черного моря, впоследствии во Франции была издана карта Черного моря¹⁵.

Исследования Черноморья во второй четверти XIX века

Наиболее значимым проектом стала многолетняя экспедиция под руководством российского гидрографа Е.П. Манганари (под общим командованием адмирала М.П. Лазарева), начатая в середине 1820-х гг. Фундамент под эти исследования, несомненно, заложили экспедиции первой четверти XIX в. Несмотря на активные боевые действия (флот был задействован для решения задач на черноморском побережье во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и Кавказской войны), картографические работы велись непрерывно.

С 1825 по 1836 гг. капитаном 1 ранга Е.П. Манганари были произведены подробные описи Черного моря и его берегов. Особое внимание уделялось описанию Кавказского побережья Черного моря¹⁶. В 1829 г. в гидрографической экспедиции Е.П. Манганари на яхте «Голубка», исследовавшей берега Черного и Азовского морей, принимал участие полковник Н.М. Кумани, о котором еще будет сказано ниже. Не менее значимую работу Е.П. Манганари продолжил в Санкт-Петербурге, занимаясь выверкой подготовленных карт¹⁷. В 1838 г. им была завершена детальнейшая съемка побережий Черного и Азовского морей, которая легла в основу фундаментального труда «Атлас Черного моря», опубликованного в 1841 г.¹⁸ Атлас включал 26 листов карт с исчерпывающими для того времени данными: глубины, течения, типы грунта, характеристика берегов, опасные мели, рекомендованные фарватеры. Его появление кардинально повысило безопасность мореплавания и стало навигационным стандартом на десятилетия. Опубликованный в наши дни на Геопортале РГО «Атлас Черного моря»¹⁹ и сейчас не потерял своей практической ценности как источник информации о состоянии береговой линии Черного моря. Как подчеркивают современные авторы, «Атлас Черного моря» и сейчас дает ценные данные

¹⁴ ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 5709.

¹⁵ Крыжановский А.И., Плансон К.А., Белов А.В. Краткий исторический очерк гидрографии русских морей. Пт., 1916. Ч. 4: Черное и Азовское моря. С. 4.

¹⁶ Российский государственный архив военно-морского флота (далее – РГАВМФ). Ф. 283. Оп. 1. Д. 2808. Л. 1–16.

¹⁷ РГАВМФ. Ф. 402. Оп. 1. Д. 738. 86 л.

¹⁸ Атлас Черного моря / гравирован по высочайшему повелению в Санкт-Петербурге с описей произведенных с 1825 по 1836 год капитаном 1 ранга Е. Манганари. Николаев, 1841. Л. 1.

¹⁹ Атлас Чёрного моря (1841). URL [Электронный ресурс]. <https://geoportal.rgo.ru/catalog/morskie-atlasy-locii-i-karty/morskie-atlasy/atlas-chyornogo-morya-1841> (дата обращения 05.06.2025 г.)

об исторической топонимике региона, о старых и народных названиях географических объектов²⁰.

Накопленные научные знания имели и практическое применение. Так, опыт разведок у турецких берегов Черного моря и полученные научные знания показали, что пресечь контрабандную торговлю горцев Кавказа с Турцией только морскими силами было практически невозможно. Для решения проблемы на Черноморском побережье были созданы береговые российские укрепления от устья Кубани до границы с Османской империей²¹. Патрульные крейсеры в попытках борьбы с контрабандой постоянно участвовали в исследовании морских побережий, составляя их описания²². В 1833 г. отряд судов секретной российской «экспедиции при Абхазских берегах», занимавшийся блокадой противника в ходе Кавказской войны, успешно провел описание «сих берегов»²³. Таким образом, перед военными кораблями постоянно ставились помимо боевых описательно-исследовательские задачи.

Важным аспектом экспедиции Манганари стала художественная фиксация ландшафтов. Академик Императорской Академии художеств А.Я. Кухаревский создал серию из 16 видов черноморского побережья «с натуры»²⁴. Эти рисунки, переведенные в гравюры в Англии, служили не только иллюстративным дополнением к картам, но и практическим инструментом визуальной ориентации для мореплавателей.

Исследователи, прежде всего Е.П. Манганари, сознательно обращались к античному наследию региона. При картографировании активно реконструировались и использовались древнегреческие топонимы, а также в целом ряде случаев народные названия населенных пунктов (например, деревня Партиница вместо Парфенит (Партенит). Это способствовало не только научной реконструкции исторической географии, но и интегрированию региона в контекст европейской классической традиции, что имело и культурно-политическое значение. Данная практика, однако, вызывала дискуссии о приоритете местных или античных названий²⁵. Помимо сугубо прикладных задач, экспедиции заложили основы научного изучения региона.

В 1830–1840 гг. продолжали проводиться важные для науки исследования Черноморья. На основании комплексных гидрографических наблюдений, проведенных под руководством Г.И. Бутакова и И.А. Шестакова и дополнявших материалы Е.П. Манганари, в 1851 г. была составлена и издана «Лоция Черного моря». Так, видный представитель морской династии Бутаковых, Григорий Иванович, в 1847–1850 гг. производил обширные гидрографические работы на Черном море, за что был награжден орденом Святой Анны 3-й степени и бриллиантовым перстнем. В фондах РГАВМФ сохранились инструкции по составлению лоции Черного моря, данные Г.И. Бутакову главным командиром Черноморского флота и портов знаменитым

²⁰ Русское географическое общество. Новый атлас на Геопортале РГО познакомит с историей берегов Чёрного моря. URL: <https://dzen.ru/a/YOQGRfwkewBYO333?ysclid=mboam9s33994710703> (дата обращения 06.06.2025 г.)

²¹ Колосовская Т.А. К вопросу об участии морских офицеров в исследовании восточного берега Черного моря в период кавказской войны // Научная мысль Кавказа. 2019. № 3. С. 89–90. DOI: <https://doi.org/10.18522/2072-0181-2019-99-3-86-93>. EDN: XKHVSV

²² РГАВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 2669. Л. 1–22.

²³ РГАВМФ. Ф. 402. Оп. 1. Д. 305.

²⁴ РГАВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4276. Л. 14–14 об.

²⁵ Болгурцев Б.Н., Грибанов О.Л., Ермоленко К.В. История гидрографической службы Российского флота. СПб., 1997. Т. 1: Гидрографическая служба Российского флота (1696–1917); Клычников Ю.Ю. Сбор российскими офицерами сведений о Северном Кавказе в конце 20-х – начале 30-х годов XIX в. // Актуальные проблемы российской и всемирной истории: Ученые записки. Курск, 2002. Вып. I. С. 59–64.

адмиралом М.П. Лазаревым, начальником Черноморского гидрографического депо вышеупомянутым Н.М. Кумани (ставшим в эти годы уже генералом), и посланником России в Османской империи В.П. Титовым²⁶. В результате навигационное пособие «Лоция Черного моря», включавшее детальные описания береговой линии, характеристику донных отложений и гидрологических особенностей, в течение нескольких десятилетий оставалась основным руководством для мореплавания в регионе.

Значительный вклад в изучение физико-химических характеристик черноморских вод внесли исследования русского химика И. Гебеля. В 1842 г. им были проведены первые систематические измерения солевого состава морской воды с использованием аналитических методов, соответствующих уровню развития химической науки того периода. Полученные результаты продемонстрировали существенно более низкую минерализацию вод Черного моря по сравнению с океаническими показателями. В частности, в пробе, отобранный в пелагической зоне южнее Феодосии, величина сухого остатка составила 17,666 г/л, что подтвердило гипотезу о значительном опреснении бассейна речным стоком²⁷.

Заключение

Таким образом, географические исследования Черноморья в первой половине XIX в. носили ярко выраженный военно-стратегический характер, обусловленный geopolитическими интересами России. Ключевыми достижениями стали: проведение первых систематических гидрографических съемок (Ф.Ф. Беллинсгаузен, Е.П. Манганари, Г.И. Бутаков и др.), создание основополагающих навигационных карт, обеспечивших безопасность судоходства и военных операций.

Географические исследования Черноморья в первой половине XIX в. носили комплексный характер, сочетали научные, военно-политические и хозяйствственные задачи. Полученные результаты заложили основу для дальнейшего освоения региона, укрепили позиции России на Черном море и способствовали дальнейшему развитию отечественной географической школы.

В данный период было положено начало научного изучения гидрологических особенностей моря, а также инициирование историко-топонимических исследований, связавших античное прошлое и народные названия с современным освоением региона. Велась активная разработка комплексного подхода к изучению территории региона, сочетавшего точные съемки, гидрологические наблюдения и визуальную документацию.

Работы этого периода, особенно завершенные в 1840-е – начале 1850-х гг. (прежде всего «Лоция Черного моря» 1851 г.), на основе заложенного ранее фундамента («Атлас» Е.П. Манганари 1841 г.), стали классикой отечественной гидрографии и определили развитие географической науки в регионе на весь XIX в. Они продемонстрировали эффективность синтеза военно-практических задач и научного познания в условиях сложной внешнеполитической обстановки и войн, в которых участвовала Россия, в первой половине XIX столетия.

Поступила в редакцию / Submitted: 10.07.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 16.08.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 26.08.2025

²⁶ РГАВМФ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 45. Л. 1–19.

²⁷ Белокопытов В.Н. Климатические изменения гидрологического режима Черного моря...: дис... док. геогр. наук. Севастополь, 2017. С. 32. EDN: RYYLYT

References

- Belokopytov, V.N. "Climatic changes in the hydrological regime of the Black Sea." Doc. diss., State Oceanographic Institute named after N.N. Zubova, 2017 (in Russian).
- Bolgurtsev, B.N., Gribanov, O.L., and Ermolenko, K.V. *Gidrograficheskaiia sluzhba Rossiiskogo flota (1696–1917)* [Hydrographic Service of the Russian Fleet (1696–1917)]. St. Petersburg: Upravlenie navigatsii i okeanografii Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii Publ., 1997 (in Russian).
- Budishchev, I.M. *Atlas Chernogo moria* [Atlas of the Black Sea]. St. Peterburg: Gosudarstvennyi Admiralteiskii departament Publ., 1807 (in Russian).
- Chernyshev, A.A. *Rossiiskii parusnyi flot* [Russian sailing fleet]. Moscow: Voenizdat Publ., 1997 (in Russian).
- Kolosovskaia, T.A. "On the participation of naval officers in the exploration of the eastern coast of the Black Sea during the Caucasian War]." *Scientific Thought of Caucasus*, no. 3 (2019): 86–92 (in Russian), <https://doi.org/10.18522/2072-0181-2019-99-3-86-93>
- Klyuchnikov, Yu.Yu. "Sbor rossiiskimi ofitserami svedenii o Severnom Kavkaze v kontse 20-kh – nachale 30-kh godov XX v. [Collection of information about the North Caucasus by Russian officers in the late 1820s – early 1830s]." In *Aktual'nye problemy rossiiskoi i vsemirnoi istorii: Uchenye zapiski*, 59–64. Kursk: Kurskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2002 (in Russian).
- Kryzhanovsky, A.I., Planson, K.A., and Belov, A.V. *Kratkii istoricheskii ocherk gidrografi russkikh morei. Chernoe i Azovskoe morya* [Brief historical essay on the hydrography of the Russian seas. The Black and Azov Seas]. Petrograd: Tipografia Morskogo ministerstva Publ., 1916 (in Russian).
- Lin'kova, E.V., and Esviukov, D.E. "The influence of the military-defensive factor on the advancement of the southern frontier of Russia in the 16th–19th centuries." *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 4 (2024): 441–450 (in Russian), <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-4-441-450>
- Petrov, A.Yu. "Studying the history of the development of the North Pacific Ocean and the American Northwest at international conferences in 2022." *American Yearbook* (2022): 309–316 (in Russian).
- Petrov, A.Yu. "Interaction between Russia and the United States in the Northwest of America at the Beginning of the 19th Century." *Modern and Contemporary History*, no. 5 (2013): 170–182 (in Russian).
- Sapozhnikov, I. and Aisfel'd, O. "Cartography and archeology of Zmeiny Island in the late 18th – early 20th centuries." *TyragetiaIstorie muzeologie serie nouă XVIII* (2024): 121–155 (in Russian).
- Vil'brekht, A.M. *Morskaia karta Chernogo, Azovskogo i Mramornogo morei* [Nautical chart of the Black, Azov and Marmara seas]. St. Peterburg: Depo kart Publ., 1804 (in Russian).
- Vinogradov, K.A. *Ocherki po istorii otechestvennykh hidrobiologicheskikh issledovanii na Chernom more* [Essays on the history of domestic hydrobiological research in the Black Sea]. Kiev: Akademiiia nauk Ukrainskoi SSR Publ., 1958 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Юрий Юрьевич Иерусалимский, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной средневековой и новой истории, Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова; ведущий научный сотрудник Центра по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова; Россия, 150003, Ярославль, ул. Советская, 14; yierusalimskiy@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4189-3055>; SPIN-код: 2681-5659.

Yuri Yuryevich Ierusalimskiy, Dr. Habil. Hist., Professor, Head of the Department of Russian Medieval and Modern History of the Faculty of History, P.G. Demidov Yaroslavl State University; Leading Researcher of the Center for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values, P.G. Demidov Yaroslavl State University; 14, Sovetskaya Str., Yaroslavl, 150003, Russia; yierusalimskiy@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4189-3055>; SPIN-code: 2681-5659.

Светлана Юрьевна Иерусалимская, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова; Россия, 150003, Ярославль, ул. Советская, 14; s.ierusalimskaya@uniyar.ac.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9587-7216>; SPIN-код: 8255-6168.

Станислав Фараджевич Аманов, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова; Россия, 150003, Ярославль, ул. Советская, 14; amanov.stanislav@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0007-1266-7565>; SPIN-код: 3206-0879.

Svetlana Yuryevna Ierusalimskaya, Dr. Habil. Hist., Leading researcher at the Center for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values, P.G. Demidov Yaroslavl State University; 14, Sovetskaya Str., Yaroslavl, 150003, Russia; s.ierusalimskaya@uniyar.ac.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9587-7216>; SPIN-code: 8255-6168.

Stanislav Faradzhevich Amanov, PhD in History, Researcher at the Center for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values, P.G. Demidov Yaroslavl State University; 14, Sovetskaya Str., Yaroslavl, 150003, Russia; amanov.stanislav@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0007-1266-7565>; SPIN-code: 3206-0879.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-698-710>
EDN: NDTUYH

Научная статья / Research article

Перевод русских офицеров, служивших в армянской армии, и армянских офицеров, находившихся в рядах Вооруженных сил Юга России в 1918–1920 гг.

Айк Володяевич Назарян ^a , Ваник Грантович Вирабян ^b

^a Института философии, социологии и права Национальной академии наук Республики Армения, Ереван, Армения

^b Армянский государственный педагогический университет имени Х. Абовяна, Ереван, Армения
nazaryanhayk8@gmail.com

Аннотация: Исследуется история перевода русских офицеров, служивших в армянской армии, и армянских офицеров, служивших в рядах Вооруженных сил Юга России в период 1918–1920 гг. Статья написана на основе архивных источников, в первую очередь документов, хранящихся в Национальном архиве Армении, и мемуаров военных и политических деятелей того времени. Показано, что в рассматриваемый период в самый разгар Гражданской войны в России, между Первой Республикой Армения и Вооруженными силами Юга России существовали тесные военно-политические и военно-технические связи. При этом армия Республики Армения действовала в соответствии с традициями царской армии, в частности, от нее она унаследовала свою структуру (Генеральный штаб, управление), воинские звания, воинский устав. Несмотря на то, что Республика Армения не была признана юридически, однако обе стороны назначили своих военных представителей, что способствовало укреплению их взаимосвязей. Авторы приходят к выводу, что в 1918–1920 гг. проводилась работа по набору оставшихся в Армении русских военных для Вооруженных сил Юга России. В результате политики арменизации вооруженных сил Первой Республики Армения сотни этнических русских офицеров покинули Армению и присоединились к Вооруженным силам Юга России. Одновременно были приняты меры по возвращению на родину служивших в рядах Вооруженных сил Юга России армянских офицеров и солдат и продолжения их службы в армии Республики Армения. В результате переговоров было разрешено возвращение нескольких тысяч армянских военнослужащих на родину.

Ключевые слова: Добровольческая армия Юга России, южный фронт, центр и регионы, Отдельный Армянский армейский корпус, межэтнические отношения

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Все авторы внесли равный вклад в исследование и написание статьи, ознакомились с окончательным текстом и несут равную ответственность.

Финансирование: Статья публикуется при финансовой поддержке Комитета науки РА, в рамках темы «Межэтнические отношения и передвижение этнических групп населения в Республике Армения (1918–1990-е гг.) [25RG-6A113]».

Для цитирования: Назарян А.В., Вирабян В.Г. Перевод русских офицеров, служивших в армянской армии, и армянских офицеров, находившихся в рядах Вооруженных сил Юга России в 1918–1920 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 4. С. 698–710. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-698-710>

© Назарян А.В., Вирабян В.Г., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Transfer of Russian Officers Serving in the Armenian Army, and Armenian Officers in the Armed Forces of Southern Russia in 1918–1920

Hayk V. Nazaryan ^a , Vanik G. Virabyan ^b

^a Institute of Philosophy, Sociology and Law National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Yerevan, Armenia

^b Armenian state pedagogical university after Kh. Abovyan, Yerevan, Armenia
nazaryanhayk8@gmail.com

Abstract: The authors consider the history of the transfer of Russian officers who served in the Armenian army, and Armenian officers who served in the armed forces of Southern Russia from 1918 to 1920. The article is based on archival sources, primarily the documents stored in the National Archive of Armenia and memoirs of military and political figures of that time. It is shown that during this period, at the very height of the Civil War in Russia, there were close military-political and military-technical ties between the First Republic of Armenia and the armed forces of Southern Russia. At the same time, the army of the Republic of Armenia acted in accordance with the traditions of the Tsarist army. In particular, it inherited its structure (general staff, administration), military ranks, and military regulations. Despite the fact that the Republic of Armenia was not legally recognized, both sides appointed their own military representatives to reach other, which contributed to the strengthening of their relationship. The authors come to the conclusion that from 1918 to 1920, an effort was carried out to recruit the Russian military personnel remaining in Armenia for the armed forces of Southern Russia. As a result of there was a policy of Armenization by the armed forces of the First Republic of Armenia, as hundreds of ethnic Russian officers left Armenia and joined the armed forces of Southern Russia. At the same time, there was an effort to return to their homeland the Armenian officers and soldiers serving in the armed forces of Southern Russia, so that they could continue their service in the army of the Republic of Armenia. As a result of the negotiations, several thousand Armenian servicemen were allowed to return to their homeland.

Keywords: Volunteer Army of the South of Russia, southern frontier, center and regions, Separate Armenian Army Corps, interethnic relations

Conflicts of interest: The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions: All authors contributed equally to the research and writing of the article, reviewed the final text and bear equal responsibility.

Funding: The article is published with the financial support of the Science Committee of the Republic of Armenia, within the framework of the topic "Interethnic relations and movement of ethnic groups in the Republic of Armenia (1918–1990s) [25RG-6A113]."

For citation: Nazaryan, H.V., Virabyan, V.G. "Transfer of Russian Officers Serving in the Armenian Army, and Armenian Officers in the Armed Forces of Southern Russia in 1918–1920." *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 4 (November 2025): 698–710. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-698-710> (in Russian).

Введение

Актуальность. Армяно-российские военные связи имеют многовековую историю. В частности, в период Гражданской войны в России, между Первой Республикой Армения (существовала в 1918–1920 гг.) и Вооруженными силами Юга России установились тесные военно-политические связи. В результате политики арменизации вооруженных сил Первой Республики Армения сотни этнических русских офицеров покинули Армению и присоединились к Вооруженным силам Юга России. Одновременно в результате переговоров было разрешено возвращение на родину служивших в рядах Вооруженных сил Юга России армянских офицеров и солдат, а также продолжение их службы в армии Республики Армения. Примечательно, что тот же процесс определенным образом повторился в начале 1990-х гг., и несколько тысяч армянских военнослужащих бывшей Советской Армии, в основном офицеры,

вернулись на родину, чтобы продолжить военную службу в вооруженных силах Третьей Республики Армения, что актуализирует тему научного исследования.

Степень изученности проблемы. Отдельные упоминания об этом вопросе встречаются в мемуарах военных и политических деятелей того времени. В исторической литературе, в частности, в армянских научных кругах, тема была затронута в монографии Гегама Петросяна¹, а также в статьях Айка Назаряна², Ваника Вирабяна и Гранта Вирабяна³.

В российской исторической науке среди ведущих специалистов в области истории Гражданской войны в России данная тема, включая историю белого движения Юга России, была затронута в трудах Р.Г. Гагкуева⁴, В.В. Михайлова⁵, В.Ж. Цветкова⁶. Судьба русских офицеров, служивших в Армянской армии, и армянских офицеров, служивших в рядах Вооруженных сил Юга России, была представлена в историко-биографических книгах Аматуни Вирабяна и Сони Мирзоян⁷, Ю.А. Асадова⁸, С.В. Волкова⁹, А.В. Ганина¹⁰. Однако тема по сей день не исследована глубоко и в полном объеме.

Цель исследования – реконструировать процесс перевода русских офицеров, служивших в Армянской армии, и армянских офицеров, служивших в рядах Вооруженных сил Юга России в период 1918–1920 гг., в ряды своих национальных вооруженных сил.

Источниковая база. Исследование проводилось на основе неопубликованных источников, хранящихся в Национальном архиве Армении, в частности, в фондах: «Парламент Первой Республики Армения» (Ф. 198), «Совет Министров Первой Республики Армения» (Ф. 199), «Министерство иностранных дел Первой Республики Армения» (Ф. 200), «Главное военно-санитарное управление Военного министерства Первой Республики Армения» (Ф. 204), «Дипломатические представительства Первой Республики Армения» (Ф. 275), «Сборник документальных материалов об участии армянских добровольческих отрядов и армянских регулярных воинских частей на Кавказском фронте в годы Первой мировой войны» (Ф. 1267). Также были привлечены мемуары военных и политических деятелей рассматриваемого периода.

¹ Петросян Г. Отношения Республики Армения с Россией (1918–1920 гг.). Ереван, 2012.

² Назарян А. Военно-политические отношения Республики Армения с Добровольческой армией Юга России (1918–1920 гг.) // Гражданская война в России: история, раскалывающая, и история, объединяющая: взгляд через 100-летие. Сборник материалов научно-экспертных сессий и Международной научной конференции (Москва, Пушкино, 2018 г.). Тверь, 2021. С. 103–108.

³ Вирабян В.Г., Вирабян Г.В. Падение Первой Республики Армения в контексте отношений со странами Антанты, США и Россией // Современная Европа. 2024. № 4. С. 209–219. <https://doi.org/10.31857/S0201708324040168> EDN: KZYLBQ

⁴ Гагкуев Р.Г. Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М., 2012. EDN: QPXBXV

⁵ Михайлов В.В. Отношения Республики Армении и руководства Вооруженных сил Юга России в 1918 – начале 1919 года // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2015. № 4. С. 27–34. EDN: ULPDEV

⁶ Цветков В.Ж. Проекты Правительства Юга России о развитии городского самоуправления в белом Крыму, октябрь – ноябрь 1920 г. // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 4. С. 517–530. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-4-517-530>

⁷ Вирабян А.С., Мирзоян С.С. Офицеры-армяне Первой мировой войны. Офицеры армии Республики Армения. 1914–1920 гг.: Историко-биографический словарь. Ереван, 2022.

⁸ Асадов Ю.А. Армянские офицеры на царской службе. М., 1999; *Его же*. Армянский генеральский корпус царской России. Историко-биографические очерки (1724–1921). М., 2016; *Его же*. 3000 армянских офицеров царской России. Историко-биографическая книга памяти (1701–1921). М., 2018.

⁹ Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993. EDN: NUPBEV.

¹⁰ Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы гражданской войны, 1917–1922 гг., Справочные материалы. М., 2009. EDN: QPROMP; *Его же*. Офицерский корпус в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М., 2018.

Армянское офицерство в составе Российской императорской армии

Первые шаги к армяно-русскому военно-политическому сотрудничеству в Закавказье были предприняты армянскими меликами¹¹ в начале XVIII в., а военное сотрудничество началось в 1722–1723 гг. во время Каспийского (Персидского) похода императора Петра I. Во время кампании было сформировано и действовало до 1764 г. армянское кавалерийское подразделение «Армянский эскадрон» численностью 600 чел.¹²

В конце XVIII – начале XIX в. Российская империя постепенно устанавливала свои позиции в Закавказье, включая Восточную Армению. В 1826 – 1828 гг. во время Русско-персидской войны для содействия¹³ наступлению русской армии было создано несколько армянских добровольческих отрядов и три дружины ополчения¹⁴.

На 1 января 1862 г. состав армянского офицерства в Российской императорской армии по родам войск и чинам выглядел следующим образом (в %): пехота – 0,3, артиллерия – 0,1, генералы – 0,41, полковники – 0,8, капитаны – 0,29, штабс-капитаны – 0,48, поручики – 0,22, подпоручики – 0,48, прапорщики – 0,33¹⁵.

К началу XX в. (1902–1903 гг.) доля полковников несколько снизилась, составив уже 0,5%. В то же время возрос показатель по составу капитанов. По армейской пехоте он, в частности, вырос до 1,1%. Что касается генералитета, то этот показатель остался практически неизменившимся, составив 0,4%. В том числе: генерал-майоры – 0,3%, генерал-лейтенанты – 0,2%, полные генералы – 0,7%¹⁶.

В конце XIX – начале XX в. в офицерском корпусе Российской императорской армии служили несколько сотен офицеров-армян¹⁷.

В начале Первой мировой войны было сформировано семь армянских добровольческих дружин, общей численностью до 10 тыс. солдат и офицеров, а в целом от Российской империи в войне участвовало около 250 тыс. армян, 6440 чел. из которых были офицерами¹⁸.

Офицерский корпус Армянского отдельного армейского корпуса

В конце 1917 г. на Кавказском фронте находилось всего 35 тыс. этнических армян, от общего числа служивших в Российской императорской армии¹⁹. В тот же период, по проекту комиссара штаба Кавказского фронта председателя Краевого

¹¹ Мелик – армянский наследственный дворянский титул, который выдавался во время персидского правления.

¹² Գրիգորյան Զ. Թուլւ և հայ ժողովուրդների ուսումնական համագործակցությունը 19-րդ դարի սկզբին. Երևան, 1957. էջ 10–11 [Григорян З. Военное сотрудничество русского и армянского народов в начале XIX века. Ереван, 1957. С. 10–11].

¹³ Русско-армянское сотрудничество в период присоединения Восточной Армении к России 1826–1828 гг. Сборник документов. Ереван, 1978.

¹⁴ Նազարյան Հ. 1826 – 1828 թթ. Թուլւ – պարսկական պատերազմին մասնակցած հայկական աշխարհագրային դրուժինաների հաստիքակազմը, թվակազմը, համագույսութ, սպառազինությունը և մարտական դրուժինը // Աշխարհուրութեան Հայաստանի պատմության բանագիր. 2022. № 1. էջ 114–123 [Назарян А. Штатный состав, численность, обмундирование, вооружение и боевые флаги армянских ополченческих дружин, участвовавших в Русско-персидской войне 1826–1828 гг. // Труды государственного исторического музея Армении. 2022. № 1. С. 114–123]. Дружина – организационно-тактическая единица в XIX в., по численности приравнивалась к пехотному полку].

¹⁵ Вирабян А.С., Мирзоян С.С. Офицеры-армяне Первой мировой войны... С. 3.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993. EDN: NUPBEV

¹⁸ Вирабян А.С., Мирзоян С.С. Офицеры-армяне Первой мировой войны... С. 4, 31.

¹⁹ Армяне в Первой мировой войне (1914–1918). Сборник документов и материалов. М., 2014. С. 127–128.

совета Кавказской армии эсера, полковника Д. Донского, было решено свести армию в строевые единицы по национальному признаку и сформировать армянский, грузинский, мусульманский, украинский и русский корпусы²⁰. Исходя из этого, на основании приказа Ставки Могилева от 16 ноября 1917 г. «Об армии и флоте»²¹, приказа № 136 от 30 ноября 1917 г. Главнокомандующего Кавказским фронтом генерала от инфантерии М.А. Пржевальского и приказа № 2 от 1 декабря 1917 г., направленного на имя корпуса, был сформирован Армянский отдельный армейский корпус²².

Командиром корпуса был назначен генерал-лейтенант Товмас Ованесович (Фома Иванович) Назарбекян²³, по приказу № 796 Главнокомандующего Кавказским фронтом генерала от инфантерии М.А. Пржевальского²⁴. В январе 1918 г. начальником штаба корпуса был назначен подполковник А.Н. Скляревич, а по состоянию на 1 марта того же года последнего заменил генерал-майор Е.Е. Вышинский²⁵, который занимал эту должность до 5 сентября 1918 г.²⁶

В состав корпуса вошел также Русский добровольческий офицерский батальон под командованием полковника Николая Ефремова.²⁷ По состоянию на март 1918 г. Отдельный Армянский корпус состоял из 606 офицеров и 16 715 солдат, всего – 17321 военнослужащий²⁸.

В мае 1918 г. в Сардарабатском, Баш-Абаранском и Каракилисском сражениях войсковые части корпуса смогли остановить наступления османских войск. В результате 28 мая 1918 г. была провозглашена Первая Республика Армения. Отдельный Армянский армейский корпус стал основой вооруженных сил Первой Республики Армения. Основу офицерского корпуса новосозданной Армянской армии составили офицеры Армянского отдельного армейского корпуса.

Приказом командира Отдельного Армянского армейского корпуса генерал-лейтенанта Товмаса Назарбекяна и начальника штаба корпуса генерал-майора Е.Е. Вышинского за № 99 от 26 июля 1918 г. все армянские офицеры, служившие в корпусе, были обязаны продолжить службу в Армии, а тем иностранным офицерам и солдатам, которые не желали продолжить службу в Армии, разрешалось перейти в запас или покинуть армию²⁹.

Всего в Отдельном Армянском армейском корпусе и в войсках Первой Республики Армения служили 49 генералов, 140 полковников, 155 подполковников,

²⁰ Лобанов В.Б., Ализаде Д.И. Первая мировая война в Закавказье и внешнеполитический фактор создания ЗДФР // Russian Colonial Studies. 2020. № 2. С. 72. <https://doi.org/10.24412/2686-9217-2020-2-65-81> EDN: SSBMLY

²¹ Национальный архив Армении (Далее – НАА). Ф. 1267. Оп. 1. Д. 33. Л. 8.

²² НАА. Ф. 1267. Оп. 2. Д. 97. Л. 1.

²³ Товмас Оганесович Назарбекян (Фома Иванович Назарбеков) (04.04.1855–19.02.1931), генерал-лейтенант Российской Императорской армии (1915 г.). Участник Русско-турецкой (1877–1878 гг.), Русско-японской (1904–1905 гг.) и Первой мировой войн. В 1915 г. командующий русскими войсками во время победоносного Дилманскоого сражения. Службу продолжил в армии Республики Армения, 24 января 1920 г. получил звание генерала от инfanterии. Был председателем Военного совета. В январе 1921 г. большевиками был репрессирован и отправлен в Баку, оттуда в Россию. Последние годы жизни прожил и умер в Тифлисе [Вирабян. А.С., Мирзоян С.С. Офицеры-армяне... С. 858–859].

²⁴ Նազարբեյ Ա. Հայկական գործադիրի կազմավորմբ Կովկասի նախարար (1914–1918 թթ.). Երևան, 1999. էջ 150 [Назарян А. Формирование армянских воинских частей на Кавказском фронте (1914–1918). Ереван, 1999, С. 150].

²⁵ Генерал-майор Е.Е. Вышинский умер 30 сентября 1918 года от болезни (НАА. Ф. 204. Оп. 1. Д. 42. Л. 118).

²⁶ Վիրաբյան Ա.Ս., Միրզոյան Ս.Ս. Օֆիցերներ-արմենացներ... С. 8.

²⁷ Там же. С. 16.

²⁸ Там же. С. 19.

²⁹ НАА. Ф. 204. Оп. 1. Д. 47. Л. 2.

из них соответственно 16, 73 и 50 – представители другой национальности. В вооруженных силах Первой Республики Армения в разный период служили более чем 3,4 тыс. офицеров – участников Первой мировой войны, в числе которых 2785 офицеров армян и 615 офицеров другой национальности, в основном русские³⁰. Согласно докладу, подготовленному Генеральным штабом Армянской армии на 16 января 1919 г., во всех армейских учреждениях и войсках проходили службу 295 старших и 1168 младших унтер-офицеров³¹.

Вопрос о дальнейшей службе русских офицеров в контексте процесса арменизации Армянской армии

1918 год стал поворотным моментом в политической истории Закавказья, и «идеи автономности» в составе России эволюционировали до идеи создания «независимых республик»³². Однако армия новосозданной Первой Республики Армения действовала по традициям Русской императорской армии, в частности, от нее унаследовала свою структуру (Генеральный штаб, управление), воинские звания, воинский устав.

Кадровый состав мало знал армянский язык, использовал в основном русский, как в административной работе, так и в учебном процессе³³. Подавляющее большинство офицеров Армянской армии окончили военные училища и академии в царской России. Небольшое число из них участвовало в Русско-турецкой (1877–1878 гг.), Русско-японской (1904–1905 гг.), в Первой и во Второй Балканских войнах (1912–1913 гг.). Большинство же армянского офицерства приобрело боевой опыт в годы Первой мировой войны в составе Русской императорской армии на Восточно-европейском и Кавказском фронтах.

Так, Рубен Тер-Минасян, военный министр Первой Республики Армения, писал в своих мемуарах:

Военное министерство было просто русским военным министерством в миниатюре, а армия по своему духу, своей выучке и образу действий была такой же, как любое русское войско. Не зря армянскую армию считали частью армии А. Деникина³⁴.

По словам Рубена Тер-Минасяна, только в армянской армии численность высокопоставленных военнослужащих русской национальности достигала 400 чел., не считая занимавших низшие должности³⁵.

В рамках начавшегося процесса арменизации армии, по приказу № 137 Военного министра Республики Армения от 11 ноября 1918 г., была создана комиссия по переводу уставов Армянской армии на армянский язык³⁶.

4 июня 1919 г. на заседании парламента Армении премьер-министр Республики Армения Александр Хатисян заявил, что, по решению правительства, связан-

³⁰ Вирабян А.С., Мирзоян С.С. Офицеры-армяне... С. 31.

³¹ НАА. Ф. 200. Оп. 1. Д. 35. Л. 17.

³² Амбарцумян К.Р. Участие России и Турции в политических процессах южного Кавказа в 1918 году // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 2. С. 168. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.2.14> EDN: XMJTDN

³³ Hovhannisian R. The republic of Armenia. Vol. 1. The First Year 1918–1919. Berkley-Los Angeles-London, 1971. P. 149.

³⁴ Днем основания Добровольческой армии Юга России считается 2 (15) ноября 1917 г. В январе 1919 г. на ее базе были созданы Вооруженные силы Юга России.

³⁵ Петросян Г. Отношения Республики Армения с Россией... С. 95.

³⁶ НАА. Ф. 204. Оп. 1. Д. 41. Л. 88.

ные с Добровольческой армией или несущие ее идеологию русские офицеры, чиновники и солдаты могут отправиться на юг России³⁷.

В то же время в 1918–1919 гг. проводилась работа по набору русских военных, оставшихся в Армении, в Вооруженные силы Юга России³⁸. Одновременно, Особым совещанием при Добровольческой армии Юга России³⁹ были предприняты практические шаги для установления отношений с Республикой Армения. С этой целью в ноябре 1918 г. в Армению прибыл полковник Георгий (Юрий) Дмитриевич Лесли⁴⁰ (известный под псевдонимом граф Юрий Билинбрех) и вручил Министерству иностранных дел Первой Республики Армения свидетельства начальника военно-морского отдела Генерального штаба Добровольческой армии генерал-лейтенанта Василия Вязьмитинова от 6 ноября 1918 г. и председателя Особого совещания при Добровольческой армии Юга России генерала от кавалерии Абрама Драгомирова от 8 ноября 1918 г. о назначении его, Лесли, Военным представителем в Первой Республики Армения со стороны Особого совещания⁴¹. Полковник Лесли получил задание поступить на службу в Генеральный штаб армии Первой Республики Армения и проникнуть в состав секретной русской разведывательной группы, действующей в Республике Армения⁴².

Интересен тот факт, что секретную русскую разведывательную группу в Ереване создал начальник генерального штаба армии Первой Республики Армения полковник Михаил Зинкевич⁴³. Разведывательная группа, которая была связана с Русским национальным советом в Тифлисе и командованием Добровольческой армии, передавала сведения командованию о состоянии армянской армии, внешнем и внутреннем положении Республики Армения⁴⁴.

Полковнику Лесли удается поступить на военную службу в Генеральный штаб армии Республики Армения в качестве офицера особых поручений военного министра. Однако он, в основном, занимался политической агитацией⁴⁵. В итоге постап-

³⁷ Вираբян В.Г., Вираբян Г.В. Падение Первой Республики Армения... С. 212.

³⁸ Примечателен тот факт, что аналогичный процесс происходил также в Грузии и Азербайджане. В частности, к сентябрю 1918 г. в Тифлисе под руководством генерал-лейтенанта В.П. Шатилова действовал вербовочный центр Добровольческой армии. См.: Гагкуев Р.Г. Белое движение на Юге России... С. 160; 9 ноября 1919 г. генерал-лейтенант А.И. Деникин отдал приказ, согласно которому русские офицеры должны были покинуть азербайджанскую армию. См.: Հիրքը Վ. Հայութը և Անդրկովկասում ելլուպտական երկրների ուսումնական ներկայացույրութեանը, 2017–2020 թթ. Երևան, 2024. էջ 99 [Viraþyan B. Armenia и военно-политические представительства европейских стран в Закавказье 1917–1920 гг. Ереван, 2024. С. 99].

³⁹ Особое совещание при Добровольческой армии Юга России было создано в качестве политического органа последней, выполняло функции законодательной и исполнительной власти.

⁴⁰ Георгий (Юрий) Дмитриевич Лесли (01.04.1887 г. – 02.02.1957 г.). Полковник Российской Императорской армии. Служил в Добровольческой армии и в Вооруженных силах Юга России. Умер в эмиграции.

⁴¹ НАА. Ф. 200. Оп. 1. Д. 164. Л. 6–7.

⁴² Петросян Г. Отношения Республики Армения с Россией... С. 102.

⁴³ Михаил Михайлович Зинкевич (03.01.1883–23.02.1945). Полковник Российской Императорской армии. Окончил Санкт-Петербургское Константиновское артиллерийское училище, затем Николаевскую военную академию Генерального штаба. Участник Первой мировой войны. 16 января 1918 г. был назначен начальником Штаба Сводного Армянского особого отряда (НАА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 41. Л. 169–169 об). Приказом от 8 июля 1918 г. – начальником Штаба Эриванского отряда (НАА. Ф. 204. Оп. 1. Д. 43. Л. 18). Приказом от 11 октября 1918 г. – начальником штаба Армянской отдельной дивизии (НАА. Ф. 204. Оп. 1. Д. 40. Л. 55). Приказом военного министра РА от 28 апреля 1919 г. был назначен начальником генерального штаба Армянской армии (НАА. Ф. 204. Оп. 1. Д. 131. Л. 24). Занимал эту должность до 2 сентября 1919 г. (Viraþyan A.C., Mirkzoyan C.S. Офицеры-армяне... С. 19).

⁴⁴ Петросян Г. Отношения Республики Армения с Россией... С. 96–97.

⁴⁵ НАА. Ф. 200. Оп. 1. Д. 164. Л. 14; Там же. Ф. 198. Оп. 1. Д. 15. Л. 131–134.

новлением правительства в январе 1919 г. генерал Лесли был уволен из Военного министерства⁴⁶.

С лета 1919 г. начался новый этап сотрудничества Вооруженных сил Юга России и Армении. В июле генерал от кавалерии Н.Н. Баратов был назначен главным представителем Вооруженных сил Юга России в Закавказье. В инструкции от 2 июля 1919 г., данной ему при назначении, относительно Армении говорилось:

Вполне сочувствуя стремлениям Армянской народности к ее объединению в этнографических границах и считая армян тесно связанными в их исторических и экономических интересах с Едиюю, Неделимую Россией, в пределы которой входит наиболее цветущая часть Армении, главное командование Вооруженных сил Юга России так же, как и в отношении Грузии и Азербайджана, допускает временное самостоятельное управление Армянских областей, впредь до окончательного установления общероссийской государственной власти, не имея никаких агрессивных в отношении Армении намерений⁴⁷.

28 августа 1919 г. Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России генерал-лейтенант А.И. Деникин своим военным представителем Главнокомандующим Вооруженными силами Юга России при правительстве Республики Армения назначил полковника М.М. Зинкевича. Это назначение было утверждено посредством представления в Министерство иностранных дел Республики Армения свидетельства, подписанного председателем Особого совещания при Добровольческой армии генерал-лейтенантом А.С. Лукомским и начальником военно-морского отдела Генерального штаба Добровольческой армии генерал-лейтенантом В.Е. Вязмитиновым⁴⁸. В июне 1920 г. новоназначенный Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России генерал-лейтенант П.Н. Врангель обратился в правительство Республики Армения об утверждении полковника М.М. Зинкевича своим военным представителем при правительстве Республики Армения, а 25 июня 1920 г. на заседании правительства вопрос получил положительное решение⁴⁹.

Следует отметить, что процесс расширения военно-политических связей между Республикой Армения и Вооруженными силами Юга России находился в центре внимания большевиков. Исходя из этого главной задачей советского военного представителя РСФСР в Грузинской демократической республике генерал-майора П.П. Сытина была разведка и сбор сведений о военном состоянии республики и ее соседей, в том числе Армении⁵⁰. И это было совсем не случайно, поскольку три закавказские республики, включая Республику Армения, а также Вооруженные силы Юга России поддерживались со стороны Великобритании⁵¹. В то же время Вооруженные силы Юга России были восприняты Великобританией как геополитический соперник в Закавказье. Поэтому при определении линии разграничения на севере британское командование исходило из необходимости определения границ своего

⁴⁶ Назарян А. Военно-политические отношения Республики Армения... С. 105.

⁴⁷ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Вооруженные силы Юга России. Берлин, 1925. Т. 4. С. 137–138.

⁴⁸ НАА. Ф. 200. Оп. 1. Д. 164. Л. 59.

⁴⁹ НАА. Ф. 199. Оп. 1. Д. 198. Ч. 1. Л. 135–136.

⁵⁰ Амбарцумян К.Р. Политика отложенной советизации: РСФСР и Грузия в 1920–1921 годах // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 2. С. 122. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.9> EDN: VACIYV

⁵¹ Миронюк С.А. Британская политика интервенции в России (ноябрь 1917 г. – декабрь 1919 г.) как фактор Гражданской войны: этапы и особенности // Исторический вестник. Гражданская война в России. М., 2024. Т. 47. С. 329. <https://doi.org/10.35549/HR.2024.47.010> EDN: BAZBQY

влияния в Закавказье прежде всего для того, чтобы избежать прямого столкновения с Добровольческой армией и иметь бесконтрольный доступ к природным ресурсам края⁵².

Военный представитель Вооруженных сил Юга России при правительстве Республики Армения полковник М.М. Зинкевич вел активную деятельность в деле вербовки русских солдат и офицеров, находившихся на территории Армении и не служивших в Армянской армии, на юг России, пополняя ими ряды ВСЮР. С этой целью 5 и 18 октября 1919 г. им было послано особое отношение премьер-министру Республики Армения Ал. Хатисяну⁵³. В результате был получен положительный ответ, однако с оговоркой, что возвратиться в Россию могут лишь те военные, которые не находятся на активной службе в Армянской армии⁵⁴.

6 мая 1920 г. правительству Республики Армения был направлен доклад № 7166–1439 военного министра Р. Тер-Минасяна, в котором ставилась задача повсеместной арменизации армии⁵⁵.

В циркулярном приказе № 1073 от 26 июня 1920 г., подписанным военным министром Республики Армения Р. Тер-Минасяном, было сказано:

Не позднее 1 августа вся административная и канцелярская работа во всех штабах, воинских учреждениях и воинских частях должна вестись на армянском языке, за исключением экономической отчетности <...>. До 1 июня [1920] в армянской армии числилось 256 иностранных офицеров и унтер-офицеров. С 1 июня, на основании циркулярного приказа № 1073, изданного в связи с арменизацией, были уволены 81 человек⁵⁶.

Этот циркуляр исходил из закона «О государственном языке», принятого Парламентом Республики 26 декабря 1919 г.⁵⁷, и закона «О ликвидации должностных лиц, не владеющих государственным языком», принятого Парламентом Республики 30 мая 1920 г.⁵⁸ Однако спустя месяц 24 июля 1920 г. был распространен секретный циркуляр «О дополнениях и изменениях в циркулярном приказе № 1073 от 26 июня 1920 г.», в котором говорилось, что необходимые специалисты, не владевшие государственным языком, будут оставлены на службе и смогут быть уволены со службы по собственному желанию не ранее 1 мая 1921 г.⁵⁹

Было также небольшое число русских офицеров, не желавших находится под началом А.И. Деникина, но в целях получения работы готовых служить Армянской Республике⁶⁰.

Таким образом, в результате политики арменизации часть русских офицеров покинула Армению и продолжила службу в рядах Вооруженных сил Юга России, однако многие инородные офицеры, в том числе и русские, остались в рядах армянской армии.

⁵² Архипова Е.В. Британский след на южном Кавказе (1918–1919 годы) // Новая и новейшая история. 2016. № 3. С. 218–219. EDN: WDFXXX

⁵³ НАА. Ф. 200. Оп. 1. Д. 164. Л. 61 об.

⁵⁴ Михайлов В.В. Отношения Республики Армении и руководства Вооруженных сил Юга России в 1918 – начале 1919 года... С. 31.

⁵⁵ НАА. Ф. 199. Оп. 1. Д. 118. Ч. III. Л. 205.

⁵⁶ Там же. Д. 142. Л. 189–190.

⁵⁷ Հայաստանի Հանրապետուրյան պալատմենտի օրենքները (1918–1920 թթ.). Կազմողներ՝ Ա. Միքոյան, Ա. Ավետիսյան, Զ. Հովհաննիսյան, Ա. Գլինիարյան. Պատ. Խմբագիրներ՝ Ա. Միքոյան, Ֆ. Մամիկոնյան. Երևան, 1998. Էջ 209 [Законы Парламента Республики Армения (1918–1920 гг.). Ереван, 1998. С. 209].

⁵⁸ Հայաստանի Հանրապետուրյան պալատմենտի օրենքները (1918–1920 թթ.)... Էջ 318 [Законы Парламента Республики Армения... С. 318].

⁵⁹ НАА. Ф. 280. Оп. 2. Д. 9. Л. 35.

⁶⁰ Bechhofer C.E. In Denikin's Russia and the Caucasus. 1919–1920. Being the record of a journey to South Russia, the Crimea, Armenia, Georgia and Baku in 1919 and 1920. London, 1921.

Вопрос о возвращении на родину армянских офицеров, служивших в рядах Вооруженных сил Юга России

Одновременно правительством Республики Армения были приняты меры для возвращения на родину армянских офицеров и солдат, находившихся в рядах Вооруженных сил Юга России, для продолжения их службы в армии Республики Армения. Примечателен тот факт, что около 720 офицеров-армян служили в рядах Вооруженных сил Юга России⁶¹.

В результате переговоров генерал-лейтенантом А.И. Деникиным было разрешено возвращение нескольких тысяч армянских военнослужащих на родину⁶², о чем в ноябре 1919 г. политическим представителем Республики Армения при Кубанском правительстве Ованесом Сагателяном через дипломатического представителя Республики в Грузии Леона Евангулова было сообщено армянскому правительству⁶³. В связи с этим в Кубанском правительстве с участием представителя Республики Армения О. Сагателяна были составлены план перевозки армян-военнослужащих из Добровольческой армии в Армению и инструкция, где подробно были представлены пункты перемещения военнослужащих⁶⁴. По плану возвращение должно было осуществляться пароходами из Новороссийска в Поти, а затем по железной дороге по маршруту Поти – Тифлис – Эривань.

Офицером Генерального штаба Военного министерства Республики Армения подполковником С.М. Власьевым⁶⁵, которого в октябре 1918 г. армянское правительство командировало в Екатеринодар для установления военно-политических отношений между Республикой Армения и «Особым совещанием» при Добровольческой армии Юга России, также была проделана большая работа по возвращению на родину из Германии и Австрии военнопленных армян, служивших в Российской императорской армии⁶⁶. В результате в Армению были отправлены освобожденные из германского и австрийского плена армянские солдаты и офицеры⁶⁷.

Однако в конце 1920 г. развивавшиеся военно-политические отношения между Республикой Армения и Вооруженными силами Юга России были прерваны. Это было обусловлено поражением Вооруженных сил Юга России в Гражданской войне

⁶¹ Вирабян А.С., Мирзоян С.С. Офицеры-армяне... С. 31.

⁶² Тот же процесс определенным образом повторился в начале 1990-х гг. В частности, около 4 тыс. армянских военнослужащих бывшей Советской армии, в основном офицеры, также вернулись на родину, чтобы продолжить военную службу в вооруженных силах Третьей Республики Армения ([Հովհաննիսյան Ա. (2015) Բանակախմբութիւն Հայաստանի Երրորդ Հանրապետությունը. Երևան, 2015. Էջ 205] [Ованисян А. Военное строительство в Третьей Республике Армения. Ереван, 2015. С. 205]).

⁶³ НАА. Ф. 199. Оп. 1. Д. 110. Л. 4.

⁶⁴ Там же. Л. 6–7 об.

⁶⁵ Сергей Михайлович Власьев (2.09.1871–?). Приказом Военного министра Республики Армения от 12 июля 1918 г. ротмистр С.М. Власьев был назначен заместителем начальника строевого и мобилизационного отдела Генерального штаба армии РА (НАА. Ф. 204. Оп. 1. Д. 40. Л. 30 об.). Приказом Военного министра Республики Армения от 1 октября 1918 г. заместитель начальника строевого и мобилизационного отдела Генерального штаба армии РА подполковник С.М. Власьев был освобожден от занимаемой должности, согласно личному заявлению (НАА. Ф. 204. Оп. 1. Д. 41. Л. 23). В отношении министра иностранных дел РА от 20 марта 1919 г. Армянской дипломатической миссии в Тифлисе было указано, что миссии отправляется копия письма Военного министра Армении от 19 февраля 1919 г., в коей сообщалось, к сведению, о назначении полковника С.М. Власьева Военным представителем Республики Армения в Терской области (НАА. Ф. 275. Оп. 5. Д. 6. Л. 57).

⁶⁶ Hovhannisian R. The republic of Armenia... Vol. 1. P. 361.

⁶⁷ Михайлов В.В. Отношения Республики Армении... С. 31.

и советизацией Армении⁶⁸. 2 декабря 1920 г. с установлением советской власти в Армении Армия Республики Армения была переформирована в Красную Армию ССР Армении⁶⁹.

Таким образом, был завершен непродолжительный, но одновременно и очень интересный военно-политический период отношений между руководством Вооруженных сил Юга России и Первой Республики Армения.

Заключение

Как удалось установить, в 1918–1920 гг. между Первой Республикой Армения и Вооруженными силами Юга России существовали тесные военно-политические связи. И, несмотря на то обстоятельство, что Республика Армения не была признана юридически, обе стороны назначили своих военных представителей, что способствовало укреплению их взаимосвязей.

В рамках рассматриваемого периода проводилась работа по набору в Вооруженные силы Юга России оставшихся в Армении русских военных. В результате политики арменизации вооруженных сил Первой Республики Армения сотни этнических русских офицеров покинули Армению и присоединились к Вооруженным силам Юга России.

Одновременно и правительством Республики Армения были принятые меры для возвращения на родину армянских офицеров и солдат из состава Вооруженных сил Юга России с целью продолжения их службы в армии Республики Армения. В результате переговоров было разрешено возвращение нескольких тысяч армянских военнослужащих на родину. Также была проделана большая работа по возвращению на родину из Германии и Австрии военнопленных армян, служивших в Российской императорской армии в годы Первой мировой войны.

Поступила в редакцию / Submitted: 21.03.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 9.06.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 20.08.2025

References

- Ambartsumyan, K.R. “Participation of Russia and Turkey in the political processes of the south Caucasus (1918).” *Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations* 23, no. 2 (2018): 166–176 (in Russian), <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.2.14>
- Ambartsumyan, K.R. “Policy of postponed Sovietization: Russian Soviet Federative Socialist Republic and Georgia in 1920–1921.” *Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations* 26, no. 2 (2021): 119–132 (in Russian), <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.9>
- Arkhipova, E.V. “British footprint in the South Caucasus (1918–1919).” *Modern and Contemporary History*, no. 3 (2016): 216–223 (in Russian).
- Asadov, Y.A. *Armianskie ofitsery na tsarskoi sluzhbe* [Armenian officers in the service of the Tsar]. Moscow: Inter-Vesi Publ., 1999 (in Russian).
- Asadov, Y.A. *Armianskii general'skii korpus tsarskoi Rossii. Istoriko-biograficheskie ocherki (1724–1921)* [Armenian General Corps of Tsarist Russia. Historical and Biographical Essays (1724–1921)]. Moscow: Pero Publ., 2016 (in Russian).

⁶⁸ 2 декабря 1920 г. в Армении была установлена советская власть, согласно соглашению между Республикой Армения и РСФСР, подписанному в Ереване. Текст соглашения см.: Республика Армения в 1918–1920 гг. (Политическая История) : сб. документов и материалов. Ереван, 2000. С. 383–384.

⁶⁹ НАА. Ф. 121. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

- Asadov, Y.A. *3000 armianskikh ofitserov tsarskoi Rossii. Istoriko-biograficheskai kniga pamiati (1701–1921)* [3000 Armenian officers of Tsarist Russia. Historical and biographical book of memory (1701–1921)]. Moscow: Pero Publ., 2018 (in Russian).
- Avetisyan, G. *Generaly-armiane v Rossiiskoi imperii* [Armenian Generals in the Russian Empire]. Yerevan: HH GAA Patmutyany Institut Publ., 2007 (in Russian).
- Bechhofer, C.E. *In Denikin 's Russia and the Caucasus. 1919–1920. Being the record of a journey to South Russia, the Crimea, Armenia, Georgia and Baku in 1919 and 1920.* London: W. Collins Sons & Co. LTD, 1921.
- Denikin, A.I. *Ocherki russkoi smuty. Vooruzhennye sily Iuga Rossii* [Essays on the Russian Time of Troubles. Armed Forces of the South of Russia]. Berlin: Slovo Publ., 1925 (in Russian).
- Gagkuev, R.G. *Belo dvizhenie na Iuge Rossii. Voennoe stroitel'stvo, istochniki komplektovaniia, sotsial'nyi sostav. 1917–1920 gg.* [White movement in the South of Russia. Military development, sources of recruitment, social composition. 1917–1920]. Moscow: Posev Publ., 2012 (in Russian).
- Ganin, A.V. *Korpus ofitserov General'nogo shtaba v gody Grazhdanskoi voiny. 1917–1922 gg. Spravochnye materialy* [The General Staff Officers' Corps during the Civil War. 1917–1922. Reference materials]. Moscow: Russkii put Publ., 2009 (in Russian).
- Ganin, A.V. *Oftiterskii korpus v gody Grazhdanskoi voiny v Rossii 1917–1922 gg.* [The officer corps during the Russian Civil War 1917–1922]. Moscow: Staraia Basmannaia Publ., 2018 (in Russian).
- Grigoryan, Z. *Rus ev hay joxovurdneri razmakan hamagorcakcuyuny 19-nd dari skzbin* [Military cooperation between the Russian and Armenian peoples at the beginning of the 19th century], Yerevan: Haypethrat Publ., 1957 (in Armenian).
- Hovhannesian, R. *The republic of Armenia. The First Year 1918–1919.* Berkley-Los Angeles-London: University of California Press, 1971.
- Hovhannisan, A. *Banakashinutyun Hayastani Errord Hanrapetutyunum* [Military Construction in the Third Republic of Armenia]. Yerevan: HH GAA patmutyany institut Publ., 2015 (in Armenian).
- Lobanov, V.B., and Alizade, D.I. “World War I in Transcaucasia and the foreign policy factor of the creation of the ZDFR.” *Russian Colonial Studies*, no. 2 (2020): 65–81 (in Russian), <https://doi.org/10.24412/2686-9217-2020-2-65-81>
- Mironyuk, S.A. “Britanskaia politika interventsii v Rossii (noiabr' 1917 g. – dekabr' 1919 g.) kak faktor Grazhdanskoi voiny: etapy i osobennosti [British policy of intervention in Russia (November 1917 – December 1919) as a factor in the Civil War: stages and features].” In *Istoricheskii vestnik. Tom sorok sed'moi. Grazhdanskaia voina v Rossii*, 318–381. Moscow: Runives Publ., 2024 (in Russian), <https://doi.org/10.35549/HR.2024.2024.47.010>
- Mikhailov, V.V. “Relations between the Republic of Armenia and the armed forces of south Russia in 1918 and beginning of 1919.” *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University*, no. 4 (2015): 27–34 (in Russian).
- Nazaryan, A. *Haykakan azgayin zoramaseri kazmavorumy Kovkasyan thcakatum (1914–1918)* [Formation of Armenian military units on the Caucasian Front (1914–1918)]. Yerevan: Zangak-97 Publ., 1999 (in Armenian).
- Nazaryan, H. “Voenno-politicheskie otnosheniia Respubliki Armenii s Dobrovol'cheskoi armiei Iuga Rossii (1918–1920gg.) [Military-political relations of the Republic of Armenia with the Volunteer Army of the South of Russia (1918–1920)].” In *Grazhdanskaia voina v Rossii. Istoriiia voiny i istoriiia obedineniya: vzglyad cherez 100 let. Sbornik materialov nauchno-ekspertnykh sessii i mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, Moskva, Pushkino, 2018., 103–108. Tver: Talan grupp Publ., 2021 (in Russian).
- Nazaryan, H. “1826–1828 tt. Rus-parskakan paterazmin masnakcac haykakakan ashxarhazorayin drujinaneri hastiqakazmy, tvakazmy, hamazgesty, sparazinutyuny ev martakan droshnery [1826 – 1828. The composition, number, uniforms, weapons and battle flags of the Armenian militia units that participated in the Russo-Persian War].” *Ashxatutunner Hayastani patmutyany tangarani*, no. 1 (2022): 114–123 (in Armenian).
- Petrosyan, G. *Otnosheniia Respubliki Armenii s Rossiei (1918–1920 gg.)* [Relations of the Republic of Armenia with Russia (1918–1920)]. Yerevan: Izdatelstvo EGU Publ., 2012 (in Russian).
- Tsvetkov, V.Z. “Projects of the South of Russia's Government on the development of urban self-government in the White Crimea, October – November 1920.” *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 4 (2021): 517–530 (in Russian), <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-4-517-530>

- Virabyan, A., and Mirzoyan, S. *Ofitsery-armiani Pervoi mirovoi voiny, Ofitsery armii Respublikи Armeniia. 1914–1920gg.: Istoriko-biograficheskii slovar'* [Officers-Armenians of the First World War, Officers of the Army of the Republic of Armenia. 1914–1920: Historical and Biographical Dictionary]. Yerevan: Natsional'nyi arkhiv Armenii Publ., 2022 (in Russian).
- Virabyan, V.G., and Virabyan, G.V. "The Fall of the First Republic of Armenia in the Context of Relations with the Entente Countries, USA and Russia." *Contemporary Europe*, no. 4 (2024): 209–219 (in Russian), <https://doi.org/10.31857/S0201708324040168>
- Virabyan, V. *Hayastany ev Andrkovkasum europakan erkrneri razmaqaxaqakan nerkayacucchutynnery 1917–1920 tt.* [Armenia and the military-political representations of European countries in Transcaucasia, 1917–1920]. Yerevan: Real Print Publ., 2024 (in Armenian).
- Volkov, S.V. *Russkii ofitserskii korpus* [Russian officer corps]. Moscow: Voenizdat Publ., 1993 (in Russian).
- Zinkevich, M.M. *Osnovanie i put' Dobrovolskoi armii (1917–1930)* [The foundation and path of the Volunteer Army (1917–1930)]. Sofia: Drevnaia Bolgariia Publ., 1930 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Айк Володяевич Назарян, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела политических исследований Института философии, социологии и права, Национальная академия наук Республики Армения; Армения, 0019, Ереван, проспект Маршала Баграмяна, 24/6; nazaryanhayk8@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-2540-6424>

Ваник Грантович Виралян, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Армении факультета истории и обществоведения, Армянский государственный педагогический университет имени Х. Абовяна; Армения, 0013, Ереван, проспект Тиграна Меса, 17-4; vanik.virabyan@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8874-1780>

Hayk Volodyaevich Nazaryan, PhD in History, Senior Researcher of Department of Political Research of the Institute of Philosophy, Sociology and Law; Academy of Sciences of the Republic of Armenia; 24/6, Marshal Baghramyan Av., Yerevan, 0019, Armenia; nazaryanhayk8@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-2540-6424>

Vanik Grantovich Virabyan, Dr. Habil. Hist., Professor, Professor of the Department of History of Armenia of the Faculty of History and Social Science, Armenian state pedagogical university after Kh. Abovyan; 17-4, Av. Tigrana Meca, Yerevan, 0013, Armenia; vanik.virabyan@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8874-1780>